

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В ПАРИЖЕ

*Граф Изгнатьев против немецкой разведки
в 1915–1917 гг.*

XX военные
тайны
века

В.А. АВДЕЕВ, В.Н. КАРПОВ

XX *военные
тайны
века*

Валерий Авдеев
Владимир Карпов

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В ПАРИЖЕ

Граф Игнатъев против
немецкой разведки в 1915–1917 гг.

Москва
«Вече»
2009

Авдеев В.А., Карпов В.Н.

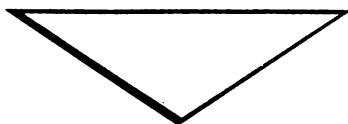
А18 Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915—1917 гг. / Валерий Авдеев, Владимир Карпов. — М. : Вече, 2009. — 400 с. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-3567-6

Основанная на многочисленных архивных материалах, книга рассказывает о необыкновенной судьбе выдающегося русского разведчика — полковника Генерального штаба графа Павла Алексеевича Игнатъева. В конце 1915 года он был направлен лично императором Николаем II в Париж на помощь к брату, российскому военному атташе, тогда полковнику, а затем генерал-майору Алексею Алексеевичу Игнатъеву. Перед ним стояла задача наладить обмен информацией с разведывательными службами других стран Антанты и создать агентурную сеть русской военной разведки в Германии и Австро-Венгрии. Павел Игнатъев блестяще справился с поставленной задачей — разведывательная сеть была создана, собрано много важной секретной информации, и главное, русская военная разведка выстояла в тяжелой борьбе с немецким и австрийским асами шпионажа Вальтером Николаи и Максимилианом Ронге.

ББК 67.401.212

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Это книга о разведке и разведчиках начала XX века, о тайной борьбе спецслужб ведущих мировых держав в годы Первой мировой войны, основательно подзабытой в нашем обществе. Поэтому прежде чем пуститься в повествование о хитросплетениях тайных схваток разведчиков и контрразведчиков двух противоборствовавших военно-политических группировок Европы, мы хотели бы напомнить читателю о происхождении этой первой, но, как потом оказалось, не последней мировой катастрофы.

Начало XX века характеризовалось резким обострением противоречий среди великих держав того времени. Не прекращавшиеся международные конфликты, гонка вооружений, сопровождавшиеся ростом шовинизма и милитаризма, следующие одна за другой локальные войны — все предвещало приближение большой европейской войны. И в августе 1914 года эта война началась. По своему размаху и масштабам она не шла ни в какое сравнение с предшествовавшими войнами, которые вело человечество. В развернувшейся военной схватке приняли участие многомиллионные армии Старого и Нового Света, оснащенные по последнему слову тогдашней военной техники. Начавшаяся как война европейская, она очень скоро превратилась в войну мировую, втянув в свою орбиту десятки государств земного шара. Первая мировая война стала одной из наиболее кровопролитных войн в истории человечества. Она унесла около 10 миллионов человеческих жизней и причинила неисчислимые бедствия народным массам.

Каковы же причины этого безумия?

Наступившее XX столетие характеризовалось крайне неравномерным развитием стран. Государства, позже других вступившие на путь капиталистического развития (США, Германия и Япония), быстро выдвигались вперед и теснили с мировых рынков старые страны классического капитализма — Великобританию и

Францию, построивших свое благополучие на интенсивной эксплуатации колоний. Они настойчиво стремились к переделу уже поделенного мира, к овладению новыми рынками сбыта и сферами влияния. Это порождало напряженность в международных отношениях.

Уже конец XIX — начало XX века ознаменовались первыми войнами за передел мира. Инициаторами выступили США. В результате Испано-американской войны 1899 года они отняли у Испании ее колонии — Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины. За Испано-американской войной последовали Англо-бурская война 1899—1902 годов и Русско-японская война 1904—1905 годов.

В начале XX века из сложного комплекса международных противоречий на первое место выдвинулись и приняли наиболее непримиримый характер противоречия между Англией и Германией. Германские товары все настойчивей проникали на европейский и мировой рынки, вытесняя оттуда предметы английского производства. К этому добавлялось соперничество в области колониальных захватов. Особую остроту англо-германские противоречия приобретали в Африке, Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Это были главные направления военной экспансии Германии.

На рубеже XX века немцы уже не могли удовлетвориться скромными размерами своей колониальной империи. Расширить ее Германия могла лишь за счет «старых» колониальных держав, и в первую очередь за счет Британской империи. Поэтому основой внешней политики германских правящих кругов все отчетливее становилось стремление к насильственному переделу мира. Разумеется, ни Англия, ни другие колониальные державы не думали отказываться от своих колоний.

Важную роль в подготовке и развязывании войны сыграли франко-германские противоречия. Их источником являлось стремление германских капиталистов навечно закрепить за собой богатые углем и железной рудой Эльзас и Лотарингию, отнятые силой у Франции в результате Франко-прусской войны 1870 года, и решимость французов вернуть эти земли. Интересы Франции и Германии сталкивались и в колониальном вопросе. Попытки французских империалистов захватить Марокко в 1905 году встретили решительное противодействие со стороны германских правящих кругов («прыжок «Пантеры» в Агадир). В результате франко-германские противоречия еще более усилились.

Что же касается России, то германские предприниматели и помещики-юнкера рассматривали нашу страну прежде всего в качестве поставщика дешевого сырья и рынка сбыта изделий своей промышленности. В то же время Германия всеми мерами ограничивала ввоз русской сельскохозяйственной продукции в страну, навязав России в 1906 году невыгодное для нее торговое соглашение.

Большую опасность для России представляла также экспансия германского империализма на Ближнем Востоке. Его попытки установить контроль над Турцией затрагивали экономические, политические и военно-стратегические интересы России. Большое значение придавалось в Германии строительству Багдадской железной дороги, которая открывала ей прямой путь через Балканский полуостров и Малую Азию к Персидскому заливу, обеспечивая Берлину важные позиции на Ближнем Востоке. Железная дорога Берлин — Багдад — Басра вовлекала Турцию в орбиту мирового хозяйства с подчинением ее в политическом и экономическом отношениях германским монополиям.

Россия, естественно, не хотела допустить создания железно-дорожной магистрали вблизи своей кавказской границы. Строительство Багдадской железной дороги встретило также решительное противодействие со стороны Великобритании, ибо это напрямую угрожало коммуникациям, соединявшим метрополию с «жемчужиной Британской империи» — Индией.

Глубокие противоречия возникли между Россией и Австро-Венгрией на Балканах. Основной их причиной явилась экспансия Габсбургской монархии, поощряемой Германией, на соседние югославянские земли — Боснию, Герцеговину и Сербию — с целью утвердить свое господство на Балканах. Петербург же поддерживал борьбу народов балканских стран за свободу и национальную независимость.

На рубеже XIX и XX веков в борьбе за мировое господство все чаще сталкивались между собой Германия и США. Интересы Вашингтона и Берлина вступали прежде всего в противоречия в Латинской Америке. Ареной острого противоборства между ними были территории и в других частях света. В 1898 году борьба из-за Филиппин между Германией и США едва не привела к военному столкновению между ними.

Немало спорных вопросов имелось также между Англией и Францией, Англией и Россией, Турцией и Россией, Турцией и

Италией. Но все это отступило на второй план перед главными противоречиями того времени — между Германией и ее союзниками, с одной стороны и Англией, Францией и Россией — с другой. На основе борьбы великих держав за передел мира уже с конца 70-х годов XIX столетия стали складываться военно-политические союзы.

В октябре 1879 года Германия и Австро-Венгрия подписали договор, обязывающий оба государства оказывать помощь друг другу в случае войны с Россией. В 1882 году к ним присоединилась Италия, искавшая поддержки в борьбе с Францией за обладание Тунисом. Возникший военно-политический блок получил название Тройственного, или союза Центральных держав, своим острием направленный против России и Франции, а позднее и Англии. В противовес ему стала складываться другая коалиция европейских держав. В 1891—1893 годах образовался франко-русский союз, предусматривавший совместные действия этих стран в случае агрессии со стороны Германии или агрессии Италии и Австро-Венгрии, поддержанных Германией. Рост экспансионистских устремлений Берлина заставил туманный Альбион отказаться от политики «блестящей изоляции» и искать сближения с Францией и Россией.

Англо-французскими соглашениями 1904 года были урегулированы споры между Лондоном и Парижем по колониальным вопросам. Англо-русское соглашение 1907 года закрепило договоренность обеих держав относительно их политики в Тибете, Афганистане и Иране. Этими документами было оформлено создание Тройственного согласия, или Антанты (по-французски — «Антант кордьяль» — «сердечное согласие»), — военно-политического блока Англии, Франции и России, противостоявшего Тройственному союзу. Рано или поздно соперники должны были скрестить шпаги, но когда и как это произойдет — заранее сказать никто не мог.. А пока раскручивалась гонка вооружений, разведки стран-антагонистов усиленно работали, что называется, не покладая рук, над выведыванием секретов друг друга. Всесторонне изучался военный и экономический потенциалы предполагаемых противников. Выяснялось количество и качество вооруженных сил, состояние военной промышленности, транспорта, средств связи. Погоня за новыми образцами вооружений, выяснение мобилизационных планов, проникновение в замыслы военного руковод-

ства вероятного противника, насаждение агентуры для сбора этих сведений — все это и многое другое было предметом неустанных усилий разведок стран обеих военно-политических группировок.

Тайная война по своей ожесточенности порой не уступала явной. И здесь у противоборствующих сторон были удачи и поражения, свои герои и предатели, свои таланты и посредственности. Сразу же после войны и на протяжении многих лет после нее ряд участников тайных операций опубликовали свои воспоминания, в которых с той или иной степенью достоверности описана их деятельность как накануне, так и в ходе всемирной бойни. Среди них — руководители спецслужб Германии и Австро-Венгрии Вальтер Николаи и Макс Ронге, англичане Э. Вудхол, Р.-В. Роуан, Ч. Россель, Б. Ньюмен, французы Л. Лаказ, Р. Букар и многие другие. Однако о русской военной разведке, за исключением разве что дела русского агента полковника А. Редля, речь о котором пойдет ниже, они практически не упоминали. С русской стороны в 1933 году вышли лишь посмертные воспоминания полковника графа П.А. Игнатьева «Моя миссия в Париже», одного из главных персонажей нашей книги. На родине его мемуары были опубликованы лишь в 1999 году небольшим тиражом.

Мало что почерпнет современный читатель о работе тогдашних русских разведчиков и из разрекламированной в свое время «Всемирной истории разведывательных служб» французских авторов журналистов Роже Фалиго и Реми Коффера. В их «мону-ментальном» труде, по выражению полковника Поля Пайоля, разведке великой державы посвящено всего лишь четыре страницы. И лишь в упомянутых мемуарах П.А. Игнатьева рассказу о работе русских разведчиков уделено достойное место. Сюда же нужно причислить фундаментальную работу М.А. Алексева «Военная разведка России», а также ряд статей А. Здановича и В. Гиленсона о людях русской разведки. А о боевом содружестве русских, французских, итальянских и британских спецслужб в годы Первой мировой войны сказать пока ничего нельзя.

Вернемся, однако, к развитию мировой обстановки перед Великой войной.

...Летом 1914 года в России, казалось, ничто не предвещало грозы. Петербург и Москва жили своей обычной жизнью. За границей на заработках, а также на отдыхе находилось немало русских подданных. Среди них, например, был командир при-

граничного корпуса генерал А.А. Брусилов, будущий герой войны. На прозвучавшие 15/28 июня в Сараево выстрелы сербского студента Гавро (Гаврилы) Принципа, который сразил яркого ненавистника славян, наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда и его жену, мало кто из обывателей обратил внимание. Кого только не убивали в то время на Балканах, по праву считавшихся «пороховой бочкой Европы», да и в самой матушке-России! Одни эсеры чего только стоили. Привычное дело! Не вызвало это убийство особого беспокойства и в русском Генеральном штабе. Например, его обер-квартирмейстер генерал Ю.Н. Данилов по прозвищу Черный буквально накануне войны, в середине июля, был командирован на Кавказ.

Европейские столицы внешне продолжали жить обычной беззаботной жизнью. Между тем именно к лету 1914 года серьезные экономические и политические противоречия между великими державами обострились до предела. Как было сказано выше, будущие противники уже давно готовились к войне. В безумной гонке вооружений всех опережала Германия, которая лишь ждала предлога для нападения на своих соседей. Поэтому, когда известие о покушении в Сараево достигло Берлина, кайзер Германской империи Вильгельм II, не задумываясь, написал на сообщении германского посла в Вене: «Теперь или никогда!». Спустя всего неделю германское правительство заверило австрийцев, что Германия выполнит союзнический долг, если Россия заступится за Сербию. Ободренные этим подстрекательским заявлением, австрийцы вручили Белграду 10/23 июля ультиматум, унижавший национальное достоинство сербов. В случае отказа принять ее требования Вена угрожала разрывом дипломатических отношений, а это означало войну. Над Балканами, недавно пережившими две войны, вновь сгустились тучи. Начался июльский кризис 1914 года, завершившийся сначала общеевропейским, а затем и мировым военным столкновением.

На сцене этой великой драмы нашему главному герою графу Павлу Алексеевичу Игнатьеву пришлось противостоять руководителям германской разведки полковнику Вальтеру Николаи и его австрийскому коллеге Максу Ронге. Но прежде чем начать повествование о наших героях, мы предлагаем читателю совершить небольшой экскурс в историю русской разведки. Право же, она этого заслуживает.

Секретные лабиринты истории тайной войны

Историю военной разведки России хорошо знают только ученые и военные специалисты. Современные же ее секреты надежно укрыты в стальных сейфах министерств обороны и генеральных штабов, и только по прошествии многих десятилетий отдельные из них станут достоянием общественности, а большинство операций военной разведки поглотит медлительная Лета.

И это правильно: разведка не терпит гласности. Однако военная разведка так же стара, как и сами войны, и уже полководцы древности — Александр Македонский, Юлий Цезарь, Митридат Понтийский и другие — умело пользовались данными, получаемыми разведкой, которую с древнейших времен и до наших дней по праву считают «глазами и ушами армии». Разведка была и остается одним из важнейших видов обеспечения боевых действий армии. Успехи или неудачи той или иной боевой операции во многом зависят от того, насколько эффективно ведется разведка сил противника, его замыслов и намерений. Пренебрежение этими истинами всегда вело к военным поражениям.

Еще во времена Киевской Руси правящие в ней князья вели активную разведку на Востоке, используя для этого торговое «прикрытие». Арабский летописец Х. ибн Хордаба в своей «Книге путей и стран» повествует о том, что в 838 году послы русского «кагана» прибыли в столицу Византии Константинополь, а вскоре соглядатаи киевского князя проникли и в столицу Аббасидского халифата Багдад под видом русских купцов. Они собирали здесь важные сведения о византийско-арабских отношениях, разобраться в которых в Киеве было невозможно без ведения активной разведки.

Примечательно, что русские торговцы выдавали себя за христиан, а может быть, и на самом деле тайно приняли христианство, что было не таким уж редким явлением в языческой Руси. Багдадские власти, давно знакомые с христианством, не чинили препятствий русским купцам, которых рассматривали как людей, «принявших Закон», однако не совсем такой, как закон пророка Мухаммеда. Отношение же мусульманских владык Багдада к язычникам было далеко не столь терпимым.

С принятием христианства Русью религиозная маскировка получила широкое применение в разведывательной деятельно-

сти русских князей, которые активно использовали священников, совершающих паломничество в Иерусалим и Святую землю, для сбора разведывательной информации. В конце XI — начале XII века «люди божьи» занимались сбором разведывательной информации не только на территории Палестины и Сирии, но и нынешнего Ирака, где в те времена все еще оставались очаги христианства. Чернецы шли еще дальше. Так, например, черниговский игумен Даниил сумел даже расположить к себе Иерусалимского короля Балдуина I, который разрешил ему беспрепятственно перемещаться по территории королевства, а затем выдал игумену охранную грамоту для возвращения на родину.

История военной разведки России неотделима от боевых дел ее армии. Для русских княжеств, подвергавшихся давлению хазар, половцев, печенегов, а позднее монголо-татар, она была одним из главных условий национального выживания. Ипатьевская летопись повествует о походе князя Игоря Святославича на половцев. Этому походу предшествуют действия войсковой разведки, так называемых сторожей. «Из Оскола пошли дальше, — свидетельствует летописец, — и тут к ним прибыли сторожи, которых князь послал ловить “языка”, и сказали: “Мы видели, что ратные ратники ездят в чистом поле наготове. Или поезжайте быстро вперед, или возвращайтесь быстро домой, ибо не наше нынче время”».

Уже в то время разведка не ограничивалась простым сбором сведений о противнике. Она активно боролась с его лазутчиками, а также старалась ввести врага в заблуждение. Когда в 1170 году князь Мстислав Изяславич пошел походом на половцев, он позаботился о том, чтобы довести до них преувеличенные сведения о своих силах. «Бысть весть половцам, — сообщает летописец, от пленника, от Гаврилки Иславовича, что идут-де на них русские князья. И побежали половцы, бросив жен своих, и детей, и повозки свои». Так путем дезинформации князь Мстислав Изяславич достиг того, чего мог бы достигнуть только ценой кровавой битвы. Очевидно, успех его был полным, поскольку летописец упоминает имя безвестного Гаврилки, именуя его по отчеству, что было в то время привилегией только знатных и уважаемых людей.

Князья вели не только войсковую, но и стратегическую разведку с использованием, как говорят сегодня, «дипломатического и торгового прикрытия». Послы князей во вражьем стане в те времена повсеместно рассматривались как разведчики и согладатаи.

То же самое относилось и к купцам, торгующим с зарубежными странами.

Предок знаменитого русского поэта и дипломата Ф.И. Тютчева боярин Захария Тютчев был направлен Великим князем Московским Дмитрием Ивановичем в Золотую Орду. Там «через верных людей» прознал он о планах хана пойти походом на Русь, объединившись с войсками литовского князя Ягайлы и рязанского князя Олега. Они намеревались тайно собраться на берегах Оки и оттуда предпринять совместный поход на Москву. Не теряя ни минуты, Захария Тютчев шлет гонца с тревожной вестью Великому князю Московскому. Получив это известие, князь Дмитрий Иванович решает опередить врагов и разбить полчища Мамаю до подхода его союзников, не дав им соединиться. По приказу князя в «поле» высылаются конные дозоры для захвата языков — «крепкие сторожи». Командир одного из них, Родион Ржевский, захвативший языка, вскоре доносит князю, что татары действительно идут на Русь и что их вторжения следует ожидать после сбора урожая.

Когда русское войско двинулось на врага, князь высылает вперед разведывательный отряд из пяти отборных дворян с задачей взять языка из ордынских мурз или князей. Дворяне сумели взять языка из свиты самого Мамаю. Он показал, что хан Золотой Орды стоит с войском за Доном всего в трех переходах от русской рати. Двигаться не спешит, а поджидает подхода дружин Ягайлы и Олега. О том, что Дмитрий выступил ему навстречу, хан не подозревает. Всего же его рать насчитывает 200—300 тысяч копий.

Блестяще осуществленная Дмитрием Донским разведывательная операция во многом предопределила успех Куликовской битвы. Разведка войск противника позволила сорвать планы хана на соединение с Ягайлой и Олегом, выявить реальные силы противника и, с учетом полученных сведений, правильно построить полки на поле Куликовом. В результате Дмитрий Донской нанес сокрушающий удар Золотой Орде.

Русский царь Иван IV, продолжая борьбу с наследниками ордынских ханов, в 1549 году создает Посольский приказ, в функции которого входит ведение политической и военной разведки. После смерти Ивана IV на московский престол сел его сын, «слабый царь» Федор Иоаннович. Однако его первым советником был мудрый боярин Борис Годунов. 4 июля 1591 года он получил известие о том, что крымский хан Гирей, шедший походом

на Литву, внезапно повернул на Москву, которая послала полки Андрея и Григория Волконских против Швеции и Польши. Столица оказалась в смертельной опасности. Москвичи попытались выставить заслон войскам хана на реке Пахре, однако передовые отряды крымчаков сбили его, ранив воеводу и «многих детей боярских побиваху и взяху в полон». Хан расположился лагерем у сельца Коломенского под Москвой. Хитроумный Годунов велел сыскать тогда верного человека из московских дворян и говорил с ним наедине. Ночью в Москве вдруг поднялся шум великий, раздались крики и пальба. Ратные люди били в колотушки, кричали, что есть мочи, палили в воздух из пищалей.

Той же ночью в семейной церкви Годуновых находились только сам Борис и неведомый московский дворянин в «смирной одежде». Он причастился и соборовался как человек, готовящийся к смерти. До села Коломенского, где находилась ставка Гирея, этого дворянина, наряженного в богатые одежды и восседавшего на скакуне в драгоценной сбруе, провожали два человека. Дальше он поехал один. Знатный всадник был схвачен стражей крымчаков и доставлен к хану. Здесь он прикинулся перебежчиком, стал плакаться на «великие обиды и притеснения» от царя и попросился на службу к хану. Хан стал допытываться у перебежчика о причинах ночного шума в Москве. Тот как бы нехотя поведал, что к царю пришла подмога из Новгорода и Польши, всего тысяч до тридцати ратных людей. Перебежчика подвергли страшным пыткам. Но и на дыбе у палача он подтвердил свои показания. Хан повелел снять осаду. Русская конница, бросившаяся за ним в погоню, лишь под Тулой настигла орду. Однако среди крымского войска не было этого безымянного героя, не дожившего до расвета...

В связи с развитием военного искусства значение разведки возрастает. При царе Алексее Михайловиче, отце Петра Великого, в 1654 году создается Приказ тайных дел, к которому от Посольского приказа переходят разведывательные функции. В регулярную практику секретной переписки вводятся шифры, мастером составлять которые был сам царь. В 1716 году в новом воинском уставе Петра I разведывательная работа впервые приобретает правовую основу и поручается генерал-квартирмейстерской службе. Однако одновременно политической разведкой продолжают заниматься и царские дипломаты, среди которых в качестве выда-

ющихся разведчиков прославились послы А. Матвеев, П.А. Толстой, князь А. Хилков и другие.

Петра I весьма интересовало положение дел в соседней Османской империи, которая в любой момент могла пойти походом на Россию. Осенью 1699 года в Стамбул прибыл посланник русского царя Емельян Украинцев. Среди враждебного турецкого окружения он мог опираться на помощь и поддержку только православных христиан. И такую поддержку ему оказал иерусалимский патриарх Досифей, которому подчинялись православные общины всех турецких провинций. Через три года его сменил знаменитый дипломат Петр Андреевич Толстой. Этот посол царя опирался не только на помощь патриарха Досифея, но и вступил в контакт с местной православной армянской общиной. Вскоре его стараниями были созданы, говоря современным языком, агентурные сети не только в Стамбуле, но и во многих областях могучей Османской империи.

Обширная агентурная сеть Петра Андреевича Толстого в Турции позволяла ему добывать важную стратегическую информацию для правительства Петра I. Так, поздней осенью 1710 года, ожидая неминуемого заключения в Семибашенный замок в Стамбуле, куда турки обычно сажали иностранных послов при султанском дворе в знак объявления войны, он ухитрился, обманув бдительность турецких стражников, отправить царю секретное донесение. В нем говорилось: «Наскоро доношу, что турки по многим советам утвердили короля швецкого ныне отпустить вскоре со многими татарами через Польшу... и войну с нами начать ныне через татар, а весною всеми турецкими силами»¹. Русский разведчик не забыл сообщить данные о расстановке командного состава, сроках мобилизации и районах сосредоточения турецкой армии.

Свою лепту в укрепление разведывательной службы России внесла императрица Екатерина Великая. По ее указанию была создана тайная экспедиция, черпавшая важные сведения из перлюстрации переписки иностранных дипломатов. Именно при ней был создан так называемый «черный кабинет», где осуществлялась перлюстрация дипломатической переписки до ее отправки в зарубежные столицы.

При ее внуке, императоре Александре I, в 1810 году военный министр России генерал М.В. Барклай-де-Толли направляет «военных агентов» (атташе) в российские посольства для ведения

разведывательной работы. Особое внимание в ту пору уделялось Франции. Военному агенту полковнику А.И. Чернышеву удалось завербовать ряд сотрудников военного ведомства Наполеона, в том числе некоего Мишеля, готовившего для французского императора стратегическую сводку в единственном экземпляре. Агентом Александра I был также и министр иностранных дел Франции Шарль-Морис Талейран, князь Перигор, имевший псевдоним «Анна Ивановна». В целях конспирации его донесения, пересылаемые Российским посольством из Парижа, начинались словами: «Анна Ивановна пишет...»

Во время Отечественной войны 1812 года впервые на базе партизанских отрядов, которые создавались русским военным командованием, а не возникали стихийно, были организованы разведывательно-диверсионные группы, подчиненные армейскому командованию и действовавшие в тылу врага. С первых дней вторжения на территорию России Наполеон оказался под воздействием дезинформации, которая распространялась российским военным командованием с целью ввести в заблуждение орды интервентов. Через агентуру, в том числе и партизанские отряды, до него доводились сведения о том, что русская армия якобы готовится к генеральному сражению, что в определенной мере сковало действия императора, рассчитанные на «молниеносную войну».

Итог похода Наполеона на Москву хорошо известен. Менее известно то, что, отступая, «цивилизованный» император всех французов ограбил Москву и приказал взорвать Кремль, однако из-за сильного дождя фитили пороховых зарядов отсырели, и он пострадал только частично. И уж сегодня не менее «цивилизованные» французы, любящие потолковать за бокалом вина о «русском варварстве», не любят вспоминать о том, что русские казаки и солдаты, взявшие Париж, ни в чем не притесняли их предков, чья мирная жизнь с приходом Русской армии в эту страну не была нарушена. Вероятно, в память о «цивилизованном» Наполеоне, приведшем Францию к национальной катастрофе и уменьшившем ее население на несколько миллионов человек, в этой стране ему посвящено так много памятников и монументов, восхваляющих этого варвара XIX столетия.

Накануне Крымской войны 1854—1856 годов русская военная разведка прилагала усилия для добычи новейших образцов запад-

ноевропейских вооружений и боевой техники. Агентурным путем были получены чертежи наиболее современных боевых кораблей, имевших паровые двигатели.

Благодарные французы, памятуя о рыцарском благородстве Русской армии, не допустившей окончательного разгрома и раздела их страны в 1815 году, щедро вознаградили Россию в последующие времена. В связи с созданием под эгидой Александра I «Священного союза» для борьбы с революцией в Европе они приклеили России ярлык «жандарма Европы», а в дальнейшем явились одним из инициаторов Крымской войны, в ходе которой Россия потерпела поражение.

Русский император Александр II не забыл благодарности французов. Когда в 1870 году началась франко-прусская война, он отказался оказать нажим на Пруссию и пальцем не пошевелил, чтобы защитить Францию от поражения и неизбежной в тех условиях революции, в результате которой в столице Франции возникла Парижская коммуна. Русская же разведка сделала надлежащие выводы из военного разгрома Франции. Именно с ее подачи военный министр Д. Милютин провел знаменитые милютинские реформы, значительно повысившие боеспособность Русской армии и улучшившие ее вооружение и боевую технику. Донесения русской военной разведки в период после 1870 года способствовали тому, что Русская армия стала готовиться к неизбежному военному столкновению с Германией, постепенно превращавшейся в главную военную силу в Европе и врага номер один России.

В 80-х годах XIX века русская военная разведка провела немного операций. Вот одна из них. После окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, завершившейся освобождением Болгарии от османского ига, политическое положение на юге Европы оставалось все еще весьма сложным. Берлинский конгресс 1878 года свел во многом на нет результаты русских побед. В правящих кругах России все более и более вызревала мысль о занятии при помощи десанта позиций на Босфоре, которые составили бы «русский Гибралтар». Необходимо было провести разведку турецких укреплений и наиболее удобных мест для высадки русского десанта. По личному указанию императора Александра III эта миссия была возложена на будущего военного министра России, а тогда генерал-майора, А.Н. Куропаткина. Под именем Алексан-

дра Николаевича Ялозо, закупщика скота, он отправился на Босфор. В течение нескольких недель были обследованы азиатский и европейский берега пролива, намечены пункты для будущих русских укреплений и места для высадки десанта, разведаны турецкие батареи. Дважды русский генерал был задержан турецкими солдатами, но оба раза благополучно выпутывался из опасных ситуаций. К сожалению, результатами разведки на Босфоре так и не пришлось воспользоваться: русская армия и флот не были готовы к мало-мальски серьезной десантной операции.

К началу XX века русская разведывательная служба приобретает более-менее организационно оформленные структуры. Приоритетное значение уделяется военным вопросам. Вся поступающая разведывательная информация о военном потенциале иностранных государств сосредоточивается в едином центре — Статистическом отделении генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. Оно ведет сбор и обработку военно-стратегических материалов по армиям потенциальных противников, сведений об их военных приготовлениях, наблюдает за вербовкой и использованием иностранной агентуры, а также приобретает в интересах российской армии образцы новейших зарубежных изобретений в военной области.

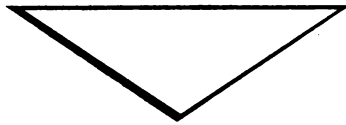
К началу XX века отношения между Японией, поддерживаемой Англией, и Россией становятся напряженными. Токио открыто готовится к захвату Кореи и Маньчжурии и намерен потеснить Петербург на Дальнем Востоке. Недооценка российским правительством Японии как сильного и опасного противника привела, как известно, к плачевным результатам. Существенную роль в недооценке японской военной мощи сыграла слабость русской разведки на Дальнем Востоке, на содержание которой выделялось всего несколько тысяч рублей в год. Для сравнения отметим, что Япония, готовясь к войне с Россией, затратила только на приобретение и содержание агентуры 12 миллионов рублей золотом.

Разведка Японии как потенциального противника велась бессистемно. Полковник Генерального штаба Д.И. Гурко, присутствовавший при объявлении Николаем II войны Японии в связи с нападением японских кораблей на русскую эскадру в Порт-Артуре, отмечал: «Наша информация о военных приготовлениях Японии против России была просто безобразной. Существовала полная неразбериха между донесениями нашего посла в Токио и

военного агента. Каждый из них излагал диаметрально противоположные мнения о подготовленности Японии к войне».

Поражение России в войне с Японией потребовало реорганизации военной разведки в целом. Впервые в Академии Генерального штаба вводится курс изучения основ разведывательной деятельности. Принимаются и другие меры по укреплению этого важного вида обеспечения военных действий. Однако, как показала Первая мировая война 1914—1918 годов, надлежащих выводов из поражения России в войне с Японией царское правительство сделать не смогло. С ее началом повторились те же ошибки, что и в 1904—1905 годах. С началом войны Россия осталась без надежной агентурной сети в Европе, поскольку никаких мер по работе с ней в военный период не предусматривалось. Это серьезно сказалось на успехе боевых действий русской армии против Германии и Австро-Венгрии, а также других центральных держав.

Немаловажную роль в налаживании агентурной работы в Европе уже в ходе Первой мировой войны сыграл полковник Генерального штаба граф Павел Алексеевич Игнатьев. В конце 1915 года он был направлен лично императором Николаем II в Париж на помощь к брату, российскому военному атташе, тогда полковнику, а затем генерал-майору Алексею Алексеевичу Игнатьеву. Перед ним стояла задача наладить обмен информацией с разведывательными службами других стран Антанты и создать агентурную сеть русской военной разведки в Германии и Австро-Венгрии. О том, как П.А. Игнатьев справился с этой задачей, и пойдет речь в следующих главах.

Глава первая

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕЙ СХВАТКИ

Поражение России в войне с Японией 1904—1905 годов оказало серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства, показав со всей очевидностью крайнюю необходимость проведения коренных военных реформ. Вместе с тем это поражение значительно поколебало международные позиции России. На протяжении всей Русско-японской войны Россия оставалась практически в полной изоляции на международной арене, в то время как Япония пользовалась почти неограниченной дипломатической и военной поддержкой, в первую очередь со стороны Англии, США и Германии, которые вооружали ее и натравливали на Россию. Более того, японскую агрессию против нашей страны щедро финансировали еврейские банкиры США во главе с известным русофобом Яковом Шиффом. Под давлением сионистского лобби США накануне Русско-японской войны отказались подписать торговое соглашение с Россией.

Оценка международной обстановки, сложившейся после Русско-японской войны, была сделана в феврале 1907 года министром иностранных дел России А.П. Извольским на заседании Совета Государственной обороны. Русский МИД исходил из неизбежности крупной войны в Европе в предстоящие 10—15 лет, причем Россия будет в одиночку или в коалиции с другими державами воевать против Германии и Австрии. К такому же выводу пришли и в русском Генеральном штабе. Тогдашний его начальник генерал Ф.Ф. Палицын в докладе о мероприятиях по обороне государства подчеркивал: «Главнейшим фактом международной жизни, могущим оказать наиболее серьезное влияние на судьбы России, по-прежнему остается “Тройственный союз”, и в особенности отношения наши к главным членам его — Германии и Австро-Венгрии.

Эти соображения наряду с тем, что Германия и Австро-Венгрия в состоянии в самом корне пошатнуть наше государственное существование, вынуждают прежде всего приурочить нашу военную мощь к силам упомянутых держав». Одновременно Палицын не исключал, что Япония откроет боевые действия против России на Дальнем Востоке, что, как показала Первая мировая война, к счастью, не подтвердилось.

В 1907 году, как уже говорилось, в противовес «Тройственному союзу» в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии завершилось формирование блока Англии, Франции и России, получившего наименование «Тройственного соглашения», или «Антанты». В дальнейшем Италия вышла из «Тройственного союза» и присоединилась к Антанте, а ее место заняли Турция и Болгария. В Европе сложились две военно-политические коалиции, столкновение между которыми было лишь делом времени.

Начавшаяся в 1905 году реформа Русской армии завершилась в 1912 году и вызвала серьезные изменения в области военной политики России. В этот период ежегодные военные расходы России возросли с 576,5 млн до 716,2 млн рублей в год. В конце 1913 года была утверждена «Большая программа по усилению армии», осуществление которой должно было начаться в 1914-м, а закончиться в 1917 году. Она предусматривала значительное, почти на полмиллиона человек, увеличение вооруженных сил мирного времени.

Проводившиеся военные реформы поставили в повестку дня необходимость коренной реорганизации военной разведки, которая по-прежнему была сосредоточена в Управлении генералквартирмейстера Генерального штаба. 22 апреля 1906 года из состава Генерального штаба было выделено Главное управление Генерального штаба (далее — ГУГШ), в котором сосредоточивалось руководство военной разведкой и контрразведкой. Накануне Первой мировой войны именно военная разведка была основной формой разведывательной деятельности Российской империи. Вспомогательная роль отводилась Министерству иностранных дел, которое в основном добывало сведения политического характера. Разведывательную информацию военного характера собирали также Отдельный корпус пограничной стражи Министерства финансов, Департамент полиции, Главное управление почт и телеграфов МВД и Министерство торговли и промышленности России.

Конкретно деятельностью военной разведки накануне Первой мировой войны руководил Особый отдел генерал-квартирмейстера (Огенквар) ГУГШ, который отвечал за организацию самостоятельной разведки стратегического характера в сопредельных с Россией странах, а также за ведение разведывательной деятельности приграничных военных округов. Согласно новой организации от 1 сентября 1910 года, он ведал «служебной перепиской с военными агентами (атташе), сбором военных сведений об иностранных армиях и отчетностью по суммам, расходуемых по Огенквару». С 22 октября 1910 года военную разведку ГУГШ возглавлял полковник Генерального штаба Н.А. Монкевиц. Главной задачей военной разведки было «... доставление правительству возможно полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств».

Накануне войны возрастают расходы на ведение военной разведки. Если в 1908 году они составляли только 344 110 рублей в год, то начиная с января 1911 года ГУГШ стал получать на секретные расходы почти два миллиона рублей (точнее, 1 947 850 рублей) в год. Это объяснялось резким обострением ситуации в Европе, особенно на Балканах. Однако практически на нужды разведки выделялось 1 230 тысяч рублей в год, что было явно недостаточным, учитывая близость мировой войны.

Следует отметить, что в военной разведке было ясное понимание того, что решение стоящих перед нею задач в канун неизбежной войны возможно лишь в результате создания в странах будущего противника эффективной агентурной сети, способной обеспечивать получение необходимой информации по ключевым проблемам до и в ходе военных действий. Однако полной ясности относительно того, кто будет этим противником, у русского военного командования не было. Поражение в Русско-японской войне дамочловым мечом висело над руководителями русских вооруженных сил, которые считали, что в будущей войне России придется воевать на два фронта, в том числе против Японии. Отсюда этой стране уделялось такое же внимание военной разведки, что и блоку Германии с Австро-Венгрией.

Отсутствие четкой военной доктрины Русской армии накануне мировой войны привело к тому, что разведка вероятного противника велась нецелеустремленно. Штабы военных округов вели самостоятельную разведывательную работу и не координи-

ровали ее с разведывательной деятельностью военных атташе и Огенквара в целом. К началу Первой мировой войны Огенквар ГУГШ располагал только некоторыми агентурными возможностями, как в самой Германии, так и в Австро-Венгрии. Германия же практически была в курсе всех политических и военных дел России, используя для этого возможности аппарата военного атташе, а также всякого рода коммерческие и промышленные фирмы, в которых под видом инженеров и специалистов «трудилась» немецкие разведчики. Именно знание германским Генштабом программы перевооружения Русской армии в 1914—1917 годах, ее сильных и слабых сторон послужило одной из причин вступления в войну Германии на стороне Австро-Венгрии именно в 1914 году («теперь или никогда»). Берлин пришел к выводу о том, что после перевооружения России к 1917 году Германия будет не в состоянии выиграть войну против нее.

Приобретение источников разведывательной информации русской военной разведки носило в целом бессистемный характер и осуществлялось главным образом путем работы с «доброжелателями», предлагавшими свои услуги. Среди них были как действительные носители важных разведывательных сведений, так и всякого рода авантюристы и проходимцы, предлагавшие «гнилой товар» за звонкую монету. Разведывательные отделы штабов военных округов располагали своими собственными источниками, которые, как правило, были недостаточно глубоко информированы. В предвоенные годы более успешно разведку Австро-Венгрии вел Киевский военный округ. Связь источников с Центром осуществлялась, как правило, путем переписки на условные адреса в закодированном виде.

Активную работу против Германии и Австро-Венгрии вели также созданные во второй половине 1911 года контрразведывательные отделения при военных округах. Так, Виленское контрразведывательное отделение на 1 января 1913 года имело в своем распоряжении 48 агентов, работавших по выявлению германских и австрийских шпионов, в том числе 9 человек за границей, из которых один агент работал непосредственно в Вене.

В канун мировой войны русская военная разведка добыла ряд важных документов стратегического и мобилизационного характера по Германии и особенно Австро-Венгрии. Особая роль в получении всех важнейших военных секретов принадлежит одно-

му из руководителей австрийской военной разведки полковнику Альфреду Редлю, который, по оценке специалистов, был «самым важным агентом иностранной державы из всех шпионов, действовавших в Европе накануне мировой войны».

НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ ПОЛКОВНИКА РЕДЛЯ

История вербовки А. Редля русской военной разведкой хорошо известна многим читателям. Мы вкратце повторим ее, добавив лишь отдельные моменты, которые до сих пор оставались в тени. Выходец из семьи небогатого железнодорожного служащего, капитан Альфред Редль в 1900 году командирован в Россию для изучения русского языка в Казанском военном училище и обстановки в России в целом. Здесь он попадает в поле зрения русской контрразведки. По возвращении в Вену его изучение продолжает руководитель военной разведки Варшавского военного округа полковник Н.С. Батюшин: в тот период именно этот военный округ вел разведывательную работу по Австро-Венгрии. Полковник Батюшин направляет в Вену одного из лучших своих вербовщиков, снабдив его самыми подробными сведениями о личности и особенностях характера А. Редля.

Альфред Редль, крещеный чешский еврей, испытывал симпатии к России, поскольку в ту пору подобные настроения были широко распространены среди чешской интеллигенции и военных, видевших в лице нашей страны освободительницу от австрийского гнета. Поэтому он легко дал согласие на тайное сотрудничество с русской военной разведкой. К тому же в качестве задатка ему была вручена крупная сумма в австрийских кронах, в десять раз превышавшая его годовое жалованье. Более того, чтобы добиться продвижения Редля по служебной лестнице, русская военная разведка принимает меры по укреплению его служебного положения и сообщает ему имена некоторых своих агентов, подозреваемых в двурушничестве. Разумеется, А. Редль их успешно «разоблачает». В 1907 году, получив звание полковника, он становится вторым лицом в аппарате австро-венгерской разведки и контрразведки, что значительно расширяет его разведывательные возможности.

Существует, однако, и другая версия начала сотрудничества А. Редля с русской военной разведкой, заслуживающая, на наш

взгляд, внимания. Бывший русский военный агент в Швейцарии Д.И. Ромейко-Гурко так пишет об этом: «Этот предатель был завербован нашим консулом во Львове Матушкиным. Редль к нему сам обратился, предлагая продать секретные бумаги штаба дивизии и прося ему для этого дать незначительную сумму в 300 марок сейчас же — для уплаты карточного долга. Матушкин рискнул своими деньгами и своим местом и получил очень важные документы по сосредоточению войск»¹.

Как бы там ни было, Редль стал работать на Россию.

В 1905 году в Вене появляется новый русский военный агент — подполковник Марченко. Судя по некоторым донесениям в Петербург, он основательно изучил личность Редля. Так, в одном из своих отчетов в Петербург, датированном октябрём 1907 года, он писал: «Альфред Редль, полковник Генштаба, 2-й помощник начальника разведывательного бюро генерального штаба. В чине с 1 ноября 1905 года. Был начальником штаба 13-й Ландверной дивизии в Вене. Среднего роста, седоватый блондин, с короткими седоватыми усами, несколько выдающимися скулами, улыбающимися, вкрадчивыми серыми глазами. Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный. Вся наружность слашавая. Речь сладкая, мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, медленные. Более хитер и фальшив, нежели умен и талантлив. Циник. Женолюбив, любит повеселиться»².

Вот каков этот человек, с которым довелось работать представителям русской военной разведки. Как писал один из исследователей истории спецслужб генерал М.А. Мильштейн, «не было ни одного секрета, интересующего Россию, к которому не имел бы доступа Редль... Достаточно сказать, что он передал русской военной разведке план развертывания австро-венгерской армии против России... Он передал также все основные данные по мобилизационному плану, военным перевозкам, перегруппировке войск и т.п.»³.

Разумеется, Марченко не ограничивался работой только с Редлем. Он унаследовал негласную агентуру своего предшественника полковника В.Х. Роопа, благодаря которой добывал секретную информацию об австрийской армии. Несмотря на предельную осторожность, австрийская контрразведка все же засекала контакты Марченко с одним из его осведомителей, служащим артилле-

рийского депо Кречмаром. Русский военный агент был «замечен на неосвященной аллее в саду позади большого Венского рынка» в обществе этого австрийца, судя по его фамилии, славянского происхождения. Вскоре Ронге и его люди установили, что Кречмар «оказывал услуги по шпионажу: начиная с 1899 года — русскому военному агенту, с 1902 года — Франции и с 1906 года — итальянскому Генштабу...»⁴

Министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь отнесся к случаю с Марченко очень снисходительно. Он лишь дал понять русскому поверенному в делах Свербееву, что «желателен уход Марченко в отпуск без возвращения его в Вену». По крайней мере так это выглядит в описании Макса Ронге.

Есть, однако, еще две версии высылки русского военного агента из Вены. По одной из них, к полковнику под покровом ночи прибыл некий придворный чин и от имени императора Франца-Иосифа передал «совет» в двадцать четыре часа покинуть Австрию⁵. По другой версии, Франц-Иосиф преднамеренно оскорбил полковника Марченко на придворном балу, демонстративно не подав ему руки. После этого русскому правительству не осталось ничего иного, как отозвать военного агента на родину⁶.

М.К. Марченко по возвращении в Петербург был принят императором Николаем II, а вскоре он вне очереди получил орден Св. Владимира 4-й степени и стал командиром 19-го Драгунского полка. Видимо, его работа в Вене в качестве военного агента была весьма плодотворной. В частности, как утверждают сегодняшние австрийские историки, с полковником Редлем работал именно М.К. Марченко, который его и завербовал.

Ронге мог торжествовать, однако его торжество продлилось недолго. Высылка полковника Марченко не облегчила жизнь австрийской контрразведке. На его место прибыл не менее подготовленный и талантливый офицер русского Генерального штаба полковник М.И. Занкевич, попортивший немало крови агентурному отделению разведывательного бюро австрийского Генштаба. «Занкевич, — писал позднее Ронге, — проявил неприятную любознательность, появлялся два-три раза в неделю в бюро дежурного генерала военного министерства и задавал больше вопросов, чем все прочие военные агенты вместе взятые. На маневрах он вел себя настолько вызывающе, что его пришлось ввести в границы. К военным учреждениям он подходил под предлогом

дачи заказов. Он являлся на военные заводы с целью узнать их производственные мощности»⁷.

Вначале плотное наружное наблюдение за Занкевичем ничего не дало австрийской контрразведке. И лишь после долгих и напряженных усилий им удалось раскрыть целую группу негласных агентов, завербованных русским военным атташе. Среди них были разоблачены братья Яндрич, сумевшие передать Занкевичу целый ряд секретных учебников. В них раскрывалась структура австро-венгерской армии, организация военных перевозок в стране, данные об укреплениях крепости Перемышль. В результате австрийские власти потребовали высылки русского военного агента на родину, и он тут же покинул гостеприимную Вену.

Ну а что же Редль? Надо полагать, что русская военная разведка его очень берегла как самого ценного своего агента. В целях конспирации встречи с ним проводились всего три-четыре раза в год. На этих встречах, продолжавшихся, видимо, вплоть до мая 1913 года, от него было получено огромное количество копий подлинных документов австрийского Генштаба. Помимо уже указывавшихся сведений, Редль по заданию русской военной разведки утаивал от своего начальства информационные донесения, поступающие в Вену от австрийских агентов в России. Он, в частности, скрыл от своего руководства имя завербованного австрийской разведкой в ГУГШ предателя, который передавал секретные документы Германии и Австрии.

Разумеется, русская военная контрразведка не могла упустить шанс и подбросила предателю фальшивые документы Генштаба, сделав это достаточно тонко. Так, в 1908 году австрийцы купили у предателя за десять тысяч рублей план развертывания Русской армии в случае войны против Австро-Венгрии и Германии. Он был достоверным, однако устаревшим. В нем, в частности, не нашли отражения ряд вновь сформированных корпусов — Петербургский, Финский, Московский гренадерский, а также несколько Кавказских и Сибирских корпусов. В этом плане также не были указаны многие резервные дивизии, сформированные за счет «французских кредитов» на случай войны. Когда началась Первая мировая война, они появились на театре военных действий и сыграли свою роль в разгроме Австро-Венгрии на первом ее этапе.

Благодаря Редлю, сообщившему русской разведке сведения о предателе П. Григорьеве, прикомандированному к штабу Вар-

шавского военного округа, дальнейшая судьба этого «крота» была плачевной: долгие годы он катал тачку на Сахалине.

Что же передал А. Редль русской военной разведке? Расследование его дела было поручено тогдашнему заместителю, а в последующем начальнику Эвиденцбюро Максру Ронге. Им было установлено, что за время сотрудничества с русской разведкой А. Редль передал ей секретные служебные инструкции об охране железнодорожных сооружений, сведения об организации воинских перевозок, имевшие исключительно важное значение в случае вооруженного конфликта. Были среди секретных бумаг австрийского Генштаба и данные о минных заграждениях на стратегических направлениях будущего театра военных действий, различные сведения, документы и схемы, связанные с организацией разведывательной деятельности Эвиденцбюро, которое в ту пору имело в России до ста агентов в различных эшелонах власти.

Редль успел передать своим кураторам секретные справочники для высших командиров, мобилизационные предписания на случай войны, обзор мероприятий контрразведки в Галиции во время кризиса 1912—1913 годов, листы с именами австрийских агентов, списки адресов прикрытия иностранных генеральных штабов, а также донесения агентов австрийской разведки в России. Среди найденных у него при обыске секретных документов австрийского Генштаба были фотографии австрийской крепости Козмач и съемки маневров 1910—1911 годов.

Однако наиболее важным документом, полученным русской военной разведкой от А. Редля, был «План наступления австро-венгерской армии против основного противника», иными словами, план ее стратегического развертывания в случае войны против России. За него в 1911 году русская военная разведка выплатила своему ценному агенту громадную по тем временам сумму — 59 тысяч крон. Поскольку накануне Первой мировой войны самое серьезное внимание в системе обороны противоборствующих сторон уделялось военным крепостям, становится ясным, что накануне войны новые крепости построить просто невозможно, поэтому после разоблачения и ареста А. Редля австрийцы так и не смогли внести существенные коррективы в свои военные планы.

Ценность Редля для русской военной разведки очевидна. Несмотря на крайние меры предосторожности в работе с ним, в мае 1913 года Редль все же был арестован. Об обстоятельствах его аре-

ста существует многочисленная литература. Об этом писали Макс Ронге, Вальтер Николаи, Э. Киш, Э. Вудхол, Р. Роуан, М. Алексеев и другие исследователи. Из всех версий его разоблачения и ареста приведем вариант, принадлежащий перу уже упоминавшегося Д.И. Ромейко-Гурко.

Он пишет, что австриец был у него на связи и что именно сам передавал ему деньги. Впоследствии, вероятно, для усиления конспирации, деньги Редлю пересылал русский военный агент в Швеции. Им в ту пору был подполковник П.Л. Ассанович. Вероятно, последний и стал пересылать их в Венский почтамт «до востребования». Как пишет Д.И. Ромейко-Гурко, «один такой большой пакет показался подозрительным на Венской почте. Его вскрыли, и в пакете оказалось 30 тысяч марок. На почте правильно решили, что пересылать такую сумму письмом «до востребования» может только шпион или жулик, и сообщили об этом Генеральному штабу. Этот последний поставил сыщика на почте, чтобы, когда кто-нибудь придет получать пакет, арестовать его. Сыщик ждал около недели, и ему это надоело. Тогда он стал следить за почтой, сидя в ближайшем кафе.

Редль пришел за своим пакетом через восемь дней. Он был в это время начальником штаба армейского корпуса в Праге. Получив пакет, он сунул его в карман и сел в такси. Барышня на почте выбежала предупредить сыщика, но не сразу его нашла, и смогла указать только на удаляющееся такси. Сыщик вскочил в первое попавшееся такси и последовал за Редлем. Он не был уверен, что следит за тем человеком, который получил пакет, так как улица была переполнена, а лицо человека, получившего пакет, сыщик не видел. Когда Редль, подъехавший к Гранд-отелю, вышел из такси и направился в свой номер, сыщик, предъявив швейцару жетон, сказал:

— Человек, вошедший в отель и сейчас поднимающийся по лестнице, является государственным преступником, за которым я слежу.

— Нет, вы ошибаетесь, сударь, — возразил швейцар. — Это не государственный преступник, а начальник десятого корпуса.

Сыщик хотел было удалиться, когда в холл гостиницы вошел таксист и сказал:

— Я только что привез к вам пассажира с Главного почтамта, который забыл в салоне моего такси перочинный ножик, вот он.

Швейцар взял нож, а в это время Редль, побывав в своем номере, спускался по лестнице. Сыщик обратился к швейцару и сказал:

— Спросите, не его ли это ножик.

Швейцар вежливо спросил Редля. Редль поколебался и сказал, что нож принадлежит ему, поблагодарил и положил нож в карман, вышел из отеля, сел на извозчика и поехал в Генштаб. Сыщик, последовавший за Редлем, опередил его. Когда Редль зашел по делам в канцелярию Генштаба, сыщик поспешил в кабинет начальника Генштаба Конрада фон Хешендорфа и рассказал ему всю историю. Вошел Редль, и К. фон Хешендорф сказал ему:

— Вы знаете, что мы уже три года ищем шпиона в Генеральном штабе, который нас предает. Я должен всех подозревать.

— Да, — ответил Редль, — я даже самого себя подозреваю и до сих пор удивляюсь, что мы его не раскрыли.

— В таком случае выверните свои карманы.

— Я раскрыт, — сказал Редль и подал Конраду пакет.

Редля тотчас арестовали и два его товарища повезли полковника в Гранд-отель. Там ему будто бы дали бесшумный браунинг, и он застрелился. Я лично думаю, что он был застрелен. Чего я не понимаю, так это то, как он мне успел написать по условленному адресу короткую открытку и ее отправить по почте. В ней было только три слова: Ich bin verraten. Grutli (“Я раскрыт. Грутли”), условленная его подпись, по которой я с ним переписывался⁸.

Такова версия ареста Редля в изложении Д.И. Ромейко-Гурко. Впрочем, она ничем не отличается от австрийской. Но существует и еще одна версия, согласно которой в действительности на русскую военную разведку работал кто-то из наиболее высокопоставленных чинов австрийского Генштаба, может быть, даже один из заместителей Конрада фон Хешендорфа. Согласно ей, разоблачение и самоубийство полковника Редля, имевшего, как утверждают, нетрадиционную сексуальную ориентацию, были спровоцированы австрийской контрразведкой с тем, чтобы скрыть истинное лицо агента в военных верхах этой страны. Забегая немного вперед, скажем, что не исключено, что этим лицом был тот самый офицер австрийского Генерального штаба, с которым во время войны встречался герой нашего повествования граф П.А. Игнатъев. Но об этом мы расскажем в следующих главах.

Упомянувшийся нами Н.С. Батюшин, возможно, знавший имя истинного русского агента в австрийском Генштабе, унес его

тайну в могилу, отказавшись назвать после войны Вальтеру Николаи имена своих агентов в Вене и Берлине. Он ответил бывшему шефу германской военной разведки, что обо всем напишет в своей книге. Разумеется, в мемуарах Н.С. Батюшина, вышедших после войны, никаких сведений о русской агентуре в Германии и Австро-Венгрии не содержится. Он оказался верен традициям офицеров русской военной разведки: имя агента знает только его куратор и начальник разведки. Остальным сотрудникам разведки знать ее агентуру не положено. Эта традиция свято соблюдается и в наши дни.

РУССКАЯ РАЗВЕДКА ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Вернемся, однако, к деятельности русской военной разведки накануне 1914 года. Несмотря на некоторые успехи в ведении разведывательной работы против Германии и особенно Австро-Венгрии, к началу войны она не сумела полностью решить стоявшие перед ней задачи. Прежде всего это объясняется тем, что к началу войны разведка не смогла создать широкую хорошо конспирированную агентурную сеть в Европе, способную снабжать русское военное командование надежной информацией упреждающего характера и бесперебойно работать в период войны.

Одним из наиболее существенных недостатков в работе русской военной разведки в канун мировой войны были беспечность и пренебрежение правилами конспирации. Так, вновь приобретенных агентов фотографировали для личных дел в обычных городских фотоателье. Немцы, получив об этом информацию, принимали меры к выявлению засылаемых в Германию лиц. Отсутствовало также целенаправленное приобретение источников информации в руководящих военных кругах. Ставка делалась на «добровольцев», которые зачастую не располагали действительными разведывательными возможностями. Кроме того, хотя многие разведывательные данные поступали своевременно, изучение их нельзя было назвать исчерпывающим, поскольку в то время весьма слабо была поставлена информационно-аналитическая работа. В результате зачастую из верных сведений делались ложные выводы.

В канун мировой войны деятельность русской военной разведки была неоправданно сужена. Преимущественное внимание

уделялось в основном изучению будущей прифронтовой полосы, в то время как тыл потенциального противника изучался недостаточно. Это объяснялось тем, что никто не мог предвидеть характера будущей войны. До 1 августа 1914 года считалось, что предстоящая война ничем не будет отличаться от предыдущих войн, характерным признаком которых был их локальный характер, когда армии враждующих сторон воюют между собой, а население остается в качестве сочувствующего зрителя. В то время никто и не предполагал, что война приобретет глобальный характер, что потребует концентрации всех сил государства, она станет на долгое время позиционной и ее будут вести не только армии воюющих сторон, но и целые народы.

И все же следует сказать, что именно разведка Генерального штаба являлась центральной, наиболее подготовленной структурой в системе внешних спецслужб России. В первом десятилетии XX столетия в предвидении будущего военного столкновения с Германией ГУГШ направляет в эту страну самых подготовленных и способных специалистов разведки. Им вменяется в обязанность следить за подготовкой Германии к войне, а также снабжать русские вооруженные силы секретными техническими и научными новинками, которые можно было бы использовать против армий центральных держав.

20 января 1906 года в Берлин на должность военного агента прибыл полковник Генерального штаба А.А. Михельсон. Основной его задачей была вербовка надежной агентуры среди сотрудников технического персонала ряда фирм, работавших над выполнением специальных военных заказов германской армии. Уже первые его шаги привели к заметным результатам. А.А. Михельсон организовал приглашение в Германию большой группы русских офицеров для стажировки на таких важных объектах военной промышленности, как завод «Рейнметалл» в Дюссельдорфе, завод фирмы «Сименс-Шуккерт» в Берлине, завод Круппа в Эссене, оптическая фабрика «Карл Цейс» в Йене и т.п. Один из офицеров-стажеров — капитан М.М. Костевич — сумел завербовать агента, работавшего в особо секретном конструкторском бюро, проектировавшем тяжелые и сверхтяжелые артиллерийские системы. Агент передал капитану чертежи новейших германских гаубиц. Агент был арестован германской контрразведкой. А капитан Костевич, успевший переправить документы в Петербург, был брошен в тюрьму. Военный

агент А.А. Михельсон был объявлен «персоной нон грата», и 30 декабря 1910 года выехал из Германии.

4 февраля 1911 года на смену Михельсону прибыл военный агент полковник П.А. Базаров, который с большим размахом принялся за дело. Его интересовало буквально все: пропускная способность железных дорог и их мобилизационные возможности, важнейшие оборонительные сооружения в районе возможных боевых операций, новые сведения о расположении военных складов и т.п. Полковник Базаров сумел получить документы, содержащие сведения о личном составе и агентуре разведывательного отдела германского Генерального штаба. Вскоре в Варшаве был задержан агент, проявлявший повышенный интерес к русским военным объектам, а в Петербурге арестован германский разведчик лейтенант Дамм. Списки, полученные полковником Базаровым, были столь подробными, что только в Варшавском военном округе было арестовано почти полторы сотни германских и австрийских агентов. В июне 1914 года полковник Базаров был также объявлен «персоной нон грата», и 28 числа, буквально накануне войны, выехал из страны. Вследствие этого отъезда созданная им агентурная сеть оказалась без руководителя и с началом войны самоликвидировалась.

В Австрии русской военной разведке удалось завербовать в 1910 году полковника австро-венгерского Генерального штаба Яндржека, чеха по национальности. Наряду с А. Редлем он также давал исчерпывающие сведения по всем военным вопросам, интересовавшим русскую разведку в этих странах.

РУССКАЯ РАЗВЕДКА И «ПЛАН ШЛИФФЕНА»

Готовясь к войне за передел мира, кайзеровская Германия исходила из необходимости избежать ее одновременного ведения на два фронта. Свое окончательное оформление планы войны нашли в меморандуме начальника германского Генерального штаба А. Шлиффена «Война против Франции», разработанном еще в 1905 году. В нем впервые была обоснована идея «блицкрига» — «молниеносной войны», — поскольку германский Генштаб пришел к выводу о том, что Германия не в состоянии выиграть затяжную войну на два фронта в силу отсутствия у нее природных ресурсов.

Предполагалось, что вместе с Германией в войну против Франции и России вступит Австро-Венгрия. При этом Германия нанесет первоначальный удар по Франции, разгромит ее в течение двух недель, а затем перебросит свои корпуса на русский фронт, где еще не закончится развертывание Русской армии, а затем совместно с Австро-Венгрией разгромит ее в течение одного-двух месяцев.

У русского военного руководства не вызывало сомнения то обстоятельство, что в предстоящей войне ему придется сражаться против Германии и Австро-Венгрии, что после франко-прусской войны 1870 года постоянно учитывалось им во всех военных мероприятиях. Однако к началу Первой мировой войны русской разведке, впрочем, как и советской разведке 27 лет спустя, так и не удалось добыть планы стратегического развертывания германских вооруженных сил и ведения ими первых операций в виде единого документа.

Но были у русской военной разведки несомненные достижения в выявлении истинных планов и намерений вероятного противника. Готовясь к новой войне в Европе, которая должна была привести к перекройке европейских границ в пользу Берлина и Вены, германский Генеральный штаб отдавал себе отчет в том, что и русская, и французская, и иные разведки противников Германии неизбежно будут пытаться заполучить «план Шлиффена». Поэтому в январе 1906 года новый начальник германского Генштаба Мольтке-младший внес некоторые изменения в план своего предшественника, сохранив, однако, для правдоподобности его основные идеи.

Так появился на свет фальшивый «Меморандум о распределении на случай войны немецких боевых сил», в котором умышленно искажались наиболее важные положения «плана Шлиффена». Фотокопия этого фальшивого документа была подброшена германской разведкой русскому Генеральному штабу в расчете на то, что он не сумеет распознать фальшивку и поделится ею с французами. Суть этого «документа» сводилась к следующему. Как известно, Шлиффен предложил германскому Генштабу бить своих противников поодиночке — сначала Францию, а затем Россию. Для этого на Западе планировалось развернуть семь армий, а на Востоке, против России — одну.

Фальшивый же «план Шлиффена» утверждал иное. «Война на три фронта должна вестись следующим образом: четыре ар-

мии на французской границе», одна армия на побережье (против возможной высадки английского десанта), три армии на русской границе, — говорилось в нем⁹. Вторым сюрпризом для стран Антанты должна была стать решимость Германии вести наступление на Францию не через францужско-германскую границу, где была создана система сильно укрепленных крепостей, а через Бельгию, чей нейтралитет Германия собиралась нарушить. Поэтому основные свои силы в предстоящей войне Германия планировала развернуть на правом фланге с тем, чтобы бросить их на Париж в обход укрепленных районов Франции.

Подложный же меморандум декларировал иное: три армии из четырех якобы будут развернуты непосредственно на границе с Францией, а четвертая, самая слабая, на границе с Бельгией. Что же касается трудностей штурма сильных укрепленных районов Франции, то в фальшивке германского Генштаба утверждалось, будто немецкой армии следует держаться основ тактики — побеждают не крепости, а армии.

В соответствии с подлинным «планом Шлиффена» Германия, сосредоточив почти все силы на Западе, должна на первоначальном этапе войны ограничиться на Востоке прочной обороной и в случае необходимости отступить из Восточной Пруссии. Фальшивый меморандум утверждал иное: «Вступив в пределы России, наши армии должны заставить русских вести войну “на русской территории”», — говорилось в нем¹⁰. Подложный меморандум был подписан начальником Генштаба Мольтке-младшим. Кайзер Вильгельм II скрепил этот «документ» своей подписью и распорядился подбросить его русской военной разведке.

Когда эта фальшивка поступила в русский Генштаб, его руководство поручило начальнику Германского стола (отдела) тогда еще полковнику Владимиру Евстафьевичу Скалону проанализировать документ. На тот момент подлинный «план Шлиффена» даже приблизительно не был известен русскому военному командованию, и поэтому В.Е. Скалону, с которым в будущем придется тесно сотрудничать и нашему герою П. Игнатьеву, пришлось потратить не один месяц на его анализ. Для этого он использовал порой косвенные, иногда даже незначительные на первый взгляд данные, сопоставлял факты, изложенные в меморандуме, с хорошо известным Генштабу России планом стратегического развертывания австрийских армий, полученным от полковника Редля.

В. Скалон исходил из того, что в предстоящей войне Германия будет воевать вместе с Австро-Венгрией, а посему должна координировать развертывание своих армий с австрийским планом.

В результате анализа В. Скалон подготовил для руководства Генштаба «Записку о наиболее вероятном сосредоточении германских вооруженных сил на русской границе». На первой же странице этого документа он сразу определенно пишет о фальшивом германском меморандуме: «Форма и содержание этого документа вызывают столько сомнений, что с большой долей вероятности можно считать его подложным»¹¹.

Однако Владимир Евстафьевич не ограничился только констатацией этого факта, но дал развернутый анализ самого документа. Свой анализ он начал с характеристики политической обстановки в Европе и совершенно верно утверждал, что предстоящая война не будет противоборством двух каких-либо стран, а примет характер по крайней мере, общеевропейский. Против стран Антанты обязательно выступят Германия и Австро-Венгрия. Что же касается Италии, которая на тот период все еще входила в «Тройственный союз», то «заключенные ею за последнее время соглашения с Францией и Англией заставляют сомневаться в том, примет ли она участие в борьбе против Франции»¹². Как, возможно, заметил читатель, это был вывод русского Генерального штаба относительно характера предстоящей войны, о котором мы писали выше.

Отвечая на вопрос о том, как Германия развернет свои вооруженные силы, полковник Скалон дал ответ, противоположный тому, который был изложен в фальшивке. «Наиболее вероятным распределением сил явится такое, при котором главная масса германских сил будет назначена для борьбы с французскими армиями, а действия против России будут возложены на австрийские войска и на меньшую часть германских сил»¹³.

В.Е. Скалон, закончивший Академию Генерального штаба, разгадал подлинный «план Шлиффена» до мельчайших деталей. «Германия предназначает для удара на Францию более крупные силы, — делает он вывод в «Записке». — Причем, несомненно, намечается нарушение нейтралитета Бельгии»¹⁴. Аргументируя свою позицию, к этой проблеме он вновь возвращается в другом месте своего документа. «Германия и Франция находятся в неодинаковых условиях: в то время как первая, без сомнения,

не задумается нарушить нейтралитет Бельгии, Франция при ее республиканском образе правления, может быть, на это и не решится. Помимо нравственных причин, это зависит от того, что нарушение бельгийского нейтралитета, сопряженное с риском приобрести лишнего врага, не даст Франции таких осязательных выгод, как Германии; тогда как германские войска, пройдя через Бельгию, выходят в обход главной линии обороны Франции и на кратчайшие пути к Парижу, французские армии и в направлении через Бельгию выходят на фронт укрепленной линии Рейна», — заключает он¹⁵.

Этот вывод выражает суть подлинного «плана Шлиффена». Для того чтобы его разгадать, В.Е. Скалону потребовалось около года. Разразившаяся в 1914 году Первая мировая война полностью подтвердила правоту выводов полковника и глубину его стратегического мышления. Поэтому не случайно в июле 1914 года он служил в управлении генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, а в декабре 1916 года был произведен Николаем II в чин генерал-майора.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Напомним читателю, что Германия полностью подготовилась к войне и была готова напасть первой. Кайзер Вильгельм II ждал только предлога, ждал, как ворон крови. И этот предлог представился. 28 июня 1914 года по новому стилю боснийский студент по имени Гавро (Гаврила) Принцип застрелил в Сараево наследника австрийского трона эрцгерцога Франца-Фердинанда. Воспользовавшись этим событием как поводом для объявления войны, Вена 23 июля в 6 часов вечера предъявила Сербии ультиматум, содержащий заведомо неприемлемые для нее требования. Разразился июльский кризис 1914 года. В этих условиях Россия рекомендовала Белграду проявить максимальную уступчивость. Сербское правительство приняло все пункты ультиматума, за исключением последнего. Отклонен был пункт, в котором содержалось требование допустить австрийских полицейских чинов на территорию Сербии для участия в следствии по делу о Сараевском убийстве.

25 июля Вена разорвала дипломатические отношения со своим дунайским соседом, а в полдень 28 июля объявила ему войну. Уже в ночь с 28 на 29 июля австрийская артиллерия начала бомбарди-

ровку Белграда, который в те годы находился как раз на границе с Австрией и был практически беззащитным перед ее артиллерией. В ответ на это Россия 29 июля объявила всеобщую мобилизацию. В два часа ночи 1 августа Франция устами президента Р. Пуанкаре завила российского посла А.П. Извольского о готовности поддержать свою союзницу, а в семь часов вечера германский посол Ф. Пурталес вручил министру иностранных дел России С.Д. Сазонову ноту об объявлении войны.

А что же Англия? — спросит читатель, и он будет прав. Как всегда, она лавировала. Ее политики могли бы еще остановить надвигающуюся мировую бойню, если бы с самого начала ясно дали понять Германии, что Лондон не останется в стороне. Однако британская плутократия тоже сказала себе: «Теперь — или никогда!». Если недвусмысленно выступить против войны, то Британии никогда не удастся сокрушить Германию, этого своего главного соперника по колониальному разбою, привести ее к поражению в войне чужими руками и чужой кровью, а заодно захватить германские колонии. Лучше занять уклончивую позицию, а там — будь что будет. Ведь военными средствами можно добиться того, что не получишь мирным путем, не нарушая протестантской этики. По словам русского военного историка-эмигранта генерала А.К. Баиова, «осторожностью и видимой неопределенностью своего поведения Англия толкнула Германию на решимость сделать последний шаг, чтобы довести австро-сербский конфликт до войны и тем вызвать ее, что было в интересах Великобритании»¹⁶.

Только 4 августа в ответ на нарушение Германией нейтралитета Бельгии правительство Его Величества заявило о вступлении Англии в войну на стороне Франции и России. Комментируя такие действия туманного Альбиона, сенатор П.П. Остроухов писал: «Англия присоединилась к Антанте лишь на пятый день после объявления войны. Представим себе на мгновение, что она сделала бы это 31 июля. Война была бы невозможна... Стоило Англии написать в Берлин, что она присоединяется к Петербургу и Парижу, все было бы кончено. Стоило ей сказать нам, что она будет на стороне Германии — результат был бы тот же самый. Нет, она предпочла открыть свои карты через пять дней, когда потушить огонь было уже невозможно, но представились шансы предоставить другим таскать из него каштаны для Англии»¹⁷. Так

началась Первая мировая война, которая через четыре года привела к краху трех европейских монархий.

РУССКАЯ РАЗВЕДКА В ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Боевые действия застали врасплох русскую военную разведку, которая не была готова к подобному повороту событий и, как было отмечено ранее, не успела создать надежную агентурную сеть на случай войны. В результате русское Верховное командование, в частности, генерал-квартирмейстер генерал Ю.Н. Данилов, человек весьма осторожный, в первые дни войны не имел точных данных о направлении главного удара германской армии. Он потребовал от разведки в сжатые сроки предоставить эти данные. ГУГШ немедленно разослал циркулярные указания военным агентам в союзных и нейтральных странах.

Полковник О.К. Энкель, русский военный агент в Риме, занимавший этот пост с января 1914 года, в ночь на 20 июля (3 августа) 1914 года получил этот документ, в котором, в частности, говорилось: «Во что бы то ни стало, не жалея средств, выяснить к 25 июля направление движения группы центральных германских корпусов»¹⁸. Доставившему эти сведения в срок была обещана награда в 25 тысяч рублей золотом.

На выполнение задания было отведено всего пять дней, а О.К. Энкель не располагал надежным агентурным аппаратом. Кроме того, обычная поездка в скором поезде Рим — Берлин занимала в то время четверо суток. К тому же в Германии движение пассажирских поездов было прекращено, а переход границы и получение германских виз крайне затруднены. Однако полковник Энкель решил попытать счастья. За воскресенье, 20 июля, ему удалось разыскать трех лиц, которых он решил направить в Германию на автомобилях по трем разным маршрутам. Один из них, австрийский подданный сербского происхождения, выехал маршрутом через Констанцу — Мюнхен — Дрезден. Второй человек Энкеля, бывший итальянский офицер, редактор римской газеты, выехал по маршруту Зинген — Штутгарт — Нюрнберг — Лейпциг. Третьим также был итальянец, владелец одного из римских бюро путешествий. Он взял с собой своих сотрудников и выехал по маршруту Ала — Инсбрук — Мюнхен — Хоф — Дрезден.

Первый посланник полковника Энкеля не попал в Германию. Второй был задержан в Штутгарте и выслан в Швейцарию. Третий, получив предварительно от советника германского посольства в Риме Гинденбурга рекомендательное письмо, добрался до Германии и утром 25 июля условной телеграммой коммерческого содержания сообщил из Дрездена, что 4-й, 12-й и 19-й корпуса германской армии перебрасываются на французский фронт.

Эта операция обошлась русской казне в 35 200 итальянских лир (1 лира — 37,5 коп.) в виде дорожных расходов, а также 20 000 рублей обещанной премии. Русское военное командование пришло к выводу, что главный удар германских вооруженных сил направлен против Франции. В действие был приведен вариант стратегического развертывания «А» («Австрия»), что в конечном счете предопределило русскую победу в Галицийской битве.

С началом войны военные агенты России в центральных державах были высланы на родину. Русский Генеральный штаб остался без всякой информации о происходящем в этих странах и в первую очередь Германии и Австро-Венгрии. ГУГШу в срочном порядке пришлось принимать чрезвычайные меры по созданию в нейтральных странах агентурной сети, способной вести разведку территории Германии и Австрии. Выполнение этой задачи в основном возлагалось на военных агентов, аккредитованных в нейтральных странах.

4 августа полковник О.К. Энкель получил указание Огенквара: любым способом в кратчайшие сроки внедрить в Германию и Австро-Венгрию агентуру, обладающую соответствующими знаниями, для организации постоянного наблюдения за перебросками германских войск с Западного на Восточный фронт. В указании были точно определены линии, которые следовало взять под контроль наблюдением. Агенты должны были освещать движение воинских эшелонов по железнодорожным магистралям Страсбург — Нюрнберг — Прага — Нейсе; Мец — Франкфурт-на-Майне — Лейпциг — Вроцлав; Франкфурт-на-Одере — Галле — Котбус — Лисса.

Позднее полковник Энкель вспоминал, что ему благодаря лишь счастливой случайности удалось выйти на группу бывших служащих Международного общества спальных вагонов. С началом войны, когда прекратилось железнодорожное сообщение между Германией и Италией, они остались без всякой работы. Среди них были подданные Германии, Австрии и Швейцарии, не

вызывавшие особых подозрений со стороны германской контрразведки. По заданию русского военного агента они явились в германское посольство в Риме и представились как патриоты Германии, решившие оказать ей помощь во время войны посредством ввоза в нее контрабандным путем продуктов питания, запрещенных к вывозу из Италии. Германское посольство в Риме, проникнувшись сочувствием к «патриотическому порыву» соотечественников, с величайшей готовностью снабдило их рекомендательными свидетельствами и выдало разрешение на телеграфную переписку с Италией и Швейцарией.

На первых порах О.К. Энкель нанял шесть агентов на следующих условиях: каждый будет получать по сто лир золотом в сутки (примерно тридцать золотых рублей), 5000 лир по окончании первого месяца работы и по 2500 лир за каждый последующий месяц в виде обеспечения семьи на случай провала. В качестве подъемного пособия все они получили единовременное вознаграждение в размере тысячи лир.

Агенты разъехались по маршрутам 14 августа 1914 года. Для связи с ними полковник Энкель создал три приемных станции в различных городах Италии, откуда телеграммы пересылались в Рим агенту-групповоду. Для текста телеграмм был разработан условный код коммерческого характера. Этим кодом сообщалось число поездов и их состав (количество вагонов с солдатами и платформ с вооружением), категории перевозимых войск (полевые, резервные) и маршрут движения. Несмотря на сложность организации, донесения агентуры поступали в Рим в среднем через сутки-двое после их отправки.

31 августа О.К. Энкель получил новое задание: в связи с провалом агентурной сети в Швейцарии, работавшей по Австро-Венгрии, организовать разведку этой страны. Уже 4 сентября он отправляет четырех агентов в Вену, Будапешт, Краков и Кашау. Способом связи с ними была указана посылка на условные адреса бандеролей, содержащих австрийские газеты, на полях которых размещались агентурные донесения, наносимые лимонной кислотой. При нагревании газет проступали буквы коричневого цвета. Однако вскоре Австрия прекратила доступ в Италию газет, и донесения стали направляться условными телеграммами.

К январю 1916 года агентурная сеть Энकेля состояла из 22 агентов. Но когда в ГУГШ проанализировали все донесения

этих агентов, выяснилось, что поступавшие сведения не предшествуют войсковым операциям, а совпадают с их началом. Был сделан вывод, что организация, названная «Римской», вероятно, работает под контролем противника. Однако в дальнейшем работе с ней, с согласия ГУГШ, продолжал полковник граф П.А. Игнатъев, о чем речь еще впереди.

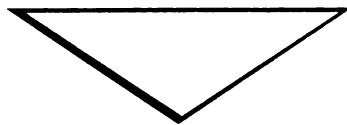
Более успешно работал военный агент России в Дании полковник Генерального штаба С.Н. Потоцкий. В мирное время с территории Датского королевства разведка Германии не велась. 28 июля 1914 года Потоцкий получил предписание ГУГШ в срочном порядке создать агентурную сеть в Германии. Для начала этой работы в распоряжение полковника Потоцкого было передано два агента — Юргенсон и Смоков. Сам Потоцкий к концу года уже имел на связи 14 агентурных организаций, конспиративную квартиру, содержателя группы почтовых адресов. В 1915 году его агентурная сеть еще больше расширилась. С помощью этой сети он приобрел сведения о состоянии германских железных дорог, информацию о военно-морском флоте Германии и другие важные данные.

В начале 1916 года эта агентурная сеть состояла из 20 разведывательных организаций, имевших своих сотрудников в Берлине, Гамбурге, Шлезвиг-Гольштейне и других городах и районах Германии. Однако в сентябре 1917 года в Берлине была раскрыта «большая агентурная сеть союзников», в том числе русская. Провал постиг одного из руководителей русской военной разведки полковника Генерального штаба Н.К. Рашу и других резидентов военной разведки России. Это привело к развалу агентурной сети Потоцкого, которую до конца войны так и не удалось восстановить.

После провала полковника Д.И. Ромейко-Гурко русским военным агентом в Швейцарии был назначен генерал-майор С.А. Головань. Швейцария в то время была шпионским центром, в котором интенсивно работали агенты как центральных держав, так и Антанты. Сам генерал-майор Головань к агентурной работе был неспособен, поэтому на помощь ему направлялись молодые прапорщики в качестве руководителей отдельных разведывательных организаций. Так, например, в начале 1917 года к нему прибыл прапорщик Ленкевич, работавший под псевдонимом Брут. Его деятельность оказалась совершенно бесполезной. Сам Головань в 1914 году имел на связи трех постоянных агентов, которым в виде

денежного содержания выплатил 10 500 швейцарских франков, что представляло собой значительную сумму. Кроме того, он пять раз покупал отдельные сведения у случайных лиц. Денежные расходы Голованя за 1914 год на разведку составили примерно 94 тысячи швейцарских франков. В 1915 году они увеличились почти до 200 тысяч. В 1916 году в его агентурной сети состояло несколько агентурных организаций и 13 отдельных агентов, однако их работа была малопродуктивной.

Нет необходимости анализировать состояние разведывательной работы ГУГШ в других странах Европы. В связи с тем, что к «чрезвычайному периоду» Огенквар не готовился, в Русской армии к 1916 году остро ощущалась потребность в реорганизации всей разведывательной работы в Европе, а также более тесной координации этой работы с работой разведывательных служб других стран Антанты. Для этого было необходимо направить в Париж в Межсоюзническое бюро по разведке военного разведчика, лично известного Николаю II. Выбор императора пал на штабс-ротмистра графа Павла Алексеевича Игнатьева, семью которого он хорошо знал.

Глава вторая

БРАТЯ ИГНАТЬЕВЫ И ИХ ПРОТИВНИКИ

ВАЛЬТЕР НИКОЛАИ

Накануне и в ходе Первой мировой войны русской разведке в целом и Павлу Игнатьеву в частности пришлось бороться с деятельностью спецслужб центральных держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Германскую разведку, называемую бюро Ш-Б, возглавлял в то время ставший впоследствии легендарным полковник Вальтер Николаи, большой мастер тайных дел и любитель мистики. «Нас окружает тьма. Секретная служба ее рассеет и проложит дорогу. Наш час пробил. Будущее принадлежит нам», — писал он в своих мемуарах, изданных десять лет спустя после начала Первой мировой войны¹. Военный до мозга костей, сторонник политики кайзера Вильгельма II, направленной на установление гегемонии Германии сначала в Европе, а затем во всем остальном мире, Вальтер Николаи верой и правдой служил не только кайзеру, но позднее и Гитлеру после захвата им власти в Германии и был кумиром нацистов.

Вальтер Николаи, будущий руководитель военной разведки Германии, родился в 1873 году в Восточной Пруссии, в прусской протестантской семье, которая дала Германии не одно поколение офицеров. В 1904 году он окончил военную академию в Берлине и получил назначение в германский Генеральный штаб. После двух лет успешной службы Николаи возвращается в Кенигсберг, где располагалось Главное бюро военной разведки Германии, работавшее против России.

В начале XX века в царской России действовало свыше дюжины созданных Германией разведывательных организаций и

резидентур, для которых, учитывая немецкое окружение царя, а также засилье германского капитала в русской экономике, не существовало никаких секретов. Готовясь к мировой войне, немцы заранее приняли меры к тому, чтобы иметь подробные сведения о Русской армии. В частности, германской военной разведке удалось получить план ее подготовки к отражению возможной агрессии с Запада.

В. Николаи изучил русский язык так же хорошо, как и политическую и военную историю России. Перед ним была поставлена задача: создать контрразведывательный отдел в Восточной Пруссии на границе с Россией. С задачей он справился успешно и в дальнейшем получил повышение по службе, будучи назначен на должность командира роты в Эрфурте. Осенью 1912 года уже в звании майора В. Николаи был переведен в Генеральный штаб, а в начале 1913 года он назначается главой военной разведки — бюро III-Б. Он приобретает мощную поддержку в лице начальника германского Генерального штаба генерал-лейтенанта Э. Людендорфа. На нужды военной разведки рейхстаг ассигновал колоссальную по тем временам сумму в полмиллиона марок. В. Николаи добивается расширения штатов разведки с 80 до 140 офицеров и проводит ее реорганизацию. Большое внимание он уделяет ведению разведки в странах Антанты, в первую очередь в России и Франции.

Германская разведка использовала групповой метод для добычи секретной информации. Российская контрразведка, действовавшая достаточно эффективно, несмотря на противодействие прогерманской партии в окружении царя, получила данные о деятельности большинства резидентур германской разведки в России. Однако влияние «германской партии» и императрицы Александры Федоровны на слабовольного царя было столь велико, что никаких радикальных мер по ликвидации шпионских сетей, раскинутых по всей России «дядей Вилли» (так Николай II называл в интимном кругу кайзера Вильгельма II), не предпринималось. В результате во время войны Русская армия заплатила неисчислимыми людскими и территориальными потерями за беспечность царя и его ближайшего окружения, которая граничила с государственной изменой.

Германская военная разведка, возглавлявшаяся В. Николаи, в XX веке считалась непревзойденной в Европе. Накануне мировой

войны ей удалось насадить массовую агентуру в приграничных районах своих потенциальных противников. Однако новые руководители германского шпионажа были лишены гибкости и изворотливости, т.е. тех качеств, которые необходимы разведчикам, и предпочитали действовать по шаблону. В результате мелкие факты, добываемые агентами В. Николаи, собирались в груды малоценных сведений, которые порой было невозможно перепроверить, и только создавали иллюзию большой осведомленности.

Перед Первой мировой войной В. Николаи удалось создать мощную агентурную сеть в Англии. Во всех крупных британских городах, портах, стратегически важных объектах имелись германские агенты, наладившие бесперебойную связь с разведывательным центром в Германии. От них поступала важная секретная информация по военно-стратегическим и политическим вопросам. Однако британская контрразведка не дремала. Во время визита в Англию императора Вильгельма II, состоявшегося за несколько лет до начала войны, агенты британской контрразведки проследили за одним немецким офицером из свиты кайзера, подозревавшимся в шпионаже. Как-то раз он зашел в парикмахерскую некоего Карла Густава Эрнста. Британская контрразведка взяла на заметку этого парикмахера и через некоторое время установила, что он является «почтовым ящиком» германской разведки, через который «шпионы кайзера» переписываются со своим центром. Дальнейшие шаги британской контрразведки были уже рутинными: она выследила всех немцев, посещавших своего соплеменника, и установила их личности.

Руководство британской контрразведки решило пока не трогать германских шпионов и выявить через них резидента. Так МИ-5 вышла на Густава Штайнхауэра, который незадолго до войны возглавлял разведывательную сеть В. Николаи в Англии. Выяснилось, что у него на связи было 26 агентов. Все они были установлены британскими спецслужбами и арестованы 5 августа 1914 года, когда уже началась Первая мировая война. К счастью для агентов Вальтера Николаи, в Англии пока еще не действовал «Акт о защите государства», предусматривавший смертную казнь за шпионаж во время войны, и 22 германских агента, среди которых был и парикмахер Карл Густав Эрнст, были приговорены к нескольким годам каторжных работ. В результате успешных действий британской контрразведки созданная В. Николаи на-

кануне войны агентурная сеть в Англии была полностью ликвидирована.

Что же касается самого резидента Густава Штайнхауэра, то он, заметив слежку британских шерлоков холмсов за собой, за несколько дней до начала войны скрытно пробрался в бухту Скапа-Флоу. Здесь под видом рыбака он при помощи лески, имевшей разметочные узелки, сделал промеры глубин бухты и смог ответить на запрос германского морского министерства о том, смогут ли крупные броненосцы британского флота базироваться на Скапа-Флоу. Ответ был утвердительным, и действительно в годы как Первой, так и Второй мировой войны эта стратегически важная бухта на северо-востоке Великобритании стала главной военно-морской базой ВМФ Англии.

Сам же Г. Штайнхауэр после выполнения разведывательного задания благополучно покинул Англию и успел до начала войны прибыть в Гамбург. Однако успех резидента мало радовал Вальтера Николаи: в результате провала его агентуры разведка «лишилась глаз и ушей» в Англии и не смогла предупредить Берлин о высадке британских войск во Франции, что до начала войны полностью исключалось германскими стратегами.

Узнав об этом, кайзер Вильгельм II пришел в бешенство и приказал направить с разведывательным заданием в Англию надежного немца, «за патриотизм которого можно ручаться». Чтобы успокоить разгневанного кайзера, В. Николаи нашел лейтенанта запаса Карла Ганса Лоди и послал его в Англию под видом американского туриста. К. Лоди был честным, добросовестным и исполнительным служакой, однако неискушенным в разведке. Вскоре по приезде агента британская контрразведка обратила внимание на телеграмму, которую он направил в Стокгольм. В ней К. Лоди в чрезмерно враждебных выражениях отзывался о действиях Германии, что в то время не было характерно для американцев, пока еще не вступивших в войну с ней.

Британская контрразведка на всякий случай установила слежку за К. Лоди и вскоре перехватила его письма, содержащие разведывательную информацию, которую он направлял в Стокгольм. 30 октября 1914 года лейтенант Лоди был арестован и расстрелян по приговору британского суда. Провал этого агента не смутил Вальтера Николаи, и вскоре в Англию было заброшено еще несколько германских агентов. Весьма успешно работала против

Англии и знаменитая Фрау Доктор, с которой мы также встретимся на страницах этой книги.

В годы Первой мировой войны Вальтер Николаи сделал ставку на массовую засылку агентуры в тыл стран Антанты. Историки подсчитали, что всего у него было триста тридцать семь агентов, работавших в России, Франции, США, на Ближнем Востоке и в нейтральных странах. Наиболее активно германская разведка работала в Испании и Швейцарии, где Павлу Игнатьеву пришлось не раз столкнуться с агентами Вальтера Николаи. О некоторых из этих операций мы расскажем в следующих главах.

Одним из лучших агентов В. Николаи был барон Август Шлуга, которому перед началом Первой мировой войны исполнилось 73 года. На пятый день войны он представил своему начальнику французский мобилизационный план и регулярно снабжал В. Николаи важной информацией по этой стране вплоть до своей кончины от старости в 1916 году.

Руководимая В. Николаи разведка активно работала против России и... в США. Незадолго до начала Первой мировой войны кайзер Вильгельм II назначил своим военным атташе в Вашингтоне майора Франца фон Папена, который в 30-е годы станет канцлером Германии и расчистит путь к власти для Гитлера. Помимо чисто представительских функций, на него возлагалась также задача руководить германской разведывательной сетью в США. С началом войны Ф. фон Папен по указанию В. Николаи развернул в Америке диверсионную деятельность. 22 марта 1922 года Вальтер Николаи направил из Германии ему на помощь капитана Франца фон Ринтелена с паспортом на имя швейцарского гражданина Эмиля Гаше, в котором были проставлены настоящие английские и американские визы. Ринтелен привез с собой новый секретный код для Ф. фон Папена и занялся выполнением своего задания. Вскоре он вышел на бывшего германского консула в Нью-Йорке доктора Бюнца, который в годы войны служил в Гамбургско-американском пароходстве и занимался наймом судов для тайного снабжения углем германских крейсеров в открытом океане. Для общения с командованием германского военно-морского флота у него был собственный код.

На одной из встреч доктор Бюнц обратился к Ф. фон Ринтелену с просьбой снабдить его детонаторами, чтобы совершать диверсии против кораблей союзников, везущих снаряды в Европу.

Он дал Ринтелену адрес некоего Макса Вайзера, бизнес которого подорвала война. Встретившись с этим немцем, Ринтелен убедился, что тот готов оказывать помощь службе В. Николаи. Они организовали совместную фирму «Э.В. Гиббсон и К^о» в качестве прикрытия для своей диверсионной работы. Вскоре они привлекли к сотрудничеству с германской разведкой химика по фамилии Шееле, знавшего секрет изготовления детонаторов. С помощью своих друзей-ирландцев, докеров и грузчиков, контакт с которыми поддерживал доктор Бюнц, вопрос загрузки детонаторов на корабль, везущие военные припасы в Европу, решился легко. Через несколько дней взрывной снаряд был занесен ими на американское судно «Фобус», которое через пару дней отправлялось с грузом снарядов в Архангельск. Через неделю пришло сообщение о том, что в Атлантическом океане на борту корабля вспыхнул пожар, и он был отбуксирован в британский порт Ливерпуль.

Спустя некоторое время Ф. фон Ринтелен через знакомую даму связался с российским военным агентом в Париже графом Алексеем Игнатьевым, старшим братом нашего героя, и с его помощью наладил импорт французского вина «Кларет» в Америку. Затем его фирма предложила А. Игнатьеву заключить контракт на поставку для Русской армии седел, мясных консервов, полевых кухонь, обуви и другого имущества. Было подписано около дюжины контрактов, которые были подтверждены и зарегистрированы в Российском посольстве в Вашингтоне.

Однако первое же судно с грузом для Русской армии было сожжено в открытом море миной, подложенной агентами Ринтелена. Русский военный агент в Вашингтоне был весьма огорчен и распорядился усилить наблюдение за погрузкой второго корабля с имуществом для Русской армии. Все вроде бы прошло благополучно, но и это судно сгорело в открытом море. Несмотря на настойчивые требования посольства России, фирма фон Ринтелена отказалась от дальнейшей поставки товаров и объявила себя банкротом. Доктор Шееле, тем не менее, продолжал исправно изготавливать детонаторы для взрывных зарядов, которые агента Вальтера Николаи регулярно подбрасывала в трюмы кораблей союзников. Количество несчастных случаев в открытом море увеличивалось. Военные поставки в Россию из США были сорваны.

Действия Ф. фон Ринтелена не остались незамеченными агентами американского ФБР, установившими за ним слежку. Вскоре

он от своей агентуры узнал, что англичане подкупили секретаря Ф. фон Папена и через него получили копию нового кода, который Ф. фон Ринтелен привез из Берлина. 6 июня 1915 года, когда диверсант находился в яхт-клубе, его пригласили к телефону. Звонил военный атташе Германии Ф. фон Папен и попросил его о срочной встрече. Военный атташе вручил диверсанту телеграмму от В. Николаи. В ней говорилось: «Конфиденциально информируйте капитана Ринтелена, что он должен вернуться в Германию». Он понял, что провалился из-за небрежной работы Ф. фон Папена, который не прореагировал на его сообщение о том, что англичане читают зашифрованную переписку военного атташе, в том числе телеграммы, в которых упоминалось его имя.

Для возвращения в Европу Фриц фон Ринтелен воспользовался своим старым швейцарским паспортом и письмом графа Алексея Игнатъева, согласно которому он был его представителем по продаже французского вина «Кларет» в США. На ближайшем пароходе «Ноордам» он отбыл в Европу. 15 августа 1915 года на рейде британского порта Рэмсгейт диверсант был арестован британской контрразведкой и препровожден в Тауэр. Никаких показаний он не дал. 13 апреля 1917 года, уже после вступления США в войну, он был выдан американским властям и отправлен в тюрьму Тобс, где уже находились тридцать два его сообщника по диверсионной работе. В заключении Ф. фон Ринтелен находился до 1921 года, после чего осел в Англии и порвал со службой Вальтера Николаи. Он так и остался в Англии и отказался иметь любые дела с нацистами накануне и во время Второй мировой войны.

Это лишь один из эпизодов, иллюстрирующих успехи германской разведки в годы Первой мировой войны, в том числе в борьбе против России. Следует отметить, что не только в Америке, где проживало немало немцев, но и при дворе императора Николая II германские агенты чувствовали себя вольготно. Германская шпионка и авантюристка Мария Соррель стала любовницей русского генерала Ренненкампфа, который бездарно командовал армией в Восточно-Прусской операции. Поражение Русской армии в Восточной Пруссии, вызванное несогласованностью действий генералов Ренненкампфа и Самсонова, породило слухи о том, что эта стратегическая неудача была вызвана деятельностью этой германской шпионки Марии Соррель. Правда это или нет — установить историкам так и не удалось.

Тем не менее она была арестована русской военной контрразведкой и повешена по приговору суда. Что же касается самого Ренненкампа, то в годы Гражданской войны в России он проживал в Таганроге с паспортом на чужое имя и под видом мирного обывателя. Когда Красная армия освободила этот город, за ним пришли чекисты. Генерал был расстрелян по приговору революционного трибунала.

К «германской партии», главенство в которой обычно приписывают императрице Александре Федоровне, несмотря на то, что она была внучкой английской королевы Виктории, принадлежал «святой черт» Григорий Распутин, чье влияние на царя и царицу было неограниченным. Немецкая разведка активно следила за деятельностью Распутина и во время войны через свою агентуру в его окружении внушала ему мысль о необходимости сепаратного мира с Германией. После революции было установлено, что секретарь Г. Распутина Симанович был германским шпионом, и об этом знала русская военная контрразведка. Однако ее попытки во время войны добиться высылки Симановича из Петрограда и тем самым пресечь его влияние на Распутина не увенчались успехом. По распоряжению военных властей эта высылка, предпринятая Министерством внутренних дел, была отменена.

В шпионаже в пользу кайзера был уличен и личный банкир Распутина Д. Рубинштейн. Позднее было установлено, что «друг Митя», как его называл Распутин, узнавал через «святого старца» о настроениях придворных сфер и, опаивая, оказывал на него влияние в нужном для Берлина направлении. После революции было также установлено, что Д. Рубинштейн поддерживал отношения с известным авантюристом Парвусом (Гельфандом), финансировавшим Февральский переворот в России.

В 1924 году бывший следователь по особо важным делам императорской Ставки В.Г. Орлов, получив доступ к германским архивам, установил, что германским агентом был даже сотрудник заграничной агентуры Департамента полиции А.Ф. Манасевич-Мануйлов, непосредственно причастный к фабрикации т.н. «Протоколов сионских мудрецов». О том, что Манасевич-Мануйлов был агентом германских спецслужб, недвусмысленно говорит письмо В. Орлова к знаменитому разоблачителю провокаторов царской охранки, в том числе небезызвестного Азефа, Владимиру Бурцеву. Приведем его полностью.

«Берлин, 22 ноября 1924 года

Дорогой Владимир Львович!

Как Вы, вероятно, уже знаете из газет, Бартельс посажен в тюрьму, поэтому мои тайные возможности пропали, конечно, на время. Для того чтобы получить интересующие Вас документы по делу Азефа, я подал заявление Полицай-Президенту и сослался на таких здешних моих друзей, что, надеюсь, отказа не будет.

Как только я получу эти документы, я незамедлительно перешлю Вам.

Недавно собственными глазами я видел доказательство того, что Иван Федорович Манасевич-Мануйлов во время Большой войны состоял немецким шпионом.

Сидней Георгиевич (Рейли. — *Авт.*) писал мне, что вы получили от Савинкова письмо. Если Вы его не будете опубликовывать, то не сможете ли Вы прислать мне его копию для ознакомления. Я не могу верить, что он изменил идеологии. Ведь это только тактика. Ну, будущее покажет.

Крепко жму руку и желаю удачи и здоровья².

Ваш В. Орлов».

В другом письме на имя того же В. Бурцева Владимир Орлов пишет:

«Берлин, 1 декабря 1924 года.

Дорогой Владимир Львович!

В связи с арестом Бартельса, которого, несомненно, съели большевики (его дело невероятно похоже на дело Ивана Федоровича Манасевича-Мануйлова), мне стало трудновато получать частным путем те материалы, что давал мне Бартельс просто по дружбе, и поэтому я возбудил ходатайство о выдаче мне нужных вам документов. Так как в течение долгого времени ответа не последовало, я подал вторичное прошение вчера и жду ответа. Как только что-нибудь получу, немедленно вам перешлю с нарочным. Кроме того, я нажал на все свои частные связи в том учреждении, где служил Бартельс, лишь бы ускорить получение этих документов.

Об Иване Федоровиче Манасевиче-Мануйлове я вам передаю только со слов того же Бартельса. Ведь он меня с Бартельсом по-

знакомил, и я только видел, что Манасевич-Мануйлов и Бартельс находятся в самых дружественных отношениях. Я тогда предполагал, что Бартельс помогает Манасевич-Мануйлову зарабатывать деньги на каких-либо коммерциях, что тогда было в большой моде, особенно, если хотелось есть хлеб да еще с маслом. Только впоследствии, уже в Берлине, Бартельс мне передал то, о чем я вам писал... (т.е. о том, что Манасевич-Мануйлов был германским агентом. — *Авт.*).

Крепко жму вашу руку и желаю полного успеха.

Ваш Орлов»³.

Поясним читателям, что Вальтер Бартельс, о котором идет речь в письме В. Орлова, перед Первой мировой войной и в годы войны служил в МИДе Германии. После Брестского мира прибыл в Петроград в составе группы сотрудников германского консульства и занимался разведывательной работой. Одновременно через своих агентов скупал русские ценные бумаги и ювелирные изделия. На этой основе был завербован внедренным деникинской разведкой в советские органы В. Орловым, который в то время работал в Совнаркоме и его кандидатура даже рассматривалась для работы в ВЧК вместо знаменитого левого эсера Я. Блюмкина. После разоблачения чекистами В. Орлова В. Бартельс был вынужден покинуть Россию. С конца 1918 года — консул Германии в Швеции. С 1920 по 1924 год — начальник иностранного отдела Департамента по охране общественной безопасности Германии. Изобличен во взяточничестве и уволен со службы.

Владимир Григорьевич Орлов (1882—1941) закончил юридический факультет Варшавского университета. Во время Первой мировой войны был главным военным прокурором при штабе армий Западного фронта, в 1916 году — членом комиссии по расследованию дел, связанных с недостаточным снабжением армии. После Октябрьской революции по поручению командования Добровольческой армии был внедрен в Совнарком под фамилией Болеслава Орлинского. В феврале 1918 года установил контакт с заместителем резидента французской разведки (2-го бюро) в России Фо-Па Биде и с английскими разведчиками Ватсоном и Бойсом. Поддерживал тесные отношения со знаменитым британским разведчиком, одесским евреем Сиднеем Рейли (настоя-

шая фамилия — Розенблюм) и известным террористом Борисом Савинковым.

В сентябре 1918 года в связи с провалом бежал из Петрограда. В 1919 году возглавлял контрразведку Добровольческой армии в Одессе. Причастен к отравлению знаменитой актрисы Веры Холодной, заподозренной в связях с большевиками. Действительный статский советник. Возглавлял разведку генерала Деникина.

В 1924 году, находясь в эмиграции, создал «фабрику фальшивок» — советских документов, ставшую основным источником его доходов. В июле 1929 года в Берлине состоялся суд над В. Орловым, на котором была изобличена фабрикация им поддельных советских документов. Германский суд приговорил его к высылке из страны. В. Орлов обосновался в Бельгии. Критиковал Гитлера за недостаточную, по его мнению, жесткость к Советам. Германских нацистов он называл «большевиками наоборот», что, естественно, им не могло понравиться. В 1940 году в результате оккупации этой страны немцами В. Орлов был арестован гестапо и доставлен в Берлин. В 1941 году его труп был обнаружен в берлинском сквере Тиргартен.

Однако вернемся к нашему повествованию. Центр разветвленной германской агентурной сети, несомненно, находился в Петрограде. Оттуда его ответвления шли ко всем наиболее важным стратегическим пунктам России. Германские информаторы имелись во всех учреждениях и кругах российской столицы. Не подлежит сомнению, что германская разведка имела хорошие связи с царским двором и распутинским окружением. Эти круги являлись источником самой достоверной и исчерпывающей информации. Спорным до сих пор является только один вопрос: был ли Распутин сознательным шпионом или же немцы использовали его «в темную»?

После свержения императора Николая II буржуазными партиями Временное правительство создало специальную Верховную следственную комиссию. Видный думский деятель М.В. Родзянко заявил в ней, что, по его мнению, «Распутин сознательно действовал для Берлина»⁴. Родзянко показал, что к нему приезжали какие-то частные лица с заявлением о том, что через шведское посольство Распутину передаются большие деньги из-за границы.

Бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов показал в этой комиссии, что «Распутин ездил в Царское Село по поручению Рубинштейна узнать, будет ли наступление или нет. Причем Рубинштейн объяснял близким, что это нужно ему для того, чтобы знать: покупать лес в этом районе или нет...»⁵

Из опубликованной переписки Николая II с его женой известно, что царь писал ей обо всех предстоящих боевых операциях. Александра Федоровна сообщала все эти сведения Распутину, который по телеграфу давал благословение или осуждал действия царя. Узнать содержание его посланий для немцев не составляло труда, так как еще в мирное время среди телеграфных служащих было внедрено немало тайных германских агентов, которые «снимали» информацию. Так что немцы без особых хлопот могли получать от Распутина любую информацию.

Характерен следующий факт. Когда знаменитый герой Первой мировой войны генерал А. А. Брусилов планировал наступление на Луцк, получившее в дальнейшем название Брусиловского прорыва, императрица Александра Федоровна поинтересовалась у него датой предстоящей операции. Свою просьбу она мотивировала тем, что будет вместе с «нашим другом» (т.е. Григорием Распутиным) молиться за успех русского воинства. Генерал под благовидным предлогом отказался назвать императрице дату наступления, справедливо полагая, что об этом станет известно врагу от того же «святого черта», которого любили евреи, презирали немцы и ненавидела Русская армия⁶.

В «германскую партию» входила и знаменитая графиня Клейнмихель, постоянными гостями салона которой были такие представители придворных кругов, как бароны Пиляр фон Пильхау, Грюнвальд, Нейгардт и князь Ширинский-Шахматов.

Забегая вперед, можно с уверенностью сказать, что одной из причин убийства Григория Распутина и Февральского переворота в России, свергнувшего Николая II с престола, наряду с военными неудачами и разложением тыла было разглашение с трибуны Государственной думы сведений о тайных переговорах, которые якобы вели за спиной царя придворные круги во главе с премьером Штюрмером и Распутиным. Целью переговоров было заключение сепаратного мира, что рассматривалось общественностью страны как позор для России. К убийству Распутина была причастна и британская разведка, стремившаяся сорвать любой це-

ной сепаратный мир России с немцами. Эти разоблачения, с которыми выступил в Государственной думе кадет П.Н. Милюков, будущий министр иностранных дел в правительстве А.Ф. Керенского, и стали, по восточной пословице, той соломинкой, которая сломала спину верблюда.

Правда, справедливости ради следует сказать, что эти переговоры не имели того характера, который им придавал Милюков. Они представляли собой всего лишь политический зондаж, целью которого было заставить союзников, и в первую очередь Англию, быть уступчивыми в вопросе передачи после войны Константинополя и проливов России. Характер «измены» этим переговорам придали кадеты во главе со своим лидером Милюковым, причем, как выяснилось позднее, с подачи германских спецслужб. Каждый пассаж своего эмоционального выступления с думской трибуны Павел Николаевич заканчивал патетической фразой: «Что это: глупость или измена?» На самом же деле царь и его ближайшее окружение стояли на позиции — «война до победного конца» и никаких действительных переговоров с немцами и их союзниками не вели.

Слухи о том, что Россия якобы ведет сепаратные переговоры с Германией, распространялись и германскими спецслужбами в Европе с целью внести раскол в ряды Антанты. Это, однако, не соответствовало действительности. «Все указания, — напишет после войны министр внутренних дел кайзеровского правительства К. Гельферих, — разнообразнейшими путями делавшиеся царю и русскому правительству, что мы согласны на приемлемый мир, — все это не имело никаких результатов»⁷. Нелишне в связи с этим будет сказать, что «русский патриот» П.Н. Милюков, резко возражавший против сепаратного мира с Германией, в 1918 году призывал Германию оккупировать территорию России «для наведения порядка» в ней.

С началом войны немцы забросили большое число своих агентов в тыл русского фронта. Наряду с «классическим» шпионажем немцы использовали такой метод разведки, как расшифровка русского военного кода, результатами которого они поделились с австрийцами. Благодаря этому на протяжении значительной части войны им удавалось читать донесения и приказы русских армейских штабов, передававшиеся по радио, и быть в курсе замыслов русского военного командования. Признавая это, начальник

австрийской разведки («Эвиденцбюро») Макс Ронге после войны вспоминал: «В первых числах декабря 1914 года мы перехватили русскую радиограмму: “Шифровальный ключ, не исключая посланного в ноябре, известен противнику”. Мы затаили дыхание. Но, несмотря на это, упрямые русские продолжали пользоваться старым шифром. Либо у них в этой напряженной обстановке было явно недостаточно других средств связи, либо не было в запасе нового ключа, или же они считали достаточной частую смену позывных, что, во всяком случае, облегчало нашу работу»⁸.

Однако были достижения и у русских криптоаналитиков. Историки радиоразведки установлено, что еще перед Первой мировой войной Россия занимала вместе с Францией лидирующее положение в мире в области перехвата и чтения дипломатической шифрованной переписки. Англия, Германия и США вообще не имели до войны дешифровальной службы, подобной русской, а Австро-Венгрия в основном занималась перехватом военной корреспонденции соседних стран.

С началом Первой мировой войны в Военном министерстве России были организованы дешифровальные отделения при всех штабах армии и флота. Наиболее интенсивно работа по перехвату шифрованных линий связи противника развернулась на Балтике. Уже в августе 1914 года на Балтийском побережье было создано несколько перехватывающих станций. В августе 1914 года российские моряки захватили кодовую книгу с немецкого крейсера «Магдебург». Она была передана англичанам, которым благодаря расшифрованным телеграммам немецкого военно-морского флота удалось нанести серьезные поражения Германии на море.

Однако ценность полученных англичанами от русских моряков кодовой книги с германского крейсера «Магдебург» этим не ограничивалась. В 1917 году британским криптоаналитикам, читавшим шифрованную переписку германского военного флота, удалось благодаря ей вскрыть и германские правительственные шифры. Как же это случилось?

17 января британские криптоаналитики перехватили телеграмму, зашифрованную германским дипломатическим кодом. Вскоре они благодаря кодам полученным от русских, прочли подпись под ней. Это был ни кто иной, как статс-секретарь германского МИДа Артур Циммерман. Телеграмма адресовалась германскому посланнику в Мексике фон Экардту.

Это позволило к 19 января 1917 года частично расшифровать шифротелеграмму. В прочитанной части послания говорилось о том, что с 1 февраля немцы начинают неограниченную войну на море своего подводного флота. Дальнейшие события подтвердили правоту этого сообщения: 31 января немцы вручили соответствующую ноту послу США в Берлине.

К середине февраля англичане сумели дешифровать всю телеграмму Циммермана. Из нее следовало, что немцы предложили Мексике напасть на США, чтобы вернуть утраченные ею территории. Полный текст телеграммы гласил:

«Справочный № 13042. Министерство иностранных дел, 16 января 1917 года. Совершенно секретно. Дешифровать лично. Мы намерены начать с первого февраля неограниченную подводную войну. Несмотря на это я считаю необходимым поддерживать нейтралитет США. Если наши усилия в этом направлении будут безуспешны, мы заключим союз с Мексикой на следующих условиях. Мы могли бы предоставить ей за это финансовую помощь и постараться возратить ей утраченные ею в 1848 году штаты Нью-Мексико и Аризона. Выработка подробностей этого плана представляется на ваше усмотрение. Вам поручается под строжайшим секретом прозондировать на этот счет мнение Каранцы и как только он узнает, что с Америкой нам также не миновать войны, намекнуть, что недурно было бы ему взять на себя инициативу начать переговоры с Японией о союзе, довести их до благополучного конца и тогда немедленно же предложить свое посредничество между Германией и Японией. Обратите внимание Каранцы на то, что начало нашей беспощадной подводной войны делает возможным обессилить Англию и привести к миру в течение нескольких месяцев.

Циммерман»⁹.

20 февраля содержание этой телеграммы было доведено до американского посла в Лондоне Пейджа. 1 марта 1917 года ее полный текст был опубликован в британской печати. Узнав об этом из сообщений британского телеграфного агентства Рейтер, немцы возмутились. Циммерман был вынужден давать объяснения в рейхстаге. Удивительно, но факт: Циммерман вместо того чтобы отрицать подлинность телеграммы, публично подтвердил

ее аутентичность. В рейхстаге он заявил, что совершенно не понимает, каким путем текст телеграммы попал в руки англичан, так как «она была отправлена под самым секретным кодом». На пресс-конференции Циммерман усугубил положение. Вместо того чтобы назвать все это дело «провокацией» Антанты, он стал сетовать на «неделикатность» англичан, допустивших утечку ее содержания в печать.

Американцы пришли в ярость. Поскольку телеграмма Циммермана шла через Вашингтон и на почте сохранилась ее копия, она была переправлена американцами в Лондон, где английские криптоаналитики в присутствии посла Пейджа продемонстрировали свое искусство. Вскоре ими был дешифрован ряд инструкций из Берлина, уточнявших депешу германского министра иностранных дел, и передали их американскому правительству. Результатом стало присоединение США к Антанте. 3 февраля США объявили о разрыве дипотношений с Германией, а 6 апреля 1917 года — о вступлении в войну на стороне стран Согласия.

МАКС РОНГЕ

Как известно, успехи русской военной разведки в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны были велики, но и «Эвиденцбюро» М. Ронге тоже могло похвастаться большими достижениями своих офицеров в России. В преддверии войны австрийцам удалось углубить координацию разведывательной работы с немцами и наладить обмен с ними секретными данными о России.

Осенью 1907 года М. Ронге, будущий начальник «Эвиденцбюро», был вызван в Вену. Начальник разведывательного бюро полковник Евгений Гордличка поинтересовался у офицера, какими языками тот владеет. Макс Ронге знал восемь иностранных языков, но признался, что свободно владеет только тремя: английским, французским и итальянским. Он был назначен руководителем разведывательной группы, и 12 ноября того же года приступил к работе.

Требовалось реорганизовать всю деятельность военной разведки Австрии, поскольку еще в 1902 году совместной австро-германской разведывательной деятельности против России был нанесен удар. В Варшаве был арестован германский агент — рус-

ский подполковник Гримм, работавший на обе страны. Следствие выявило, что он поддерживал тесные отношения с австрийским военным атташе Мюллером. В 1903 году австрийская контрразведка узнала, что военный прокурор ландвера подполковник Зигмунд Гейкало занимается ведением разведки в пользу России. Вовремя предупрежденный русской разведкой, он бежал в Бразилию, однако был арестован местными властями и выдан Австрии.

Макс Ронге создал во Львове, Кракове и Перемышле резидентуры австро-венгерской разведки, действовавшие против России. В них работало 15 офицеров. Работа резидентур заключалась в вербовке, обучении и засылке в Россию агентов, в приеме донесений, получаемых от них, а также использовании доверенных лиц, находившихся постоянно за границей, и поддержание постоянной связи с ними.

Одновременно, в связи с активизацией русской военной разведки в Австро-Венгрии, М. Ронге организует Службу военной контрразведки. Накануне мировой войны, весной 1913 года, его контрразведывательной службе удалось выявить предателя, писаря штаба германской крепости Торн по фамилии Велькеринг, который, не зная о координации действий спецслужб обеих стран, предложил австрийской разведке купить секретные сведения о германской мобилизации. М. Ронге немедленно установил контакт с В. Николаи, и общими усилиями спецслужб обеих стран Велькеринг был арестован. При аресте у него были обнаружены шифры, которыми его снабдила русская военная разведка. Это дало возможность установить масштабы его деятельности в пользу России.

М. Ронге отмечает в воспоминаниях, что «группе контрразведки “Эвиденцбюро” пришлось работать в 1913 году над 8000 случаев шпионажа против 300 случаев в 1905 году. Было произведено 560 арестов против 52. Почти седьмая часть арестов (80 человек) закончилась осуждением подозреваемых».

Несмотря на громкие скандалы, связанные с «делом полковника Редля» и другими делами, к началу Первой мировой войны Австро-Венгрия сумела создать обширную агентурную сеть, действовавшую против России. Позднее М. Ронге вспоминал, что эта сеть насчитывала до одной тысячи агентов, среди которых были и лица, непригодные к ведению разведывательной деятель-

ности. Так, до конца 1916 года им было обезврежено 88 агентов, утративших разведывательные возможности, а также разоблачено 62 афериста.

АВСТРИЙСКАЯ РАЗВЕДКА В РОССИИ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Разведывательное бюро Генерального штаба австро-венгерской армии вело на территории Российской империи активную разведывательную работу, которая перед началом Первой мировой войны значительно усилилась. Как доносило в Генштаб созданное еще в 1903 году «Разведочное отделение» (русская контрразведка), в 1913 году из 30 австрийских офицеров, легально посетивших Россию, шесть являлись установленными разведчиками. Но помимо них австрийский Генштаб засылал своих шпионов в Россию под видом мирных обывателей, коммерсантов, журналистов, представителей торговых и промышленных фирм. Австрийские разведчики, выезжавшие в Россию для сбора разведывательных сведений, выдавали себя за путешественников, туристов, отпускников. Особо популярным прикрытием было изучение ими русского языка.

Как докладывал в рапорте на имя начальника контрразведывательного отделения (КРО) Московского военного округа подполковника Отдельного корпуса жандармов Туркистанова сотрудник КРО Буячкин, 21 октября поездом в Москву прибыли два австрийских офицера — капитаны австрийского Генштаба Гюнтер Вильгельм и Кюнцель Рудольф. Проверкой по учетам КРО было установлено, что В. Гюнтер уже посещал Россию с разведывательным заданием в 1911 году, имея чин лейтенанта. Целью его поездки было ознакомление с южными районами России и дальнейшее следование в Турцию.

Военная контрразведка взяла под наблюдение обоих австрийских шпионов, которые уже в начале ноября отправились в поездку по России. Первоначально они посетили Санкт-Петербург, где проявляли повышенный интерес к армейским объектам, а также военным заводам. В январе 1914 года их видели уже в «третьей столице» Российской империи — крупном промышленном и торговом центре Нижнем Новгороде, а в феврале того же года Г. Вильгельм и Р. Кюнцель посещают уже Ригу, Вильнюс, Варша-

ву, другими словами, «инспектируют» приграничные военные округа Российской империи.

22 февраля 1914 года Гюнтер и Кюнцель совершают разведывательную поездку по Поволжью и Средней Азии, которая в только 1870 году вошла в состав Российской империи. 23 февраля по телеграмме из Москвы русская военная контрразведка в Самаре взяла обоих шпионов под наружное наблюдение. Поначалу они вели себя как обычные туристы: осмотрели достопримечательности, купили открытки и марки, а во второй половине дня из гостиницы отправились ... на пивоваренный завод, принадлежавший их соотечественнику, австрийцу фон Вакано, якобы отведать знаменитого Жигулевского пива. Фон Вакано уже давно подозревался контрразведкой в ведении шпионской работы на территории России.

После двухчасового пребывания в гостях у Вакано оба австрийских разведчика вместе с ним отправились на автомобиле в промышленную зону Самары, где располагался трубный завод — крупное предприятие, выполнявшее оборонные заказы. Здесь они провели визуальную разведку объекта, после чего возвратились в гостиницу и на следующий день выехали в Оренбург, где провели около суток. Здесь они также осуществили визуальную разведку промышленных и военных объектов, приобрели фотографии с различными видами города и благополучно отбыли в Ташкент.

Получив из Оренбурга сообщение контрразведки о поездке австрийских разведчиков, начальник контрразведывательного отделения Туркестанского военного округа жандармский ротмистр Пригара разработал и осуществил хитроумную оперативную комбинацию. По маршруту следования поезда на станции Казалинск в купе к Гюнтеру и Кюнцелю подсел секретный сотрудник контрразведывательного отделения. Ему удалось достаточно быстро завязать знакомство со шпионами, которые представились ему офицерами запаса австрийской армии, а Кюнцель даже дал свой домашний адрес в Вене.

Через некоторое время на станции Джусалы австрийские шпионы вышли из вагона и сфотографировали эту станцию. На вопрос агента русской контрразведки они ответили, что в настоящее время якобы состоят профессорами геологии Венского университета и командированы в Россию для изучения местности.

Оказавшись в Туркестане, оба австрийца продолжили разведывательную работу. Они посетили города Ташкент, Самарканд, Бухару, Коканд, Ош, Андижан, где фотографировали крепостные сооружения, воинские казармы, железнодорожные станции и делали в записных книжках всякого рода пометки секретного характера. Одновременно они вступали в разговоры с местными жителями. Так, по пути из Ташкента в Коканд они пытались опрашивать железнодорожников о российской крепости в городе Кушка, закрытой для доступа иностранцев. Интересовало их также отношение местного населения к русским.

Российская контрразведка, следившая за каждым шагом австрийских шпионов и установившая их связи, взяла под наблюдение персонал фирм «Проводник», «Искандер», «Шиндель», контор Ганьшина и Шаревского. Их, как правило, возглавляли постоянно проживающие в России австрийские подданные. В ряде городов эти австрийцы сопровождали разведчиков в путешествии по стране или встречались с ними на вокзалах для передачи секретной информации.

Из Средней Азии Гюнтер и Кюнцель отправились из Красноводска морским паромом в Баку, Тифлис и Владикавказ, где занимались той же деятельностью. Возвратившись в Москву, оба австрийских шпиона сразу же посетили генеральное консульство Австро-Венгрии, где, по всей вероятности, оставили собранные сведения в виде разведывательного доклада или ряда донесений, и тем самым избавились от улик.

Докладывая в апреле 1914 года окружному генерал-квартирмейстеру штаба Московского военного округа о поездках австрийцев, подполковник Туркистанов отмечал: «Мне кажется, что цель этих командировок — несомненно, военная разведка, что подтверждается еще и тем обстоятельством, что офицеры эти не столько заняты изучением русского языка, для чего им естественно надлежит жить в Москве, а большую часть своего времени посвящают разъездам по России. Борьба с такого рода разведкой является почти бесполезной, потому что офицеры эти не всегда ведут записи, а производят разведку маршрутов, а отчасти и дислокации войск на память, получая также важные сведения изустно от своих соотечественников, осевших в каждом уголке России»¹⁰.

Весьма активно работала и военная контрразведка Австрии. Командированный примерно в то же время в Вену капитан российского Генерального штаба Плеханов сообщал, что ему весьма трудно вести на территории этой страны сбор интересующих разведку сведений. И офицерская среда, и в целом представители других сословий общества весьма сдержанно, если не сказать враждебно, относились к русскому офицеру. Вокруг русского военного разведчика усилиями австрийской контрразведки была создана своего рода «полоса отчуждения», затруднявшая выполнение им задания Генштаба.

В период успешного продвижения Русской армии в Галиции контрразведка арестовывала лиц прорусской ориентации, брала в заложники волостных старост и православных священников. Позднее, опасаясь репрессий, православные священники были вынуждены уходить вместе с Русской армией. Так, до начала 1916 года с отступающими русскими войсками ушел 71 православный священник, 125 духовных лиц было интернировано, 128 расстреляно и 25 подверглись судебным репрессиям.

Роковую роль в развязывании этих репрессий сыграла брошюра отдела военной цензуры при генерал-квартирмейстере штаба Киевского военного округа, озаглавленная «Современная Галиция». Она была выпущена в июне 1914 года и представляла собой сборник сведений о политических партиях Галиции и об отношении ее населения к России. В брошюре были перечислены прорусские организации, на которые могли рассчитывать русские войска, а также названы поименно все члены этих организаций. Уже в самом начале войны сведения, содержащиеся в этой брошюре, добытой агентом Макса Ронге в штабе 24-го Русского корпуса, стали обвинительным материалом против многих русофилов и главной уликой против их лидера, члена рейхстага Маркова. 4 августа он был арестован, отправлен в Вену и там осужден. Остальным лидерам прорусских партий пришлось срочно покинуть Австрию и искать убежище в других странах, прежде всего в России.

Русской военной разведке и контрразведке на Западе противостояли мощные специальные службы Германии и Австро-Венгрии, тесно координирующие свои усилия. В предвоенные годы спецслужбы, возглавляемые В. Николаи, арестовали 1056 человек, подозреваемых в шпионаже. Судами было осуж-

дено 135 разведчиков, среди которых было: 107 немцев, из них 32 уроженца Эльзаса и Лотарингии, 11 русских, 5 французов, 4 англичанина, 3 австрийца, 2 голландца, по одному американцу, швейцарцу и люксембуржцу. В. Николаи пишет в своих мемуарах: «Шпионаж проводился в пользу Франции в 74 случаях, России — 35, Англии — 15, Италии — 1, Бельгии — 1 и в девяти случаях в пользу нескольких из этих стран одновременно»¹¹.

Вальтер Николаи, доживший до Второй мировой войны и весной 1945 года взятый в плен советскими войсками в Тюрингии, в городе Нордхаус, в сентябре того же года был допрошен следователями НКГБ. На Лубянке Николаи рассказал советским контрразведчикам много интересного. Он подтвердил, что «германскому Генеральному штабу до начала войны 1914—1918 годов были известны: дислокация русской армии, добытая через агентуру отдела Ш-6, расположение русских гарнизонов, в особенности на границе, характер вооружений, подготовка и снаряжение русских войск»¹².

Весьма полезными, по его словам, оказались наблюдения майора Генерального штаба германской армии барона Э. фон Теттау, прикомандированного во время Русско-японской войны к штабу генерала А.Н. Куропаткина, командовавшего во время войны войсками в Маньчжурии. Его донесения побудили германское военное командование внести изменения в тактику германской армии в Первой мировой войне. Перед войной германской разведке, по словам В. Николаи, удалось также выявить районы сосредоточения крупных ударных группировок и направления возможного наступления Русской армии.

В. Николаи назвал имена офицеров разведки, засылавших агентуру в Россию. Он показал, что в Кенигсберге этим занимался майор Гемп, в Алленштейне — майор Фолькман, в Данциге — майор Весте, в Познани — майор Людерс, в Бреславле (Вроцлаве) — Гудовиус. В Берлине поступавшую от агентуры информацию обрабатывал майор Нейхофф. На допросе обер-шпион германского рейхсвера отрицал факт вербовки агентуры в высших кругах петербургского общества и осуждал Макса Ронге за то, что тот в своих мемуарах назвал имена некоторых австрийских агентов. Такой он моралист, этот полковник Николаи!

В принципе германская разведка не нуждалась в вербовке агентуры в российском высшем свете, где, как уже упоминалось

выше, имелась «германская партия». К чему вербовать агентуру, тайно встречаться с ней, когда можно напрямую обращаться к этим лицам с просьбами любого рода. Учитывая, что говорить о «германском засилии» в высших сферах в те времена считалось «дурным тоном», разведчики В. Николаи чувствовали себя там как рыба в воде, приобретая агентуру влияния в любых интересующих их кругах. Как говорится, и дешево, и сердито. Ведь в до-революционной России немцев насчитывалось свыше двух миллионов, и далеко не все они были ремесленниками, кондитерами или колбасниками.

В свете этих соображений осуждать М. Ронге за то, что тот назвал имена некоторых из своих агентов Вальтеру Николаи было, конечно, легко. Впрочем, это нисколько не помешало ему несколько ранее, встретившись с одним из руководителей русской военной разведки эпохи Первой мировой войны Н. Батюшиным, оказавшимся в эмиграции в Германии, предложить последнему передать немцам списки русской заграничной агентуры. Нетрудно предположить, каковой была бы судьба этих людей, особенно в годы разгула нацизма. Неизвестный агент иностранного отдела ОГПУ, которому стало известно содержание их разговора, доносил в Москву, что русский генерал вежливо, но твердо отказал Николаи в его просьбе, заметив, что это было бы «неэтично».

По словам В. Николаи, ценные военные сведения для германского генштаба добывали германские военные атташе в Петербурге: генерал фон Лауэнштейн, полковник фон Лютвиц, полковник граф Позодовский. Вряд ли это соответствовало истине на сто процентов, но важная роль военных атташе в ведении разведки в мирное время не подлежит сомнению. Однако В. Николаи полностью отрицал все факты вербовки его службой представителей русско-немецкой знати. Как мы уже упоминали, не исключено, что прибалтийские бароны работали на него безвозмездно в силу «двойной лояльности».

По окончании допросов В. Николаи был помещен на спецдachu под Москвой, где написал мемуары. Нам довелось ознакомиться с ними, и, поверьте на слово, ничего примечательного в них мы не обнаружили: все только общие рассуждения и никакой конкретики. Поистине, верно говорится, что разведчику язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли.

РОДОСЛОВНАЯ ПАВЛА ИГНАТЬЕВА

Еще до войны русскому военному агенту (атташе) в Париже, тогда еще полковнику Алексею Алексеевичу Игнатьеву, старшему брату нашего героя, пришлось столкнуться с деятельностью германских и австрийских разведчиков, о чем речь пойдет немного ниже. Герою же нашей книги, Павлу Алексеевичу Игнатьеву, выпала судьба бороться против В. Николаи и М. Ронге с мая 1915 года и до окончания войны.

Граф Павел Алексеевич Игнатьев родился 31 декабря 1878 года в Санкт-Петербурге и принадлежал к одной из наиболее видных семей служивого дворянства России. Его дядя, граф Николай Павлович Игнатьев, после окончания Николаевской академии Генерального штаба в 1856 году был сразу назначен военным агентом России в Лондоне. В 1864—1877 годах он был послом в Константинополе, а в 1878 году — главным уполномоченным России при заключении Сан-Стефанского мирного договора, по которому Болгария получила независимость. В 1879 году род Игнатьевых был возведен в графское достоинство. В 1881—1882 годах граф Н.П. Игнатьев занимал пост министра внутренних дел.

Отец Павла, граф Алексей Павлович Игнатьев, в год рождения сына командовал привилегированным Кавалергардским полком в Петербурге. В 1885—1889 годах он был иркутским, а затем до 1896 года — киевским генерал-губернатором. Вершиной его карьеры стал пост члена Государственного совета, назначение на который он получил в 1896 году. В годы Первой русской революции 1905 года Алексей Павлович Игнатьев назначается председателем особых совещаний по охране государственного порядка и по вопросам вероисповедания. Он был членом кружка высокопоставленных лиц, называвшегося в прессе «Звездной палатой» и имевшего большое влияние на императора Николая II.

Граф А.П. Игнатьев-старший был противником созыва Государственной думы и сторонником усиления полицейских репрессий в связи с подъемом революционного движения в России. В то же время он не считал для себя невозможным, прибегнув к военной силе, потребовать от императора проведения «реформ». Весьма вероятно, что именно это обстоятельство послужило причиной террористического акта против него, осуществленного при явном попустительстве царской охраны. А.П. Игнатьев был

убит 9 декабря 1905 года в Твери членом эсеровской террористической организации во время выборов губернского предводителя дворянства.

В наши дни эта версия получила подтверждение. Как пишет один из потомков рода Игнатьевых — М. Игнатьев, сын убитого был убежден, что «в гибели его отца, тверского генерал-губернатора Алексея Игнатьева, были повинны не столько социалисты-революционеры, сколько сама тайная полиция, искавшая удобного случая расчитаться с генералом из-за его чересчур нетерпимых высказываний в адрес государя и в адрес политики уступок общественному мнению»¹³. Вместе с тем следует подчеркнуть, что А.П. Игнатьев был убежденным монархистом и отличался абсолютной преданностью императорской фамилии, чему нисколько не противоречит сказанное несколько ранее. Просто он, подобно многим другим русским аристократам, считал молодого царя слабовольным и неспособным управлять обширной Российской империей так же эффективно, как его отец император Александр III.

Мать Павла Игнатьева, графиня Софья Игнатьева, урожденная княжна Мещерская, принадлежала к богатой и знатной семье. Только в Петербурге ей принадлежало восемь доходных домов, в одном из которых проживал «старец» Григорий Распутин. Утверждали, что именно Софья Игнатьева приняла его в своем доме, а затем способствовала его знакомству с царской семьей. Своих сыновей Алексея и Павла графиня Игнатьева воспитывала в большой строгости. Даже когда они стали гвардейским офицерами и им были необходимы значительные средства для поддержания светского образа жизни, графиня выдавала каждому из них всего по сто рублей в месяц на «карманные расходы».

Граф Павел Алексеевич Игнатьев с отличием окончил Киевский лицей, а затем учился в Петербургском университете, где защитил диплом лиценциата права. Однако гражданская карьера не прельстила юношу. Как и его брат Алексей, он поступает на военную службу. 30 августа 1901 года молодой граф, которому исполнилось всего 22 года, был зачислен вольноопределяющимся в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. Менее чем через год, после сдачи экзамена при Николаевском кавалерийском училище по 1 разряду он был произведен в корнеты.

В 1906 году граф Павел Игнатьев поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил в 1909 году и «за отличные успехи в науках» вместо очередного чина был награжден орденом Св. Станислава III степени.

По правилам прохождения службы, действовавшим в то время, перед офицерами, прослушавшими полный курс академии, после годичного цензового командования ротой или эскадрой открывалась штабная карьера. Однако Игнатьев 2-й отказался от штабной службы. Он изъявил желание продолжить службу в строю и вернулся к своим гусарам. Поэтому он не был причислен к корпусу офицеров Генерального штаба.

На Первую мировую войну герой нашего повествования пошел со своим лейб-гвардии Гусарским полком в чине штабс-ротмистра. Ему пришлось пережить горечь поражения и гибели 2-й армии генерала А.В. Самсонова во время Восточно-Прусской операции. После отхода из Восточной Пруссии остатков русских войск он был назначен временно исполнять должность начальника штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В дальнейшем свою военную карьеру он бесповоротно связывает с русскими спецслужбами. Но об этом немного позднее.

Здесь нельзя не сказать несколько слов и о старшем брате Павла — Алексее Алексеевиче Игнатьеве, хорошо известном поколению читателей 40 — 60-х годов прошлого столетия. Речь идет о знаменитом «красном графе», авторе книги «50 лет в строю».

Алексей Алексеевич Игнатьев родился 2 марта (по старому стилю) 1877 года в Санкт-Петербурге. В 1894 году окончил Киевский кадетский корпус, после чего сразу же поступил в Пажеский корпус, который окончил в 1896 году. После службы в Кавалергардском кавалерийском полку в 1902 году Игнатьев-старший оканчивает Академию Генерального штаба. В отличие от брата он был причислен к корпусу офицеров Генерального штаба и с тех пор занимал в Русской армии должности, на которых достойно представлял эту важную часть Военного министерства. Участвуя в Русско-японской войне 1904—1905 годов, граф Игнатьев был ранен. После войны этот блестящий и образованный офицер перешел на военно-дипломатическую службу. В 1906 году его назначают помощником военного агента (атташе) во Франции. В 1908—1912 годах полковник А.А. Игнатьев занимал посты военного агента последовательно в Дании, Швеции и Норвегии.

В 1912 году Алексей Алексеевич Игнатъев был назначен на должность военного агента России во Франции. До этого назначения начальник русского Генерального штаба генерал А. П. Жилинский предложил ему пост военного агента в Вене. При этом учитывался положительный опыт военно-дипломатической службы А. А. Игнатъева в Скандинавии. Было принято во внимание и то соображение, что аристократу графу Игнатъеву не составит труда войти в высшие придворные круги Вены. Однако Министерство иностранных дел России не согласилось с этим назначением, указав, что он носит «слишком славянскую фамилию» и это может вызвать неудовольствие австро-венгерского Генерального штаба. Оказывается, и в те времена быть русским в нашем Отечестве было непрестижным.

Другими словами, в Петербурге в ту пору дули совсем иные ветры, нежели в годы царствования императора Александра III. Рассказывают, что этот царь, прославившийся тем, что сумел подавить революционное движение в России, а также своим знаменитым изречением: «Европа подождет, пока русский император ловит рыбу», на дух не переносил немцев. Если в приносимых к нему на высочайшее утверждение документах о назначении на высшие должности в Российской империи он встречал немецкую фамилию, Александр III безжалостно вычеркивал ее, заменяя русской.

А при его сыне, Николае II, германофильские тенденции стали вновь сильны в правящих кругах Петербурга, и их преодолеть не могли даже самые старшие чины военного ведомства, не принадлежавшие к «германской партии». К тому же, как уже знает читатель, уж больно «насолил» австрийцам прежний русский военный агент М. К. Марченко. На пост военного агента России в Вене был назначен упоминавшийся выше полковник М. И. Занкевич, которого сменил барон А. Г. Виникен. Последний особых хлопот австрийской контрразведке не причинял, переписывая потихоньку сообщения местной прессы и не утруждая себя работой с агентурой.

Алексей Игнатъев уже работал в Париже в 1906 году в качестве помощника военного агента, поэтому хорошо знал обстановку в этой стране. Систематической агентурной работой граф себя не напрягал, поскольку Франция не вела разведки против России.

Среди русской аристократии было широко распространено убеждение в том, что «джентльмены чужих писем не читают»,

поэтому к разведывательной работе многие русские офицеры относились как к чему-то малодостойному. Однако пост военного агента в Париже был весьма важным в части вербовки иностранцев, предлагавших свои услуги русской разведке. Генеральным штабом Русской армии ему было также поручено передавать указания Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) резидентам разведки, скрывавшимся под псевдонимами Иванов и Викторов, и принимать на связь негласных агентов ГУГШ для их передачи этим резидентам.

Именно А.А. Игнатьеву удалось убедить начальника 2-го бюро (военной разведки) французского Генерального штаба полковника Дюпона в полезности совместной работы разведок двух стран, о чем и было подписано соответствующее соглашение. Сотрудничество обеих стран в этой области строго строилось на базе Русско-французской военной конвенции 1892 года, в которую на совещании начальников Генеральных штабов двух стран были внесены дополнения. К 1913 году было проведено восемь таких совещаний, в которых участвовал и А.А. Игнатьев.

Французская военная разведка традиционно сосредоточивала свои главные усилия на выявлении германских военно-политических планов в Европе. Однако она не могла похвастаться особыми успехами в этой работе. Так, накануне войны 2-е бюро Генштаба французской армии пришло к выводу, что в первые недели Германия сможет выставить армию в 2,5 миллиона штыков. На деле же Германии удалось мобилизовать вдвое больше солдат — 5 миллионов человек.

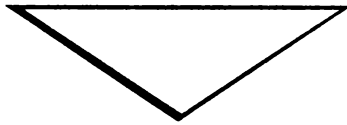
Несмотря на промахи и ошибки, в целом французская военная разведка являлась довольно сильной спецслужбой. Поэтому Россия была заинтересована в сотрудничестве с ней как накануне мировой войны, так и особенно в ее начале, когда русский Генеральный штаб остался без агентурной разведки в Европе. До первой поездки в Париж Павла Игнатьева, которая состоялась в конце 1915 года, военный агент России полковник Алексей Игнатьев, командор ордена Почетного легиона Франции, поддерживал контакты с французским Генштабом, получая от него разведывательную информацию. Не менее важной его обязанностью были закупки вооружения и боевой техники во Франции и размещение с этой целью русских военных заказов на французских предприятиях. Одновременно Алексей Игнатьев был представи-

телем Русской армии при французской Главной квартире, и ему фактически подчинялись все чины Русской армии во Франции.

После Октябрьской революции А.А. Игнатъев перешел на сторону советской власти. Он помог сохранить для нее сумму в 350 тысяч рублей золотом, вложенную на его имя в иностранной валюте во французские банки. В начале 20-х годов в Париж к А. Игнатъеву приезжал известный террорист Борис Савинков, возглавлявший контрреволюционную организацию «Народный союз защиты Родины и свободы», с требованием передать ему эти деньги. Генерал Игнатъев отказался сделать это, сказав, что он «является лишь часовым при денежном ящике», а эти деньги принадлежат русскому народу.

После установления дипломатических отношений между СССР и Францией А.А. Игнатъев работал в советском торгпредстве. Он возглавлял советско-французскую «Компанию промышленного и торгового развития» и был активным сторонником всемерного укрепления торгово-промышленного обмена между обеими странами. В дальнейшем «красный граф» был назначен председателем Торговой палаты СССР во Франции, которая действовала в рамках Торгпредства.

В ноябре 1930 года А.А. Игнатъев получил советское гражданство. В 1937 году он возвратился в СССР, где был назначен инспектором по обучению иностранным языкам Управления военных учебных заведений РККА, а затем начальником кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии. С октября 1942 года вплоть до выхода в отставку в 1947 году генерал-лейтенант А.А. Игнатъев был старшим редактором отдела военно-исторической литературы Военного издательства Народного комиссариата обороны. Во время Великой Отечественной войны он передал в фонд обороны фамильные драгоценности, полученные от матери. В мемуарах, озаглавленных «50 лет в строю», он рассказал о жизни русской и иностранных армий в период Русско-японской и Первой мировой войны. Скончался Алексей Алексеевич Игнатъев в 1954 году.

Глава третья

НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Граф Павел Алексеевич Игнатьев, как мы уже упоминали, с началом Первой мировой войны командовал кавалерийским эскадронам и принимал участие в Восточно-Прусской операции. После поражения Русской армии в Мазурских болотах П.А. Игнатьев временно исполнял должность начальника штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. С ранением в ногу он был помещен в военный госпиталь в Ковно. Здесь в мае 1915 года, находясь на излечении, он получил служебную телеграмму следующего содержания: «Ротмистру Игнатьеву приказано немедленно явиться в штаб Юго-Западного фронта». В телеграмме, по-военному кратко, не были указаны причины вызова. Поскольку на фронте не принято задавать лишних вопросов, ротмистр Игнатьев, выписавшись из госпиталя, отбыл во Львов. Здесь он был принят начальником штаба фронта генералом от инфантерии Михаилом Васильевичем Алексеевым. Генерал любезно встретил тридцатилетнего штабс-ротмистра, к семье которого император Николай II питал большое расположение. После доклада и обмена приветствиями он сказал:

— Мне нужен офицер штаба, умеющий говорить и писать на иностранных языках. Вы один из них, не правда ли? Какими языками вы владеете?

— Французским, английским, немецким, итальянским и испанским.

— Великолепно! Это то, что надо. Представьте завтра утром генерал-квартирмейстеру генералу Дитерихсу.

Не задавая лишних вопросов, Павел откланялся, а в душе подумал, что ему предстоит, скорее всего, новое назначение. На сей раз служба во фронтовой разведке. Это его не очень обрадовало,

поскольку боевой ротмистр рвался на фронт, да и быстрой карьеры у генерал-квартирмейстера не сделаешь.

Утром следующего дня он прибыл в назначенное время в городской лицей, отданный по случаю военного времени в распоряжение штаба фронта. Прихрамывая после ранения, ротмистр вошел в большую классную комнату, превращенную в рабочий кабинет генерала. О мирном прошлом этого дома теперь напоминали только ученическая доска, висевшая на стене, да неистребимые каракули двоечников кое-где на подоконниках. Дитерихс с приветливой улыбкой пошел навстречу титулованному офицеру. Он справился о том, как идет выздоровление после полученного Павлом ранения, расспросил о его боевых делах, а затем перешел к тому, ради чего боевой ротмистр был приглашен в штаб фронта.

Знакомство командования штаба Юго-Западного фронта с послужным списком П.А. Игнатьева, сказал генерал М.К. Дитерихс, привело его к мысли о том, что именно он по уровню общего и военного образования, а также по накопленному разностороннему жизненному опыту является наиболее подходящей кандидатурой для дальнейшего прохождения службы во фронтовой разведке. Генерал дал понять, что это назначение, если ротмистр Игнатьев примет его, следует рассматривать как промежуточный этап в прохождении карьеры, и что высшее командование предполагает в дальнейшем использовать его на более высоком посту.

«Золотит пилюлю», — подумал П.А. Игнатьев. Когда командование желает назначить кого-то на непрестижную должность, оно всегда говорит, что потом все будет как надо. Но это «потом» в условиях войны может и не наступить. Поэтому Павел Игнатьев без особого подъема встретил предложение генерала. Кроме того, в те времена в среде офицеров гвардии служба в армейской контрразведке или разведке считалась малодостойным занятием. Вот почему он, не отказываясь от предложения, ответил, что не знаком с этим видом службы и хотел бы получить другое назначение. Однако этот вопрос, видимо, был решен заранее: не так много боевых офицеров Русской армии в то время владели пятью иностранными языками да к тому же имели за плечами обширный опыт светского общения с подданными иностранных государств.

Разведывательное и одновременно контрразведывательное отделение Юго-Западного фронта состояло из начальника и нескольких офицеров, которые доброжелательно приняли бое-

вого гвардейского офицера и аристократа, к тому же раненного на фронте. С декабря 1914 года по апрель 1915 года возглавлял это отделение полковник А.А. Носков, которого вскоре заменил подполковник Генерального штаба В. Брендель. В отделении два молодых прапорщика целыми днями занимались расшифровкой телеграмм, поступающих со всего фронта. Три штабс-капитана находились в постоянных разъездах по делам разведки, которые на первых порах Павлу как новому сотруднику были непонятны. В разведывательном отделении штаба фронта работал также один вольноопределяющийся, отставной чиновник, хорошо владевший венгерским языком. Он был взят сюда не случайно: в результате успешного на первых порах наступления Русская армия частично овладела Карпатами и напрямую угрожала дальнейшим выходом непосредственно в Венгерскую долину, занятие которой имело бы колоссальный политический эффект.

Некоторое время спустя в послужном списке Игнатьева 2-го появилась следующая запись: «Приказом по управлению генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта от 23 марта за № 65 допущен к исполнению должности штаб-офицера помощника начальника разведывательного отделения штаба фронта»¹. Так официально младший Игнатьев стал разведчиком, последовав на этом поприще за своим старшим братом.

Штаб фронта в то время в основном опирался на сведения авиаразведки или на данные, полученные от военнопленных, особенно чехов, большинство которых испытывало естественные симпатии к России. Их показания, по словам Игнатьева, были весьма ценными. Когда войска фронта в результате успешных действий захватили несколько тысяч австрийских военнопленных, граф лично вел допрос одного командира батальона, чеха по национальности. Чешский майор сообщил, что в плен он сдался добровольно вместе со всем своим батальоном, в котором все офицеры почти поголовно были немцами. Чех показал на карте расположение австро-венгерских войск и рассказал о замыслах командования. А в заключение разговора, отвечая на вопрос о причинах сдачи в плен, он сказал:

— Ах, господин ротмистр, вы просто не догадываетесь о чувствах, которые движут чехами. Мы испытываем к своим угнетателям-немцам просто жгучую ненависть. Но что бы мы им не сделали плохого, все равно не сможем причинить им такое же

зло, какое они нам уже причинили. Мы хотим быть свободным народом, чтобы на чешской земле распоряжался чех, а не немец.

Разумеется, эта информация о настроениях в армиях «лоскутной империи», как в то время называли австро-венгерскую монархию, была использована командованием фронта при планировании боевых действий.

Поначалу ротмистру новая служба казалась неинтересной. Но, как говорится, не боги горшки обжигают: мало-помалу Павел Игнатъев освоился с разведывательной работой. Вскоре он получил в подчинение двух офицеров пограничной стражи, знакомых с этим видом боевых действий да к тому же сохранивших связи с контрабандистами, незаменимыми проводниками разведчиков через границу в условиях военного времени. В связи с тем, что 3-я армия фронта остро нуждалась в сведениях о вражеских позициях, было принято решение обратиться за помощью в том числе и к ним. Командование отобрало двух солдат, которые в сопровождении контрабандистов отправились в ночное время на разведку противника. Переплыв небольшую речку, разделявшую русские и австрийские позиции, они беспрепятственно преодолели передовую линию обороны противника и проникли в небольшую деревушку, где располагался штаб вражеского полка. Австрийские вояки беззаботно спали. Русским солдатам удалось незаметно проникнуть в штаб и забрать секретные документы. На следующий день все бумаги и карты были доставлены в разведывательное отделение штаба фронта. Они оказались весьма интересными, и солдаты получили поощрение от командования.

Таких боевых эпизодов — мирных и немирных — немало выпало на долю Павла Игнатъева, однако поиск разведки в тылу врага, разумеется, не мог заменить отсутствие стратегической разведки фронта, которую надлежало организовать заново. Как мы уже упоминали, с началом войны обширная агентурная сеть Киевского военного округа в Австрии была разгромлена. В результате у командования Юго-Западным фронтом возникла острая необходимость в получении стратегической информации военно-политического характера.

Тем временем обстановка на фронте изменилась и стала приобретать угрожающий для Русской армии характер. Армия Австро-Венгрии, потерпевшая ряд тяжелых поражений, что в немалой степени можно отнести на счет успешной предвоенной работы

русской разведки, обратилась за срочной помощью к Германии. Последняя направила на выручку Вене своих генералов и фактически поставила под жесткий контроль австрийскую армию. Немецкие дивизии были смешаны с австрийскими и командовали ими в основном германские офицеры. Весной 1915 года против Юго-Западного фронта была сконцентрирована такая смешанная армия под командованием генерала, впоследствии генерал-фельдмаршала Августа Макензена, которая 2 мая перешла в наступление в районе Горлице и вскоре прорвала фронт русской 3-й армии генерала Радко-Дмитриева. Штаб фронта был в шоке.

Между тем из войск доносили, что противник готовится к новому наступлению. Начальник штаба 31-й пехотной дивизии полковник Б.В. Геруа, вспоминая об этих событиях, писал: «В войсках 10-го армейского корпуса ждали атаки: слишком очевидны были признаки подготовки к ней противника. В течение недель перед тем велась редкая, но систематическая артиллерийская пристрелка по нашим позициям и тылам. Появились новые виды снарядов — шрапнель с двойным разрывом, более мощные гранаты. Летали чаще аэропланы, как бы разглядывая сверху наше расположение и делая съемки вдоль и поперек русской укрепленной полосы. Никто им не мешал: своя авиация почти отсутствовала, противоаэропланных батарей не существовало. И лишь пехотные солдаты, стреляя в небо из ружей, извещали беспорядочной трескотней выстрелов о появлении над головами неприятельских летчиков. Наконец противник производил усиленные разведки нашей передовой линии. Захваченные нами пленные принадлежали иногда к новым частям, появившимся перед фронтом корпуса. Некоторые из более разговорчивых пленных показывали, что прибыли сильные подкрепления, артиллерия, и, главное, германцы, которых до сих пор не было на этом участке фронта»².

Командование Юго-Западного фронта, увлеченное идеей прорыва через Карпаты в Венгрию и похода на Будапешт, а далее на Вену, не располагая данными о стратегических планах противника и игнорируя данные войсковой разведки, само поставило под удар 3-ю армию. Внезапное наступление армии А. Макензена со всей остротой поставило вопрос о необходимости организации стратегической разведки глубоко в тылу австрийских войск. Вскоре эта миссия ляжет на плечи П. Игнатьева.

Командующий фронтом генерал от инфантерии Н.И. Иванов предпринимал меры к тому, чтобы оставить в тылу наступающей армии Макензена агентов разведки фронта с целью получения сведений о дислокации австро-германских войск, их резервов и районов сосредоточения. Однако эта задача была трудновыполнимой. Причина заключалась в том, что отсутствовали квалифицированные кадры, и поэтому возникали чрезвычайные сложности при организации связи с агентами. Кроме того, как уже упоминалось, русская военная разведка не располагала резидентурами в странах, имевших в тот период статус нейтральных. Речь идет в первую очередь о Швейцарии, Дании и Румынии, базируясь в которых, можно было бы организовать связь резидентур с Россией. Поэтому было решено использовать возможности самой фронтовой разведки.

Командование фронта распорядилось отобрать трех офицеров, которые должны будут организовать разведывательные центры в трех пунктах — Львове, Перемышле и Холме. Непосредственное руководство работой этих центров возлагалось на ротмистра графа П. Игнатьева. Приказ генерала Н.И. Иванова о новых обязанностях ротмистра последовал 7 мая 1915 года.

Через некоторое время после получения задания П.А. Игнатьев в сопровождении жандармского ротмистра Л. выехал на дрезине во Львов, который, как предполагалось, вскоре будет оставлен русской армией. В задании командования фронта ему, в частности, предписывалось установить контакт с агентами, которые должны остаться в тылу врага, а также арестовать и отправить в тыл примерно тридцать подозрительных лиц, в основном австрийской национальности.

Гром пушек наступающей армии генерала Макензена слышался все отчетливей. Столица Галиции напоминала военный лагерь. Улицы Львова были запружены грузовиками, фурами, зарядными ящиками, повозками с армейским имуществом. Прибыв в город, П. Игнатьев переоделся в гражданское платье и пошел лично познакомиться с агентами, оставляемыми в тылу австрийцев. Один из адресов привел его к дому, расположенному на небольшой, малолюдной улочке неподалеку от железной дороги. Здесь жил некто по имени Владимир Левицкий, завербованный разведкой Юго-Западного фронта еще в сентябре 1914 года офицером разведки 8-й русской армии ротмистром

К.К. Шермо-Шербинским. Далее предоставим слово самому Павлу Алексеевичу:

«— Генерального штаба ротмистр Игнатъев, — отрекомендовался я.

— Владимир С. (на самом деле — Левицкий. — *Авт.*) — представился в свою очередь старик. — Милости прошу.

Я зашел в скромное, чистое жилище. На столе негромко шумел самовар. За чаем мы разговорились.

— Как я уже сказал капитану Р., вы можете рассчитывать на меня. Ну, кто же мог предвидеть столь печальную историю, когда Русская армия будет вынуждена отступать, да еще перед кем! Перед австрийцами! Скажите мне, господин ротмистр, как это могло случиться?

— Увы! Ни мы, ни наши союзники не ожидали войны. А наши противники подготовились к ней, все учли, вплоть до мелочей. Их вооружение превосходно, а у нас — всего нехватка. Понятно, что храбрость наших солдат не может заменить боевой техники.

— И что же теперь будет с нами?

— Терпение, мой друг, только терпение. Скоро мы возьмем реванш. Будет праздник и на нашей улице. А пока нам нужно как следует организовать службу разведки, которой до сих пор не хватало. Вот именно поэтому мы и обратились к таким патриотам России, как вы.

— Повторяю, вы можете на меня положиться.

— Ваша роль будет совсем не трудной, ведь вы так славно устроились — прямо рядом с вокзалом.

— Я выбирал квартиру поближе к работе, а теперь, хотя она мне и великовата, я все равно остаюсь в ней. Если я перееду, мне будет чего-то не хватать. Я, понимаете, уже привык слышать шум поездов, гудки паровозов...

— Вот об этом-то и речь, — сказал я, подойдя к окну. — Ваша задача простая: нужно только подсчитывать число поездов, прибывающих с запада и выгружающих войска или боевую технику и артиллерийские орудия. При этом не забудьте хорошенько запоминать их количество.

— Понятно. Но я иногда бываю в разъездах, и тогда во время моего отсутствия меня будет заменять моя старая служанка. Она будет рада принести пользу нашей стране.

— Превосходно. Скажите, пожалуйста, а вы вообще-то выходите по вечерам поговорить с соседями?

— Да, конечно. Я встречаюсь со старыми друзьями, мы любим переброситься в картишки, поболтать о том о сем...

— Ну, в таком случае нет ничего легче получить от них как бы ненароком дополнительные сведения.

— А кому я буду передавать все это?

— Капитан Р. сообщит вам все необходимые детали на сей счет.

Мы расстались, довольные друг другом, однако при прощании мой браваый бухгалтер вытер невольную слезу».

Забегая немного вперед, заметим, что от этого агента по имени Владимир Левицкий поступали очень полезные сведения. Однако и ему не удалось избежать провала. Арестованный австрийской контрразведкой, оно отказался признать предъявленные ему обвинения, и дальнейшая его судьба неизвестна. Скорее всего он погиб в концентрационном лагере или в тюремном застенке. В таком печальном исходе этого ценного агента, истинного патриота России сказались отсутствие навыков разведывательной работы, что было слабым местом русской, да и не только русской, военной разведки в годы Первой мировой войны.

В середине ноября 1916 года генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта М.К. Дитерихс вызвал ротмистра П.А. Игнатьева и в присутствии начальника разведывательного отделения подполковника В.А. Бренделя ознакомил его с новым заданием. Суть задания заключалась в создании нового разведывательного центра, руководить которым должен был сам Павел. П.А. Игнатьеву было предложено составить план действий этого органа, и после утверждения его соображений по этому поводу незамедлительно начать разведывательную работу против Германии, Австрии и Турции.

Павел Игнатьев не сумел скрыть своего недовольства идеей стать исключительно «начальником шпионов», как в шутку говорили его фронтовые друзья. В ответ на эти слова генерал Дитерихс спокойным, но суровым тоном сказал Павлу:

— Ротмистр, помните, что долг каждого солдата — жертвовать ради Родины самым дорогим, что у него есть, то есть даже собственной жизнью. Однако поставить на кон свою честь иногда бывает труднее, чем просто умереть. Ступайте, и чтобы к завтрашнему дню ваш рапорт об организации разведки был готов.

Разумеется, после этих слов возражать Павлу было нечего, и рапорт был готов в установленный срок. С этого дня и до ноября 1916 года Павел Игнатъев выполнял «секретное поручение» по разведывательной работе против Австрии, Германии и Турции.

Чем же была вызвана необходимость активизации разведывательной работы разведки против стран Четверного союза? Прежде всего беспечностью военного руководства Российской империи в преддверии надвигавшейся войны. Как уже упоминалось, разведка Киевского военного округа, ставшего с началом войны Юго-Западным фронтом, была осведомлена о состоянии войск Австро-Венгрии, но в основном только в приграничной зоне. Она, в частности, располагала сведениями о том, что к государственной границе России противником выдвинуты лишь охраняемые части, поддерживаемые кавалерийскими дивизиями, преимущественно состоявшими из мадьяр.

Однако до начала Первой мировой войны считалось, что надвигавшееся военное столкновение со странами Четверного союза будет носить скоротечный характер, и уже в сентябре «победоносные русские войска» вступят в Берлин. В этой связи внимание агентурной разведки перед войной сосредоточивалось на задачах, связанных с мобилизационным периодом и проведением боевых действий. При этом организации разведки в тылу противника внимания почти не уделялось.

В инструкциях русского Генерального штаба (1912 год) перед разведкой ставились такие задачи, как сбор документальных данных, раскрывающих планы вероятных противников на случай войны. Оценивая будущую войну как непродолжительную, для победы в которой нужны исключительно маневренные, наступательные действия, руководство русских вооруженных сил заботилось главным образом о создании сильной разведывательной сети на предполагаемых театрах военных действий. Основное внимание военной разведки концентрировалось на сравнительно узкой прифронтовой полосе, а глубокий стратегический тыл изучался при участии незначительного числа агентов, и, главным образом, по дипломатическим каналам.

Как писал выдающийся полководец Первой мировой войны генерал от кавалерии А.А. Брусилов в книге «Мои воспоминания», в начале войны «сведения о противнике у нас были довольно скудными, правду говоря, наша разведка, в общем, была на-

лажена малоудовлетворительно. Воздушная разведка, вследствие недостатка и плохого качества самолетов, была довольно слабая... Кавалерийская разведка проникнуть глубоко не могла³. Дополняя утверждения этого выдающегося генерала, можно сказать следующее: когда с началом военных действий тоненькая цепочка «солидных» источников в австрийском Генеральном штабе оборвалась, русский фронт остался без надежной агентуры в тылу противника в самый важный период военных операций.

Оказалось, что русское командование не имело правильного представления о военном потенциале Австро-Венгрии и Германии. Резервы учитывались неверно, направления пополнения войск на фронте из глубокого тыла, в особенности в первое время, не были точно установлены. В результате этих просчетов русского военного командования австрийским главным силам удалось уйти из-под удара, избежав решительного поражения на первоначальном этапе военных действий. Не состоялось окружение этих сил и в Восточной Галиции, на что очень надеялось русское командование, имея в руках план стратегического развертывания австро-венгерских армий, который был получен от полковника А. Редля.

Расчеты генеральных штабов стран Антанты, как, впрочем, и центральных империй, на кратковременную войну не оправдались. Конница как средство разведки почти прекратила свою деятельность в связи с тем, что война приобрела позиционный характер. Появилось новое средство разведывательной службы — авиация, которая значительно расширила возможности войсковой и стратегической разведки. Начиная с 1916 года русские летчики стали вести успешное фотографирование войск противника с воздуха. Фронтальная авиация успешно вела фото- и визуальную разведку. Так, во время осады крепости Перемышль ей удалось многократно сфотографировать все полевые укрепления противника. Крупным успехом авиаразведки явилось также выявление признаков, свидетельствующих о подготовке австро-германцев к наступлению в районе Горлице.

Признавая многие достоинства воздушной разведки, следует вместе с тем сказать, что она фиксирует лишь расположение войск противника, движение его колонн, воинские эшелоны, города, дымящиеся заводские трубы и т.п. и только на пространстве, ограниченном дальностью полета авиации. Однако вскрыть

замыслы противника во все времена способна лишь агентурная разведка. Перед ней стоят задачи, которые невозможно решить с применением других средств. В ходе войны она должна была следить за работой военной промышленности, выявлять новые технические средства, поступающие на вооружение противника, оценивать экономическое положение Австро-Венгрии и Германии, настроения населения, политико-моральное состояние войск, материальное обеспечение фронтов, пополнение их войсками и т.д.

Именно последние из перечисленных факторов главным образом и определили длительный характер Первой мировой войны. Германия и Австрия стали насыщать свои фронты громадным количеством оружия, особенно тяжелой артиллерией, которой не хватало в Русской армии, новыми техническими средствами, включая отравляющие газы, выставили многие миллионы солдат. Только к концу войны русское Верховное командование полностью осознало всеобъемлющее значение разведки и не жалело средств и усилий на ее организацию. Возглавлять русскую агентурную сеть в Европе Ставка поручит П.А. Игнатьеву, который пока что в нашем описании только набирается опыта на Юго-Западном фронте.

Весной 1915 года военное счастье изменило России, и 3-я армия Юго-Западного фронта была вынуждена отступить под натиском корпусов А. Макензена. В это время Павел Игнатьев занимался засылкой агентов в тыл противника и расшифровкой поступающих от них донесений. Однажды утром комендант станции Холм позвонил по телефону и попросил ротмистра срочно приехать к нему. П.А. Игнатьев немедленно выехал на пограничную станцию и узнал от него, что среди пассажиров, прибывших ночью, контрразведка фронта обнаружила подозрительного человека, плохо изъясняющегося по-русски. К тому же его паспорт вызывал у жандармов подозрение, поскольку в нем была проставлена австрийская виза. Более того, у задержанного был отобран револьвер, что тоже вызвало дополнительные вопросы.

Павел Игнатьев попросил привести к нему этого господина для допроса. Доставленный к ротмистру подозрительный человек выглядел, как колобок: невысокого роста, довольно полный, с круглым лицом, кудрявыми волосами, в золотом пенсне. Он назвался гражданином Швейцарии — корреспондентом одной аме-

риканской газеты. Однако это нисколько не рассеяло подозрений Павла Игнатьева, и он попросил «швейцарца» назвать свое настоящее имя. Далее, по воспоминаниям графа Игнатьева, последовало следующее:

«Услыхав эти слова, мой собеседник сразу же изменил свое поведение. Он облегченно улыбнулся, как светский человек, и протянул мне руку:

— Буду счастлив, господин ротмистр, поговорить с вами наедине, это очень срочно.

Я согласился и попросил унтера выйти. Г-н Л. сел.

— Ах, господин ротмистр, прежде всего я должен протестовать против грубого обращения со мной жандармов. Непозволительно заставлять человека терять драгоценное время. Представьте себе...

Я прервал словоизлияния моего собеседника:

— К чему эти упреки? Сейчас война, и что сделано, то сделано. Лучше изложите ваше дело.

— Извольте. Видите ли, я швейцарец, военный корреспондент американской газеты. Более того, могу сказать, что я не питаю никаких симпатий к центральным державам и поэтому часто задавал себе вопрос: а чем я могу быть полезным вам и вашим союзникам? Превосходно владея венгерским и немецким языками, я думал, что, используя положение американского корреспондента, я смогу наблюдать за армией ваших противников, собирать разведывательные сведения и даже организовать агентурную службу.

— Весьма резонно, — иронически заметил я.

— Я выполнил часть своей программы и смог добраться до какой-то станции, расположенной к западу от германской армии, наступающей против вас. Я сумел выявить подготовку быстрой переброски войск. Выпивая с солдатами, я также узнал, что ожидается прибытие нескольких дивизий противника. Тогда, ускользнув от проверки австрийской контрразведки, много раз меняя поезда и направления, я приблизился к румынской границе. Признаюсь, нелегко было проникнуть в эту страну на поезде, поэтому я был вынужден идти пешком. Прибыв на вашу границу в Унгены, я разыскал жандармского ротмистра, который, узнав, что мне известны имена всех офицеров вашего штаба и всех ваших начальников, разрешил мне следовать в Холм. И вот я здесь.

Несмотря на все эти объяснения, на его сбивчивый рассказ, я все же не мог преодолеть своей недоверчивости.

— Прошу вас назвать ваше настоящее имя, сударь, — сухо вато предложил я.

Не проявив никакого смущения, г-н Л. рассмеялся так, что все его коренастое туловище затряслось, а пенсне соскочило с носа. Успокоившись, он встал и сказал:

— Надворный советник Г., преподаватель гимназии в Х. Простите, господин ротмистр, я так привык к моему псевдониму, что почти забыл свое настоящее имя.

— А вам бы следовало назвать его пораньше. Теперь мне все ясно. Два месяца назад наш штаб поручил вам выполнение некоей миссии и теперь с нетерпением ожидает вашего возвращения».

Оказалось, что это был действительный статский советник Лебедев, он же Кюрц, направленный генерал-квартирмейстером фронта в Австрию с разведывательным заданием.

Доставленный к генералу М.К. Дитерихсу, Лебедев-Кюрц сообщил о созданной им агентурной сети в Австро-Венгрии. В дальнейшем с этой сетью, через Лебедева, работал ротмистр Игнатъев. Сам Лебедев с документами представителя большого международного телеграфного агентства выехал в Румынию. Этой стране штаб фронта отводил большую роль в плане организации разведывательной работы против Австрии. Кроме того, Румынии принадлежала большая роль и в плане организации пропаганды в пользу Антанты.

Как пишет в своих воспоминаниях П. Игнатъев, в Бухаресте Лебедев-Кюрц привлек к разведывательной работе в пользу России консула одной из латиноамериканских стран, Эдгара де М., француза по национальности (на самом деле речь идет о посланнике Болгарии в Румынии. — *Авт.*). Затем ему удалось путем различного рода комбинаций подкупить главных редакторов трех ведущих бухарестских газет. В них печатались статьи, благоприятные для России, которые готовили румынское общественное мнение к одобрению вступления страны на стороне Антанты.

Лебедев-Кюрц привлек к работе на разведку Юго-Западного фронта ценного источника, полковника австрийского Генерального штаба Штенберга, который по поручению своего правительства занимался закупкой лошадей в Венгрии. Поскольку

Австро-Венгрия была заинтересована в присоединении Румынии к Четверному союзу, Вена всячески обхаживала эту страну и не препятствовала подобным операциям. П.А. Игнатьев познакомился с этим полковником. Выяснилось, что его родственники проживают в Трансильвании, входящей в состав Габсбургской империи, где господствуют венгры, а саксонцы подвергаются национальному угнетению с их стороны. Поэтому полковник, мечтавший о присоединении Трансильвании к Румынии, ненавидел их и был готов оказывать всяческие услуги русской разведке. Он согласился выполнять задания П. Игнатьева по вербовке агенты и поддержанию связей с ней.

Связь Лебедева-Кюрца с полковником Штенбергом осуществлялась по почтовому каналу. С этой целью на его имя в адрес бухарестского банкира, через которого он закупал лошадей в Румынии, поступали объемистые пакеты с разведывательной информацией, которые передавались Кюрцу. Последний расшифровывал эту информацию и передавал ее болгарскому посланнику для доставки П. Игнатьеву. Он сел в поезд в Бухаресте и следовал до Ясс. Здесь болгарин пересаживался в другой поезд, следовавший до Одессы, где передавал связнику полковника полученные Штейнбергом документы. Через некоторое время от полковника были получены важные военные сведения. Они сыграли большую роль в срыве замыслов командования противника и получили высокую оценку штаба Юго-Западного фронта.

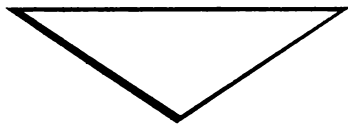
В Одессе полковника П. Игнатьева, проживавшего в гостинице «Лондонская», навестил петроградский банкир П., который недавно возвратился из Болгарии после выполнения задания императора Николая II. В беседе он затронул тему вступления Болгарии в войну, чего добивалась Германия. У банкира в результате визита в Софию сложилось впечатление, что Болгария, чей трон занимал представитель династии Гогенцоллернов, при первой же возможности выступит на стороне Германии и Австро-Венгрии. Серьезность этой проблемы не понимали в Петрограде, и банкир решил обратиться к П. Игнатьеву за советом, поскольку его дядя, генерал Николай Игнатьев, бывший послом России в Стамбуле в 1877 году, подготовил и подписал Сан-Стефанский мирный договор, провозгласивший независимость этой страны.

По его словам, чтобы предотвратить подобное развитие событий, России следовало бы закупить весь урожай пшеницы в

Болгарии, переживавшей экономический кризис. Нейтралитет Болгарии или же ее вступление в войну на стороне Антанты сразу отрезало бы Турцию от Германии и Австро-Венгрии. Однако российское Министерство финансов, ссылаясь на то, что у России нет свободных средств, а Англия не намерена оказать ей финансовую помощь, отказалось поддержать этот проект. П.А. Игнатъев, к сожалению, ничем не мог ему помочь. Несмотря на то что проблема вступления Болгарии в войну на стороне Четверного союза поднималась в его информационных телеграммах, в Генштабе ей не придали должного внимания, поскольку эта проблема была политической, а не военной. В результате Германии, закупившей излишки болгарской сельскохозяйственной продукции, удалось втянуть ее в войну на стороне Четверного союза. Стратегическое положение Антанты на Балканах значительно ухудшилось.

В июне 1915 года командование Русской армией приняло решение о передаче имевшейся у Юго-Западного фронта агентуры, работавшей на территории Германии, в ведение Северо-Западного фронта. П. Игнатъеву было предложено сосредоточиться исключительно на ведении разведки против Австрии. При этом он исходил из того положения, что штаб фронта и штабы армий будут вести разведку противника самостоятельно и независимо друг от друга. Штабы армий сосредоточивают свои разведывательные усилия в районе расположения противостоящих войск противника, а штаб фронта ведет разведку в глубоком тылу австро-венгерской армии.

Особая роль при этом отводилась Огенкваром разведке территории пока еще нейтральной Румынии. П.А. Игнатъеву удалось создать разведывательную организацию, получившую название «Румынская», деятельность которой будет рассмотрена в следующей главе.

Глава четвертая

В БОРЬБЕ ЗА РУМЫНИЮ

С началом Первой мировой войны страны как Четверного союза, так и Антанты обхаживали руководство Румынии с целью вовлечения ее в войну на той или иной стороне. В этой стране Германия имела надежный агентурный аппарат, занимавшийся самой разнообразной разведывательной работой — от вербовки агентуры до ведения пропаганды в пользу блока центральных держав. Германская и австрийская разведки работали под прикрытием своих посольств и наряду с большим количеством агентов и осведомителей имели прочные, интимные связи с румынским королевским двором, получая информацию, как говорится, из первых рук.

Германия была прекрасно осведомлена о действиях в Румынии стран Антанты, и прежде всего России. Она хорошо знала о предстоящем вступлении Румынии в войну на стороне Антанты. Вместе с тем Германия была не в состоянии предотвратить этот неизбежный шаг Бухареста, несмотря на свои большие пропагандистские усилия. Это объяснялось тем, что сторонниками Германии и Австрии в Румынии были в основном представители буржуазных кругов, тесно связанные экономическими узами со странами Четверного союза. Однако высшие круги румынского общества, включая придворные, не скрывали своих профранцузских и прорусских симпатий.

Пытаясь опираться на прогерманские круги в Румынии, Вальтер Николаи, организовавший здесь обширную агентурную сеть, отдавал себе отчет в том, что поставленная задача — привлечение этой страны к Четверному союзу — является непосильной для него. Недаром в самом румынском обществе говорили, что «румыны — это даже не нация, а профессия смычка (от скрип-

ки. — *Авт.*) и отмычки». Румыния, по его мнению, возглавляется кликой взяточников и воров. Правящая румынская камарилья преследует принцип: «Пользуйся случаем и бери все, что плохо лежит», «действуй на стороне сильного и наверняка»¹. (Не правда ли, что эти лозунги актуальны и в наше время?) Поэтому часть агентурной деятельности Бюро III-Б, возглавляемого В. Николаи, была направлена на подкуп румынских газет, министров и членов парламента. Однако и разведки стран Антанты действовали таким же путем. А румынская правящая элита, румынские бояре, дельцы и торгаши охотно брали деньги с обеих воюющих сторон, выжидая удобного момента, чтобы выступить на стороне более сильного и урвать кусок пожирнее.

Впрочем, перспектива вступления Румынии в войну на стороне Антанты не страшила Берлин. За время «обхаживания» Бухареста немцы собрали информацию о румынской военной «мощи», настроениях населения и ее армии и пришли к выводу о том, что, если Румыния присоединится к Антанте, для разгрома ее армии потребуется три германских корпуса. Если же она присоединится к Четверному союзу, то для защиты от полного разгрома ее Россией потребуется также три германских корпуса, ибо румынская армия не обладает боеспособностью.

В предвидении подобной перспективы В. Николаи заблаговременно подготовил агентурную сеть, посредством которой должна была продолжаться разведывательная работа даже после вступления Румынии в войну на стороне Антанты. Все было предусмотрено заранее и выполнено в намеченные сроки. В то время как страны Антанты, после вступления Румынии летом 1916 года в войну, успокоились и перестали работать с политической элитой этой страны, чтобы не тратить на нее время и деньги, немцы продолжали субсидировать правящую клику и дальше. Надо отметить, что эта политика Берлина оказалась более дальновидной, и русской военной разведке под руководством графа П.А. Игнатьева пришлось срочно наверстывать упущенное.

В Румынии Германия вела активную разведывательную работу против России. Вести ее с территории Румынии было нетрудно, а объектов для разведывательной работы на юге России было предостаточно: в бассейне Черного моря находился Черноморский флот, в Николаеве были расположены судостроительные верфи, недалеко было и до промышленных районов Донбасса, Криво-

рожья и Харькова. Свою подрывную деятельность Германия координировала с австрийской и болгарской разведывательными службами. При этом главенствовала, конечно же, разведка В. Николаи, с которой боролся П. Игнатъев.

У стран Антанты такой координации не было, и каждая разведывательная служба действовала на свой страх и риск. Не всегда даже обмен добытыми сведениями о противнике и его замыслах делался достоянием всех союзников. Приведем один пример. Бывший в ту пору послом Австро-Венгрии в Бухаресте граф Оттокар Чернин писал в своих мемуарах, что в октябре 1914 года он ехал в автомобиле из Бухареста в курортный румынский город Синаю. По ошибке слуги дипломатическая вализа посла, набитая важными политическими документами, была не положена внутрь автомобиля, а привязана сзади. По дороге неизвестные злоумышленники срезали веревки и украли ее. Обнаружив пропажу на одной из остановок, О. Чернин незамедлительно принял все меры по ее розыску. Через три недели румынская полиция разыскала пропажу, что стоило графу нервов и больших денег. Вализа валялась в амбаре одного крестьянина, и из нее ничего не пропало, кроме сигар. Посол успокоился.

Однако после того как в 1916 году австро-германские войска заняли Бухарест, в квартире премьер-министра Братиану были найдены копии и фотоснимки всех бумаг посла. Выяснилось, что слуга посла был подкуплен французской разведкой, которая благодаря ему завладела документами австрийского МИДа. Копии некоторых документов были переданы ею румынскому премьеру Братиану, чтобы показать намерения стран Четверного союза в отношении Бухареста. Русской же стороне французы решили не передавать эти документы и лишь ссылались на них при обсуждении румынских дел.

Что же касается русской военной разведки, то в Румынии она велась военным агентом полковником Б.А. Семеновым. По его словам, четкого плана ведения этой работы не существовало, и на каждый случай он получал соответствующие инструкции Генерального штаба. В общем плане на военного агента России были возложены следующие задачи:

— обеспечивать в агентурном отношении свободное плавание по Дунаю экспедиции особого назначения адмирала Веселкина;

- выявлять факты контрабандного транзита через Румынию снарядов и других военных материалов в Турцию;
- вести разведывательную и контрразведывательную работу в отношении австрийских граждан в стране;
- заниматься разведывательной работой в Австро-Венгрии, Турции и Болгарии с территории Румынии.

В дальнейшем к этим странам добавилась и Греция.

Для выполнения этих многоплановых заданий русский военный агент в Бухаресте накануне Первой мировой войны имел всего... двух агентов. На решение вышеперечисленных задач выделялась «громадная» сумма, аж... 200 рублей! Разумеется, при таком подходе, ни о какой серьезной разведывательной работе по Румынии не могло быть и речи. Военному агенту в Бухаресте полковнику Семенову приходилось работать на голом энтузиазме и удавалось только периодически освещать отдельные военные вопросы. Нечего и говорить, что его информация не отличалась глубиной и всесторонностью. С началом войны работавшие с ним агенты по неизвестным причинам были утрачены. Однако через месяц он сумел завербовать целых семь человек, трое из которых работали по Австрии, а остальные — по Румынии.

В сентябре 1914 года агентурная сеть полковника Б.А. Семенова увеличилась еще на четыре человека, а в декабре к ним добавилось еще семь человек. Несмотря на столь скороспелые вербовки, были у него и некоторые успехи. Так, одному из его агентов удалось обнаружить в Бухаресте тайную германскую радиостанцию и достать сведения о ее работе. В архивах разведки не сохранилось документов, свидетельствующих о других достижениях агентурной сети военного агента России в Бухаресте.

Перед руководителем разведки Юго-Западного фронта ротмистром П. Игнатьевым командованием была поставлена задача организовать контрпропаганду в пользу союзников, что сделать было совсем нелегко в связи с неравенством материальных и финансовых сил и средств обеих сторон. Разведслужбами центральных держав в Румынии велась активная пропаганда в пользу Австро-Венгрии и Германии. Румынские газеты ежедневно публиковали получаемые из Берлина тенденциозные сообщения, сведения, преувеличивавшие победы Четверного союза и неудачи армий Антанты. В 1915 году, накануне вступления Румынии в войну, эта страна была буквально наводнена германскими до-

кументальными фильмами, в которых демонстрировался разгром русских армий, живописались победоносные атаки германского воинства на французском фронте и даже триумфальное вступление германских солдат в те города, которые были ими захвачены еще в 1914 году. Все это было призвано продемонстрировать румынам непобедимость германского оружия. Румынские театры и мюзик-холлы были переполнены германскими артистами, в них шли германские спектакли и исполнялась немецкая музыка. Все это было призвано показать превосходство германской культуры над русской. В дальнейшем эти идеи кайзера возьмет на вооружение Гитлер.

КОНТРОПРОПАГАНДА РУССКОЙ АРМИИ В ЕВРОПЕ

К осени 1915 года положение на русско-германском фронте стабилизировалось. На востоке установилась сплошная линия обороны, когда противоборствующие армии зарылись в землю, установили сплошную линию траншей, защищенных несколькими рядами колючей проволоки и минными полями. В таких условиях достигнуть оперативной внезапности в случае подготовки наступления было невозможно. Концентрация войск и артиллерии на узком участке фронта, необходимых для прорыва сильно укрепленных позиций противника, не оставалась незамеченной, особенно учитывая наличие у него авиационной и агентурной разведки. В новых условиях войны резко возросла роль дезинформации.

Так, в 1916 году командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А.А. Брусилов перед знаменитым наступлением на Луцк наряду с тщательной инженерной подготовкой, разработал и осуществил другие меры, призванные ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара и его сроков. План прорыва хранился в глубочайшей тайне. Он был сообщен Брусиловым только командующим армиями и только для их личного сведения. Все важнейшие распоряжения по организации наступления передавались командирам корпусов лично командующими армиями. Все остальные указания спускались вниз до начальников дивизий только в письменном виде с нарочными или порученцами. Зная о том, что австрийцы читают зашифрованную переписку фронта, А.А. Брусилов распорядился,

чтобы любые телеграммы, даже шифрованные, не направлялись вплоть до последнего момента. Вся связь велась через специально командированных офицеров Генерального штаба. Наконец распространялись ложные слухи, которые были призваны ввести в заблуждение вражескую агентуру.

Еще с августа 1914 года работа по дезинформации противника приобрела невиданный размах как в армиях Антанты, так и в Четверном союзе. Немцы, в частности, с этой целью учредили в столицах нейтральных государств специальные агентства «Вольф» и «Корреспонденц-бюро». В их адрес из Берлина и Вены регулярно направлялась специально подготовленная свежая телеграфная информация, в которой преувеличивались победы Четверного союза и преуменьшались военные достижения их противников. Главное внимание в дезинформационной кампании немцев и австрийцев уделялось «обработке» руководства нейтральных стран в выгодном им духе и формированию общественного мнения не участвующих в войне стран в пользу их выступления на стороне Четверного союза.

Дезинформационные агентства стран Четверного союза не ограничивались просто сотрудничеством с местными информационными агентствами. Они рассылали свои бюллетени ведущим политикам нейтральных стран, видным общественным деятелям, крупным промышленникам и финансистам. Особенно плодотворной была их работа в Бухаресте и Копенгагене.

Русское военное командование также не сидело сложа руки, видя активную дезинформационную деятельность Берлина и Вены в нейтральных странах. Главному управлению Генерального штаба Ставка поставила задачу резко усилить контрпропаганду как в странах противника, так и в нейтральных, а также формировать у союзников России выгодные ей взгляды на текущие события в тылу и на фронте. Особое внимание уделялось мероприятиям, призванным предотвратить выступление Швеции и Румынии на стороне Четверного союза. Так, в ответ на антироссийский выпад одного известного шведского политика, исполненный угрозы в адрес России, в мае 1917 года. Ставка подготовила и распространила крупным по тем временам тиражом в 30 тыс. экземпляров брошюру на шведском языке, озаглавленную «Ответ на слово предостережения Свена Гедина». А некоторое время спустя в Швеции и Финляндии была издана брошюра также на шведском

языке «Существует ли русская опасность?». Цель публикации — рассеять опасения общественности северных стран в отношении «агрессивных устремлений» России.

В конце мая 1915 года из разведывательной поездки по Румынии возвратился агент полковника Рябикова, журналист Владислав Залесский, поляк по национальности. Об итогах своей поездки он подготовил подробный отчет. В нем журналист констатировал, что русская контрпропаганда в этой стране работает «из рук вон плохо». «Она лишь реагирует на пропаганду Германии в пользу Четверного союза, и только в тех исключительных случаях, когда германская лож достигает невероятных размеров, — отмечал журналист. — Причем опровержения следуют с опозданием в десять дней, когда об этом событии уже успели хорошенько забыть». Его доклад был передан через ординарца при Верховном главнокомандующем полковником графом Замойским в Ставку на имя тогдашнего и.о. начальника Генерального штаба генерала Михаила Беляева.

Результатом этого демарша был подготовленный ГУГШ «Проект немедленного учреждения особого осведомительного агентства», призванного «противодействовать германо-австрийским информаторам в нейтральных странах, осведомлять нейтральную прессу в благоприятном нам духе путем снабжения редакций газет необходимыми сведениями, касающимися нашей военной деятельности, а в связи с ней общественно-политической и экономической жизни страны». С этой целью в Бухаресте и Копенгагене, где отмечалась наибольшая активность германской пропаганды, были учреждены два отделения агентства «Норд-Зюд». Вся информация, предназначавшаяся для российских и иностранных потребителей, должна была безвозмездно поступать на французском языке. Расходы на содержание этого агентства составили 32 тысячи золотых рублей в год.

Однако пропагандистская деятельность агентства «Норд-Зюд» должна была, по замыслу русского Генштаба, служить прикрытием для ведения им разведывательной работы в Европе. Непосредственным руководителем агентства был назначен полковник Петр Ассанович, штаб-офицер для поручений Огенквара, бывший военный агент России в Стокгольме. Среди агентуры Огенквара из числа прорусски настроенных поляков им были отобраны четыре опытных журналиста. Один из них, уже упоминавшийся Ст. За-

лесский, более десяти лет проработавший на штаб Варшавского военного округа, возглавил центральную контору агентства. Он отвечал за всю осведомительную работу, иными словами, получал из Ставки предназначенную для распространения информацию, направлял ее в отделения агентства «Норд-Зюд» за границей, следил за ее распространением и реакцией местной прессы. Получаемую разведывательную информацию руководители отделений агентства должны были направлять шифром непосредственно в Генеральный штаб.

Отделение агентства «Норд-Зюд» в Бухаресте возглавил Сигизмунд Наимский, бывший корреспондент польской газеты «Варшавский курьер». Во главе Стокгольмского отделения стоял Владислав Рябский, публицист ряда варшавских газет, доктор философии. Как показало дальнейшее развитие событий, учреждение отделений агентства вызвало резкое усиление активности германской и австрийской разведывательных служб. Впрочем, деятельность Бухарестского отделения агентства была непродолжительной: в августе 1916 года Румыния вступила в войну на стороне Антанты.

Что же касается деятельности отделения этого агентства в Стокгольме, то его редактор Рябский стал регулярно получать информационные сообщения из Петрограда лишь во второй половине 1915 года. Работать ему приходилось в весьма сложных условиях, поскольку почти вся местная пресса была враждебно настроена по отношению к России, которая еще в 1809 году отняла у Швеции Финляндию и превратила Швецию во второразрядную державу. Немцы же, как родственный шведам народ, пользовались симпатиями СМИ этой страны. В результате напряженной работы Рябскому удалось все же опубликовать в местной печати несколько малозначимых сведений, однако российские обозрения военного положения на русско-германском и австрийском фронтах местными СМИ не принимались.

В то же время немецкой разведке удалось приобрести две крупные стокгольмские газеты: «Аллеханде» и «Афтенбладет», в которых они свободно печатали материалы, направленные против стран Антанты, а также репортажи, весьма благоприятные для стран Четверного союза. Правда, как отмечал Рябский, эти публикации «производят много шума, но мало влияют на политику шведского правительства», придерживавшегося нейтралитета.

Как уже отмечалось, Огенквар поставил перед агентством «Норд-Зюд» в качестве главной задачи получение разведывательной информации. Однако решить эту задачу могли только профессиональные разведчики, а не их агентура, которая не имела соответствующего опыта. Кроме того, в России, по мере неудачного для нее развития войны, к 1916 году резко возросли внутренние трудности, сопровождавшиеся раздром в высших политических сферах страны, активностью «темных сил» во главе с Распутиным, в связи с чем агентство «Норд-Зюд» не могло справиться со стоящими перед ним задачами по ведению вербовочной работы. Поэтому 29 мая 1916 года руководители отделения агентства «Норд-Зюд» получили сообщение о том, что агентурная деятельность агентства прекращается².

Союзники России, разумеется, также активно использовали все возможности для ведения пропаганды против стран Четверного союза. Однако вскоре они пришли к выводу о том, что одной пропаганды в нейтральных странах для разъяснения своих боевых подвигов становится явно недостаточно для достижения окончательной победы над противником. По законам войны его необходимо также дезинформировать относительно своих истинных планов и намерений. В конце войны в недрах Военного министерства Франции родился весьма примечательный документ, предлагающий создать в разведывательной службе бюро по дезинформации противника. Приведем его полностью:

**ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО**

Генштаб Вооруженных сил, Париж, 23 августа 1917 года
2-е бюро — 1 —
Секция разведданных

ДОНЕСЕНИЕ
О плане ложных сведений

Ложные сведения, распространяемые из единого источника Службы разведки, могут явиться превосходным оружием, которым никто до сих пор не пользовался в достаточной мере и которые, при правильном манипулировании ими, могут оказать

серьезные услуги и способствовать тому, чтобы как можно лучше ввести в заблуждение противника, который не располагает такой формой борьбы и такими же средствами действий, какими располагает французская разведка.

Их эффективность базируется на самом существовании германской Службы разведки, а поэтому необходимо кратко остановиться на организации этой службы, ее способах и методах действий.

СВЕДЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ

Как и все органы руководства военными действиями в Германии, германская разведка крайне централизована, и все сведения, касающиеся ведения войны, в конечном итоге концентрируются в Большом генеральном штабе. Там они изучаются, сравниваются с другими данными, проверяются и оцениваются, а оценки ценности добытых сведений сообщаются во все эшелоны, из которых они поступили в Генштаб.

Эти эшелоны следующие: органы централизации разведывательных сведений, разведывательные центры, вербовщики и агенты. Следовательно, агент всегда зависит от ценности его сведений, по крайней мере их совокупной ценности. Его либо хвалят, либо ругают, во всяком случае, его методично критикуют, и он получает приличное вознаграждение, но всегда в зависимости от ценности его сведений.

Насколько это было возможным установить на сегодняшний день, немцы имеют у Союзников незначительное число информаторов первого плана, которые поставляют им важные сведения. Зато они имеют значительное число вспомогательных агентов, обычно посредственных, которые по вопросу, разработанному Большим генштабом и содержащему часть современных данных, прибывают во Францию для ведения разведки. Сведения, которые они увозят с собой, зачастую являются ошибочными и по большей части незначительными.

Германская разведывательная служба внимательно прочитывает и изучает до малейших деталей газеты Союзников и нейтралов, даже самые мелкие из них.

Немцы, кажется, не имеют во Франции двойных агентов. Те, которых они нам направили, были арестованы, в то время как все двойные агенты, которых мы использовали на нашей террито-

рии, были нейтрализованы Службой разведки Парижа. Они были тщательно отобраны, это были прекрасные французы, отважные и преданные.

Немцы чрезвычайно доверяют своим агентам. С другой стороны, вербовщики или разведывательные центры делают все, чтобы с блеском преподать своих агентов, убежденные в том, что если даже их самих будут ругать или ставить на место, то они в свое оправдание могут сказать, что-либо ошиблись, либо им не удалось завербовать большее количество агентов в отведенное время. Более того, многие вербовщики и даже резиденты крупных резидентур изымают из отпущенных им средств крупные суммы для оплаты своих агентов. Они заинтересованы в том, чтобы не потерять столь ценный источник доходов.

У немцев отмечается хорошо известная и неоднократно подтвержденная тенденция обобщать фрагментарные статистические данные. Так, ложные данные о передвижении отдельных элитных корпусов, местонахождении штабов Союзников, о перевозках войск на французской территории, о существовании новых боевых средств, которые неоднократно сообщались их многочисленными агентами, вызвали у них неискоренимое ошибочное представление.

Наконец, несомненно, что немцы имеют агентов-осведомителей среди крупных чиновников и даже членов правительств отдельных нейтральных стран.

КАКИЕ ВЫВОДЫ МОЖНО СДЕЛАТЬ ИЗ ЭТОЙ СИТУАЦИИ

Рассмотрим теперь, какие выводы можно сделать из этой организации, методов работы, персонала, менталитета немцев, чтобы продвигать в Германию ложные сведения по всем вопросам, которые представляют интерес для ее национальной обороны. Придумать или создать крупных информаторов в каждой из главных отраслей ведения войны; дублировать их сведения данными, поставляемыми на эту тему другими информаторами, зафиксированными во Франции, или которым будет позволено в нее проникнуть, распространять посредством печати, разговоров, телеграфной и почтовой переписки, направляемой в нейтральные или вражеские страны. Следует также дать указания нашим военным атташе о том, чтобы сведения, благоприятные для Антанты или ловко тенденциозно составленные, распространялись ими среди подозрительных личностей в правительствах, при которых они

аккредитованы. Это составит совокупность средств тем более надежных, поскольку, как мы видели, разведывательные сведения, более всего интересующие немцев, собираются ими через посредников, которые вызывают у них наибольшее доверие и одновременно являются наиболее продажными. Их систематизация является более поспешной, а доверие к ним — более высоким, нежели к сведениям от их второстепенных агентов.

ТРЕБОВАНИЯ, КОТОРЫМ ДОЛЖНА ОТВЕЧАТЬ РАЗРАБОТКА ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ

А. РУКОВОДСТВО

Руководство должно быть единым, или по крайней мере по каждому из основных вопросов: организация, размещение и передвижение войск, планы военных операций, вооружение и разнообразное военное имущество.

Руководство дает указания в виде разведывательного плана, в котором оно отражает:

1. То, что следует прежде всего избегать сообщать;
2. Какие правдивые детали, имеющие некоторое военное значение и актуальность, можно давать только в исключительных случаях агентам, из которых мы хотим сделать доверенных лиц германской разведки.
3. Маловажные правдивые детали, среди которых сведения о передвижениях войск, о которых известно, что немцы знают о них в результате разведки боем или прямого боевого столкновения, или же о перемещении войск через крупные железнодорожные станции с указанием или без указания направления движения; состав подразделений армейских корпусов или дивизий, если они долгое время находились на одном и том же месте или же если они будут переформированы.
4. Тенденциозные детали;
5. Правдоподобные и ложные детали.

Б. ИСПОЛНЕНИЕ

Вооруженный этим планом и точными инструкциями, начальник службы ложных сведений может использовать все сред-

ства, находящиеся в его распоряжении (пресса, почтовая и телеграфная переписка, просто агенты во Франции и за границей, военные атташе, интернированные из вражеских и нейтральных стран, военнопленные и т.п.), а особенно — двойных агентов, чтобы передавать эти ложные сведения. Исходя из организационной структуры германской разведывательной службы, возможностей и относительной ценности каждого из ее посредников и методично и ловко комбинируя ее деятельностью, можно прийти к тому, чтобы полностью ввести в заблуждение в течение определенного времени, обычно непродолжительного — от трех до четырех недель или немногим больше — относительно важных операций (их подготовка займет от месяца до двух) разведывательную службу противника и тем самым вызвать целую серию бесполезных и даже вредных для него действий.

Из средств распространения ложных сведений наилучшим, но и наиболее деликатным является двойной агент. Двойной агент, абсолютно надежный, если он умный и умеющий притворяться, может оказать серьезные услуги в этой области. Им можно руководить во времени и пространстве и благодаря его прямым и убедительным контактам с разведслужбой противника вызвать у него твердое убеждение в достоверности данных, подготовленных с помощью других средств распространения.

Служба разведки имеет незначительное количество прекрасных двойных агентов, завоевавших полное доверие у противника, которым она может, не зная подлинных планов французского командования, передавать важные ложные сведения при условии, что они являются правдоподобными.

Если бы Служба разведки была уверена в том, что может регулярно снабжать ими еще большее количество этих агентов, она постаралась бы подготовить новых таких людей, поскольку, учитывая посредственность германских посредников Швейцарии, которые почти все хорошо нам известны, они очень скоро стали бы неиспользованными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В случае если такая организация будет принята Начальником Генерального штаба, следует согласовать с Большим генштабом вопрос создания Службы ложных сведений, успех которой, сле-

дует подчеркнуть, потребует помимо общих очень четких указаний, обширного документирования, которое будет часто обновляться³.

Это весьма примечательный документ. О том, как французская разведка использовала двойных агентов для дезинформирования противника, мы расскажем в главе, посвященной звезде шпионажа в годы Первой мировой войны Марте Рише, удостоенной ордена кавалера Почетного легиона. С ней пришлось работать и агентам нашего героя.

В связи с активной пропагандистской работой Германии на территории Румынии в штабе Юго-Западного фронта тем временем родилась идея сделать немцам ответный пропагандистский ход. Учитывая любовь румын к музыке, для этого предполагалось создать в Бухаресте русский артистический центр. Дело было только за артистами, и они вскоре нашлись. П.А. Игнатьев, на которого была возложена эта задача, посетил салон знаменитой графини М.Э. Клейнмихель. Там граф нашел нужного человека. Им оказался уволенный в бессрочный отпуск из-за тяжелого ранения, казачий унтер-офицер Борис Мезенцев. Он обладал баритоном красивого тембра и несомненным артистическим талантом.

Павел Алексеевич посвятил его в свои планы и предложил организовать группу русских артистов для поездки в Румынию. Ознакомившись с сутью этого пропагандистского мероприятия, важного в условиях войны, Борис предложил привлечь к делу оркестр балалаечников, а его дирижером пригласить известного виртуоза Трояновского. Последний, узнав суть дела, немедленно согласился:

— Господин ротмистр, — сказал он. — Можете мне довериться. После нескольких таких концертов германская музыка будет посрамлена и отброшена на второй план. Наше турне по Румынии будет настоящей битвой, и мы ее выиграем.

Тем временем стараниями Павла Алексеевича в румынских столичных газетах появились статьи о русском музыкальном искусстве, покорившем в предвоенные годы Париж, о русских песнях и танцах, подготовленные уже известным читателям болгарским посланником. А затем началась энергичная реклама приезжающих русских артистов. Реклама была настолько успешной,

что Бухарест, которому уже порядком поднадоела немецкая классическая музыка, ожидал их приезда с нетерпением.

Здесь мы снова предоставим слово самому П. Игнатьеву.

«С первого же вечера прекрасный голос Бориса сотворил чудо. В живописной черкеске, окруженный артистами, также одетыми в костюмы кавказских горцев, он производил волшебное впечатление, заставляя зрителей вскакивать с места, вызывая неопиcуемый восторг. Кроме того, талант, репутация отчаянного рубаки, подтвержденная крестом Святого Георгия, увеличивали престиж певца.

Когда в Бухарест прибыл Трояновский с оркестром балалаечников, он произвел фурор. Зал всегда был полон народа, концерты шли один за другим. В разгар войны, почти без развлечений — и вдруг такой прекрасный ансамбль, столь высококлассное, новое и захватывающее румынских зрителей представление с такой прекрасной и щедрой музыкой. Это было нежданной и чарующей отрадой для глаз и ушей. Многочисленные комментарии в румынской прессе призывали королеву Марию пригласить певцов и музыкантов во дворец. Это был столь желанный для нас результат. Рассказывают, что посол Австро-Венгрии, приглашенный на это праздничное представление, выглядел весьма обескураженным. На следующий день он был еще более уязвлен, узнав из газет, что по желанию короля в одном кавалерийском румынском полку будет организовано выступление оркестра балалаечников под управлением Трояновского».

Как говорится, на войне и балалайка стреляет.

Но ведение контрпропаганды на территории Румынии не было основным содержанием работы Бориса Мезенцева. По заданию Павла Игнатьева он возглавил разведывательную организацию, названную полковником «Румынская». Благодаря своим музыкальным данным, общительному характеру и привлекательной внешности Б. Мезенцев повсюду был желанным гостем. По заданию П. Игнатьева он сумел постепенно подружиться с массой нужных людей в Бухаресте, от которых получал достоверную информацию о планах Румынии по вступлению в войну на стороне Антанты. Среди этих знакомых была некая очаровательная румынка, жена офицера. Она сумела завоевать доверие Бориса, и постепенно он в нее влюбился. У разведки Юго-Западного фрон-

та имелись сведения о том, что она является шпионкой австрийских спецслужб, о чем Павел Алексеевич предупредил Бориса, написав ему письмо из Одессы. Однако его предупреждения были гласом вопиющего в пустыне: Борис всерьез увлекся женщиной.

После долгих колебаний он все-таки решил провести с ней последний вечер у себя на квартире, ничего не говоря ей. Когда его гостя ушла после бурно проведенной ночи, Борис обнаружил, что письмо от Павла Алексеевича пропало. Все стало на свои места: Борис понял, что румынка водила его за нос. Для него это был тяжелый удар. Борис написал прощальные письма родственникам и друзьям, а также Павлу Игнатьеву. В нем он просил прощения за то, что не послушался совета ротмистра, а затем выстрелил себе в сердце. К счастью, ранение было не смертельным, и после выздоровления Борис Мезенцев был отозван в Россию. На этом его разведывательная карьера, разумеется, закончилась. Возникает закономерный вопрос: не графиня ли Клейнмихель «сдала» Бориса германской разведке?

Накануне вступления Румынии в войну на стороне Антанты П.А. Игнатьев был командирован в Бухарест, где должен был выяснить, боеспособна ли румынская армия, или же ее вступление на стороне Антанты только отяготит ее положение. В дальнейшем оказалось, что прозвище «цыганский базар», данное перед войной румынской армии, полностью оправдалось. Для России было бы гораздо выгоднее, если бы Румыния, жаждавшая территориальных приобретений, в том числе и за счет ее земель, сохраняла нейтралитет в этом мировом конфликте.

В качестве официального представителя разведки Юго-Западного фронта П.А. Игнатьев выехал в Румынию через Одессу, где к нему присоединился «швейцарский гражданин» вездесущий Лебедев-Кюрц. Их путь лежал в Бухарест. Ротмистр попросил своего пронырливого агента известить военного министра Румынии о том, что он прибывает в румынскую столицу в качестве представителя командующего фронтом генерала Иванова и просит министра принять его.

По прибытии в Бухарест П.А. Игнатьев был незамедлительно принят военным министром генералом И. Илиеску. В ответ на просьбу П.А. Игнатьева проинформировать штаб фронта о нуждах румынской армии министр передал список имущества, в котором нуждалась его армия. Для знакомства с вооруженными

силами страны в помощь П. Игнатьеву он выделил специального офицера.

Из документов следовало, что Румыния была абсолютно не готова к войне. Так, в резерве она имела всего 12 пулеметов. Румынская армия нуждалась в нескольких сотнях тысяч рулонов шинельного сукна, и поэтому не могла обмундировать своих солдат. Румынской артиллерии требовалось 4 тысячи лошадей, а ее отдельные подразделения использовали в качестве тягловой силы быков. Было ясно, что такой «союзник» окажет мало пользы России, вступив в войну на ее стороне. Однако в высших сферах Российской империи возобладали политические, а не военные соображения, и было решено всемерно поддержать Румынию.

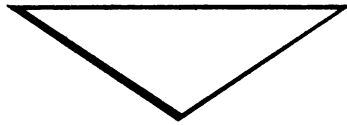
В Бухаресте П.А. Игнатьев, при посредничестве Лебедева-Кюрца, встретился с представителем трансильванских румын Х., который поддерживал отношения со сторонниками присоединения этой венгерской провинции к Румынии. Несмотря на то, что Румыния пока еще сохраняла нейтралитет, он предложил Павлу организовать диверсии на военных заводах в Венгрии и Трансильвании и тем самым приостановить военное производство. П.А. Игнатьев договорился о способах связи с румыном и его сторонниками, которым будет передано все необходимое для организации взрывов на военных заводах врага.

Развивая это направление разведывательно-диверсионной работы, П.А. Игнатьев выехал вместе с Лебедевым-Кюрцем на румынско-австрийскую границу, в курортный городок Синаю. Здесь, в небольшой гостинице, расположенной всего в четырех километрах от границы, произошла его первая встреча с членами румынской националистической организации, подготовленная этим ценным агентом русской военной разведки. Румынским националистам были переданы материалы, необходимые для организации диверсий, и спустя три недели в Трансильвании ими был взорван завод по производству боеприпасов, восстановить который австрийцам удалось только через полгода.

Понимая, что в случае вступления Румынии в войну на стороне Антанты вести разведку противника с ее территории будет невозможно, в конце осени 1915 года штаб Юго-Западного фронта принял решение организовать разведку Австро-Венгрии с территории Швейцарии и Франции. Эту задачу предстояло решить ротмистру Павлу Игнатьеву, уже приобретшему неко-

торый опыт подобного рода работы. В середине ноября он был вызван к генерал-квартирмейстеру фронта генералу Дитерихсу, который сообщил ему о новом назначении и дал необходимые указания. Первоначально П. Игнатьеву предстояло организовать агентурную разведку территории Австро-Венгрии и южной части Германии с территории нейтральной Швейцарии, для чего он должен был перекинуть часть своих разведывательных организаций из Румынии в эту страну. Однако в дальнейшем генерал-квартирмейстер предоставил свободу рук ротмистру в ведении разведки против Австрии. После изучения агентурных материалов П. Игнатьев, выполняя поручение генерала Дитерихса, представил ему два плана ведения разведки против Австрии — один — с территории Швейцарии, второй — с французской территории.

После всестороннего обсуждения в штабе фронта было принято решение остановиться на втором варианте. Объяснялось это тем, что в годы Первой мировой войны Швейцария проводила прогерманский курс. Не исключалось даже, что при определенных условиях она может выступить против Франции на стороне Четверного союза. Кроме того, Германия и Австро-Венгрия наводнили Швейцарию своей агентурой, которая чувствовала себя как дома в этой стране. Данное обстоятельство весьма затрудняло ведение разведки с ее территории.

Глава пятая

ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА В ПАРИЖ

Для решения этой весьма сложной задачи П. Игнатъев должен был использовать связи, приобретенные в Швейцарии статским советником, штабс-капитаном ополчения В. Лебедевым (не путать с Лебедевым-Кюрцем), трех агентов штаба фронта, которые находились в этой стране, личных довоенных знакомых ротмистра в Австро-Венгрии, а также русских эмигрантов, проживавших в Швейцарии. Как говорится, негусто, и более близкое знакомство с этими лицами показало в дальнейшем, что на них рассчитывать не приходится.

10 сентября 1915 года в Париже под председательством французского полковника Валантена прошли заседания союзной конференции, на которых обсуждался вопрос о создании Межсоюзнического разведывательного бюро. Целью создания этого органа было установление постоянной связи между разведывательными и контрразведывательными службами стран Антанты для обмена разведывательными данными об установленных номерах корпусов противника, перебрасываемых или вводимых на различных фронтах, а также обмен контрразведывательными данными об агентуре противника. При этом участники совещания исходили из того, что немцы добились координации усилий спецслужб Четверного союза, сконцентрировав в своих руках все действия разведслужб Австрии и Турции и направляя их в соответствии со своими собственными интересами. Все участники совещания пришли к выводу, что это организационное единство обеспечивает Четверному союзу превосходство над Антантой в области разведки и контрразведки и существенно влияет на успех боевых операций.

Было решено создать в Париже Межсоюзническое бюро, задачей которого станет совместное изучение и выработка общих

мер борьбы с неприятельским шпионажем, контрабандой и пропагандой, а также концентрация всех сведений о противнике, добываемых различными путями всеми союзными державами, в едином центре — Межсоюзническом бюро. Был рассмотрен и вопрос материального обустройства бюро. Франция обязалась предоставить помещения и все необходимое для их отопления и освещения. Представители же союзных стран оборудуют выделенные им помещения по своему усмотрению. Каждая страна имела право включить в состав своих миссий при этом бюро следующее количество сотрудников:

- Англия — 3 офицера;
- Бельгия — 1 офицер и 1 секретарь;
- Италия — 2 или 3 офицера;
- Россия — 3 офицера.

На совещании от России присутствовал полковник Ознобишин, который позднее вошел в состав Межсоюзнического бюро в качестве наблюдателя.

Военное министерство Франции выделило Межсоюзническому бюро просторный особняк. В нем было создано специальное французское представительство, располагавшее обширной картотекой. Она включала все имеющиеся у французов сведения о разведслужбах противника. В бюро работал большой штат опытных секретарей и делопроизводителей.

Русская Ставка долгое время не решалась принять активное участие в работе Межсоюзнического бюро, ограничивая свою роль выделением наблюдателя. Однако стратегическая обстановка на русско-германском фронте была такова, что требовалось получение самых разнообразных сведений о противнике, в том числе путем агентурной разведки в Европе. Осенью 1915 года русское командование пришло к выводу о том, что Румыния, которую усиленно «обхаживали» страны Четверного союза, все-таки выступит на стороне Антанты, причем штаб фронта прогнозировал, что это произойдет весной или летом 1916 года. Так оно и случилось. Румыны действительно присоединились к Антанте в середине августа 1916 года, предварительно распродав все свое имущество и запасы фуража австрийцам. Их армия безрассудно бросилась в Трансильванию в надежде присоединить эту провинцию к Румынии. Однако уже к концу 1916 года она была наголову разбита австро-германцами и обратилась за помощью к России.

На плечи русского главнокомандования легла крайне тяжелая и ответственная задача по прикрытию дополнительного участка фронта протяженностью до тысячи километров — вдоль западной границы Молдавии до Черного моря.

Эта задача поглотила около четверти всех вооруженных сил России и окончательно лишила Русскую армию свободы действий. К концу 1916 года России пришлось поставить под ружье в общей сложности свыше 13 миллионов человек, что было ей явно не под силу. Кроме того, нашей стране пришлось срочно выделить своей соседке необходимые боеприпасы и военное имущество, а также кормить румынскую армию на протяжении всей войны и выслушивать упреки союзников в том, что она плохо ее кормит. После выхода России из войны «благодарная» Румыния в 1918 году захватила все имущество и военные запасы Юго-Западного фронта на сумму несколько миллиардов рублей золотом. Кроме того, она незаконно оккупировала принадлежавшую России Бессарабию, которую возвратила СССР только в 1940 году после нещадной эксплуатации этого края. Не в этом ли таятся корни сегодняшнего Приднестровского конфликта?

...В ноябре 1915 года П.А. Игнатъева пригласил к себе генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Дитерихс. В беседе с ротмистром он сказал:

— Вы весьма преуспели в выполнении моего поручения по ведению разведки в тылу австро-венгерских войск и в Румынии. Теперь вам предстоит сменить поле деятельности. Командование фронта нуждается в сведениях о военных приготовлениях Четвертого союза. Что вы скажете о командировке в Западную Европу?

— А в чем будет состоять моя миссия? — спросил П. Игнатъев.

— Вам дается несколько поручений. Вы поедете в Париж. Сначала нужно будет точно проинформировать союзников о действительном положении дел на Восточном фронте. Кроме того, вам предстоит установить контакт с Межсоюзническим военным бюро и наладить обмен данными о противнике.

— Это задание несложное, — не удержался ротмистр Игнатъев.

— Да, но есть другая сторона, более деликатная, — продолжал генерал Дитерихс. — Вам надлежит организовать агентурную разведку в Германии и Австро-Венгрии с территории таких ней-

тральных стран, как Голландия, Швейцария и, может быть, даже Испания.

Генерал предупредил, что П.А. Игнатъев, работая в интересах Юго-Западного фронта, не получит ни одного из действующих агентов фронта. В его обязанности входит создание новой, самостоятельной агентурной сети в Европе.

Необходимость командировки П.А. Игнатъева в Париж диктовалась несколькими соображениями. Во-первых, несмотря на первоначальные успехи, к концу 1915 года работа созданной им агентурной сети Юго-Западного фронта начала давать сбои, особенно в том, что касалось организации связи. Во-вторых, нужно было приглядеться к деятельности Межсоюзнического бюро и высказать мнение о целесообразности установления с ним тесных отношений: ведь до сих пор западные союзники России старались выжать из нее как можно больше усилий в борьбе против общего врага и почти ничего не давали взамен. В-третьих, предстояло создать самостоятельную агентурную сеть в Европе, способную снабжать фронт необходимой военно-политической информацией.

На первых порах П.А. Игнатъеву было разрешено использовать трех агентов, ранее направленных в Швейцарию, в том числе связи статского советника Лебедева, о котором мы уже упоминали, а также двух агентов, завербованных самим П.А. Игнатъевым в Австрии. Генерал-квартирмейстер фронта Дитерихс обещал отпустить Игнатъеву не менее 50 и даже до 200 тысяч рублей золотом в месяц на содержание агентурного аппарата, «лишь бы добиться дела», как он выразился в беседе с разведчиком.

Развернув подробную карту Галиции, которая постоянно хранилась в сейфе, генерал-квартирмейстер ознакомил П.А. Игнатъева с общими чертами готовящегося наступления Русской армии на Луцк, которое в дальнейшем получило знаменитое название «Брусиловский прорыв». П.А. Игнатъеву надлежало подготовить информационное обеспечение этого прорыва. Перед ним была поставлена задача: собрать достоверные сведения о силах и средствах австро-германской группировки войск в этом районе. Необходимо было также узнать как можно больше о крепостях и укрепленных районах, находившихся в тылу противника, о железных дорогах и внутренних водных путях, которые может использовать Германия для переброски войск с французского фронта в Гали-

цию. Одним словом, нужны были любые сведения, представлявшие интерес для командования.

П.А. Игнатьеву были даны необходимые организационные полномочия. Он поступал в непосредственное подчинение к генерал-квартирмейстеру Юго-Западного фронта генералу Дитерихсу, с которым был обязан поддерживать шифрованную переписку. П.А. Игнатьеву надлежало официально представиться и получить аккредитацию при французском правительстве. Вместе с тем вначале пребывания в Париже ему было предписано легализоваться в качестве корреспондента одной из петроградских газет под именем Истомина, чтобы не привлечь внимания австрийской или германской контрразведки. Однако когда он обратился в Министерство иностранных дел России с просьбой выдать ему курьерский лист на это имя, директор канцелярии МИД барон Шиллинг отклонил его просьбу, ссылаясь на «неудобство посылать курьера не под своей фамилией». Только после соответствующего ходатайства командования фронта П.А. Игнатьеву был выдан паспорт на имя Павла Истомина.

Было принято решение направить в Париж Павла Игнатьева с тем, чтобы он на месте изучил целесообразность участия России в Межсоюзническом бюро, и 28 ноября 1915 года он отбыл из Петрограда в столицу Франции, куда прибыл только 9 декабря. Накануне поездки П.А. Игнатьев встретился с видным петроградским оппозиционным журналистом и попросил у него содействия в осуществлении своей миссии. Ротмистра, в частности, интересовали связи и контакты журналиста Б. в Европе, особенно в Германии. Журналист, который имел обширные знакомства во Франции, согласился оказать помощь русской военной разведке, несмотря на свою оппозицию царскому правительству. Он дал П.А. Игнатьеву несколько рекомендательных писем к своим французским друзьям.

Все было готово к поездке Павла в Париж. П.А. Игнатьев уже упаковывал чемоданы, как вдруг получил телеграмму из штаба фронта. В ней говорилось, что вместо обещанных 50 или даже 200 тысяч рублей в его распоряжение выделяется не более 25 тысяч в месяц на все расходы, связанные с организацией агентурной разведки в Европе. Конечно, это энтузиазма П. Игнатьеву не прибавило, потому что работу предстояло начинать на пустом месте, однако и двадцать пять тысяч рублей — это не так уж и мало.

Павел Алексеевич сбрил усы, сменил гусарский мундир императорской гвардии на штатский костюм и с паспортом на имя русского военного корреспондента Павла Истомина холодным ноябрьским днем 1915 года сел в поезд на Финляндском вокзале в Петрограде. В купе было пусто, пассажиров в вагоне первого класса, которым он ехал, было мало. Перед самой отправкой поезда в купе к нему подсел какой-то господин, представившийся персидским коммерсантом. Они ехали молча, однако через некоторое время незнакомец разговорился. Он настойчиво пытался выяснить личность своего спутника и цель его поездки.

Эти расспросы вызвали подозрения у ротмистра, тем более что «персидский коммерсант» говорил с характерным старогерманским акцентом, свойственным немцам-колонистам, переселившимся в Россию во времена Екатерины Великой. Когда поезд прибыл на пограничную станцию Хапаранда на финляндско-шведской границе, П. Игнатьев сдал этого господина русским пограничным властям. Очевидно, что Павел Игнатьев давно уже попал в поле зрения австрийской или германской разведки, которая следила буквально за каждым его шагом.

Прибыв в Стокгольм, где немцы чувствовали себя как дома, Павел остановился в гостинице. Здесь он опять стал объектом пристального внимания германской агентуры. Ночью неизвестные лица предприняли попытку незаметно проникнуть в его номер и похитить документы. Эта попытка была сорвана самим разведчиком, который о происшедшем инциденте поставил в известность дирекцию отеля. Однако, как водится, все усилия найти виновных успехом не увенчались: нейтральная Швеция занимала прогерманскую позицию в этом всемирном военном конфликте.

Из Стокгольма П.А. Игнатьев отправился на пароходе по бурному в это время года Северному морю в английский порт Ньюкасл, откуда последовал в Лондон, затемненный в связи с частыми налетами германской авиации. Затем из британской столицы он выехал на юг Англии, а оттуда ночью переплыл на пароходе пролив Па-де-Кале и, наконец, очутился во Франции. В Париж он прибыл 9 декабря 1915 года.

В соответствии с дипломатическим протоколом П.А. Игнатьев должен был представиться российскому послу в Париже Александру Петровичу Извольскому, видному дипломату, занимавшему в прошлом пост министра иностранных дел России и являвшему-

ся одним из творцов внешней политики страны. Он также знал, что в Париже под крылышком отца пригрелся сын Извольского в чине прапорщика, избежавший тем самым фронта. Это симпатий к бывшему министру у П. Игнатьева не прибавило.

...В один из непогожих декабрьских дней посол сидел в своем уютном кабинете в здании посольства Российской империи на улице Гренель в центре Парижа и лениво перебирал текущую корреспонденцию. В дверь осторожно постучали. Вошедший секретарь доложил, что его превосходительству хочет представиться какой-то господин Истомин, военный журналист из Петрограда. Александр Петрович журналистов не любил. Не жаловал он и военных, особенно в свете столь неудачно складывающейся для России войны.

— Опять эти господа из ГУГШа, — досадливо вздохнул он. — Ну что ж, просите.

В кабинет посла вошел высокий стройный мужчина лет 30—35, с явно военной выправкой. Незнакомец представился:

— Павел Истомин, журналист Петроградского телеграфного агентства.

— Полноте, граф! К чему этот маскарад? Ведь я отлично знаю вашу матушку, — откликнулся хозяин кабинета. — Проходите, не стесняйтесь.

Посол из депеши российского МИДа уже знал, что в Париж прибывает специальный представитель разведывательного отделения штаба Юго-Западного фронта для организации разведки с территории Франции против Германии и Австро-Венгрии. Александра Петровича это особенно не радовало, ибо грозило, по его мнению, различными неприятностями русскому посольству и, следовательно, лично ему. Где разведка — там и провалы, а это связано с протестами французского МИДа, неприятными для посла объяснениями. Нет уж, жили до сих пор без разведчиков и далее спокойно проживем без них, сказал он себе, получив депешу из Петрограда.

... Вообще-то у Извольского были свои счета с военным ведомством. Несколько лет назад он, будучи министром иностранных дел, разрешил людям из ГУГШа пользоваться секретными архивами своего министерства. В то время для обобщения опыта Русско-японской войны начальник Генерального штаба генерал Ф.Ф. Палицын с одобрения императора Николая II затеял ее

описание. Была создана целая военно-историческая комиссия. Одному из ее членов — полковнику П.Н. Симанскому было поручено подготовить главу о предыстории военного столкновения с японцами. Он, имея неограниченный доступ к государственным архивам (завидуйте, современные российские историки!), добросовестно проделал работу. Посланная на рецензирование в российский МИД рукопись этой главы привела министра в негодование. Он сразу понял, что открытая публикация материала крепко «подставит» русскую дипломатию, которая проглядела подготовку Японии к войне.

В ответе председателю Комиссии генералу В.И. Гурко он так прямо и написал. По мнению Извольского, в этой главе полковником Симанским была показана «яркая картина отрицательных сторон нашей государственной жизни: междуведомственной розни, отсутствия общего плана в достижении намеченных задач и вместе с тем откровенно разоблачаются некоторые замыслы, окончившиеся неудачей, взаимная вражда России и Японии, в том числе и Англии». Разумеется, он категорически возражал против «обнародования в настоящее время названного исследования»¹. Это и понятно: исследование полковника Симанского показывало истинную роль «Безобразовской клики» в разжигании конфликта с Японией, к которому Россия не была готова. Поскольку в эту клику входили и некоторые великие князья, публиковать такую рукопись в открытой печати было просто опасно, особенно в свете недавней первой русской революции.

И вот опять эти господа из военного ведомства с еще более щекотливыми намерениями. Нет, он положительно против, ибо военные заварят кашу, а расхлебывать ее придется послу. Пусть разведчики действуют на свой страх и риск, но он не желает, чтобы они были как-либо связаны с посольством. О своем неприятии профессии Павла Алексеевича посол не преминул прямо заявить ротмистру Игнатьеву. После обмена обычными в таких случаях любезностями посол бесцеремонно заявил:

— Шпионские дела мне совсем не нравятся. Они вызывают бесконечные осложнения и часто заканчиваются скандалами... Здесь вы находитесь в иностранном государстве, пусть даже и союзном. Вы будете также распространять свое влияние и на соседние, более или менее нейтральные, страны. Без всякого сомнения, в случае осложнений поступят требования разъяснить, про-

вести расследование и прочие подобного рода штуки, которые я так ненавижу. Поэтому, ротмистр, не рассчитывайте ни на меня, ни на кого бы то ни было из моих подчиненных. Я знать не хочу, что вы там будете делать!

«Журналисту» Истомину ничего не оставалось, как откланяться и принять к сведению слова посла А.П. Извольского. Впрочем, он не удержался и на прощание сказал:

— Ваше превосходительство, можете быть уверены, что я вам надоедать не буду. Стану действовать без вашей поддержки.

Впрочем, в дальнейшем персонал российского посольства в Париже оказывал П. Игнатьеву всемерную помощь и поддержку в его непростой работе, о чем он с благодарностью вспоминает в своих мемуарах.

Совсем иным был прием у французских военных властей. Ротмистр П.А. Игнатьев был представлен своим братом, военным агентом России генерал-майором А.А. Игнатьевым «всем чинам» 2-го бюро (военной разведки) Генерального штаба Франции. В ходе состоявшейся беседы Игнатьеву-младшему было обещано полное содействие в выполнении возложенных на него заданий. По его просьбе сотрудники бюро ознакомили его с положением в Швейцарии, которой предстояло стать основным полем сражения между русской и германской разведслужбами. Французы откомандировали в распоряжение графа Игнатьева 2-го несколько офицеров по его выбору, организовав доставку его сообщений и почты из Швейцарии и Голландии, облегчили паспортные правила для агентов русской разведки, которым зачастую выдавались французские паспорта, несмотря на то, что они были иностранцами.

Французы также предоставили П.А. Игнатьеву право выдавать своим агентам специальные военные паспорта, имея которые, они могли не только свободно переходить французскую границу, но и при необходимости обращаться за содействием к местным властям во Франции, Англии и Италии. Кроме того, они организовали пропуск через швейцарскую границу агентов П.А. Игнатьева без предъявления ими каких бы то ни было документов. Они взяли на себя охрану агентов русской разведки от австро-германского и швейцарского шпионажа. Сверх всего была достигнута договоренность о том, что французская сторона будет передавать русской разведке, представляемой в Париже

П.А. Игнатьевым, все имеющиеся у него разведывательные данные как из Межсоюзнического разведывательного бюро, так и еженедельные сводки французской Главной квартиры.

Но любезные французы не только оказали помощь П. Игнатьеву в налаживании агентурной работы в Швейцарии. Они с согласия П. Игнатьева укомплектовали его бюро необходимым числом французских военнослужащих, оказывающих ему помощь в работе. Это означало, что с самого начала французская военная контрразведка контролировала деятельность миссии русской разведки с ее территории. Понимал ли П. Игнатьев, чем это грозит? Думается, что да, однако он решил пойти на определенный риск, поскольку в противном случае ничего не получишь, а без помощи союзников-французов выполнить стоящие перед ним сложные разведывательные задачи не представлялось возможным.

Однако тут же французы выразили недоумение тем обстоятельством, что «только один русский фронт командировал офицера, в то время как во Франции отсутствует разведывательный орган от России», имея в виду отсутствие постоянного представителя русского военного командования в Межсоюзническом бюро по разведке. Несмотря на это, они выразили готовность оказывать П.А. Игнатьеву всяческую помощь и поддержку. Одновременно он через уже известного читателю полковника О. Энклея был представлен руководству разведслужб Италии и Англии, представленных в Межсоюзническом бюро.

Такое отношение французских союзников к России диктовалось, конечно же, обстановкой на фронтах. Не оправдались предвоенные прогнозы относительно того, что война будет скоротечной и победоносной для Антанты. Наоборот: она приобрела позиционный характер, когда сплошные траншеи, укрепленные колючей проволокой, минными полями и т.п. простирались от Балтики и до Румынии на Востоке, и от бельгийской границы до Швейцарии на Западе. Стало ясно, что без хорошо налаженной разведки Антанте противника не победить.

Поясним читателям, что в то время во Франции было очень много самостоятельных, не зависящих друг от друга органов разведки, работавших зачастую в одном и том же районе. Некоторые из них подчинялись непосредственно военному министру, другие — Главной квартире, третьи — французскому военному агенту в Швейцарии. Наряду с этими организациями разведыватель-

ную работу против стран Четверного союза вело также и военное правительство Парижа и органы Министерства внутренних дел, которые в лице специальных пограничных комиссаров имели самые хорошие кадры, состоявшие из опытных агентов.

Во время работы во Франции у П.А. Игнатьева было восемь разведывательных организаций. Часть из них он создал самостоятельно, часть получил от других разведывательных органов. Весьма тесными были его связи с французской военной разведкой — 2-м бюро Генерального штаба Французской армии, которое, как мы уже говорили, было заинтересовано в установлении тесного французско-русского сотрудничества в области разведки. Поэтому кабинет военного министра, сразу же по приезде П.А. Игнатьева в Париж, выделил в его распоряжение французского адъютанта Марсея Битар-Монена, в прошлом комиссара полиции, сохранившего связи как в ней, так и в контрразведке.

С его помощью на швейцарской границе, в населенных пунктах Дивонн и Аннемас французские власти организовали укомплектованные службы, предназначенные для беспрепятственного пропуска через границу агентов П.А. Игнатьева. Здесь постоянно имелись наготове автомобили, чтобы доставить их в любое место, а также запасы продуктов питания, технических средств и средств камуфляжа.

В созданном французской стороной приемном центре, занимавшем отдельную виллу на швейцарско-французской границе, постоянно находились три французских офицера, командированных французским правительством в помощь П.А. Игнатьеву. В их обязанности и входил опрос агентов, расшифровка и проявление писем (в те времена их писали простой лимонной кислотой, раствором пирамидона или путем накалывания соответствующих букв в газете), а также поддержание связи с десятком вербовщиков П.А. Игнатьева в Швейцарии. Агенты-вербовщики для удобства были разбиты на три группы и друг друга не знали.

Кроме того, в различных городах Швейцарии разведывательная организация П.А. Игнатьева имела от 15 до 20 содержателей почтовых ящиков, на которые из Германии поступали письма и донесения агентуры для передачи в «приемный центр». Все агенты-вербовщики П.А. Игнатьева состояли у него на жаловании и, кроме того, получали отдельную премию за каждого отправленного с заданием агента. В месяц отправлялось примерно

5—6 агентов, половина из которых обычно не возвращалась по различным причинам. Некоторые агенты-вербовщики русской разведки занимали видное положение и давали сведения самостоятельно.

После инструктажа завербованные агенты направлялись в поездку по Германии или Австрии и сообщали собранные ими сведения на условные адреса, откуда французские военные власти переправляли их П.А. Игнатьеву. По отметкам в паспортах агентов устанавливалось время и маршрут их поездок. «Главная цель, — писал П.А. Игнатьев в штаб Юго-Западного фронта, — поставленная мною при таком способе работы, была работа не с профессионалами, дабы, по возможности, избежать фабрикаций сведений. Однако на практике явилась масса недоразумений: выяснилось, что неподготовленные к делу люди приезжали и привозили очень мало сведений. Чересчур рьяно принявшие за дело вербовщики обычно арестовывались в Швейцарии, а неорганизованность почтовых ящиков замедляла доставку сведений».

Из связей, имевшихся у штаба Юго-Западного фронта в Европе, П.А. Игнатьеву было разрешено задействовать лишь уже известного нам статского советника Лебедева. Прибыв в Париж и ознакомившись с обстановкой на месте, П.А. Игнатьев вскоре пришел к выводу о том, что агентурная сеть, созданная Лебедевым, для крупной работы в условиях военного времени не годится. Он попытался также воспользоваться рекомендательными письмами к русским политическим эмигрантам, проживающим в Швейцарии, которыми его снабдил оппозиционный журналист Б. Но тут выяснилось, что «все патриотически настроенные из них вступили во французскую армию, а с оставшимися говорить о службе в русской разведке просто нельзя».

Первоначально граф обратился за советом и помощью к заведующему заграничной агентурой Департамента полиции А.А. Красильникову, который порекомендовал ему связаться со своим предшественником, действительным статским советником А.М. Гартингом. Он стал скандально известным во Франции благодаря разоблачениям, сделанным в 1909 году уже упоминавшимся нами знаменитым публицистом, «охотником за провокаторами» из царской охранки эсером В.Л. Бурцевым. О Гартинге следует рассказать немного более подробно.

СОТРУДНИК ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ГАРТИНГ

Его настоящее имя Абрам Мордухович Гекельман. В 80-е годы XIX-го столетия он был завербован начальником Особого отдела Департамента полиции полковником Г.П. Судейкиным. В 1884 году Гекельман уезжает в Швейцарию, где под фамилией Ландезен учится в Цюрихском политехникуме. Его куратором и начальником становится заведующий заграничной агентурой П.И. Рачковский, который в будущем также прославится вместе с Манасевич-Мануйловым фабрикацией небезызвестных «Протоколов сионских мудрецов». Основным занятием Гекельмана в то время была организация провокаций в революционной среде. Впрочем, дадим слово по этому поводу профессору В.К. Агафонову, который в 1917 году по поручению Временного правительства специально занимался данным вопросом. Вот что он пишет об одном из эпизодов этой деятельности:

«Одной из задач, которую поставил Рачковский Ландезену, было сближение с эмигрантами террористического настроения (Накашидзе, Кашинцевым, Тепловым, Степановым, Рейнштейном и другими) и вовлечение их в какое-нибудь террористическое предприятие. На одном из интимных собраний Ландезен подал мысль об организации убийства Александра III и изготовлении для этого акта бомб в Париже. Когда поднялся вопрос о необходимости для этого в деньгах, то тот же Ландезен вызвался достать нужную сумму и — достал... конечно, у Рачковского. Была устроена мастерская бомб. Ландезен даже начинал некоторые из них и принимал участие в испытаниях их взрывной силы, производившихся в лесу Рамбуйе в окрестностях Парижа. После опытов многие члены кружка должны были ехать в Россию и организовать само покушение на Александра III. Ландезен должен был ехать одним из первых, но за два дня до отъезда он в целях конспирации переменял свою парижскую квартиру»².

Начальник русской заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковский, бывший, разумеется, в курсе дела, проинформировал о «террористах» французское правительство, скрыв, конечно, что это была полицейская провокация царской охраны. Были арестованы все «анархисты», за исключением, конечно же, Ландезена.

Разразился оглушительный скандал. Арестованные русские революционеры были преданы французскому суду и приговорены или к тюремному заключению, или к высылке из Франции. Ландезена судили заочно и приговорили к пяти годам тюрьмы. Шел 1890 год. В награду за эту провокацию Гекельман-Ландезен становится потомственным почетным гражданином и ему назначается пенсия в 1000 рублей в год.

Через несколько лет он принимает православие и превращается в Аркадия Михайловича Гартинга. В 1902 году под этим именем он становится руководителем берлинской агентуры Департамента полиции. В 1905 году, во время Русско-японской войны, на него, помимо борьбы с революционерами, была возложена задача по противодействию японскому шпионажу против России в Европе. В результате «бурной деятельности» А.М. Гартинга русская эскадра адмирала З.П. Рожественского, следовавшая на театр военных действий к Порт-Артуру, где японцы потопили русский флот, расстреляла в Северном море английские рыбацьи лодки, приняв их за японские миноносцы. В результате чуть-чуть не вспыхнула война с Англией. А что же Гартинг? Да ничего, с него, как говорится, словно с гуся вода. Кроме уже имевшихся у него русских и иностранных наград, в том числе французского ордена Почетного легиона (!), он получил орден Св. Владимира. Вот уж действительно: кому война, а кому — мать родна!

В начале 1909 года В.Л. Бурцев все-таки «достал» Гартинга, обнародовав его политический портрет. Он показал в публикации, что возглавляющий русскую политическую полицию за рубежом чиновник — это бывший политический эмигрант и провокатор Абрам Гекельман-Ландезен, судимый французским трибуналом по делу об известной уже читателю мастерской по изготовлению бомб в Париже.

Скандал был потрясающим. Левый социалист, основатель газеты «Юманите» Жан Жорес сделал запрос в Палате депутатов Национального собрания Франции. Тогдашний премьер Французской Республики Жорж Клемансо вынужден был официально заявить, что в дальнейшем деятельность иностранных полиций в Париже будет запрещена. Гартинга пришлось отправить в отставку. В награду он получил производство в потомственное дворянство и чин действительного статского советника — «штатского генерала».

Между тем П.А. Игнатъев в своих мемуарах дал такую характеристику этому деятелю политического сыска:

«Г-н Альфред был русским и в течение долгих лет исполнял в Париже деликатные функции. Он был когда-то революционером, однако одумался и согласился вести наблюдение за русскими террористами. Г-ну Н., или Альфреду, было примерно 60 лет (в действительности. — 55 — *Авт.*) Он был неутомимым, всегда в движении, всегда начеку».

Эта характеристика выглядит немного странной в свете того, что было написано нами выше об этой личности. Знали ли Павел Алексеевич или нет о том, кто такой Гартинг во всей его красе? Конечно, знал, как, впрочем, и все образованное русское общество того времени, ибо публикации о Гартинге-Ландезене, начало которым положил В.Л. Бурцев, в течение нескольких месяцев не сходили со страниц европейских и русских газет. С.Ю. Вите, например, в своих воспоминаниях по этому поводу отмечал, что провокаторские приемы русской полиции «выплыли наружу (Азеф, Гартинг), несмотря на все желание Столыпина эти скандальные истории затушить». И вообще бывший Председатель Совета министров России подобную категорию людей называл «негодьями»³.

Но, как говорится, «за неимением гербовой бумаги пишут на простой». У Павла Игнатъева выбор агентуры не был широким, приходилось использовать все и вся, что было под рукой. К тому же, А. Гартинг поднаторел в контрразведывательных делах и, как показало дальнейшее развитие событий, был добросовестным сотрудником П. Игнатъева, несмотря на свое прошлое, о котором полковник не вспоминает. Видимо, поэтому он так и не раскрыл настоящее имя своего помощника. Уж больно одиозно оно было, даже в среде русской военной эмиграции. Тем не менее, как мы увидим в дальнейшем, Гартинг оказался незаурядным агентуристом и принес военной разведке несомненную пользу.

Как бы там ни было, но Гартингу-Альфреду (так мы будем далее называть это лицо), пришлось еще раз проявить свои полицейские таланты. С разрешения А.А. Красильникова он привлек к разведывательной работе француза Битар-Монена, заведующего наружным наблюдением заграничной агентуры Департамента полиции, которое после скандала с Гартингом было замаскировано под частное сыскное бюро. Битар-Монен находился на рус-

ской службе в качестве чиновника «для исполнения всякого рода отдельных поручений по сношениям с чинами французской полиции по текущим делам»⁴.

Поясним читателю, что после скандала с Гартингом на средства Департамента полиции в Париже было создано «частное сыскное бюро» Бинта и Самбена, состоявшее из старых агентов русской заграничной охраны. Агенты бюро выполняли ее поручения и докладывали Бинту или самому Красильникову. Этих агентов-французов наружного наблюдения в 1917 году вместе с Бинтом было пять человек, не считая шести, не призванных на военную службу. Кроме того, у Бинта были и заграничные наружные агенты — «корреспонденты» — по одному в Женеве, Лозанне, Цюрихе и Берне.

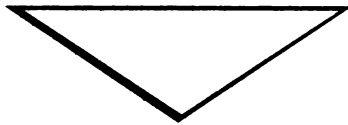
Известную помощь Игнатьеву 2-му Гартинг-Альфред и Битар-Монен, конечно, оказали, причем немалую по тем временам. Вербовки, конспирация, широкие международные связи, наводки, организация связи и т.п. — все это, разумеется, пригодилось ему. Однако для собственно военной разведки они не годились в качестве самостоятельных разведчиков. Тут нужны были специальные военные знания, которые имелись только у офицеров Русской армии. Гартинг-Альфред таковыми знаниями не располагал, однако он был полезен П. Игнатьеву в качестве вспомогательного агента, о чем мы расскажем отдельно.

В первые месяцы работы в Париже ротмистр Игнатьев 2-й столкнулся с серьезными трудностями. Предполагалось, что для организации разведывательной работы с территории Швейцарии он использует лиц, указанных штабом Юго-Западного фронта, о которых мы говорили выше. Однако вскоре выяснилось, что на них рассчитывать нельзя. Штаб фронта, в частности, запретил Павлу Алексеевичу использовать в работе его румынские связи, которые заблаговременно были направлены в эту страну. При более близком знакомстве с ситуацией он выяснил, что нечего рассчитывать также и на русские эмигрантские круги в этой альпийской республике, поскольку все они были настроены антимилиитаристски и не желали сотрудничать с русской военной разведкой.

Уже позднее, в 1917 году, отчитываясь о своей работе во Франции, П. Игнатьев докладывал 28 августа в рапорте в ГУТШ:

«Когда я приехал в Париж, я не имел на связи ни одного агента, кроме трех, направленных раньше меня в Швейцарию, которые

как организаторы оказались никуда не годными. В Париже меня ожидало и запрещение использовать мои румынские связи»⁵. Поэтому П. Игнатьеву предстояло создавать агентурную сеть против Австро-Венгрии практически на пустом месте. Главным полем деятельности агентурной сети русской военной разведки в Европе, возглавляемой П.А. Игнатьевым, была Швейцария. Ему удалось приобрести агента в швейцарском Генеральном штабе, который, по его словам, впоследствии оказал «большие услуги как в деле контрразведки, охраны наших агентов, так и в деле разведки». П.А. Игнатьев также попытался пробраться к секретным документам представителей Германии и Австрии в Швейцарии, но на первых порах без особых результатов. Всю группу лиц, осуществлявших эти действия, он назвал «организация № 1».

Глава шестая

ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВ В ПАРИЖЕ

Прибыв в Париж в качестве представителя разведслужбы Юго-Западного фронта, Павел Игнатъев на первых порах столкнулся с немалыми трудностями в работе. Ознакомившись с обстановкой, П. Игнатъев решил создать зарубежную агентурную сеть, которая состояла бы из ряда центров и многих самостоятельных организаций. Согласно законам конспирации, эти организации не должны быть связаны друг с другом, а о существовании одного центра не было бы известно руководству другого центра. Кроме того, П. Игнатъев решил не использовать профессиональных разведчиков для создания агентурной сети, что, впрочем, было его ошибкой.

В 1916 году на помощь Павлу Алексеевичу штаб Юго-Западного фронта направил в Париж штабс-ротмистра Георгия Трубникова и младшего урядника Виктора Франка. Г. Трубников занимался агентурной разведкой, поддерживал конспиративные связи с агентурой, а также вел шифровальное дело и заведовал канцелярией бюро русской военной разведки в Париже. В. Франк вел досье по австро-венгерской, турецкой и болгарской армиям, разрабатывал донесения, получаемые от агентуры Юго-Западного фронта.

Для выполнения стоящих перед ним задач П. Игнатъев создал ряд разведывательных организаций, работавших на штаб Юго-Западного фронта.

Организация № 1

Возглавлял эту организацию Аркадий Михайлович Гартинг. Ему удалось привлечь к сотрудничеству с русской военной разведкой одну румынку, которую в своих мемуарах П. Игнатъев

означает буквой Б. Румынка принадлежала к высшему свету Бухареста, была очень красивой, изящной и умной. В прошлом она была женой офицера, однако овдовела и в марте 1915 года проводила время на модном швейцарском курорте в Сент Морице, где поддерживала обширные знакомства.

Однажды к ней обратился один из поклонников румынки, который попросил ее принять под свое крыло молодую чешку, жену его полкового товарища, которая прибыла в Швейцарию на лечение от чахотки и чувствует себя неуверенно, поскольку никого здесь не знает. Румынка с удовольствием познакомилась с этой женщиной, которая в воспоминаниях П. Игнатьева проходит как «госпожа С.», и вскоре они подружились. Чешка рассказала, что ее муж — весьма крупный промышленник, имеет несколько заводов и, вероятно, имеет какое-то отношение к чешскому национальному движению. Поскольку чех находится под подозрением австрийских властей, он, чтобы спасти свое имущество от конфискации, был вынужден пойти на военную службу в качестве картографа австро-венгерского Генштаба. Поскольку в этот период намечалось наступление Русской армии в районе Львова, П. Игнатьев заинтересовался чешкой. Он направил в Швейцарию А. Гартинга с заданием попытаться через него выйти на чешку.

Прибыв в Сент Мориц, А. Гартинг познакомился с ней за чаем в салоне румынки, представившись коммерсантом. Вскоре Гартингу удалось завербовать чешку от имени русской военной разведки. Он дал ей поручение получить от мужа карту с нанесенным на ней расположением австро-венгерских войск в районе Львова. Женщина охотно согласилась выполнить задание, поскольку симпатизировала чешскому национально-освободительному движению, которое, как известно, пользовалось поддержкой со стороны России.

Возвратившись из поездки в Прагу, она известила Гартинга условным письмом о выполнении задания. П. Игнатьев решил лично выехать в Швейцарию для встречи с чешкой. Предоставим снова слово П. Игнатьеву.

«— Каков же результат вашей поездки?

— Вы будете довольны.

— Поздравляю вас, мадам, и благодарю! Расскажите все подробнее.

Мадам С. сообщила мне, что ее муж, немедленно извещенный ею о задании, с энтузиазмом согласился. Однако несколько дней размышлял, понимая, какой серьезной опасности подвергается его жена, и, не зная, как ей помочь. Кроме деталей, которые можно передать устно, существовали другие тонкости — планы укрепленных сооружений, которые требовали изложения на бумаге. Проверки на границах были так строги, что тайно провести даже малейший клочок бумаги казалось невозможным. Сожалея о своем бессилии, муж этой дамы собирался уже отказаться от предложенного дела. Но однажды утром после очередного разговора с женой ему пришла в голову гениальная идея. Попросив мадам С. собраться в дорогу, он за два часа до отъезда нарисовал на подошвах ее ступней план укреплений Львовских оборонительных линий.

— На границе, — продолжала мадам С., — меня раздели, были проверены даже пуговицы моего мантио: обыскали всю с головы до ног, но я стояла на ногах, и никому не пришлось в голову посмотреть на мои подошвы.

Громко смеясь над тем, как ловко она провела противника, мадам С. сказала мне, сняв туфли и чулки и обнажив прекрасные ноги:

— Снимите этот чертеж, а я дам вам дополнительные разъяснения.

Разъяснения действительно были необходимы, поскольку рисунок немного стерся. Мне удалось идеально воспроизвести шедевр великого картографа...

Уезжая утром на рассвете, я был ошеломлен известием о ночном обыске в номере мадам С. и о передаче ее в руки швейцарского правосудия. Я уехал, не теряя минуты, поскольку документ в моем портфеле ни в коем случае не должен был попасть в чужие руки. Безусловно, за мной следили германские агенты, которые не преминули бы выдать швейцарским властям любого из тех, кого я навещал.

Едва прибыв в Париж, я отправил шифрованную телеграмму начальнику российского Генштаба, от него она поступила генералу Дитерихсу в Бердичев, который перенес на карту точные сведения, полученные мной. Через две недели наши войска начали наступление на Львовские оборонительные линии.

Мадам С. была переведена в Берн. Несмотря на настойчивость германской контрразведки, которая обвиняла ее в служении Рос-

сии, швейцарские власти не смогли найти никаких доказательств. Добропорядочность ее мужа, его офицерский статус заставили их выпустить мадам С. на свободу. Молодая женщина перенесла сильное потрясение. Когда случай свел меня с нею через полгода, (я не хотел подвергать ее снова таким жестоким испытаниям и больше ни о чем не просил), я едва узнал ее. Неумолимая болезнь, которой она страдала, прогрессировала.

Однако, несмотря на свое состояние, мадам С. горячо меня приняла. Она весьма интересовалась результатами своей миссии и успехами, на которые надеялись союзники для достижения победы, что тем самым позволило бы стране мадам С. стать независимой. Бедная женщина! Через полгода я узнал о ее смерти».

В другой главе воспоминаний П. Игнатъев рассказывает о своем знакомстве с первой женщиной-агентом, также входившей в Организацию № 1.

ТАНЦОВЩИЦА ЖАННА

Благодаря упоминавшемуся уже адъютанту Марселю Битар-Монену в Швейцарию была направлена молодая женщина, танцовщица Жанна Х. Она питала ненависть к немцам, убившим ее жениха на Западном фронте, и согласилась поставлять П.А. Игнатъеву сведения о германской армии, ее численном составе и перемещении войск в сторону русского фронта. Этот выбор был вызван не только тем, что Жанна прекрасно исполняла зажигательные испанские танцы, но еще потому, что она владела испанским языком, а также знала немецкий и английский. На инструктаже агента было оговорено, что для своих донесений она будет использовать ежедневные швейцарские газеты, в которых станет специальным образом накалывать буквы и после этого направлять их по указанному адресу.

По заданию П.А. Игнатъева Жанна Х., представившись испанской танцовщицей, должна была искать ангажемент в одном из мюзик-холлов Женевы. Эту задачу она успешно решила, и все ее представления имели необычайный успех. П.А. Игнатъев ежедневно получал от нее весьма серьезные сведения о перемещениях германских войск с указанием номеров полков, следующих на русский фронт. Однажды Жанна даже предупредила его о

предстоящем воздушном налете германской авиации на Париж, во время которого немцы планировали сбросить зажигательные бомбы и вызвать панику среди населения. Это предупреждение было точным и своевременным, поэтому французским властям благодаря предпринятым мерам удалось сорвать замыслы врага.

Для получения секретных сведений Жанна Х., выдававшая себя за испанку, заводила обширные сведения среди германских офицеров. Ее поведение не вызывало у немцев подозрений, поскольку Испания занимала позицию «благожелательного нейтралитета» в отношении Германии. Она подчинила своему влиянию одного германского офицера, который не только сам проводил у танцовщицы свободное время, но и принимал у нее своих друзей. Притворяясь, что она не знает немецкого языка, Жанна слушала разговоры подвыпивших офицеров между собой, пропуская мимо ушей их грубые шутки в свой адрес. Сведения, получаемые таким образом, она передавала на следующий день русской разведке, используя вышеописанную схему.

Однако у немцев оставались определенные подозрения в отношении танцовщицы. Однажды немецкий офицер, оставшийся ночевать в ее номере, ушел рано, сославшись на неотложные дела. На столе он оставил какую-то толстую папку. Едва он ушел, как Жанна, соскочив с кровати, быстро просмотрела ее содержимое. «Улов» был богатым: в папке находились последние сводки с Восточного и Западного фронтов, включая детали планируемого немцами крупного наступления, а также сведения о потерях Четверного союза и другие не менее интересные материалы. Жанна оделась, взяла наиболее ценные документы и решила передать их резиденту русской разведки. Открыв дверь, она лицом к лицу столкнулась с этим офицером. Он отнял у нее похищенные документы и стал выпрашивать, на какую разведку работает Жанна. Танцовщица ответила ему на чистейшем немецком языке:

— Я французенка и ненавижу вас! Вы убили моего жениха. Вы залили кровью мою страну. Я мщу вам за все это.

Офицер едва не потерял дар речи. Очнувшись, он спросил:

— Как, ты знаешь немецкий язык? Значит, ты понимала все, что мы говорили между собой? Ну, смотри же. Мечь моя будет ужасной. Я отомщу тебе так, что ты будешь помнить обо мне всю жизнь!..

Он вышел из номера и запер дверь ключом на два оборота.

Что же делать? Жанна лихорадочно искала выход из создавшейся ситуации. Сейчас немец приведет полицию, и тогда она будет арестована. Может быть, выйти через окно, спустившись на простынях? Нет, это не выход. Соберется толпа, разразится скандал. Нет, только не это...

В коридоре послышались шаги. Это шла горничная, что-то напевая себе под нос. Жанна постучала в дверь:

— Мадмуазель, я куда-то задевала ключи и теперь не могу открыть дверь. Не можете ли вы ее открыть своим ключом?

Горничная, ничего не подозревая, тотчас отперла дверь. Жанна собрала все бумаги, оставшиеся от германского офицера, взяла свои драгоценности, вышла на улицу и села в такси. Несколько часов спустя она была уже в безопасности, перебравшись через «окно» на границе во Францию. Спустя несколько дней она сидела в рабочем кабинете П.А. Игнатьева на ул. Любек, 21 в Париже, которому передала ценные документы, и рассказывала ему эту историю.

Жанна Х., разоблаченная немцами, разумеется, не могла больше заниматься активной разведывательной работой. П.А. Игнатьев, конечно, обеспечил ее дальнейшее существование и принялся подыскивать новых людей, способных заменить столь ценный источник разведывательной информации.

Организация № 2

Во главе этой организации стоял поручик князь Борис Мещерский, рекомендованный П. Игнатьеву его братом Алексеем. Павел Алексеевич хорошо знал Бориса Мещерского по России. В частности, ему было известно, что осенью 1915 года Борис имел некоторое отношение к разведывательной деятельности. При личном знакомстве с князем он установил, что Борис Мещерский действительно располагает связями в Будапеште, однако о разведывательной деятельности имеет только общее представление. Тем не менее П. Игнатьев принял предложение своего брата и решил направить Б. Мещерского с секретным заданием в Будапешт, где у него имелись некоторые связи, с тем, чтобы завербовать ряд лиц и создать из них агентурную сеть для работы в интересах Юго-Западного фронта.

Однако реализовать идею о создании резидентуры разведки, которая работала бы непосредственно в Австро-Венгрии, ему не удалось. Прибыв в Вену, Б. Мещерский убедился в этом и оттуда он сообщил Игнатьеву по почтовому каналу о том, что ему легче поддерживать связь с Юго-Западным фронтом через Румынию, для чего у него имелось несколько человек. После некоторого колебания Павел Игнатьев согласился. В переписке со штабом Юго-Западного фронта Павел Алексеевич так пишет о работе Б. Мещерского:

«В самом начале работы он лично сделал две поездки в Австрию, Венгрию и Германию и успел организовать два центра, из коих сейчас продолжает работать один в Германии. От этого центра получают периодически не менее двух раз в месяц письменные сведения чисто военного характера. Кроме того, в связи с организатором имеется офицер, германец, заведующий разведкой в одном из штабов. Свидания с ним организатор имеет лично периодически в Швейцарии». В другом документе разъяснялось, что германский офицер Б. в штабе генерала А. Макензена ведал контрразведкой и был провален предателем¹.

Однако организовать «окно» на этом фронте Б. Мещерскому не удалось, и он был вынужден уехать в Париж. Здесь П.А. Игнатьев поручил ему связаться с одним знакомым лично М. человеком в Германии, «могущим, по его словам, оказать неоценимые услуги». К сожалению, все попытки русской разведки заслать этого агента непосредственно в Германию успехом не увенчались. «Организация № 2» была ликвидирована, а сам Борис Мещерский устроился в аппарате П. Игнатьева в качестве технического работника.

Организация № 3

Во главе этой организации, созданной П.А. Игнатьевым, был поставлен уже упоминавшийся нами капитан Лебедев, прикомандированный к штабу Юго-Западного фронта. До войны он был чиновником Департамента полиции, дослужившимся до чина статского советника. Ему было дано задание завербовать профессора Лозаннского университета Р., который, по его утверждению, имел обширные связи в Германии. Предварительное изучение немца и обстановки вокруг него показали, что его перспективы

его вербовки не только сомнительны, но и нецелесообразны. Личные контакты П.А. Игнатъева с Р. выявили, что тот проявляет неискренность в отношениях с русской военной разведкой и явно преувеличивает свои реальные разведывательные возможности, что нередко бывает в практике любой разведывательной службы. От мысли приобрести в лице профессора Р. ценного информатора по Германии пришлось отказаться.

Убедившись в этом, П.А. Игнатъев попросил Лебедева познакомить его с крупным чиновником французской уголовной полиции В., который на поверку оказался заурядным вымогателем. Вытягивая из русского разведчика деньги, он говорил ему о якобы созданной им обширной разведывательной сети, но под различными предложениями никаких сведений о ней не давал. В конце концов В. под сильным давлением со стороны разведчика назвал ему имена двух-трех своих дельных работников и еще 3—4 агентов, которые оказались совершенно неподготовленными к ведению разведки, однако имевших возможность совершать поездки в Австро-Венгрию. Игнатъев принял всех этих агентов на связь и направил их в Австрию. Вскоре один из них сообщил, что нашел выходы на австрийскую Главную квартиру, о чем речь пойдет несколько позже. Большую пользу Павлу Алексеевичу в этом плане оказали капитан Лебедев и поддесаул Трубников, сумевшие наладить работу этой организации, а в мае 1916 года приобрести важного информатора при австрийской Главной квартире. О нем мы расскажем отдельно.

От других агентов этой организации полезной отдачи в разведывательном плане практически не было.

Организация № 4

Возглавлял эту организацию некий В. Швамберг, художник из Варшавы, рекомендованный П.А. Игнатъеву штабом Юго-Западного фронта. Его штаб-квартира находилась в Швейцарии. Здесь он должен был внедриться в местные польские эмигрантские круги, а через них — попытаться найти связи в оккупированной Польше. Швамберг обещал внедрить своих резидентов в Варшаву и Люблин. Однако из-за сложности передвижения в условиях военного времени сделать это ему не удалось. В переписке с П. Игнатъевым штаб Юго-Западного фронта напомнил

ему, что Швамберг должен был работать и для Северо-Западного фронта, однако так ничего ему и не дал и был уволен этим фронтом в связи с бездеятельностью.

Поначалу П. Игнатъев, неоднократно лично сталкивавшийся с бестолковостью и неразберихой, царившими в штабах Русской армии в годы Первой мировой войны, считал, что штаб Северо-Западного фронта просто не смог правильно организовать работу Швамберга. В пользу этого предположения свидетельствовал, например, тот факт, что первоначально Швамбергу фронт предписал направлять шифрованные телеграммы из Швейцарии непосредственно в Псков, где этот штаб дислоцировался.

Однако прошло примерно полгода, но Швамберг так ничего и не дал самому Павлу Алексеевичу, несмотря на предпринимаемые им меры по улучшению его работы. Стало очевидным, что «вольный художник», исправно получавший жалование от военной разведки, просто не годится в качестве ее резидента в Швейцарии. После всех неудачных попыток Швамберг, знавший пять иностранных языков, был взят П.А. Игнатъевым на работу в качестве переводчика в Парижское бюро русской военной разведки.

Для работы против Германии и Австрии П.А. Игнатъев использовал в качестве агентов русской военной разведки представителей чешских революционных кругов, в частности, патристическую организацию «Соколы». Ему удалось выйти на руководителей чешских националистических организаций, и они, по его словам, «с радостью согласились на совместную работу в пользу России». Однако в 1915 году из-за жесткого террора, установленного в Чехии австрийскими властями, работа этой организации была сильно затруднена, и восстановить ее в полном объеме удалось только в следующем году. Работа с чешскими патристами, мечтавшими об освобождении с помощью России своей страны от австрийского владычества, была наиболее успешной среди всех созданных П.А. Игнатъевым разведывательных организаций, однако речь об этом пойдет также несколько позже.

Предпринимались попытки привлечь на службу русской военной разведки и польские организации в Швейцарии, чтобы через них найти выходы на Польшу и Галицию. Но во время первой поездки во Францию П.А. Игнатъеву не удалось наладить с ними отношения. Как писал он в донесении генерал-квартирмейстеру Юго-Западного фронта, «для России из них, за малым исключе-

нием, никто и пальцем не двинет». Тем не менее ему удалось найти одного поляка, питавшего неприязнь к Австро-Венгрии. Этот поляк по фамилии Степанковский проживал в Лозанне и, пользуясь хорошими личными отношениями с руководством организации, примыкавшей к австро-украинскому националистическому движению, в которой он состоял, смог принести заметную пользу военной разведке России, информируя разведку о планах Вены по созданию «самостийной» Украины под ее протекторатом.

Организация № 5

Эта организация получила название «Римская». Возглавлял ее двоюродный брат П. Игнатъева барон К.К. Врангель. О ней будет рассказано отдельно.

Организация № 6

Ее возглавил некий Р., по отзывам П.А. Игнатъева, «человек весьма опытный в делах разведки, вполне порядочный и верный». Ему было поручено связаться с масонскими ложами, а также с польскими, младотурецкими и болгарскими националистическими организациями. Однако до начала 1916 года Р. наладить эту работу так и не удалось.

Организация № 7

П.А. Игнатъев поручил возглавить ее некоему сербу, с которым познакомился в Италии. Еще в мирное время этот серб занимался ведением разведки в Боснии и Герцеговине. Во время войны он служил в сербской армии, но, несмотря на это, согласился работать на П.А. Игнатъева. После войны он получил пост министра в правительстве Югославии. Имени его Игнатъев не раскрывает.

Организация № 8

Ее возглавлял русский офицер Лебедев, находившийся в отставке по болезни. Ему было поручено войти в связь с Ватиканом и одновременно создать более сильные вербовочные центры в Испании. В этой стране П. Игнатъев вместе с руководителем 2-го

бюро французского Генштаба капитаном Ладу вел активную разработку военно-морского атташе Германии майора фон Крона, о чем мы подробно расскажем в одной из следующих глав.

Для связи с некоторыми из перечисленных организаций П.А. Игнатъев привлек некоего Верховского, направленного в Швейцарию в сентябре 1914 года штабом Юго-Западного фронта. Познакомившись с ним за границей, П.А. Игнатъев нашел, что этот человек «очень честный и порядочный, однако крайне трусливый и не способный к активной и опасной деятельности организатора разведки». По этой причине он поручил Верховскому организовать сеть приемных и передаточных центров на швейцарской границе.

Было ясно, что русская разведка, не сумевшая создать до войны надежной агентурной сети в Европе, не может оказать П.А. Игнатъеву никакой помощи в организации этой работы. Все приходилось начинать практически с нуля. При этом в круг задач, возложенных на П.А. Игнатъева, входили не только те, что были связаны с организацией ведения разведки против Германии и Австрии с территории нейтральных стран. Круг этот все время расширялся, и вскоре в него были включены задачи по организации контрразведки.

Во время первой поездки в Париж ротмистр П.А. Игнатъев посещал Швейцарию с паспортом на имя Чернядьева для организации разведывательной сети в этой стране. Французское 2-е бюро, о котором речь пойдет в следующей главе, оказывало ему всестороннюю помощь и поддержку. Однако в октябре 1916 года его вызвали телеграммой в штаб Юго-Западного фронта. П.А. Игнатъев должен был отсутствовать три месяца, и на это время ему нужно было сдать дела своему преемнику. Поэтому перед отъездом в Россию он вновь посетил Швейцарию с тем же паспортом на имя Чернядьева, чтобы уточнить направление работы созданных им разведывательных сетей во время его отсутствия.

В Швейцарии П.А. Игнатъев встретился со своим помощником, офицером французской разведывательной службы Жоржем Жораном, уроженцем Эльзаса. С ним они обсудили ситуацию с постановкой разведывательных организаций и придумали одну интереснейшую и необычайную разведывательную комбинацию, которая дала потрясающие результаты. Вот как это было...

Однажды журналист Истомин, он же Чернядьев, он же ротмистр русской службы граф П.А. Игнатъев вместе со своим французским коллегой завтракали в одном из ресторанов Люцерна, когда в зал вошла красивая, элегантная женщина. Тут же выяснилось, что Жоран уже кое-что разузнал о ней.

— Она швейцарка, — заявил он ротмистру. — Живет в Будапеште, но изредка приезжает сюда проведать родителей. Эмма очень близка к одному полковнику австрийского Генерального штаба. Он тоже время от времени приезжает сюда, в Швейцарию. Останавливается у фрейлейн Эммы, в ее имении близ границы, в княжестве Лихтенштейн... Попробовать, что ли, наладить связь с Эммой?..

— А что, попробуйте, — оживился ротмистр. — Как говорится, попытка — не пытка.

Тут же были обсуждены все детали будущей агентурно-оперативной комбинации. Естественно, было решено сразу предложить Эмме крупную сумму в швейцарских франках с тем, чтобы она побудила своего любовника дать секретные сведения о резервах австрийской армии: известно, что золотым ключом любые двери открываются. Для связи с Эммой было решено использовать контрабандистов. Прямой выход на австрийского полковника сделал известный нам Гартинг-Альфред. Вот где пригодились его полицейские навыки вербовки агентов в революционной среде!

Перед отъездом в Будапешт Эмма специально оговорила, что встреча с полковником австрийского Генерального штаба должна происходить только в самой Австрии. Гартинг-Альфред под видом коммивояжера пробрался в Австрию и встретился с полковником неподалеку от границы под видом безобидной прогулки. За шесть тысяч швейцарских франков австриец вручил русскому агенту важные документы.

Получив документы, Гартинг не удержался и на всякий случай спросил у австрийца:

— А подлинные ли это документы? Ведь если они действительно представляют ценность, мы готовы и впредь щедро вам платить.

— Вы, очевидно, сударь, плохой психолог, — сдержанно заметил полковник. — Неужели вы думаете, что я согласился рисковать своей головой ради той скромной суммы, что вы мне дали? Я хочу раскрыть вам все карты. Я убежден, что война Германией

и Австрией уже проиграна. Проиграна с момента битвы на Марне. И мы лишь напрасно ее затягиваем, множа и без того бесчисленные жертвы. Как только боевые действия прекратятся, в побежденных странах начнется революция и неизбежная анархия, вызванная ею. Что тогда будет с нами? Я уже стар и не хочу кончить жизнь в полной нищете... Я хочу накопить достаточно денег, чтобы не бояться результатов неизбежного поражения. Поэтому сведите меня с вашим начальником, который хорошо разбирается в стратегических вопросах, и я передам ему еще и не такие документы! Я буду ждать вашего начальника на этом же месте 26 декабря, в 11 часов. Он должен сидеть на этом камне с трубкой в руке. Я спрошу у него, как пройти в деревню Фектель. Это будет служить для него паролем.

Узнав по возвращении из России о результатах встречи Гартинга с этим австрийским полковником, П.А. Игнатъев после размышлений решил все-таки отправиться на встречу с ним лично. С помощью контрабандистов, которых подобрал его агент Гартинг-Альфред, он тайно пробрался в Австрию. Австриец не обманул. Убедившись в том, что перед ним действительно находится русский полковник (Игнатъев 2-й только что был произведен императором Николаем II в чин полковника), который действительно хорошо разбирается в стратегических вопросах, австрийский генштабист передал ему чрезвычайно ценные документы и сведения, относящиеся к планам австрийской кампании на предстоящий год.

На обратном пути, когда до границы оставалось примерно триста метров, П.А. Игнатъев и его спутники-контрабандисты едва не попали в лапы австрийского патруля. Чтобы этого не случилось, они бросились бежать под аккомпанемент ружейных выстрелов. Контрабанду, служившую им для маскировки, пришлось просто бросить. К счастью, все закончилось благополучно. Убытки своих спутников от потери контрабандного груза Игнатъев, естественно, компенсировал.

С австрийским полковником граф Игнатъев работал до конца 1917 года. За этот период он провел с ним четыре встречи, и каждый раз получал важную документальную информацию о стратегических замыслах противника на Восточном фронте. В дальнейшем, в связи с ликвидацией представительства русской военной разведки в Париже, вызванной Октябрьской революцией, эти встречи просто-напросто прекратились.

...Осенью 1916 года штаб Юго-Западного фронта располагался под Бердичевым. Фронтом командовал прославленный своим наступлением на Луцк генерал от кавалерии А.А. Брусилов. Обязанности начальника штаба исполнял генерал В.Н. Клембовский, а генерал-квартирмейстером был известный генерал Н.Н. Духонин, погибший в 1917 году от рук бесчинствовавших солдат, весьма возможно, спровоцированных германскими агентами.

По возвращении из первой поездки в Париж П.А. Игнатьев прибыл в штаб Юго-Западного фронта и был принят генерал-квартирмейстером генералом Духониным. Примечательно, что в разговоре с графом тот даже не скрывал своего вывода о том, что Россия катится к военной катастрофе. Он заслушал доклад ротмистра и дал ему указание встретиться с рядом военнопленных австрийцев, среди которых был некий Милич, и допросить их.

Милич был молодым человеком, лет 23, уроженцем Хорватии, владевшим двенадцатью (!) иностранными языками. Ранее он входил в тайную организацию в Боснии и Герцеговине, аннексированной Австрией. Эта тайная организация «Черная рука» боролась за независимость славянских земель от Австрии и осуществляла диверсионные акты в тылу австрийских войск. Милич добровольно сдался в плен русским войскам. Он вручил П.А. Игнатьеву бумаги этой организации, в которых сообщалось, что предъявителю их поручено стать связным между ней и штабом Юго-Западного фронта. «Черная рука» изъявляла готовность работать вместе с русской разведкой против Австрии и предлагала подготовить серию взрывов на ее военных заводах.

Милич вместе с заместителем П.А. Игнатьева штабс-капитаном Лещинским выехал в Цюрих через Петроград с паспортом на имя российского подданного Иванова. Отсюда он установил связь со своей организацией, но вскоре попал в поле зрения французских спецслужб как подозрительное лицо, имеющее непонятные контакты с агентурой Фрау Доктор из германской разведки. Французы утверждали, что Фрау Доктор удалось подвести к Миличу русскую женщину по имени Мария К., которая пыталась взять под контроль его разведывательную работу, привлекая хорвата к себе ложными обещаниями вывести его на германскую агентурную сеть в Швейцарии.

Разумеется, Милич был срочно отозван в Париж к П.А. Игнатьеву. Что же касается Марии К., то попытка русской военной

разведки перевербовать ее и использовать в качестве двойного агента успеха не имела: немцы ликвидировали ее, инсценировав самоубийство Марии.

Секретная организация, созданная Миличем, действовала до конца войны. Члены ее отличились в диверсионной работе в тылу противника, устраивая взрывы на оружейных заводах, заводах боеприпасов, взрывали мосты и туннели, нанося тем самым заметный урон австрийскому тылу. Сам Милич, он же Аболин, он же АПСИД (это все псевдонимы агента Игнатьева) после Первой мировой войны стал министром в правительстве независимой Югославии. Имя его так и осталось нераскрытым, хотя на этот счет высказывались различные версии.

Что же касается Фрау Доктор, то агентура Павла Игнатьева не раз сталкивалась в Европе с ее воспитанниками, в том числе в Испании. О ней стоит рассказать отдельно.

ФРАУ ДОКТОР

Настоящее имя ее — Элизабет Шрагмюллер. Родилась она в семье отставного прусского офицера, до войны много путешествовала по Европе под именем баронессы д'Аспремонт или графини де Лувен, неоднократно посещала Францию, Голландию, Великобританию, выдавая себя за бельгийскую аристократку, что было не таким уж трудным делом: Элизабет безупречно владела французским языком.

Ее путь в германскую разведку остался невыясненным. Достоверно известно только то, что в годы Первой мировой войны она основала и руководила первой в истории тайных служб разведывательной школой в оккупированном немцами бельгийском городе Антверпене, который стал центром германского шпионажа в Европе. В ту пору ей было примерно сорок пять лет. Здесь ее ученики обращались к ней по имени Фрау Доктор. Она не только обучала и тренировала германских разведчиков, но и руководила сетью германских агентов, заброшенных в Англию и Францию. Позднее ее шпионская сеть охватила также нейтральные скандинавские страны и Испанию.

Вскоре, после того как Фрау Доктор возглавила разведывательную школу в Антверпене, она убедилась, что многие немецкие разведчики плохо подготовлены к будущей шпионской

работе. Некоторые из них уже успели провалиться буквально в первые месяцы войны, и это неудивительно: руководство германской разведки считало в тот период, что у нее нет «отбросов», есть только кадры. В разведчики набирались в основном наемники, целью которых было заработать на этом ремесле.

Для наведения порядка в подведомственной ей школе Фрау Доктор решила положить в основу подготовки шпионов принцип короля Пруссии Фридриха II, который не раз говорил, что солдат должен бояться палки капрала больше, чем неприятеля. В этом деле безжалостная немка весьма преуспела. Стоило ей только заподозрить кого-нибудь из «учеников» в недобросовестности или малейшей неискренности, как его настигало возмездие. Этого агента посылали во французский тыл с простым заданием. Едва он оказывался на территории противника, как Фрау Доктор делала так, что он тут же проваливался. В годы Первой мировой войны во Франции разоблаченных агентов Германии расстреливали или гильотинировали, а в Англии вешали или расстреливали. О провалах недобросовестных агентов становилось известно всем подчиненным Фрау Доктор, которая таким путем добивалась от них прилежания и послушности, ибо для немцев порядок — превыше всего.

Разумеется, разведки стран Антанты, включая и русскую, пытались проникнуть в школу Фрау Доктор. После многочисленных усилий им удалось внедрить туда одного бельгийца, которому вроде бы удалось завоевать ее доверие. Как-то раз в беседе с бельгийцем Фрау Доктор обмолвилась, что в Шотландию был ею заброшен один из лучших агентов. Из Шотландии он должен добраться до Парижа. Бельгиец срочно сообщил об этом в Лондон и Париж. Германского агента решили не трогать, и он отправился в Париж. Но по пути произошло недоразумение: агент был арестован в Дюнкерке французским офицером, который ничего не знал об этой оперативной игре своей контрразведки.

Какими-то известными только ей путями Фрау Доктор узнала об аресте своего агента. Она пригласила бельгийца в свой кабинет и рассказала ему эту историю, подчеркнув, что о засылке агента в Шотландию знали только он и она. Не дав бельгийцу оправдаться, Фрау Доктор достала из ящика пистолет и пристрелила его.

Рассказывают также, что Фрау Доктор первой узнала о намерении союзников применить на Западном фронте новое ору-

жие — боевые бронированные машины пехоты, которое в зашифрованной переписке называлось «танки». Эту ультрасекретную информацию Фрау Доктор получила от своего особо ценного агента Лиззи Вертхайм. Об этом изобретении англичан она трижды докладывала начальнику германского Генштаба генералу фон Фалькенхайну, однако его эксперты объявили ее рапорта «фантастическими и не заслуживающими внимания». Один из технических экспертов генерала расценил танки как трюк и в комментарии написал: «Этот так называемый танк бесполезен в бою против артиллерии и мощных мин».

Вскоре информация Фрау Доктора подтвердилась. В битве под Камбрэ англичане использовали три сотни танков и разгромили Вторую германскую армейскую группировку. Многие эксперты считают, что эта битва стала поворотным пунктом Первой мировой войны. А что же Фрау Доктор? Она просто послала подробный агентурный отчет о битве при Камбрэ именно тому эксперту, который дал негативное заключение на ее рапорта. К отчету она приложила револьвер. Рассказывают, что эксперт понял намек и застрелился. Правда это или же байки — историки так и не выяснили, тем более что о Фрау Доктор и без того ходило много легенд, которые не стоит здесь повторять.

После окончания Первой мировой войны Фрау Доктор осталась не у дел, разведывательная школа в Антверпене закрылась. Она поселилась в небольшом городке в Баварии и жила на скромную пенсию. Про нее вроде бы забыли, хотя отдельные журналисты и печатали порой интервью с нею, но на самом деле все это было плодом их досужего воображения: Элизабет Шрагмюллер никаких интервью никому не давала.

О ней вспомнили нацисты после прихода Гитлера к власти, сделав Фрау Доктор легендой германских спецслужб, кумиром гитлеровской молодежи. Она даже была принята на службу в СС в качестве консультанта и некоторое время занималась тайными операциями против спецслужб потенциальных противников гитлеровской Германии. Об одной из таких операций мы расскажем в главе, посвященной руководителю французской военной разведки в годы Первой мировой войны капитану Жоржу Ладу.

Скончалась она в 1940 году в Мюнхене, где была профессором местного университета.

Во время первой поездки в Париж П.А. Игнатъев с помощью одного англичанина, которого он использовал в качестве агента-вербовщика (вероятно, речь идет о его агенте Дарлингтоне-Ярошинском. — *Авт.*), познакомился с некоей мисс Дэзи В., американкой по национальности. До войны она уже несколько лет жила в Германии и теперь собиралась выйти замуж за немца. За ежемесячную плату в шесть тысяч швейцарских франков она согласилась выполнять задания русской разведки и через Цюрих выехала в Германию. Здесь ей удалось получить вид на жительство. Как пишет в мемуарах П. Игнатъев, в Берлине Дэзи В. познакомилась с голландцем Ван дер Г. (на самом деле — Вандербортом. — *Авт.*), который поставлял продукты питания Берлинскому гарнизону. Ей было поручено собрать через него сведения стратегического характера, в частности, о фронтах, на которые направляются резервы, находящиеся в германской столице, о наличии новых военных формированиях и многое другое. Знакомый голландец, по признанию самого П.А. Игнатъева, серьезно преуспел в этом деле и оказался весьма полезным.

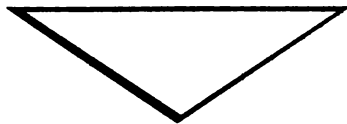
Возвратившись в Цюрих, Дэзи В. передала собранные сведения связнику Игнатъева г-ну Дарлингтону-Ярошевскому, которые представили определенный интерес для русской военной разведки. Было принято решение завербовать голландца Ван дер Г. Задача эта поручалась агенту Игнатъева «Гаврилову» (Гартингу-Альфреду — *Авт.*), который встретился с голландцем в его экспортной конторе в Роттердаме. Голландец согласился выполнять задания русской военной разведки, оговорив в качестве гонорара ежемесячную выплату десять тысяч швейцарских франков и три тысячи франков — за каждую срочную информацию.

Ван дер Г. был предупрежден о том, что впредь по соображениям конспирации он не должен больше встречаться с мисс Дэзи. Контакт с американкой временно был прекращен, однако в апреле 1916 года она направила П.А. Игнатъеву письмо с просьбой о встрече. Руководитель русской разведки в Париже перенес эту встречу на более поздний срок, поручив одновременно своему сотруднику в Швейцарии Дарлингтону-Ярошевскому организовать наблюдение за ней. В результате было установлено, что мисс Дэзи В. живет на широкую ногу. Периодически она встречается

с установленным германским разведчиком, который и перевербовал ее. Дарлингтон-Ярошевскому удалось даже перехватить ее разговор с немцем, в котором часто упоминались французы и сам Павел Игнатъев. В связи с двойной игрой американки П.А. Игнатъев известил об этом 2-е бюро французского Генштаба (военная разведка и контрразведка). Было принято совместное решение заманить Дэзи В. во Францию и арестовать.

Встреча П.А. Игнатъева с агентом-двойником мисс Дэзи была назначена в Париже. С момента пересечения ею французской границы за американкой было установлено наружное наблюдение. В гостинице на набережной Орфевр, где она остановилась, мисс Дэзи В. была арестована и помещена в тюрьму. На допросе во французской контрразведке она призналась, что была перевербована немцами, которые угрожали ей военным трибуналом в случае отказа сотрудничать с германской разведкой. Поскольку особого вреда союзникам мисс Дэзи не нанесла, приговор военного трибунала был относительно мягким. До конца войны она высылалась в Англию, где была интернирована в лагерь для гражданских лиц.

Итак, первая поездка П.А. Игнатъева в Париж была продуктивной в том, что касается установления координации разведывательной работы с французскими спецслужбами. П.А. Игнатъеву удалось не только наладить постоянный обмен разведывательной информацией со знаменитым 2-м бюро французского Генштаба, получать от французов стратегические сведения по Германии и Австро-Венгрии, которые разведотделы фронтов не могли получать самостоятельно, но и проводить вместе с ним акции против германских представителей в нейтральных странах. В 1916 году это привело к установлению тесного взаимодействия русской военной разведки с Межсоюзническим бюро, а сам Павел Игнатъев в чине полковника стал официальным русским представителем при нем. Здесь он работал рука об руку со 2-м бюро и его организатором и руководителем легендарным Жоржем Ладу. У них сложились хорошие деловые и личные отношения, и они провели совместно ряд удачных разведывательных операций, о которых мы расскажем ниже. А пока, читатель, мы покинем на время Игнатъева-младшего и посвятим следующую главу «звезде первой величины» французской военной разведки капитану Ладу.

Глава седьмая

ЗВЕЗДА 2-го БЮРО

Услуги, оказанные капитаном Ладу на посту руководителя секции разведки и контрразведки, являются неоспоримыми. Это настоящий специалист службы, имеющий особые заслуги в вербовке и руководстве работой агентов.

Начальник 2-го бюро ГШ французской армии подполковник Губэ.

Этот человек — национальная гордость Франции, но таковым он стал не сразу. Первоначально режим Третьей республики наградил его терновым венцом и только потом — орденом Почетного легиона. Он рука об руку работал с Павлом Игнатьевым с тем, чтобы обеспечить Русскую армию необходимой стратегической и военно-политической информацией, и вместе с ним боролся против германского шпионажа. Именно поэтому авторы полагают, что он заслуживает отдельного рассказа.

Жорж Ладу родился в 1875 году в семье офицера. Окончив в 1897 году престижное военное училище в Сен-Сире младшим лейтенантом, он становится сначала лейтенантом взвода альпийских стрелков, а затем инструктором в том же Сен-Сире. Далее его назначают офицером для поручений при военном министре Берто, приданным к французскому Генеральному штабу. Прослужив в этой должности положенный срок, он становится преподавателем военных курсов в Высшей нормальной школе, готовящей и по сей день кадры для высшей французской администрации. Затем он назначается офицером-порученцем у будущего французского посла в России Нуланса. Казалось бы, военная карьера молодого офицера шла успешно, однако в 1913 году по настоянию своего тестя, главного редактора газеты «Радикал», Жорж

прерывает свою столь удачно складывающуюся карьеру, чтобы заняться журналистикой.

И на этом поприще его также ожидает успех. Ладу становится одним из ведущих сотрудников «Радикала». В этом качестве он приобрел обширные связи в газетно-журнальном и коммерческом мире, которые весьмагодились ему впоследствии. С началом Первой мировой войны Ж. Ладу был призван в армию. Уже 2 августа 1914 года генерал Ж. Жоффер, назначенный Верховным Главнокомандующим французских вооруженных сил, предложил ему занять место в военной цензуре. Во 2-м бюро Генерального штаба, занимавшемся вопросами ведения разведки и контрразведки в отношении противника, Жорж знакомится со своим начальником — подполковником, позднее произведенным в чин полковника, Антуаном Губэ, который впоследствии причинит капитану множество неприятностей — вплоть до служебного разбирательства, приведшего его на скамью подсудимых, а затем в тюрьму.

Но таковы были традиции французской армии после процесса по делу майора Адольфа Дрейфуса, облыжно обвиненного в 1894 году французскими военными властями в шпионаже в пользу Германии. Эта же судьба подстерегала и капитана Ладу, а пока ему было приказано наладить организацию военной цензуры, регулирующей взаимоотношения между прессой и военным командованием. С возложенными на него обязанностями Жорж Ладу справился блестяще, и уже к 5 августа 1914 года (!) военная цензура была создана. Видя, что капитан Ладу прекрасно разбирается в этом вопросе, 10 августа французский премьер Мессими поручает ему реорганизовать и телеграфный контроль. Стоит ли говорить о том, что и с этой задачей он справился не менее успешно. Так Жорж Ладу достиг своих первых успехов на поприще военной контрразведки.

В те времена, как, впрочем, и сегодня, проблема обеспечения надежной, конспиративной и быстродействующей связи в разведке была и остается весьма актуальной. Еще не были изобретены быстродействующие радиопередатчики, «выстреливающие» громадную информацию в течение нескольких секунд, а первые армейские радиостанции были настолько громоздкими, что не могло и речи идти о том, чтобы снабжать ими зафронтовую агентуру. Средствами передачи добытых раз-

ведывательных сведений в годы Первой мировой войны служили письма, направляемые на конспиративные адреса, специальные связники-курьеры, почтовые голуби и даже обученные собаки, которых с этой целью мобилизовывали в армию, не говоря уж о небольших газетных объявлениях, написанных условным языком. Авиация, подводные лодки и только что зародившееся радио постепенно в ходе войны использовались с этой целью, однако это были только первые шаги. Тем не менее, как мы отмечали выше, обе противоборствующие стороны использовали весь арсенал новейших технических средств, как говорится, на полную катушку.

В самом начале Первой мировой войны, когда от быстроты мобилизации и стратегического развертывания войск зависело очень многое в ведении первоначальных операций, для германского командования, например, было очень важно знать, когда и сколько английских войск высадится на континенте. Но к тому времени, как мы уже отмечали, английская контрразведка в первые часы войны нанесла серьезный удар по агентуре В. Николаи на Британских островах. 4 августа 1914 года, то есть на следующий же день после объявления войны Англией, Скотленд-Ярд арестовал всех германских агентов, выявленных еще в мирное время. Однако, как оказалось, некоторым из них все-таки удалось избежать сетей и капканов британской контрразведки.

Между тем капитан Ладу, работавший в секции телеграфного контроля французского Генштаба, среди множества телеграмм различного характера, проходивших через его руки, обратил внимание на внешне невинные послания английского торгового дома «Штуккер» в Лондоне своему парижскому отделению о погрузке и отправке угля и хлопка из Англии в голландские порты. Первоначально смысл этих депеш раскрыт не был — обычное торговое извещение клиентам об отправке товаров. Но через некоторое время он выяснил, что цифры, указывающие количество отгруженного угля и хлопка, совпадают с количеством британских солдат, высаживающихся на севере Франции. О своем открытии французы дали знать англичанам, а уже с 14 августа фирма «Штуккер» в Париже получила телеграммы, отредактированные капитаном Ладу и его людьми, в которых численность прибывающих во Францию британских войск занижалась в несколько раз.

25 августа телеграммы из Лондона перестали поступать: британская контрразведка разгромила фирму «Штуккер».

«Де́за», которую гнал немцам Ладу, впоследствии сыграла важную роль в сражении при Шарлеруа и в битве на Марне, когда было остановлено наступление немцев на французском фронте. 23 августа 1-я германская армия генерала А. фон Клука неожиданно для себя встретила там английскую армию под командованием фельдмаршала Д. Френча. Сообщение о том, что англичане высадились во Франции и даже принимают участие в войне на стороне французов, вызвало приступ ярости у кайзера Вильгельма II, о чем мы упоминали выше. Многочасовой бой немцев с англичанами дал возможность 5-й французской армии генерала Ш. Ланрезака более или менее организованно отойти и избежать сокрушительного поражения, на что рассчитывали немцы. Впрочем, под давлением превосходящих германских сил англичане тоже были вынуждены совершить отход на линию Камбрэ — Ле Като. Однако дело было сделано: хотя французы при Шарлеруа и потерпели поражение, они не были разгромлены. В результате немцам не удалось прорвать фронт и устремиться на плечах отступающих армий на оперативный простор. Впоследствии это обстоятельство сыграло свою роль и в удачном для союзников исходе битвы на Марне. Капитан Ладу мог торжествовать: его маленькое открытие сыграло большую роль в сражении при Шарлеруа и на Марне.

Еще много других успешных тайных операций провел руководитель французской контрразведки капитан Ж. Ладу в течение войны, обо всех их просто невозможно упомянуть, тем более что книга эта посвящена не ему, а Павлу Игнатьеву, с которым он поддерживал самый тесный и дружеский контакт. Однако немного ниже мы расскажем об одной из их совместных агентурно-оперативных комбинаций, связанных с именем легендарной Марты Рише. Об этой героине французской военной разведки непременно упоминают все авторы, пишущие на тему разведслужб в годы Первой мировой войны, забывая, правда, упомянуть еще об одном герое — выходец из России Иосифе Петровиче Давришвили, более известном во Франции под именем Жозеф-Жак Давришеви. Мы тоже отдадим дань традиции и скажем несколько слов об этой необычной женщине, чья судьба, пусть и косвенно, переплелась с судьбой Павла Игнатьева.

ЛЕГЕНДА ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗВЕДКИ ЖАВОРОНОК

Марта Рише, урожденная Бетенфельд, появилась на свет в 1889 году в Бламоне (департамент Мёрт-и-Мозель) в скромной семье: ее отец и мать были поденщиками в городе Нанси, неподалеку от Лотарингии. По достижении 16 лет она покинула родной дом и обосновалась в Мёце. Накануне войны она вышла замуж за парижанина по фамилии Анри Рише, в 1913 году переехала в столицу и занялась швейным ремеслом. Однако молодую женщину мало привлекала столь прозаическая профессия, и она в 1913 году стала одной из первых женщин Франции, получивших лицензию пилота. Впоследствии, став знаменитой, она сменила простецкую фамилию Рише на более благозвучную для французского уха Ришар. В августе 1914 года ее муж Анри Рише ушел на фронт и погиб в одном из боев с немцами.

Марта отлично летала и, как писали впоследствии французские газеты, составляла серьезную конкуренцию мужчинам-летчикам. В начале Первой мировой войны она стала даже генеральным секретарем 1-го Патриотического союза французских летчиц. После гибели мужа она, разумеется, хотела поступить в военную авиацию, чтобы отомстить немцам за его смерть. Марта обращалась в Военное министерство и лично к начальнику военно-воздушных сил Франции генералу Иршауэру. Но все было напрасно: в армию ее не брали. И вот тут она попадает в поле зрения капитана Ладу и становится его сотрудницей. Первоначально он использует ее в роли... авиаразведчицы. В ее личном деле, хранящемся в архивах французского 2-го бюро, сохранились первые донесения Марты о результатах воздушной разведки. Однако не это было ее призванием: Марта рвалась в бой, ее молодая, пылкая натура жаждала подвига.

Убедившись, что Марта Рише обладает необходимыми моральными и интеллектуальными качествами для работы в разведке, капитан Ладу завербовал ее и направил с заданием в Швецию с целью внедрения в германскую разведку. М. Рише был присвоен псевдоним Жаворонок. Однако эта миссия 20-летней разведчицы успехом не увенчалась. Тогда Ж. Ладу направляет ее в Испанию, где она должна познакомиться с кем-нибудь из германских военных разведчиков и позволить ему завербовать себя, став, таким образом, двойным агентом. Летом 1916 года Марта Рише отправи-

лась на самый модный испанский курорт в Сан-Себастьяне. Паспорт был выписан на ее девичью фамилию Бетенфельд. В этом городе находился крупный германский разведывательный центр, которым, помимо германского посла князя Ратибора, руководил военный атташе фон Калле и военно-морской атташе фон Крон.

Задачу по проникновению в германский разведывательный центр Марта решила успешно. В казино Сан-Себастьяна она познакомилась с германским морским офицером, который попытался завербовать ее. Марта потребовала встречи с его руководителем и таким образом встретила с Гансом фон Кроном, который передал ей конверт с 3000 песет и список вопросов, касавшихся противовоздушной обороны Парижа. 2-е бюро капитана Ладу помогло М. Рише успешно выполнить задание барона, который был в восторге от своего нового агента. Вскоре немцы «завербовали» Марту и присвоили псевдоним С-32. Они дали ей первое задание, снабдили деньгами, инструкциями и средствами тайнописи. Когда Марта, возвратившись в Париж, доложила Жоржу Ладу о выполнении его задания по проникновению в тайную агентурную сеть германской разведки, он также пришел в восторг.

— Это великолепно! — воскликнул он. — Вы поймали как раз одного из тех, за кем мы безуспешно охотимся в Испании. Это барон Ганс фон Крон, немецкий военно-морской атташе в Испании, племянник генерала Людендорфа.

Ж. Ладу и его люди подготовили для фон Крона ответы на вопросы, которые он поставил перед Мартой. Сведения были точными, однако устаревшими. Подобные же данные были переданы 2-м бюро и другим агентам-двойникам, чтобы подтвердить добросовестность сотрудничества Жаворонка с германской разведкой. Вскоре Марта вернулась в Испанию, где майор фон Крон ознакомился с полученной ею информацией. Сведения были точными и подтверждались из других источников германской разведки. После этого началась двойная игра Марты Рише с фон Кроном, любовницей которого она стала.

Пользуясь доверием майора фон Крона, Марта выступала в роли «связного» с заговорщиками, готовившими с помощью немцев восстание во французской части Марокко, и выяснила координаты и место встречи немецких подводных лодок с конвоем судов с оружием для марокканских повстанцев. Подслушав разговор на эту тему фон Крона с представителями вождей берберских

племен из марокканского горного массива Риф, она узнала точное место в испанских водах, где шесть лодок марокканцев будут ожидать германский транспорт с оружием. Фон Крон также посылал Марту в марокканский город Танжер с инструкциями для своей агентуры. Тогда Марта тайно посетила британского консула в Мадриде и раскрыла ему планы немцев. Благодаря «Жаворонку» антифранцузский мятеж в Марокко был предотвращен.

Некоторое время спустя Марте удалось установить тайный переход через Пиренеи, которым пользовалась германская разведка для засылки во Францию своей агентуры. Впоследствии на этом переходе были задержаны несколько германских агентов, готовивших взрывы на французских военных заводах. Однажды Марта услышала из разговора о готовящемся немцами взрыве порохового завода Буно вблизи Байонны и сумела предупредить об этом французскую разведку. Однако что-то не сработало, и завод взлетел на воздух, унеся жизни девяноста работников.

Летом 1917 года Марта и фон Крон попали в автомобильную аварию. В одной автомашине с ними был и Иосиф Давришвили, которого П. Игнатъев и Ж. Ладу «подставляли» немецкой разведке в качестве двойного агента. Он по заданию фон Крона должен был вести пораженческую пропаганду в Русском экспедиционном корпусе во Франции. О нем мы расскажем отдельно. И. Давришвили и М. Рише получили серьезные ранения. Со сломанной ногой Марта пролежала два месяца в доме немецкого разведчика. Фон Крон в ее присутствии беседовал со своими агентами. У Жаворонка тем временем родился новый план, которым она поделилась с капитаном Ладу. Зная комбинацию цифр, открывающих дверь сейфа барона фон Крона, она предлагала усыпить его, получить ключи и изъять содержимое сейфа, которое она передаст кому-нибудь из французских разведчиков, ожидающих ее под окном дома германского военно-морского атташе. По ее сведениям, в сейфе хранились списки германской агентуры в Испании, данные о пунктах снабжения германских подводных лодок в Атлантике, карты минных полей и другие важные сведения.

Однако руководство французской разведки медлило с ответом. Как было установлено нами при знакомстве с архивами 2-го бюро, это объяснялось тем, что в годы Первой мировой войны французская служба криптографии в результате радиоперехвата читала всю зашифрованную переписку фон Крона и могла контро-

лировать как его действия, так и искренность самой Марты Рише. Об этом никогда не упоминалось в открытой печати, однако мы располагаем копиями приобщенных к ее делу материалов радиоперехвата разведывательных донесений Г. фон Крона. Поэтому мы можем смело утверждать, что документы из сейфа Г. фон Крона, которые она предлагала изъять, вряд ли добавили бы что-либо новое к полученным сведениям, однако их изъятие из сейфа было чревато расшифровкой Марты Рише перед противником, и дальнейшее использование ее в качестве подставы было бы скомпрометировано.

К тому же вскоре во французской печати появился памфлет под заголовком: «Шпионка в автомобиле: фон Крон и мадам Рише». Вскоре она получила письмо от матери, которая сообщала, что ее семья во Франции подвергается травле. После этого, катаясь однажды на лодке в океане, она подверглась нападению неизвестных людей, которые пытались ее утопить. Очевидно, это было делом рук германской агентуры в Испании, пытавшейся избавиться от подставы французской военной разведки.

2-е бюро размышляло над тем, как вести дальше разработку Ганса фон Крона с учетом новой ситуации и медлило с принятием решения. Это бывает, и причем довольно часто, в практике спецслужб. Марта вновь возвратилась в Сан-Себастьян, обманув сыщиков фон Крона. Оттуда с большим трудом, преодолевая препятствия со стороны французского консульства, она выехала в Мадрид для встречи с новым руководителем французской военной разведки подполковником Губэ, который пришел на смену Жоржу Ладу. Оказалось, что он даже не знает ее оперативного псевдонима Жаворонок. И не слишком доверяет ей как агенту-двойнику. На предложение Марты подполковник сказал, что он подумает и даст ей знать. Однако решение вопроса затянулось по известным читателю причинам.

Поскольку ответа от подполковника Губэ не было, Марта самостоятельно решила выйти из игры. Однажды она заявила фон Крону, что желает вернуться во Францию, и призналась ему в своей работе на французскую разведку. Фон Крон был ошеломлен и ударил Марту по лицу, сломав ей зуб.

В тот же день к Марте в отель явился испанский полицейский, вызванный фон Кроном, и попытался задержать ее. Но Марта не растерялась и позвонила в германское посольство послу князю

Ратибору с просьбой лично принять ее. Эта встреча немедленно состоялась. Марта призналась, что была любовницей фон Крона, который тратил на нее деньги разведки. Марта передала Ратибору любовные письма фон Крона, назвала комбинацию цифр, открывающую его сейф. Фон Крон был скомпрометирован перед германскими властями, а его шпионская организация разрушена.

В обнаруженном нами в архивах 2-го бюро рапорте на имя руководства германского Генерального штаба, перехваченном французской службой криптографии и приобщенном к делу Жаворонка, военный атташе Германии в Мадриде фон Калле, пытаясь выгородить Ганса фон Крона, утверждает, что хотя Марта Рише и получала кое-какие устные сведения из его разговоров, но подлинных документов германской военной разведки она не видела. Может быть, оно и так. Однако мы точно знаем из документов, приобщенных к делу Жаворонка, что французская военная разведка читала все зашифрованные документы противника и поэтому знала все тайны немецких разведчиков в Испании.

Правда, эти оправдания все равно не спасли Ганса фон Крона. Он по требованию испанского правительства, в общем-то лояльно относившегося к Германии и смотревшего сквозь пальцы на деятельность германских спецслужб в стране, вскоре был вынужден покинуть гостеприимные берега солнечного пиренейского государства и возвратиться в Берлин, где его ожидал фронт.

Во Францию Марта вернулась без визы. В Париже направившего ее в Испанию капитана Ладу она не застала: он находился в тюрьме по доносу германского агента Лемуара. Новый начальник 5-го отдела Генштаба подполковник Губэ заявил ей, что после провала в Испании французская разведка в услугах Марты больше не нуждается. На этом закончилась эпопея Жаворонка. Ее имя долго замалчивалось, и только 23 января 1933 года французское правительство наградило ее орденом Почетного легиона. Выйдя во второй раз замуж, она вместе с мужем переехала в Англию. Во время Второй мировой войны она снова вернулась во Францию, где участвовала в движении Сопротивления. После войны она была избрана муниципальным советником парижской мэрии. Активно выступала за официальный запрет проституции в стране.

Вернемся, однако, к капитану Ладу, который неожиданно для самого себя оказался в тюремном застенке. Дело было так.

В 1917 году он начал тонкую оперативную игру с германской разведкой, пытавшейся приобрести какую-либо газету во Франции с целью ведения пораженческой пропаганды. В этой агентурно-оперативной комбинации он использовал в качестве подставы любовницу германского князя Гогенлоэ Мадлен Борегар по кличке «Принцесса» и сотрудника комиссии телеграфного контроля Парижа Пьера Ленуара. Они было навели немцев на мысль приобрести некую французскую газету для ведения пораженческой пропаганды во Франции, которая на самом деле контролировалась бы французской военной разведкой. Это заставило бы немцев выбросить немалые деньги на ветер. Однако информация об этом каким-то образом просочилась в парижскую печать. Разразился громкий скандал. В феврале 1917 года тогдашний военный министр Л. Лиотэ распорядился провести служебное расследование в отношении капитана Ладу, который в этой связи получил от всех вышестоящих начальников замечание и совет быть осторожным.

Поначалу все было нормально. Ж. Ладу, как полагается, доложил рапортом на имя начальника Генштаба все обстоятельства этого дела, и оно было закрыто. Однако когда осенью 1917 года, то есть после победы Октябрьской революции в России, вышедшей из империалистической войны, дело капитана Ладу получило новую окраску. К власти во Франции пришло правительство Клемансо, которому сами французы дали кличку Тигр. Ж. Клемансо, напуганный большевистской революцией в России, провозгласил во имя победы над Германией решительную чистку страны «от предателей». Суду военного трибунала был предан бывший премьер-министр Ж. Кайо. Он был осужден и попал в тюрьму. Поскольку Ж. Ладу поддерживал тесные отношения с героем нашей книги Павлом Игнатьевым, а Марта Рише — с Иосифом Давришвили, «дело Ленуара», которое вел Ж. Ладу, неожиданно получило новое развитие.

Все развивалось в строгом соответствии со сценарием, уже использованном в отношении А. Дрейфуса. К тому же, выяснилось, что при передаче дел из контрразведки в военную разведку было утеряно бордеро (сопроводительное письмо) к шифрам, использовавшимся во французской военной разведке. Поскольку за передачу дел отвечал Ж. Ладу, его обвинили в утрате секретного документа.

В результате интриг в руководящих военных эшелонах Франции Ж. Ладу был скомпрометирован и обвинен в шпионаже в пользу Германии. Ничего более дикого придумать было нельзя. Началось судебное расследование в 3-м военном трибунале Парижа. Ж. Ладу был уволен из армии, отдан под суд военного трибунала и некоторое время провел в тюрьме. Он подал апелляцию, которая рассматривалась в другом военном трибунале. Последний военный трибунал, заседавший в конце 1918 года, не сумел доказать факт сотрудничества капитана Ладу с врагом, однако обвинил его в утрате секретной криптограммы, поступившей во 2-е бюро, и 2 января 1919 года Жорж Ладу был заключен в знаменитую тюрьму «Шерш-Миди». Он не сдался и снова подал апелляцию. 8 мая того же года уже третий состав военного трибунала единогласно оправдал его.

Между тем Пьер Лемуар в конце концов признался, что оклеветал Жоржа Ладу по приказу сверху. Но и без его признания, как мы видим, полная невиновность Ладу была доказана. Большую роль в его оправдании сыграл известный генерал Андре Мажино. Сам капитан философски отнесся к своим злоключениям. «Это настоящая война, — говорил он впоследствии. — Я поймал на крючок резидента германской разведки в Мадриде. Они (немцы) хотели сделать то же самое со мной, вот и все»¹.

Кто же на самом деле оклеветал Ж. Ладу? Мы располагаем некоторыми документальными материалами на этот счет. Приведем выдержки из ранее не публиковавшихся документов 2-го бюро Генштаба Франции, предварив их некоторыми разъяснениями.

В октябре 1917 года, когда исход войны во многом уже определился, германская разведка через своего агента-двойника П. Лемуара и агентуру в высших военных кругах Франции, завидовавших славе Ж. Ладу и его таланту, скомпрометировала его. Тот же начальник 2-го бюро подполковник Губэ, которому Жорж Ладу в разговоре как-то обмолвился, что располагает некоторыми средствами и после войны он уйдет в отставку, целиком посвятив себя писательской деятельности, накатал рапорт на имя вышестоящего начальства, в котором в самых черных красках описал поведение своего подчиненного.

26 октября 1917 г. начальник 2-го бюро подполковник Губэ по приказу Председателя Совета министров и военного министра Ж. Клемансо подготовил доклад по т.н. «Делу Лемуара», о ко-

тором мы упоминали выше. Расследование этого дела началось еще 1 марта того же года, а его итоги были подведены только в этот день. В своем докладе он представил в негативном свете обстоятельства приема Ленуара в Комиссию по контролю за телеграфными отправлениями в качестве шофера, которую, как мы знаем, в то время возглавлял капитан Ладу. На этот доклад-донос начальник Губэ генерал Видалон наложил резолюцию:

«... Нахождение капитана Ладу во главе столь важной и деликатной службы, как Служба разведки, является впредь невозможным. Я прошу его немедленной замены подполковником Гурганом, начальником разведывательного отдела в Аннемасе, которого знаю лично, поскольку он находился под моим началом в 25-м батальоне управления и обслуживания. (Имеет боевое ранение и негоден для фронта)»². Начальник Генштаба генерал Альби это предложение поддержал, а Главнокомандующий французской армии Ф. Фош его утвердил. Капитан Ладу был отстранен от должности, и в отношении него было начато служебное расследование.

11 марта 1918 года, сделавший на костях капитана Ладу свою карьеру и ставший к тому времени Контролером военной администрации и полковником, Губэ подготовил новый рапорт на него, который еще больше походил на донос. Приведем некоторые выдержки из него:

«Когда я еще был начальником 2-го бюро Генштаба армии, у меня в конце октября 1917 года возникли сомнения в отношении роли, которую играл капитан Ладу в “Деле Ленуара”. Они привели меня к проведению расследования, в результате которого капитан Ладу ушел из Генштаба армии.

... Назначенный по долгу службы и против моего желания (на-мек на то, что он якобы рвался на фронт. — *Авт.*) в Генштаб армии в конце ноября 1915 года, я узнал, придя туда, что направлен в недавно созданное 5-е бюро, включавшее в себя следующие службы:

- разведка (шпионаж) — СР;
- контрразведка СКР;
- экономическое наблюдение (блокада) — СЭР;
- иностранная печать — СИП;
- межсоюзническая секция — МС.

Мне была предназначена следующая роль:

не вмешиваться в отправление служебных обязанностей каждой из секций, которые следует продолжать считать самостоятель-

ными, координировать любые действия, анализировать их отдачу и докладывать об этом начальнику Генштаба, активизировать работу прежде тех из них, которая будет считаться недостаточной: не заниматься политикой и избегать любых конфликтов.

Я немедленно приступил к работе и первые свои усилия направил на Службу разведки. Капитан Ладу в ту пору являлся начальником Службы контрразведки. Мой непосредственный начальник генерал Валантен, ранее являвшийся начальником 2-го бюро, дал самую лестную характеристику капитану Ладу, которому он поручил в конце мая 1915 года создать и возглавить Службу контрразведки. Он знал его несколько лет. Он представил его мне как первоклассного офицера, имеющего большие заслуги, весьма расторопного, полного инициативы, которого я должен уважать...

В течение первых пяти дней я больше внимания уделял разведке. Затем, начиная с 15 декабря, занялся специальными делами контрразведки. Я установил, что “чрезвычайная деятельность”, о которой мне говорили, в основном заключалась в составлении досье. На мой вопрос относительно числа арестованных шпионов в течение шестимесячной деятельности новой службы был получен ответ “ни одного”...

Только в конце января 1916 года появился свет в конце туннеля, и мне удалось разработать и утвердить в Военном министерстве и в МВД т.н. “Инструкцию от 26 января”, которая четко распределила обязанности каждого из ведомств...

Капитан Ладу принял за работу в соответствии с полученными директивами, добился результатов и довел до конца довольно много дел. У него была большая работоспособность, но по разным поводам я сделал ему два замечания. Первое относительно игры, второе по поводу визитов. Иногда он говорил мне, что провел всю ночь за игрой в покер... Я докладывал об этом генералу Валантену, который сказал мне, что Ладу действительно был некогда азартным игроком, но с тех пор значительно исправился. Я посоветовал ему заняться чем-нибудь другим, но капитан Ладу не слишком следовал моему совету.

Он принимал много народу... Когда я доложил об этом генералу Видалону, он сказал мне, что эти посещения необходимы по служебным соображениям и что следует предоставить капитану Ладу полную свободу действий, порекомендовав ему быть осто-

рожным... Короче, как мне говорил генерал Видалон, он «слишком выпячивался»³.

Далее полковник Губэ подробно излагает «Дело Лемуара», который, как мы увидим в дальнейшем, оболгал своего бывшего начальника по приказу сверху. Во французской печати началась кампания против капитана Ладу.

Прочитируем далее другие строки из компромата Губэ на своего бывшего подчиненного.

«...С сентября 1917 года он был не у дел. Опрошенный однажды о причинах своих отлучек, он ответил, что на него нападают, а он хочет защититься... Он рассказал мне, в частности, о визите к директору газеты «Матен» г-ну Бюно-Варилла, которому якобы предоставил доказательства своей честности и доказал, что реально является обладателем состояния в 700 тысяч франков.

Я был очень взволнован его заявлениями, которые немедленно доложил своему непосредственному начальнику генералу Видалону. Последний сказал мне, что считает Ладу обыкновенным «деловым человеком», а что же касается семисот тысяч франков, то он в это не верит, так как знает, что супруги Ладу не имеют состояния и что он, генерал Видалон, во время одного из приемов у мадам Нуланс (жена посла Франции в России — *Авт.*) сам слышал, как мадам Ладу сказала, что она счастлива, что ее муж уходит из армии на должность в руководстве газеты «Радикал», где ему обещали 20 тысяч франков в год. Генерал Видалон добавил, что сам Ладу не имеет ни гроша и что его жена до замужества зарабатывала на жизнь работой в бакалейной лавке.

В то же время капитан Ладу был вызван к прокурору Республики г-ну Лекуве... Будучи также приглашенным к прокурору по делу о мелких объявлениях, я поговорил с ним о визите Ладу. Лекуве ответил мне, что приглашал Ладу по «Делу Лемуара», что капитан Ладу сообщил ему различные сведения и сказал, в частности, что располагает рентой в сорок тысяч франков. Я был поражен объявлением подобного состояния, особенно после моей беседы с генералом Видалоном... Начиная именно с этого момента, я стал считать более нежелательным сохранение в Генштабе армии офицера, в отношении состояния которого имеются сомнения...»⁴

Далее полковник Губэ делает выводы по делу Лемуара, которое он формально расследовал. На самом деле своей задачей он счи-

тал любой ценой скомпрометировать капитана Ладу, поскольку премьер-министр и военный министр Ж. Клемансо повсюду видел шпионов и в этой связи капитан Ладу идеально подходит на эту роль.

Вот к какому выводу он пришел в отношении своего бывшего подчиненного:

«...3. Соккрытие правды во время расследования от 1 марта 1917 года является серьезным обвинением против Ладу, добавляющимся к предъявленным ему обвинениям в шантаже и обмане в отношении Пьера Лемуара. Происхождение его состояния, которое, по его словам, равно 700 000 франков и ренты в 40 000 франков, по его другому утверждению, могут являться комиссионными, полученными от сделки, состоявшейся в декабре 1915 года между Лемуаром и Юмбером, в которой он, возможно, играл самую активную роль. Именно во время этой сделки он объявил, что Юмбер якобы предлагал ему должность, которую обычно не получают по дружбе.

Эта совокупность фактов и выводов, которые можно сделать из них, мне показалась настолько серьезной, что я доложил о ней г-ну заместителю статс-секретаря военной юстиции...»⁵

Этот донос подполковника Губэ требует, как нам кажется, комментариев. Из него читатель без труда увидит, что, после того как Валантен пошел на повышение, став генералом французского Генштаба, его на этом посту сменил подполковник Губэ, который, как мы знаем, в делах разведки и контрразведки ничего не смыслил. Он не вникал в дела, не знал даже псевдонима Марты Рише (Жаворонок). Руководить спецслужбами он намеревался как строевой командир. Из его рапорта, восхваляющего самого Губэ, следует, будто бы до него никто ничего не делал, а когда этот подполковник разработал «Инструкцию», работа военной разведки и контрразведки якобы пошла на лад. Глупость, конечно, хотя читателю понятно, что он завидовал славе и успехам капитана Ладу и стремился всеми средствами приписать эти успехи исключительно себе.

Подполковник Губэ ничего не сделал для того, чтобы не допустить передачи в суд дела капитана Ладу, он не провел предварительного служебного расследования, как этого требовал его долг офицера. Вместо этого он предпочел «валить» своего под-

чиненного, а заодно с ним — своего предшественника Валантена на посту начальника 2-го бюро, чтобы самому еще больше продвинуться по службе. Он сразу обратился к статс-секретарю (заместителю министра юстиции по военным делам) с доносом на выдающегося разведчика. Интересно, что когда это дело лопнуло как мыльный пузырь, сам Губэ никакого наказания не понес. Он пошел на повышение, получил чин полковника и возглавил Комиссию Военного министерства по ликвидации русских дел. В дальнейшем, когда все обвинения против Ладу были сняты, он публично отзывался о своем бывшем подчиненном уже как о «звезде» французской разведки и контрразведки, стараясь примазаться к его славе. Такие вот удивительные метаморфозы претерпела его эластичная совесть...

А теперь вопрос: был ли капитан Ладу действительно богат? Конечно, нет. Мы не знаем, почему он сказал о том, что располагает состоянием в 700 тысяч франков и ежегодной рентой в 40 тысяч. Выскажем свои соображения на этот счет, не претендуя, впрочем, на абсолютную истину. Как мы знаем, против Ладу велась клеветническая кампания в печати, журналисты намекали на то, что он якобы разбогател от сделки по приобретению немцами французской газеты. Эту лживую версию поддержал и Губэ в своем доносе. Вероятно, Ладу сказал это сгоряча, чтобы показать, что он является обеспеченным человеком и во взятках не нуждается. Вспомним для примера один рассказ Тэффи. После революции она уже жила в Париже в эмиграции и рассказала случай об одной консьержке, которая в беседах с жильцами дома намекала на то, будто имеет «экономи» (сбережения), «бижу» (драгоценности). Пришел апаш и зарезал ее. Оказалось, что у нее нет ни гроша. В заключение рассказа Тэффи пишет: гордая смерть, красивая смерть. Вот так и Ладу: лучше быть мертвым, чем слыть бедным.

Приведем выдержки из некролога на смерть майора Ладу, опубликованной в «Газете борцов и фронтовиков». Она сообщает о кончине в Каннах майора Ладу, которая последовала 23 апреля 1933 года. Ему было 58 лет.

«...В октябре 1917 года капитан Ладу был обвинен своим шофером Ленуаром в шпионаже в пользу противника. Таким образом, этот человек, который с риском для жизни боролся с германским шпионажем, стал одной из жертв доноса...

Директор издательства «Дю маск» Альбер Пигасс, являвшийся доверенным лицом Ладу, рассказал нам, что Лемуар после его осуждения на смертную казнь виделся с Ладу и сказал ему:

— Господин капитан, я прошу у вас прощения за то, что сделал. Я возвел напраслину на вас. Однако я действовал по приказу.

... Майор Ладу вышел в отставку в августе 1923 года. Он был назначен на пост генерального инспектора Министерства туризма. На этом деликатном посту, доверенном ему, он не стал богат и трудился не покладая рук...⁶

Не исключено, что подобная же операция замышлялась и против Павла Игнатьева. Мы располагаем документальными данными из архивов, свидетельствующих о том, что агентура французской контрразведки в его окружении собирала компромат на полковника с целью обвинить его в связях с немцами, о чем мы расскажем в одной из последних глав. Однако, несмотря на развернувшуюся с приходом к власти правительства Ж. Клемансо кампанию шпиономании, скомпрометировать руководителя русской военной разведки в Париже не удалось.

Итак, Жорж Ладу был полностью реабилитирован и даже награжден орденом Почетного легиона. Пьер Лемуар получил свое. Как предатель он был расстрелян во рву Венсенского замка, там, где находили конец все германские агенты.

После войны Жорж Ладу некоторое время продолжал служить во 2-м бюро и успел выполнить несколько деликатных поручений своего руководства. За их успешную реализацию он был повышен в звании до майора. Однако удушливая атмосфера, созданная вокруг него «дрейфусарами», вынудила его в августе 1923 года подать в отставку. Ж. Ладу поселился на юге Франции, в Каннах. В отставке он написал и опубликовал ряд воспоминаний о борьбе разведок в годы Первой мировой войны. Среди них — «Охотники за шпионами» («Как я устроил арест Маты Хари»), «Марта Ришар — французская разведчица», «Война в Эльзасе», «Шпионка императора» и другие.

Спустя десять лет, в марте 1933 года, то есть уже после прихода к власти Гитлера в Германии, отставной майор французской разведки получил письмо от берлинского корреспондента одной из французских газет. Этот журналист якобы беседовал со знаменитой разведчицей Фрау Доктор, уже упоминавшейся нами Элизабет Шрагмюллер. Отставная германская разведчица,

тайно сотрудничавшая с гестапо, будто бы хотела повидаться со своим «старым противником» и рассказать ему, что в добытой его службой информации было правдой, а что вымыслом. В открытой литературе это письмо известно из изложения жены майора Ладу, и его содержание подвергалось сомнению: уж не сочиняет ли она? Было ли вообще это письмо? Мы авторитетно утверждаем: было. Его мы обнаружили в архивах 2-го бюро в деле майора Ладу. Вот его полный текст, исполненный на бланке берлинского отеля:

«Отель “Амбассадор”
ул. Кёнигсallee, 58
БЕРЛИН-ГРИМЕА
Париж, 24 марта 1933 г.

Господин капитан!

Я, может быть, ошибаюсь в звании из-за давности времени, когда мой друг капитан Ван Трозель включил меня в вашу Службу.

Будучи в настоящее время в Берлине по делам газет “Энтрансжан” и “Деба”, я случайно встретился с Фрау Доктор и получил от нее согласие на публикацию мемуаров в одной из французских газет. Она много говорила мне о вас как о единственном Противнике, которого встречала. Ничто не доставит ей наибольшего удовольствия, как возможность провести несколько часов вместе с вами.

Не совсем поняв ее довольно пикантный рассказ, я хотел бы задать ей несколько уточняющих вопросов, известных ей и касающихся в основном Франции. Она только и мечтает, чтобы ответить на них в пределах возможного. Я подумал, господин капитан, что вы охотно поможете мне, дав некоторые уточнения. Но вы живете на юге, куда это письмо, опущенное в книжном магазине “Елисейские Поля”, последует за вами.

Будете ли вы в Париже в конце марта? Если да, то согласитесь ли принять меня? Я думаю, что для книги “Шпионка императора”, о которой вы упомянули в мемуарах и о публикации которой я объявлю, это будет интересно.

Мадемуазель Шрагмюллер охотно приедет в Швейцарию, чтобы встретиться с вами. Я вас обо всем этом извещу.

Я мог бы много рассказать о ней.

Примите, господин капитан, уверения в моих чувствах верности и признательности.

Ф. ДЕИЛОТТ.

Постскриптум: если вы сочтете это более предпочтительным, то можете передать мне ответ с дипломатической вализой посольства Франции в Берлине»⁷.

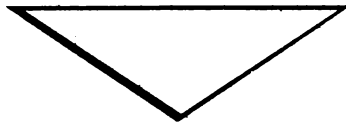
Сегодня, когда мы кое-что знаем о Фрау Доктор, письмо журналиста не может не показаться подозрительным. Во-первых, Фрау Доктор с журналистами не встречалась и никому не давала интервью. Во-вторых, как известно, она активно сотрудничала с нацистами, которые сделали из нее национального идола. Правда, это было потом, но уже в марте 1933 года ее имя стало мелькать на страницах нацистской печати, что не могло остаться незамеченным французскими спецслужбами. В-третьих, Фрау Доктор навряд ли дала бы правдивые ответы на вопросы относительно истории борьбы двух разведок, поскольку и после отставки разведчики таких сведений не раскрывают, и это должен был понимать журналист. В-четвертых, как мы знаем, она постоянно проживала в Баварии, и журналист вряд ли мог встретить ее в Берлине. В-пятых, предложение направить письмо дипломатической вализой в Берлин явно отдает попыткой германских спецслужб выяснить, служит ли до сих пор Ладу в разведке, ибо и разведчики имеют право ею пользоваться. Эти вопросы можно продолжать бесконечно. Остается только догадываться: сознательно ли действовал Ф. Деилотт по заданию нацистских спецслужб, или же они использовали его «втемную»?

Как бы там ни было, вскоре после этого майор Ладу, находясь в Каннах, получил пакет с двумя фотографиями Фрау Доктор: одну — времен Первой мировой войны, другую — снятую совсем недавно. Пакет был брошен в его почтовый ящик примерно в три часа дня, когда вечернюю почту еще только разносили. На фотографиях имелись какие-то надписи, которые Ж. Ладу пытался разобрать с помощью лупы. Через несколько дней он заболел. В разговоре с врачом, старым другом семьи, Ж. Ладу признался, что чувствует себя отравленным по приказу Фрау Доктор. 20 апреля 1933 года, то есть спустя три месяца после прихода Гитлера к власти, он скончался.

Готовя новую мировую войну, нацисты занимались тотальным шпионажем и убивали нежелательных свидетелей. Гитлер так формулировал задачи своих спецслужб за рубежом: «Необходимо, опираясь на агентуру внутри страны, вызывать замешательство, внушать неуверенность и сеять панику с помощью беспощадного террора и путем отказа от всякой гуманности».

Очевидно, майор Ладу знал что-то очень и очень важное о германских агентах во французской военной и политической элитах, оставшихся незаблуженными после Первой мировой войны. Еще бы! Именно он был создателем французской военной контрразведки и разведки в годы Первой мировой войны. Как известно, накануне Второй мировой войны нацисты активно готовили «пятую колонну» в каждой стране, которая рассматривалась ими как объект предстоящего захвата. Не менее известно и то, что во Франции эта «пятая колонна» была ими успешно создана и сыграла свою позорную роль в деле военного разгрома страны в 1940 году.

Тайна смерти Жоржа Ладу до сих пор остается нераскрытой. К сожалению, после его кончины во французской военной разведке больше не осталось таких талантливых и целеустремленных людей, да к тому же патриотов своей страны. Тон во французской армии по-прежнему задавали «дрейфусары», для которых внешняя честь мундира и личный престиж были выше национальных интересов страны. Итог известен: Франция была побеждена нацистской Германией и свыше четырех лет служила в качестве большого санатория и публичного дома для солдат и офицеров бесноватого фюрера.

Глава восьмая

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА П. ИГНАТЬЕВА В ПАРИЖ

Несмотря на то что Межсоюзническое бюро Антанты, занимавшееся вопросами координации разведывательной работы против стран Четверного союза, было создано еще в сентябре 1915 года, русская Ставка долго не решалась принять участие в его работе. П. Игнатъев, командированный в Париж в ноябре 1915 года Юго-Западным фронтом, поддерживал контакты в основном со 2-м бюро Генштаба французской армии, а его связи с Межсоюзническим бюро носили в основном консультативный характер.

В августе 1916 года он внезапно получил телеграмму из штаба Юго-Западного фронта, в которой П. Игнатъеву предписывалось возвратиться в Россию и доложить об итогах возложенной на него миссии. Он выехал из Парижа в октябре того же года и спустя неделю прибыл в Петроград. На финской границе ему вручили телеграмму: «Ротмистру Игнатъеву предлагается немедленно явиться в Ставку в Могилев». Причину вызова он не знал, поэтому решил отправиться в штаб Юго-Западного фронта, где его ждал генерал Духонин. Но и тот не знал ничего об этом. Генерал рекомендовал П. Игнатъеву поехать в Могилев, чтобы разузнать все на месте.

Спустя три дня Павел был уже в Могилеве, где представился генерал-квартирмейстеру Пустовойтенко. Он спросил его:

— Могу я знать причины моего вызова?

— Не беспокойтесь, — сухо заметил генерал. — Об этом поговорим после. А пока поскольку вы без должности, не хотите ли понаблюдать за работой Ставки?

Разные мысли приходили в голову П. Игнатъева, и они не радовали. Ясно было одно: он стал жертвой какой-то интриги, мо-

жет быть, даже в это дело замешана германская разведка, которая пытается его скомпрометировать. Секретная миссия полковника в Париже явно была ей не по душе. Однако никаких конкретных доказательств этого у него не было. Так по крайней мере П. Игнатьев думал на первых порах. Но вскоре все выяснилось. Вот как он писал об этом в 1928 году в журнале «Иллюстрированная Россия», выходявшем в Париже:

«...В 1916 году я находился в Париже, куда был послан генералом Духониным, генерал-квартирмейстером Юго-Западного фронта, для организации и ведения разведки через нейтральные страны среди наших противников. В этот период русская разведка не была объединена в одном специальном органе Ставки, и каждый фронт вел свою самостоятельную разведку. Таким образом, у нас было, вместо одного, шесть самостоятельных органов: разведка Ставки, разведка Главного управления Генерального штаба и четыре разведки фронтов Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Кавказского. Это вело, естественно, ко многим недоразумениям.

В сентябре 1916 года меня совершенно неожиданно вызвал из Парижа в Россию штаб Юго-Западного фронта. В Хапаранде, пограничной станции между Финляндией и Швецией, мне вручили телеграмму Главного управления Генерального штаба. В этой телеграмме мне предписывали немедленно явиться в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилев. Прочитав это приказание, я ровным счетом ничего не понял.

Что случилось? Почему вдруг меня вызывает Ставка? Наконец, почему я, подчиненный генералу Духонину, вдруг получаю приказание от Главного управления Генерального штаба помимо моего прямого начальника?

Как бы то ни было, я уведомил об этом генерала Духонина и прежде всего явился к нему в Бердичев, а оттуда уже отправился в Могилев. Еще не успел меня принять генерал-квартирмейстер Ставки генерал Пустовойтенко, как я узнал, что он почему-то недоволен. Действительно, когда я встретился с генерал-квартирмейстером в его кабинете, он меня принял крайне сухо и тут же изложил в чем дело. Оказалось, что я обвиняюсь в том, что свои донесения из Парижа, прежде чем их отправить генералу Духонину в штаб Юго-Западного фронта, я посылаю якобы раньше в Главное управление Генерального штаба. Поэтому эти мои

сведения получают сначала в разведочных сводках Генерального штаба, а потом уже в сводках Юго-Западного фронта.

Это на первый взгляд незначительное недоразумение было очень характерно для порядков, установившихся в нашей штабной практике с ее шестью конкурирующими друг с другом разведками. Дело скоро разъяснилось, и генерал Духонин мне сообщил, что Главное управление Генерального штаба в свое время требовало мои шифры. Стало ясно, что оно расшифровывает мои телеграммы и помещает их в свои сводки ранее, чем эти сведения успевают попасть в сводки штаба Юго-Западного фронта»¹.

В Ставке П. Игнатьев провел два месяца. Здесь он давал указания на организацию разведывательной работы по всем фронтам. Знакомясь с работой Управления генерал-квартирмейстера при Ставке, Павел Алексеевич вскоре определил ее слабые места и обратил внимание генерала Пустовойтенко на полное отсутствие организованности. В той же публикации он так пишет об этом:

«Еще недавно я наблюдал стройную систематическую работу французского высшего управления, и те порядки, с которыми я встретился, естественно, подействовали на меня крайне удручающе. Так, например, в Главной квартире маршала Жоффра я видел работу 2-го (разведывательного) бюро, где круглые сутки было занято более двадцати опытных офицеров под руководством такого специалиста, как полковник Дюпон. Между тем наше разведывательное отделение в Ставке, наше 2-е бюро, состояло всего из 5—6 офицеров во главе с полковником Скалоном. Это тот самый Скалон, который покончил с собой во время Брест-Литовских мирных переговоров, не будучи в состоянии пережить позора.

Этот разведывательный орган Ставки собирал кое-какие сведения, но вся обработка этих сведений, их систематизация, что является самым трудным делом штабной работы, была передана разведывательным органам четырех фронтов. В их деятельность еще, в свою очередь, вмешивалось Главное управление Генерального штаба.

Таким образом, целый ряд учреждений решал одну и ту же задачу — сбора сведений о противнике, и у этих шести нянек дитя-разведка оставалась без глаза!

Когда наконец история с моими донесениями разъяснилась и я предполагал ехать обратно в Бердичев к генералу Духонину, то оказалось, что для меня назначен иной маршрут. Генерал Пусто-

войтенко, вызвав меня в свой кабинет, сообщил, что мне придется вернуться обратно в Париж — на этот раз с особым поручением уже непосредственно из Ставки. Я должен был там объединить разведку под своим руководством, а пока мне предлагалось подготовить по этому вопросу доклад»².

Здесь же, в Могилеве, состо ялось производство П. Игнатьева в полковники. 11 сентября 1916 года начальник штаба Юго-Западного фронта подписал приказ о производстве Павла Алексеевича в этот чин.

Возвратившись к себе на квартиру при Ставке, Павел Алексеевич обнаружил записку от начальника личной охраны императора Николая II генерала Воейкова, в которой говорилось, что император пригласил его на следующий день к обеду. После обеда Николай II отвел П. Игнатьева в сторону и тихо сказал ему:

— Полковник, генерал Алексеев сообщил мне о вашем назначении. Вы незамедлительно получите приказ посетить штабы всех фронтов, чтобы договориться с ними об организации разведывательной работы. После этого я хочу вновь с вами встретиться. Поэтому сразу же известите генерала Воейкова о вашем возвращении.

Интересны впечатления Павла Игнатьева о его встречах с последним императором России. В книге своих воспоминаний он пишет так:

«Великий князь Николай Николаевич был назначен командующим русскими войсками на Кавказе. Верховное командование взял на себя император Николай II. Он хотел все держать в своих руках — как руководство войсками, так и снабжение армии продовольствием и боеприпасами. Это было логично, ибо двойственность командования привела к поражениям Русской армии. Однако ошибки, которые хотел исправить и не исправил великий князь, вновь повторились и даже усилились, и общий развал возрос. В этих условиях государь проявил себя нерешительным и слабым в тот момент, когда были нужны сильный кулак и негибкая воля. Его половинчатая позиция явилась причиной его гибели и нашего полного поражения со всеми вытекающими из этого последствиями».

Эта характеристика П. Игнатьевым императора Николая II является верной. Добавим от себя, что твердыми волевыми качествами обладал его отец, император Александр III, получивший

титул «Миротворец». Действительно, за время своего короткого царствования, продлившегося всего тринадцать лет, Александр III не вел ни одной войны, говоря своим приближенным, что России необходимо по крайней мере двадцать лет мирного устройства внутренней жизни, подъема ее экономики, реформы сельского хозяйства, укрепления обороноспособности, прежде чем она будет готова к большой войне. Он всячески избегал вовлечения России в военные конфликты, не вел завоевательной политики, понимая, что страна не готова к серьезной битве. Если бы он продолжал оставаться императором России, то постарался бы подготовить страну к мировой войне или по крайней мере избежать ее вовлечения в эту кровавую бойню. Однако Александр III умер в 1894 году в возрасте 49 лет, а на престол вступил его 26-летний сын, совершенно неподготовленный к управлению государством, что впоследствии привело Россию к поражению в войне и гибели династии Романовых.

«Я вернулся из поездки в армию в конце октября 1916 года, — пишет далее П. Игнатьев. — В ожидании обещанных инструкций я неоднократно приглашался за стол Его Величества и имел возможность слышать некоторые высказывания окружения царя, которые меня поразили. В нашей семье со стародавних времен все были верны Царю, беззаветно преданы императорской фамилии. Поэтому я думал, что все лица в его окружении разделяют подобные чувства, которые только еще больше усилились из-за его обаятельной простоты, его сердечной манеры дать каждому почувствовать себя в своей тарелке, которые запали мне в сердце. Однако неоднократно я слышал даже среди офицеров слова недовольства, что само по себе было опасным симптомом».

Павлу Игнатьеву, оторванному от России, было в диковинку слышать о том, как ближайшее царское окружение открыто выражает недовольство действиями императора и придворной камарильи во главе с Распутиным. Офицеры Ставки прямо упрекали императора Николая II в слабости, осуждали его решение, подданное Распутиным, принять на себя верховное командование Русской армией, к чему царь был явно непригоден. Это было для полковника тем более неприятно, что именно мать Павла Алексеевича, графиня Софья Сергеевна Игнатьева ввела Распутина в придворные сферы. Он был частым гостем ее салона, поэтому

действия «святого черта» бросали тень и на репутацию всей семьи Игнатьевых.

Каждый раз, когда Николай II видел П. Игнатьева в Ставке, он спрашивал, готов ли тот выехать в Париж и не забывал ему напомнить, что хочет переговорить с ним до отъезда. Однажды вечером, в конце октября 1916 года, после ужина, простившись с приглашенными, он сказал полковнику:

— Не хотите ли проводить меня в мои апартаменты?

Апартаментами ему служил вагон-салон, бывший одновременно рабочим кабинетом императора. Тщательно закрыв дверь, он предложил Павлу присесть и сам сел в кресло за письменным столом. Император поинтересовался у разведчика его оценками стратегической обстановки на русско-германском фронте, внутренним положением в Австрии и Германии, причинами неудач русского оружия.

Отвечая императору, П. Игнатьев отметил, что, по его наблюдениям, Германия тщательно подготовилась к войне и добилась преимуществ в вооружениях по сравнению со странами Антанты. Однако после поражений, которые она понесла как на Западе, так и на Востоке, Германия была бы разгромлена окончательно, если бы Союзники действовали более согласованно. Пользуясь их разобщенностью, Германия, располагающая густой сетью железных дорог, оперативно перебрасывает войска с одного фронта на другой и бьет своих противников по одиночке.

Что же касается Австро-Венгрии, то она, по мнению полковника, хотела бы выйти из Четверного союза, поскольку война может привести ее к распаду на ряд независимых государств. Однако Вена боится своего германского соседа и полагает, что династия Габсбургов может быть сохранена только в случае победы Четверного союза.

Эти оценки были верными, однако следует иметь также в виду, что Союзники не раз требовали от России военных жертв, но сами не спешили прийти к ней на помощь в критические моменты. Вот как вспоминал об этом, находясь после революции в эмиграции, известный военный разведчик, полковник А.А. Носков. Предоставим ему слово.

«Те, кто внимательно следил за переменами, происшедшими в ходе этой войны во внутреннем положении в России, не будет

удивлен, что эта громадная страна погубила себя во имя общего дела. Россия расходовала свои силы с полным безрассудством, мало заботясь о будущем. Этот простодушный гигант вступил в борьбу с противником более слабым, нежели она, но хорошо подготовленным и весьма предусмотрительным.

Никто, ни русские, ни союзники, не заботился о том, чтобы беречь ее ресурсы и по мере возможности заниматься подготовкой и гармонизацией развития русского гиганта. За весьма редкими исключениями русские министры и государственные деятели пренебрегали экономической стороной войны и систематическим развитием ресурсов империи. Крайне близорукие, они даже не предполагали, что война может длиться годами; с беспечностью, которая приводила в бешенство любой действительно интеллектуальный рассудок, они разбазаривали живые силы и ресурсы страны. Тяжело вспоминать о том, как с первых дней войны они вызвали необъяснимый развал функционирования железных дорог, разрешая эту поистине деликатную проблему откровенно преступным образом, — иначе это никак нельзя назвать, — в стране, где каждый километр железнодорожной сети является поистине драгоценным и незаменимым. Я до сих пор вижу длинные очереди вагонов и локомотивов, блокированных на ближайших к фронту станциях и собранных здесь со всех уголков великой империи с единственной целью — «возможных потребностей»; и эти «хвосты» оставались неподвижными целыми месяцами, в то время как вся страна стонала от нехватки подвижного состава.

Поэтому подумайте, как можно было столь крайне неуклюже и даже, я бы сказал, преступно обращаться с подвижным составом, чтобы привести страну, заваленную зерном, к нехватке хлеба.

С конца 1914 года экономическое положение России грозило превратиться в крайне трудное; потрясенная серьезными военными неудачами, а также Пирровой победой в Галиции, она стала ощущать тревожное нарушение деятельности всего ее организма. Именно с этого момента союзники должны были бы заняться его систематическим лечением, но они занялись этим только с середины 1916 года, когда было уже слишком поздно. Осторожные и предусмотрительные в отношении самих себя, союзники в том, что касается России, руководствовались уверенностью в том, что она неисчерпаема в отношении человеческих и иных ресур-

сов. Союзники поняли, но слишком поздно, что любой капитал, каким бы большим он ни был, рано или поздно исчерпывается, если его не пополнять.

Сколько раз в часы, трудные для союзников, Россия бросалась в ужасную битву, не залечив старых ран, не восстановив своего здоровья! Поэтому стоит ли удивляться в этих условиях, что здоровье гиганта было в конце концов подорвано и что экономическая жизнь страны, несмотря на ее поистине неисчерпаемые ресурсы, была окончательно подорвана...»³

Николай II с интересом выслушал доводы П. Игнатьева и согласился с его словами относительно необходимости более тесной координации военных действий армий Антанты, в том числе в области разведки. Он объявил Павлу Алексеевичу, что ему поручается возглавить Русское отделение Межсоюзнического бюро разведки в Париже и руководить всеми разведывательными организациями, резидентурами и отдельными агентами, работающими на штабы действующей армии.

Среди тем, затронутых императором, оказался, между прочим, вопрос об отношениях союзников с Россией. Николай II заметил, что Лондон и Париж, очевидно, не понимают, какой тяжелый материальный и политический кризис переживает русский народ, и поэтому создают трудности своему восточному партнеру не по своей воле.

— Нисколько, Ваше Величество, — горячо отвечал граф. — Франция, например, всем сердцем с нами. Она оплакивала наше поражение под Танненбергом. И если бы она могла легко с нами сноситься, мы бы получили все, чего нам не хватало, а ей мы бы посылали все, что она за столь высокую цену покупает в Соединенных Штатах. Франция всегда вела себя по-рыцарски.

— Что же касается Англии, то у меня было мало контактов с ее разведывательными службами, тем более с Интеллидженс сервис, деятельность которой в отношении союзников весьма сомнительна. У этой организации совершенно четкие и специфические задачи, которые держатся ею в строгом секрете. Не придерживаясь никаких моральных соображений, она шпионит как за союзными разведками, так и за вражескими, и противодействует усилиям и тех, и других в соответствии с секретными указаниями Лондона. А в остальном — руководители и офицеры британской разведки

предельно вежливы со мной. Что же касается Италии, то с ее стороны я получаю ценную помощь.

Выслушав графа, Николай II неожиданно переменял тему беседы. Поскольку в связи с неудачами Русской армии на фронте и в тылу к этому времени широкое распространение получило слово «измена», в которой обвиняли окружение царя и «императрицунемку», хотя она по рождению скорее была англичанкой, внучкой британской королевы Виктории. Ей слухи приписывали ведение сепаратных переговоров с немцами. Такие же слухи получили широкое распространение также в Париже, Лондоне и проникли в европейскую печать. В этой связи Николай II дал П. Игнатьеву деликатное поручение выяснить источник слухов о том, что он сам или Александра Федоровна якобы за спиной союзников ведут в Стокгольме сепаратные переговоры с Германией. Он сказал:

— Императрица задета этими инсинуациями. Это гнусная клевета. Я позволяю вам повторять мои слова всем, кто будет спрашивать вас на эту тему. Используйте все ваши связи, чтобы узнать источник этих слухов, и не останавливайтесь перед расходами, чтобы добиться результата.

Вот как пишет об этом П. Игнатьев в публикации в журнале «Иллюстрированная Россия» в 1928 году:

«Когда я кончил свой доклад, Государь вдруг неожиданно спросил:

— А что вы скажете о тех слухах, которые распространяются в официальных кругах Парижа и Лондона и даже проскальзывают в заграничную печать, будто я и государыня имели намерения заключить сепаратный мир?

— Слышал про это, Ваше Величество, но так как я таким слухам не придаю никакого значения, а по службе опровержение их меня не касается, то я не обращаю на это никакого внимания.

— Меня и государыню подобные рассказы очень расстраивают, — волнуясь, сказал государь. — В них нет ни слова правды. Вы можете сказать это всякому, кто вас об этом спросит. Кроме того, я вам лично поручаю провести самое точное, подробное расследование, — где источник распространения подобных небылиц... Средств на это не жалеите и используйте все ваши связи и возможности. Примитесь за дело немедленно и в кратчайший срок пришлите мне через дворцового коменданта подробнейший доклад по этому вопросу.

Дав мне еще кое-какие указания военно-политического характера, государь император меня отпустил»⁴.

О том, что было в действительности, и вел ли на самом деле Николай II сепаратные переговоры с немцами за спиной союзников, мы подробно расскажем в следующей главе, а пока вернемся к нашему герою.

В октябре 1916 года начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев утвердил положение и штатный состав возглавляемого П. Игнатьевым Русского отделения Межсоюзнического бюро по разведке, находящегося в Париже. Согласно ему, П. Игнатьев «подчиняется непосредственно генерал-квартирмейстеру Ставки и выполняет все обязанности, связанные с деятельностью этого бюро во всех отношениях». Все разведывательные сведения он был обязан направлять на русском языке генерал-квартирмейстеру. Ему предписывалось руководить разведкой во Франции, Швейцарии, Голландии и Испании, добывать информацию для штабов действующей армии.

13 ноября 1916 года полковник П. Игнатьев убыл в Париж для исполнения обязанностей начальника Русского отделения Межсоюзнического бюро по разведке. Его путь лежал через Петроград. Российская столица произвела на полковника Игнатьева неприятное впечатление своей запущенностью и неопрятностью, которых не было еще два года назад. За короткое пребывание в России Игнатьев 2-й убедился, что повсюду в стране царит беспечность, резко контрастирующая с положением на фронтах войны. В то время как в армии во всем нехватка, высшая знать страны вовсю веселится. Ему это напоминало последние дни французского короля Людовика XVII, закончившего свои дни на гильотине.

Однажды вечером, когда П. Игнатьев возвращался на извозчике на свою петроградскую квартиру на Надеждинской улице (ныне — улица Маяковского. — *Авт.*), по пути ему повстречалась группа новобранцев, которые имели расхлябанный и вызывающий вид. Это было настолько непохоже на довоенную армию, что даже старый кучер обернулся к П. Игнатьеву и сказал:

— Вы только посмотрите, ваше благородие, на этих оборотов, это же настоящие бандиты. Страшно подумать, что в случае необходимости им будет поручена оборона столицы. Боже избавь нас от такого горя!

Павлу Игнатьеву окончательно стало понятно, что царствование династии Романовых идет к концу, о чем в столице уже говорили в полный голос.

В Париж он прибыл 28 ноября 1916 года через Стокгольм и Лондон. 30 ноября он доложил рапортом на имя генералквартирмейстера Пустовойтенко о том, что «делопроизводство и все имеющееся имущество принял в порядке от полковника Ознобишина и подполковника Пац-Помарнацкого».

Штат его бюро должен был включать пять человек, а переписка со штабами фронтов должна была вестись через генералквартирмейстера Ставки, который будет направлять все сведения в нижестоящие штабы по принадлежности. Помимо самого полковника П. Игнатьева, русское отделение Межсоюзнического бюро в Париже включало в себя следующих лиц:

- заместитель руководителя по контрразведке штабс-капитан князь Лещинский-Троекуров;
- штабс-ротмистр Трубников;
- штабс-ротмистр Жадвоин;
- переводчик, прапорщик Маврокордато, который ведал канцелярией Русского отделения Межсоюзнического бюро.

Кроме того, в качестве вспомогательного персонала (переводчик, шофер, рассыльный и т.п.) в нем служили: вольноопределяющийся Франк и унтер-офицер П. Глухов.

Ясно, что в российском представительстве явно не хватало персонала, поэтому уже в начале 1917 года к вышеперечисленным лицам добавились заведующий экономическим отделом А. Шербунин, переводчик В. Нарышкин и старший писарь Ф. Папий.

А вот, по неполным данным французской военной разведки, в 1917 году состав русского представительства выглядел следующим образом:

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА

Русской службы разведки, приданной к Русской миссии (Межсоюзническая секция) 2-го бюро Генштаба Армии

Фамилия, имя, звание, должность

Полковник Гвардейского гусарского полка
граф Павел Игнатьев — начальник службы

Капитан Гвардейского Преображенского полка
Владимир Лешинский-Троекуров — зам. нач. службы

Действительный статский советник
Владимир Шебунин — нач. экономической секции

Капитан Гвардейского артиллерийского полка
Павел Оноприенко

Генерального штаба капитан казачьего полка
Георгий Трубников

Капитан 3-го специального полка
Котгинский

Генштаба лейтенант 1-го артиллерийского полка
Алексей Арбатский

Лейтенант 1-го специального полка
Ботко

Лейтенант 11-го полка
Владимир Бутягин

Генштаба лейтенант 12-го драгунского полка
князь Михаил Ухтомский

Прапорщик казачьего полка
Виктор Франк

Глухов (вольнонаемный. — *Авт.*)

Военнослужащие Французской армии,
прикомандированные
к Русской разведывательной службе (РРС)

Лейтенант Анри Скатц — прикомандирован к РРС

Лейтенант Битар-Монен — прикомандирован к Русскому
ВАТ

Лейтенант Эллер — русский военнослужащий
Старшина Копен — прикомандирован к генералу Занкевичу

Капрал Ромер

Секретарь ГШ Заславский — прикомандирован к РРС

Секретарь ГШ Апси — прикомандирован к РРС⁵

Их служебные обязанности распределялись следующим образом. Сам начальник отделения П. Игнатъев являлся представителем Ставки в Межсоюзническом бюро. В его обязанности входило: получать и обрабатывать разведывательные сведения из Межсоюзнического бюро и докладывать их в Ставку; запрашивать из России сведения, интересующие союзников, и передавать их по назначению.

Помощник начальника отделения штабс-капитан князь Владимир Лещинский-Троекуров отвечал за связь с иностранными отделениями контрразведки и русскими военными агентами в союзных и нейтральных странах. Он же составлял для Ставки доклады о положении в оккупированной немцами Польше, внутреннем и внешнем положении стран Четверного союза. При этом он использовал материалы как русской, так и союзных разведок.

Заведующий экономическим отделом В. Шебунин составлял для Ставки доклады по экономическим вопросам и поддерживал связь с Особым комитетом по ограничению снабжения и торговли неприятеля Антанты (ОКОСТН), который вел экономическую войну, прежде всего против Германии.

Заведующий канцелярией ведал всей канцелярией, ведением книг учета документов и составлением текущей переписки на русском и французском языках. Князь Б. Мещерский занимался переводами, вел шифровальное дело и осуществлял учет данных по германской армии. Он же собирал и обобщал сведения, получаемые от союзных разведок, и на их основе составлял рапорта и телеграммы в Ставку. Рядовой В. Нарышкин переводил документы с итальянского, французского, немецкого и английского языков, а также занимался регистрацией контрразведывательных данных, в частности, в отношении лиц, подозрительных на шпионаж в пользу Четверного союза.

Понятно, что должность начальника Русского разведывательного бюро в Париже не была синекурой для Павла Игнатьева в силу ряда организационных трудностей. Дело заключалось в первую очередь в том, что обмен разведывательными сведениями между союзниками осуществлялся на основе взаимности. А поскольку русская военная разведка перед войной не была в полной мере готова действовать в условиях «особого периода», он зачастую не мог передавать союзникам интересующие их сведения по причине их отсутствия.

Особенно это касалось экономической разведки. Страны Антанты, столкнувшись с затяжным характером войны, которая к тому времени приобрела позиционный характер, стали делать ставку на экономическую блокаду Германии и ее союзников с тем, чтобы удушить ее «костлявой рукой голода». В принципе, это им удалось, и к 1918 году экономический потенциал Германии был настолько подорван, что она была вынуждена капитулировать. Однако на запросы союзников относительно мероприятий русского правительства по экономической блокаде Германии и пресечению контрабандной торговли с ней П. Игнатьеву, несмотря на его неоднократные обращения в Ставку, не удалось получить адекватных сведений на этот счет.

Гораздо лучше обстояло дело с доставкой в Межсоюзническое бюро сведений контрразведывательного и военного характера, получаемых русской военной разведкой. По этой линии П. Игнатьев регулярно передавал в Межсоюзническое бюро документальную информацию по военным, экономическим, политическим и контрразведывательным вопросам. Взамен союзники делились с П. Игнатьевым сведениями о германской авиации и морских дирижаблях, подводной войне Германии, наборе в армию, о снабжении стран Четверного союза через Румынию и другие интересующие Россию данные.

Экономические сведения содержали данные о материальной части армий противника, возможностях германской военной промышленности, финансовом положении Германии, экономической ситуации в странах Четверного союза. В целом эти сведения были полезными для русской стороны.

Сразу по прибытии в Париж в конце 1916 года Павел Игнатьев занялся выполнением личного поручения императора Николая II. Задействовав свою агентуру в Швейцарии, Англии,

Голландии и Швеции, он установил, что сведения о сепаратных переговорах Николая II и его жены с немцами распространяются журналистами из нейтральных стран, находящихся на содержании у германского Генштаба и МИД этой страны, имевшего собственную разведывательную службу. Инспирированные ими публикации в прессе нейтральных стран охотно подхватываются газетами Антанты, что вносило недоверие в отношения союзников с Россией.

В докладе лично императору Николаю II полковник Игнатъев привел слова германского дипломата в Стокгольме одному из его агентов: «Нам неинтересно знать, что русский император не желает заключать сепаратный мир. Нам важно, чтобы все верили этим слухам, которые ослабляют положение России и одновременно ее союзников. Это единственное, что нам нужно и что мы ожидаем от вас».

Но это не все. Оказалось, что Германия зондирует также Англию и Францию на предмет заключения сепаратного мира с ними. Так, в августе 1917 года, когда император Николай II был уже свергнут с престола, П. Игнатъев получил через свои агентурные возможности в Швейцарии достоверные и подробные сведения на этот счет от австрийского консула в Женеве Монлопа. О самой разведывательной операции П. Игнатъева мы расскажем отдельно. Здесь же отметим, что перефотографированные русской военной разведкой секретные документы австрийского дипломата гласили, что с одобрения французского премьер-министра А. Рибо и британского премьера Д. Ллойд-Джорджа здесь начались сепаратные переговоры Франции и Англии с представителем Австро-Венгрии, которому было передано предложение заключить сепаратный мир.

Как выяснил в дальнейшем П. Игнатъев, 11 октября того же года французский Генштаб подготовил для премьер-министра документ под названием «По вопросу о позиции, которую следует занять в отношении России». В нем была сформулирована программа всеобщего мира стран Антанты с Четверным союзом, предусматривающая решение территориальных проблем Англии и Франции ... за счет расчленения России.

В обмен на Эльзас и Лотарингию, а также германские колонии в Африке англичане и французы были готовы отдать Германии и Австрии эстонские, белорусские и русские земли по линии На-

рва — Псков — Смоленск. Финляндию союзники планировали оторвать от России и передать под управление Швеции, Бессарабию — Румынии, Восточную Сибирь — Японии. Районы Дона, Кубани, Кавказа согласно этому плану должны были стать независимыми государствами под протекторатом Англии и Франции. Вот такие «надежные» союзники были у России! С такими «друзьями» лучше не встречаться в темном переулке: разденут до гола...

Эти планы были, однако, отвергнуты Германией, которая не хотела расстаться с Эльзасом и Лотарингией, а также Австро-Венгрией. Последней в планах Англии и Франции отводилась роль... протектората под эгидой будущего польско-украинского государства, которое, в свою очередь, будет тесно связано с Францией. Вену подобная перспектива не могла устроить, поскольку она фактически лишала ее государственного суверенитета и вела к ликвидации династии Габсбургов. Естественно, австрийские уполномоченные не могли согласиться с подобными комбинациями.

Что же касается России, быстро катившейся к военному поражению и большевистской революции, то союзники, естественно, не сочли нужным поставить ее в известность о своих намерениях, а в дальнейшем, после свержения Николая II, они нервно реагировали на любые намеки Временного правительства о том, что ему известно о существовании подобного плана расчленения нашей страны, полученного Павлом Игнатьевым из надежного источника. Англия и Франция попытались осуществить свои планы раздела России во время Гражданской войны и иностранной интервенции. Это стоило России большой крови, пролитой из-за изменнических замыслов ее бывших союзников, и гибели двух миллионов ее граждан. Однако большевики, пришедшие к власти в России в ноябре 1917 года, сорвали реализацию этих замыслов и к 1921 году полностью очистили территорию России от непрошенных гостей.

Глава девятая

СЕПАРАТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ: СЛУХИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Здесь мы снова на время покинем нашего героя и осуществим небольшой исторический экскурс, чтобы читателю было понятно, какими мотивами было вызвано это деликатное поручение императора полковнику Игнатьеву.

Действительно, в это время в Западной Европе начали циркулировать слухи о вестующихся сепаратных переговорах России с Германией. Павел Игнатьев установил через свою агентуру, что их усиленно распространяют спецслужбы самой Германии с тем, чтобы вбить клин в отношения между союзниками и тем самым развалить Антанту. Слухи эти усиленно муссировались прессой нейтральных стран. По словам известного русского дипломата Ю.Я. Соловьева, в Стокгольме, который он посетил в начале 1916 года, «со всех сторон слышались разговоры о возможности сепаратного мира». Описывая свои впечатления от посещения Лондона, Соловьев вспоминал: «Там в это время (лето 1916 г. — *Авт.*), по-видимому, уже мало рассчитывали на русскую помощь, постепенно привыкая к мысли о возможном нашем выходе из рядов союзников»¹.

Ему вторит посол Великобритании во Франции лорд Ф.Л. Берти. В своем дневнике 21 августа он записывает: «Революция в России после войны рассматривается здесь как нечто неизбежное. Она может произойти еще раньше». Еще через месяц он делает такую запись: «Из Англии идут слухи о посредничестве. О посредничестве здесь не захотят и слушать, а вопрос о перемирии не поднимался. В настоящее время немцы не могут предложить приемлемую основу, вернее, приемлемую для всех государств Антанты. Разве они могут дать такие компенсации, которых Румы-

ния, Италия и Россия должны добиваться, чтобы иметь возможность оправдаться перед своими народами в разрыве с Францией, Бельгией и Англией? Если даже британское правительство было склонно заключить мир на тех условиях, которые готова предложить Германия, разве согласился бы на это народ или наши колонии? Я не верю в возможность мира на протяжении ближайшего года»².

Итак, слухи о возможности ведения каких-то сепаратных переговоров между участниками Антанты и Четверного союза циркулировали в Европе. Но какова была реальность?

...Военная элита России задолго до войны исходила из тезиса, что грядущая война будет коалиционной. В то же время русские военные теоретики указывали, что военному союзу нескольких стран, по определению, свойственно наличие глубоких противоречий. Одни из его участников хотели бы только ослабить противника, другие будут стремиться к полному его разгрому. В силу этого каждый из союзников хотел бы переложить наиболее трудное бремя войны на своего партнера. Отсюда — совокупная мощь такого союза «всегда меньше суммы сил, ее составляющей», — писал, например, еще в 1899 году профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал Н.П. Михневич³. Этот вывод был хорошо усвоен и царской дипломатией. Мировая война только подтвердила этот и ряд других выводов отечественных военных теоретиков.

Накануне схватки с центральными державами Англия и Франция очень надеялись, что русский «паровой коток», как они любили говорить до войны о царской России, быстро сокрушит Германию и Австро-Венгрию, и с их стороны серьезных усилий не потребуются. Реальность оказалась другой. Блицкрига не получилось ни с той, ни с другой стороны. Война явно затягивалась.

И все же союзники по Антанте были едины в своей решимости поставить Германию на колени. Так, для Англии любое компромиссное решение означало бы начало конца Британской империи. Франция ни под каким видом не согласилась бы отказаться от возвращения себе захваченных у нее Пруссией в 1870 году Эльзаса и Лотарингии. Разумеется, возвращать рейху германские колонии в Африке и Океании также никто не собирался. Для России потеря Польши и отказ от Константинополя в случае сепаратного мира были тоже неприемлемы. И все вместе союзники не

горели желанием видеть появление на европейском континенте доминирующей военной державы в лице Германии, что означало бы в будущем новую войну за передел мира.

К победе над блоком центральных держав у Антанты были все предпосылки. По своему военно-экономическому потенциалу она заметно превосходила Германию, Австро-Венгрию и их союзников — Болгарию и Турцию. Однако реализовать это преимущество и одержать решительную победу над противником союзники сразу не сумели вследствие внутренних противоречий между собой, которые преодолевались с большим трудом. Так, во время «Великого отступления» русских армий из-за катастрофического отсутствия вооружения и боеприпасов летом 1915 года, в Англии больше думали о том, как бы не пустить русских после войны в Константинополь, а не о помощи своей союзнице снарядами...

О взаимоотношениях между союзниками, об их взаимном недоверии уже упоминавшийся нами лорд Берти в сентябре 1916 года писал следующее: «Здесь (т.е. в Париже. — *Авт.*) нервничают из-за боязни, что Россия заключит сепаратный мир с Германией... Каждая из сторон, договаривавшихся в сентябре 1914 года быть вместе и не заключать сепаратного мира, подозревает одного, а то и нескольких партнеров в вероломстве»⁴. Его собственное отношение к союзникам выглядит достаточно пикантно: «Когда же итальянцы найдут момент, достаточно благоприятный, чтобы продаться?» «Русские, подобно Бурбонам, ничего не забыли и ничему не научились». «Нынешнее поведение американского правительства отвратительно», «Эти американцы — прогнившая кучка жуликов, распеваящих псалмы и гоняющаяся за барышами»⁵ и т.д. Разумеется, при таком отношении союзников друг к другу надеяться на скорый разгром центральных держав не приходилось.

Сознавая настоятельную необходимость координации усилий участников Антанты, французские правящие круги предприняли попытку как можно теснее увязать стратегические планы союзников для достижения качественной победы в войне. По инициативе французского главнокомандующего Ж. Жоффра, 7 июля 1916 года в г. Шантильи под Парижем собралась Первая межсоюзническая конференция по проблемам разработки и координации планов ведения войны союзниками. Жоффр на первом же заседании подчеркнул, что существующая несогласованность действий партнеров по Антанте может привести к тому, что

«австро-германцы будут последовательно наносить главные удары по каждой из союзных армий и выводить их, одну за другой, из сражений». Поэтому необходимо исходить из того, что та из союзнических армий, на которую придется главная тяжесть удара врага, имеет право рассчитывать, что ей будет оказана помощь решительным наступлением дружеских армий, на которые оказывается меньшее давление». Французский главнокомандующий высказал пожелание, чтобы на конференции была выработана «единая линия поведения» союзных армий на ближайшее будущее.

Несмотря на эти красивые заявления, создать центральный координирующий межсоюзнический орган не удалось, в основном по вине Англии: слишком велики оказались противоречия между ее участниками. Зато в области взаимной информации дело, как уже знает читатель, пошло успешно. 10—11 сентября 1915 года было создано Межсоюзническое разведывательное бюро. С координацией же военных усилий пока ничего не получилось — англичане были заняты операцией по захвату Дарданелл, чтобы они не достались России, а остальное их в тот момент интересовало меньше. Взаимное недоверие между членами Антанты нарастало.

Между тем 1915 год ознаменовался серьезными военными успехами центральных держав. Германия, казалось, была на пике своего военного могущества. Под ее ударами русские армии оставили Галицию, Польшу и часть Литвы. Немцы удерживали Бельгию и 17 департаментов на северо-востоке Франции. Десант союзников на Галлиполийском полуострове оказался неудачным, и ему пришлось эвакуироваться. В октябре 1915 года на стороне германского блока выступила Болгария, ударившая без объявления войны во фланг и тыл сербской армии, которая была вынуждена покинуть свою страну и с помощью союзников эвакуироваться на остров Корфу. Территория Сербии была оккупирована войсками германского блока, и тем самым установилась прямая связь Германии с Турцией. Таковы были невеселые для Антанты итоги этого года.

Тем не менее, несмотря на это, а может быть, и вследствие своих военных успехов, руководители Германии (Вена пока во всем беспрекословно следовала за Берлином) начали зондаж на предмет заключения сепаратного мира с кем-либо из своих против-

ников. Вообще говоря, в течение всей войны они неоднократно пытались склонить к сепаратному миру и Францию, и Бельгию и даже своего заклятого врага Англию, однако из этого ничего не вышло. Почему? Ну, во-первых, на пути к такому сговору стояло Лондонское соглашение от 5 сентября 1914 года о незаключении союзниками сепаратного мира, а во-вторых, уж больно непримиримые противоречия разделяли противников, о чем мы упоминали выше.

Для Германии самым важным было сохранить за собой основную часть захваченных ею территорий, вернуть колонии, получить от союзников «компенсации». Не добившись ничего от западных союзников России, немцы все же сумели посеять зерна недоверия и подозрительности между ними, которых хватало и без этого.

Очень хотели немцы склонить к сепаратному миру Россию. Соответствующий зондаж предпринимался ими неоднократно. Одним из первых попытался наладить такой контакт через датского промышленника Х. Андерсена начальник германского Генерального штаба генерал Фалькенхайм. Существенной реакции не последовало.

В то же время германский канцлер Бетман-Гольвег разработал план отрыва России от западных союзников по Антанте. Смысл его предложений сводился к тому, что царь должен прежде всего беспокоиться о своей короне. Требования Германии к России будут минимальными, будет восстановлена дружба двух монархий. Для передачи этих предложений в первую очередь были использованы родственные династические связи между царствующими домами Гогенцоллернов и Романовых, близкие связи между русскими и немецкими аристократами. Не обошлось и без представителей крупного европейского капитала.

Поиски контактов с правящими кругами России шли по всем направлениям, через самых различных лиц. Одним из посредников немцы выбрали проживавшую в своем имении близ Вены фрейлину русской царицы Марию Александровну Васильчикову, имевшую хорошие связи при берлинском и австрийском дворах, а также в дипломатическом мире скандинавских стран.

Под влиянием брата русской царицы — великого герцога Гессенского, а также германского министра иностранных дел Ягова она написала в марте и июне 1915 года письма к Николаю II, в

которых информировала русского императора о желании германского правительства заключить мир с Россией. Ответа не последовало, хотя корреспонденция была получена адресатом и обсуждена в семейном кругу.

Поздней осенью 1915 года немцы вновь обратились за ее содействием. На сей раз «толстой Маше» они предложили поехать в Россию и лично ознакомить Николая II с германскими предложениями. 28 ноября она получила в Стокгольме русскую визу, а 2 декабря была уже в Петрограде, где остановилась в гостинице «Астория». Сразу же по ее прибытии в столицу империи военная контрразведка установила за ней слежку.

Появление М.А. Васильчиковой на родине здорово всполошило императрицу Александру Федоровну. 5 декабря она лично приказала товарищу (заместителю) министра внутренних дел С.П. Белецкому установить за своей фрейлиной полицейское наблюдение, не допускать ее приезда в Царское Село, а затем запретить выезд за границу. Перед Марией Александровной закрылись все двери в столице. Она писала и великому князю Михаилу Николаевичу, великим княгиням Марии Павловне и Елизавете Федоровне, председателю Государственной думы М.В. Родзянко и даже подруге императрицы «Аннушке» Вырубовой. Все было тщетно.

Тем временем в ее гостиничном номере был проведен негласный обыск. В вещах фрейлины были обнаружены рукописные заметки, которые вполне заслуживают того, чтобы привести их здесь полностью.

«В Германии, несмотря на то, что ее войска занимают часть России, — огромное желание заключить теперь мир с Россией, еще могущественной. Германия никогда не хотела вести войну для того, чтобы увеличиться за счет соседей. Доказательством тому служит, что Германия скорее видит обиду в Бельгии и Польше, и еще не думала о решении этого вопроса. Ни в Германии, ни в Австрии нет ни малейшей ненависти к России. Конечно, анархисты, социалисты рады войне, которая играет им на руку, и надеются, что она произведет революцию в России. Император Вильгельм имеет большую симпатию к русскому царю и желал бы иметь возможность начать переговоры о мире именно теперь, т.к. Англия делает огромные усилия привлечь к себе Германию.

В Англии все, кроме короля, против союза с Россией, один король за этот союз. Все министры скажут об этом, уже в Лон-

доне в нижней палате были интерpellации о мире с Германией и в германском рейхстаге 9 или 12 сего декабря. Рейхсканцлер будет отвечать, но пока ответа нет. Рейхсканцлер воздержится от какого-либо положительного ответа: здесь, в Германии хотят дать знать России первое место и не желают, чтобы Англия играла бы первую роль. Англия говорит, что теперь Россия ослаблена, ее политика не должна идти об руку с ней, а, напротив, соединиться с Германией против России. Англия, как всегда, хочет сыграть первую роль, а теперь роль Ангела мира за счет России, которой тогда придется дорого поплатиться. Голландия и Испания чрезвычайно желают для своих интересов мира России с Германией. И в чем Англия доказала России свою дружбу? Во Франции она заняла Кале на десять лет, и все управление города теперь английское. На Балканах она заняла Салоники и, конечно, добровольно никогда не захочет отдать эти два города. А славяне? Болгария шла против нас. Николай Черногорский, если получит часть Сербии, завтра делается приверженцем и другом Германии. Румыния и Греция еще не знают, куда им выгодно примкнуть.

Великий герцог Гессенский, глава Гессенского Дома, так давно соединенный узами родства с Российским царствующим Домом, рад выехать навстречу или принять в Дармштадте лицо, которое бы Государь император неофициально прислал бы, чтобы узнать, как можно бы приступить к мирным переговорам. Еще в мае 1915 года мне было поручено написать Его Величеству, и в ожидании ответа было приостановлено наступление, но ответа не последовало, и у нас потеряны Галиция и Польша. Теперь здесь, в Берлине, говорят, что если только русский царь соблаговолит обдумать написанное и выслать человека, то пока не будет нового наступления. Если же не будет ответа, то план нового действия против России уже разработан и немедля начнется новое, гораздо сильнее прежнего, наступление. Войска в 800 000 человек — от 16 до 30 лет, — еще не бывшие в сражениях, готовы действовать»⁶.

Вот такое письмо. Похоже, что это конспект германских аргументов, угроз и предложений царю Николаю II. Кто же такая М.А. Васильчикова и что успела натворить Мария Александровна всего за три дня пребывания в столице? Процитируем показания бывшего министра иностранных дел России Сергея Дмитриевича

Сазонова, данные им 24 марта 1917 года в Петрограде судебному следователю Временного правительства Б.Н. Мажанскому.

«Относительно Васильчиковой я могу передать историю во всех подробностях. М.А. Васильчикова, дочь А.А. Васильчикова, бывшего директора Эрмитажа. Я лично знал обоих. Лет пятнадцать тому назад она продала свое имение в Московской губернии и переселилась в Австрию, последовав за графом Сечени, венгерцем, состоявшим при венском посольстве в Петрограде. Их связывал союз сродствующих, так как она была перезрелой девицей (теперь ей под 60 лет), а он был больной и старый человек. Она купила под Веной виллу у австрийского посла в Петрограде Лихтенштейна, слывшего за русофила (он устроил прекрасную русскую библиотеку в Вене).

В начале войны ее держали в ее имении за решеткой, она не могла выходить за решетку сада, а затем выпустили и сделали ее послом мира. Поначалу из Берлина она ездила туда, видалась там с Яговым и приехала в Петроград с запиской для передачи Государю. Записка эта, анонимная, написанная Васильчиковой под диктовку, содержала изложение взгляда германского правительства о необходимости для России вернуться к старым традициям дружбы с Германией, указывала, что англичане, навязавшие нам эту войну, предадут нас, и заканчивалась угрозой, что если мы не пойдем навстречу дружеским советам, то узнаем всю тяжесть германской руки.

В шпионскую роль миссии Васильчиковой я абсолютно не верю. Она для этого абсолютно не пригодна: ограничена и громоздка (толстая и высокого роста). Просто ей хотелось сыграть идеальную роль ангела мира, совершить подвиг прекращения кровопролития. Ее начинили там всяким вздором. Так, она заявляла мне: “Мне велено сказать, что англичане за нашей спиной хотят заключить сепаратный мир с немцами. Увидите, они вас одурачат”. Я рассмеялся и заметил, что на этой мякине никакого воробья не поймаете.

Я исполнил просьбы Васильчиковой и передал Государю записку. Государь отнесся ко всему с большим раздражением: “Что за гадость, передайте ей, чтобы она не смела писать”. До того она писала раза два Государю те же глупости и никогда никакого ответа не получала. Она была в большой дружбе с Вел. кн. Сергеем Александровичем, жила у него в Ильинском и там ее встречал Го-

сударь. Как шли письма Васильчиковой к Государю и где они, я не знаю. Одно письмо Государь мне показывал, а про другое письмо сказал: “Я опять получил от Маши Васильчиковой такое же глупое письмо, как и первое”»⁷.

Эти показания бывшего министра иностранных дел России перед Следственной комиссией Временного правительства, как мы видим, полностью подтверждаются словами императора Николая II. За три дня пребывания в российской столице она разослала тексты своего письма-конспекта аналогичного содержания ряду сановников в Петрограде. Как представляется, этот многопудовый «ангел мира», как себя называла тогда М.А. Васильчикова, пытался получить аудиенцию у императора Николая II, но тщетно. С одной стороны, доступ в Царское Село фрейлине был закрыт, с другой — царя там не было, он в то время находился в Ставке в Могилеве. Впрочем, ей повезло: она была принята министром иностранных дел С.Д. Сазоновым.

Министр не хранил в секрете визит к нему «ангела мира». О встрече с Васильчиковой он в подробностях рассказал обеспокоенным представителям Франции и Англии — послам Морису Палеологу и Джорджу Бьюкенену. Ясно, что, поскольку в Петрограде распространились слухи о сепаратных переговорах России с Германией, российский министр поспешил заверить их в верности Петрограда союзу.

А что же Васильчикова? Выпускать ее из России, после того как газеты подняли шумиху на ее счет, причем явно по наущению властей, было нельзя. Ее приезд в Россию общественное мнение сразу же оценило как начавшиеся сепаратные контакты между Россией и Германией. Поэтому Николай II, ненадолго вернувшийся из Ставки в Царское Село, приказал 10/23 декабря выслать ее в имение двоюродной сестры Васильчиковой — Александры Милорадович Новые Боровичи в Черниговской губернии.

Затем последовала эскапада ее племянника, предводителя местного дворянства Милорадовича, который, начитавшись петроградских газет, категорически потребовал не допускать тетку к ее сестре. Незадачливую фрейлину уже хотели сослать в Сольвычегодск, но очередное письмо в Петроград, на сей раз графини Милорадович (двоюродной сестры Марии Александровны) на имя царя привело к тому, что он разрешил Васильчиковой остаться в Черниговской губернии. Видимо, возня с «Толстой Машей»

надоела Николаю II, и на последнем докладе министра внутренних дел по поводу места ее высылки он начертил: «Больше этим делом я заниматься не желаю»⁸.

Неоднократные просьбы Васильчиковой о ее выезде за границу были оставлены без внимания. Правда, в порядке компенсации ей назначили ежемесячную пенсию в размере трехсот рублей из секретных сумм Департамента полиции.

Невольно встает вопрос: почему же император так жестоко обошелся с фрейлиной? Ответ, как нам кажется, содержится в следующих строках письма Александры Федоровны к мужу от 5 января 1916 года. Вот они: «Миша Бенк (граф Бенкендорф, гофмейстер двора. — *Авт.*) говорил у Павла (великий князь, дядя Николая II. — *Авт.*), что Маша привезла письмо от Эрни (великий герцог Гессен-Дармштадский. — *Авт.*), а Павел заявил, что это — правда. Кто же сказал ему? Все они находят справедливым, что она лишена шифра (фрейлины. — *Авт.*)

— Я лично нахожу, что с Ив. Т. и Лили, которые поступили так дурно, состоя при моей особе, гораздо скорее должны были пострадать, да и некоторые господа тоже. Кажется, в печати появилось письмо к ней княгини Голицыной, (ужасное письмо, обвиняющее ее в шпионаже и т.д.), чему я продолжаю не верить, хотя она поступила очень неправильно по глупости и, боюсь, из жадности к деньгам. Но неприятно, что опять упоминается мое имя и имя Эрни»⁹.

Отсюда видно, что если предыдущие контакты с немцами проходили достаточно конфиденциально, то стремление М.А. Васильчиковой обнародовать германские предложения среди достаточно широкого круга влиятельных лиц вызвало резкую реакцию верхов и лично самой императрицы. Она, конечно, как было установлено Следственной комиссией Временного правительства, тайно сносилась со своими родственниками в Германии, о чем, кстати, сама и пишет в одном из писем мужу, однако речь шла не о сепаратном мире, а об оказании своей относительно небогатой германской родне финансовой помощи. Родственники же разболтали всю историю с Васильчиковой в придворных кругах, и пошла писать губерния...

Когда М.А. Васильчиковой объявили о высылке в Черниговскую губернию без права выезда оттуда, она спросила у высших чинов МВД России А.Н. Хвостова и С.П. Белецкого, за что ее вы-

сылают. Те ответили: «Ваше присутствие беспокоит английское посольство». А Белецкий добавил при этом с иронией: «Ведь теперь Россия финансово продана Англии»¹⁰. Вот почему пострадала М.А. Васильчикова: она вела себя слишком гласно, некорректно и неделикатно...

Прошло несколько месяцев, и бывшая фрейлина была оправдана Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, а потом сумела вернуться в свое имение в Австрии. Получила ли она деньги за свое посредничество и сколько — осталось неизвестным. Может быть, она действительно действовала бескорыстно, просто из неумного честолюбия и желания войти в историю в качестве «ангела мира», как знать?

В течение последующего 1916 года было еще несколько попыток зондажа со стороны Германии, но русская сторона так и не откликнулась ни на одну из них. Наиболее серьезной была встреча А.Д. Протопопова и Д.А. Олсуфьева с банкиром Ф. Вартбургом, выполнявшим поручение германского МИДа. Обстоятельства этой встречи таковы.

Весной 1916 года в Англию и во Францию выехала парламентская делегация во главе с товарищем Председателя Государственной думы А.Д. Протопоповым. Глава делегации во время поездки произносил речи, демонстрирующие нерушимую дружбу между союзниками, провозглашал лозунги войны до победного конца. Но вдруг, не доехав до России, он стал о чем-то сговариваться с противником. «Надо думать, — вспоминал об этом случае член делегации Б.А. Энгельгардт, — что Протопопов был уполномочен нашим Министерством иностранных дел на подобную встречу: вряд ли он решился на нее по собственной инициативе»¹¹.

Встреча состоялась 7 июля в Стокгольме в гостинином салоне русского промышленника М.С. Поллака. Русские внимательно выслушали немца, однако в ответ ничего определенного в отношении германских предложений сепаратного мирного соглашения не высказали. Так или иначе, условия, на которых немцы хотели бы вести переговоры, были им выяснены.

Естественно, все это было сделано очень аккуратно, и А.Д. Протопопова не только не выслали в Сибирь (любимое занятие русских царей), но вскоре он даже получил пост министра внутренних дел. Значит? Та же самая близкая подруга импера-

трицы А. Вырубова свидетельствует: «Ему... до самого последнего времени очень доверяли...». (Надо полагать, царь с царицей) ¹².

Позднее все это, конечно, получило огласку, и по поводу стокгольмской встречи во всех европейских газетах много писали, явно с подачи германских спецслужб, использовавших прессу нейтральных стран. Кроме того, имеется значительная литература по этому эпизоду, в которой все подробно расписано. Мы же ограничимся здесь свидетельством самого виновника газетного ажиотажа А.Д. Протопопова.

Вот что о своей беседе с Ф. Вартбургом он рассказал, будучи весной 1917 года в знаменитых «Крестах», куда его засадило Временное правительство, бывшему руководителю Охранного отделения Департамента полиции генералу А.В. Герасимову:

«... После долгого разговора Вартбург мне сообщил, что он имеет вполне официальные полномочия передать Государю Императору условия сепаратного мира, которые сводились приблизительно к следующему: вся русская территория остается неприкосновенной, за исключением Литвы и небольшого кусаа прилегающей к ней территории, которые должны отойти к Германии. Россия проводит в жизнь уже обещанную автономию Польши (в пределах бывшей русской Польши) с присоединением к ней Галиции. Эта автономная Польша вместе с Галицией будет оставаться в составе Российской империи. На Кавказе к России присоединяется Армения. Какой-то особый пункт говорил... или о нейтрализации, или о присоединении к России Константинополя и Проливов. Условия мира с союзными державами Вартбург не указывал, но подчеркивал, что никакой помощи от России против ее бывших союзников Германия не требует» ¹³.

Все эти предложения были по возвращении делегации в Петроград доложены императору. Николай II, выслушав Протопопова, резюмировал: «Да, я вижу, враг силен. Я согласен, при нынешнем положении те условия, которые вы передали, для России были бы идеальными условиями. Но разве может Россия заключить сепаратный мир? А как отнеслась бы к этому армия? А Государственная дума?» ¹⁴ Царь не взял на себя ответственность обсуждать эту проблему и предложил А.Д. Протопопову переговорить с представителями основных фракций Государственной думы. Такие попытки были сделаны, но изложить им германские условия сепаратного мира он так и не осмелился. В общем, по словам того

же Энгельгардта, встреча в Стокгольме «была понята как своего рода разведка, и разговоры о ней прекратились»¹⁵.

Эпизод о встрече с царем и его деликатном поручении, рассказанный П.А. Игнатьевым, как бы подтверждает вывод о том, что царь ни в коем случае не хотел идти на сепаратный мир с Германией. В то же время, как мы упомянули выше, он свидетельствует и о том, что Николай II одновременно хотел уверить союзников в том, что разговоры о сепаратном мире — блеф и что он преисполнен решимости совместно с союзниками довести войну до победного конца.

Однако история с Васильчиковой доказывает, что негласные контакты династий Романовых и Гогенцоллернов, да и всех дворов Европы, все-таки продолжались всю войну. Так, на всякий случай, и Стокгольмская встреча это только подтверждает. Царь не зря спрашивал графа Игнатьева 2-го о боевых возможностях союзников по Антанте. Беседа с руководителем русской военной разведки в Европе, пользующимся полным доверием царя, была явно связана с контактами А.Д. Протопопова в Стокгольме. Николай II, видимо, хотел еще раз убедиться, на какую лошадку ставить. Заключение сепаратного мира на условиях, предложенных Германией, было бы весьма выгодным для России, однако это могло привести к возмущению в обществе, армии и Думе и, следовательно, спровоцировать революцию и свержение монархии. Иное дело, если бы в подобающий момент с такой инициативой выступила сама Государственная дума...

Можно также предположить, что русский император считал, с другой стороны, что у него еще есть время и успеть к победному пирогу, и подавить оппозицию в стране, чтобы тем самым предотвратить революцию. Но... война шла своим чередом, а победа для России что-то не просматривалась, и историческое время, отпущенное русской монархии, сокращалось как шагреновая кожа...

Обычно указывают, что царская чета надеялась на общее наступление союзников весной 1917 года и поэтому была категорически против сепаратного мира. Так-то оно так. Но почему при этом не обращают внимания на целый ряд событий, происходивших в то время во Франции? Думается, не следует забывать еще одно обстоятельство, которое, как правило, не берется в расчет, а именно — возможное поражение союзников: ведь ход войны был пока еще не предreshен, а Германия добилась серьезных успехов

на всех фронтах. И тогда... Тогда — сепаратный мир с Германией на других, нежели с союзниками, условиях.

То, что писал П.А. Игнатъев в своих мемуарах относительно положения союзников в конце Первой мировой войны, в целом верно, однако о внутривойсковой обстановке во Франции он не говорит ни слова. Оно и понятно: книга его воспоминаний издавалась во Франции, поэтому — никакого негатива о ней.

Однако следует иметь в виду, что Германия вела пораженческую пропаганду не только против России, но и против ее союзников, да иначе и быть не могло. Особенно успешно пацифистская пропаганда велась ею во Франции. На деньги кайзера готовилась революция в этой стране: подкупались депутаты парламента, видные общественные деятели, журналисты. Истинные патриоты страны, наоборот, дискредитировались и шельмовались, в их числе и известный читателю капитан Ладу, изрядно на-солонивший немцам.

Германская разведка провела не одну разведывательную операцию по разложению французской армии и тыла, и, кстати сказать, не безуспешно. В апреле 1917 года во французских войсках на Западном фронте прокатились массовые волнения с требованием скорейшего окончания войны. Солдаты отказывались идти в наступление, реальным стало массовое дезертирство и случаи неповиновения командирам. В тылу усилились пацифистские настроения. На митингах и собраниях политические партии левого толка требовали скорейшего окончания войны и заключения демократического мира.

Характерен в этом смысле один документ французской военной разведки, вскрывающий, как спецслужбы Парижа противодействовали пацифистской пропаганде Германии и пытались взять ее под свой контроль. Приведем его частично.

2-е бюро-1
29 августа 1917 г.

ДОНЕСЕНИЕ

В начале года один из лучших агентов СР в результате некоторых финансовых сделок, осуществлявшихся Экономической секцией, установил контакт с представителями высшей финансовой аристократии Германии в Швейцарии и Испании.

Благодаря своему уму и осторожности агент быстро завоевал доверие немцев и стал связником между германскими банками в Испании и южноамериканскими, с одной стороны, и Берлинским рейхсбанком — с другой. Наделенный функциями официального курьера, наш агент позволил нам в течение многих месяцев быть в курсе финансовых потоков между Берлином и Мадридом и использовать ставшие ему известными бесценные разведывательные сведения.

С другой стороны, в ходе недавних переговоров со своими служащими нашему агенту удалось перевести беседу на общеполитические темы. Немцы дали ему понять о том значении, которое они придают необходимости быть точно информированными обо всех переменах в общественном мнении Франции, и попросили посоветовать им, какие выбрать средства и указать людей, которых можно было бы использовать для того, чтобы провести еще до наступления зимы полезную и энергичную кампанию в пользу заключения перемирия.

Агент доложил о каждой из своих поездок и тщательном выполнении всех наших инструкций; он подвел своих собеседников путями, которые были ему предначертаны СР, к мысли о том, что в августе ему удалось организовать в Швейцарии встречу, на которую явился друг фон Бюлова князь Лихновский и принц королевской крови, личность которого не была установлена.

В ходе многочасовой беседы немцы признались нашему агенту, что они плохо знают французский характер и попросили его быть, по собственному выражению принца, «их психологическим советником».

Тогда было решено, что, поскольку театр является одним из наиболее надежных средств пропаганды, наш агент, являющийся руководителем одной из наиболее модных сцен в Париже, попытается снять один или несколько театров сначала в Париже, а затем в провинции, чтобы в них потихоньку принудить публику аплодировать пацифистским постановкам или куплетам.

Проект, намеченный в общих чертах, должен быть представлен на рассмотрение Верховного командования. Если он будет одобрен, то в начале сентября в распоряжение агента будут доставлены крупные суммы.

Агент должен будет использовать один из самых роскошных из своих театров в качестве средства привлечения туда офицеров

и политических деятелей с тем, чтобы превратить свое заведение в место получения разведсведений разного характера.

Вместе с тем агент, пока этот вопрос изучается в Берлине, получил задание попытаться найти другие способы проникнуть в профсоюзные и революционные круги. Ему, однако, рекомендовали быть осторожным, и, как показалось агенту, его собеседники сожалеют о неуклюжести Службы, которая использовала Дювала.

Очередная встреча нашего агента состоится в Швейцарии в первых числах сентября. На ней он получит инструкции из Берлина относительно реализации проекта распространения пацифистской пропаганды Германии посредством театра и обсудит с ними средства пропаганды в рабочих кругах.

По его возвращении решения, принятые на этот счет немцами, будут изучены СР. Их предложения будут изложены в очередном донесении, в котором будут рассмотрены проекты Германии и наиболее эффективные средства по их срыву путем их канализации и уведения в сторону в соответствии с методой, которая удачно защитила наши военные заводы.

Возможные проекты решений будут предоставлены на рассмотрение Министра.

28/8/17

ДЕЛО Г-НА М.

М. считает, что он должен работать с пацифистами всех национальностей, обосновавшимися в Швейцарии. При этих условиях он готов заняться пацифистской пропагандой, однако после дела Д. он ни за какую цену не намерен сам отправляться в Швейцарию. Он также не хочет иметь никаких дел с кем бы то ни было, кроме меня, поскольку он не доверяет революционным кругам, как французским, так и иностранным, в которых, как он утверждает, полиция сегодня располагает массой осведомителей. В Швейцарии, несомненно, за Дювалем следила французская полиция. Что же касается проекта Себастьяна Фора, то он обречен на неудачу, поскольку сам Фор является весьма заметной фигурой, за которой следят, хотя он и просил Правительство не создавать ему никаких трудностей во время войны.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

М. соглашается на:

1). Создание пацифистской газеты, однако обращает внимание на то, что цензура делает весьма уязвимым использование этого средства.

2. Через одного из друзей проводить пацифистские конференции в Париже и в провинции.

3. Распространять либо в тылу, либо на фронте листовки и брошюры, протестующие против войны и требующие ее прекращения еще до наступления зимы.

4. Вступить в контакт с основными профсоюзами, чтобы склонить их в пользу пацифистских акций.

УСЛОВИЯ:

1. На свою газету он просит 500 франков в день и первого взноса на ее издания в размере 25 000 франков, необходимых либо для перекупки «Либертера», которую он был вынужден оставить и которая сразу же прекратила свой выход не столько из-за цензуры, сколько из-за нехватки капиталов, либо для учреждения другой газеты с новым названием.

2. Что же касается конференций, то он думает, что каждая из них обойдется в 500 франков с учетом всех расходов и что он сможет найти докладчиков.

3. Для издания листовок и брошюр необходимо предусмотреть создание подпольной типографии. М. не знает, как ее найти, и спрашивает, нельзя ли ее отправить из Швейцарии во Францию. Однако ее пересылке не следует содействовать, поскольку это весьма опасно, поэтому высказывает пожелание, чтобы эти документы направлялись ему в Париж в такое место, где он мог бы их забрать. Может быть, я смогу взяться за эту задачу.

4. Он считает, что с приходом зимы пришел момент для того, чтобы провести большую пропагандистскую кампанию в профсоюзах, но для этого необходимы крупные средства, и г-н М. не видит способа потратить их, не привлекая внимания к себе; поэтому ему необходимо прикрытие, которое позволило бы ему широко тратить средства.

Таковых он видит два: первое средство — это создать во Франции благотворительную организацию для нуждающихся пролетариев. Эта организация была бы своего рода Красным Крестом и носила бы название «Организация помощи невоюющим». Она получала бы поддержку от различных союзных организаций Красного Креста и нейтральных. Она потребовала бы от правитель-

Павлик Игнатъев

*П.А. Игнатъев —
гимназист*

П.А. Игнатъев (в центре). Студент Петербургского университета

*П.А. Игнатъев на каникулах в родовом имении Чертолино
Тверской губернии. 1893 г.*

Великий князь Александр Александрович (будущий император Александр III) с Софьей Сергеевной Мещерской, матерью братьев Игнатьевых

С.Д. Сазонов, министр иностранных дел России

Маршал Франции Ф. Фош

Бюст Ж. Клемансо, премьер-министра Франции

Маршал Франции Ж. Жоффри

Фельдмаршал П. Гинденбург

Генерал Э. Людендорф

Вильгельм II принимает парад. Берлин

*Британский разведчик капитан Бойд
(слева) и фон Папен*

В.А. Маклаков

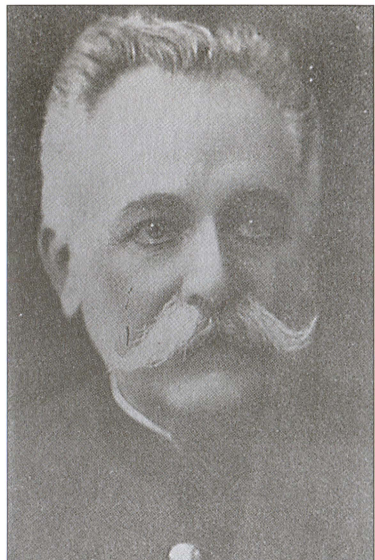
У. Черчилль

А. Ф. Петен, маршал Франции

Ж.-С. Генерал Галлиени

Генерал М.-П. Сарраиль

Генерал О.-И.-Э. Дюбайль

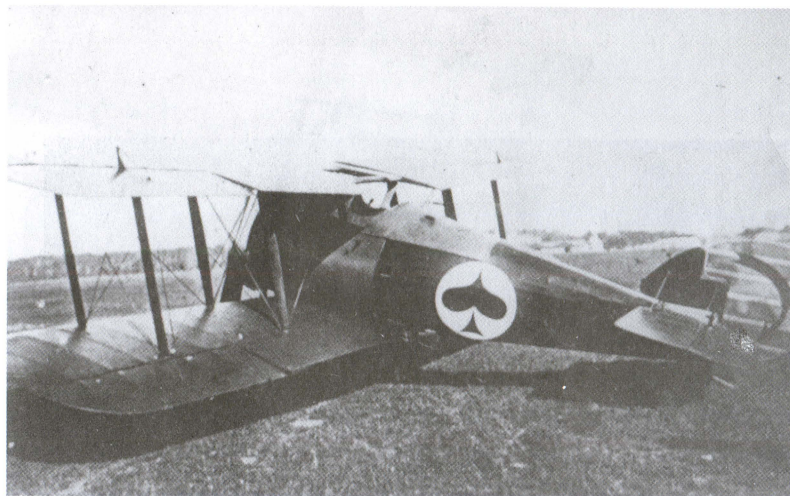
Ш.-М.-Э. Генерал Манжен

*Верховный
главнокомандующий
итальянской армией
генерал Р. Кадорна*

А.И. Гучков

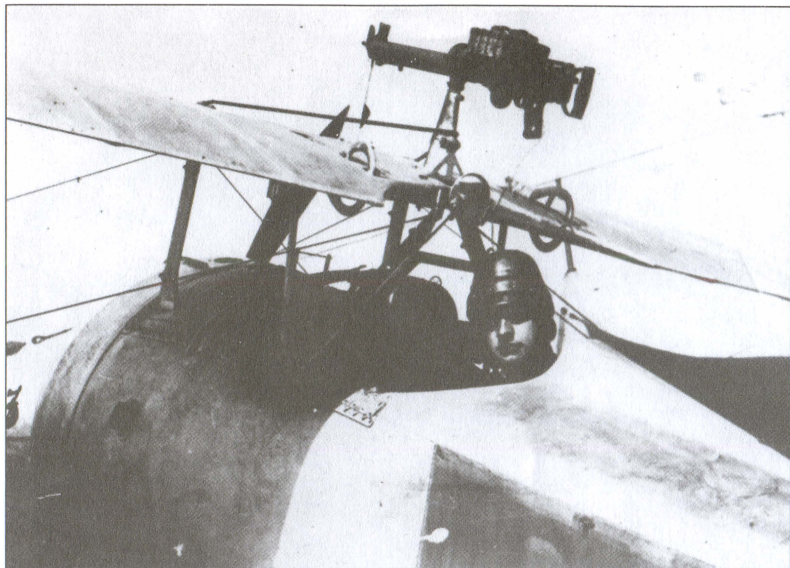
Западный фронт. Французский истребитель

Западный фронт. Французская пехота идет в атаку

Пленные французы в Германии

Западный фронт. Перед вылетом

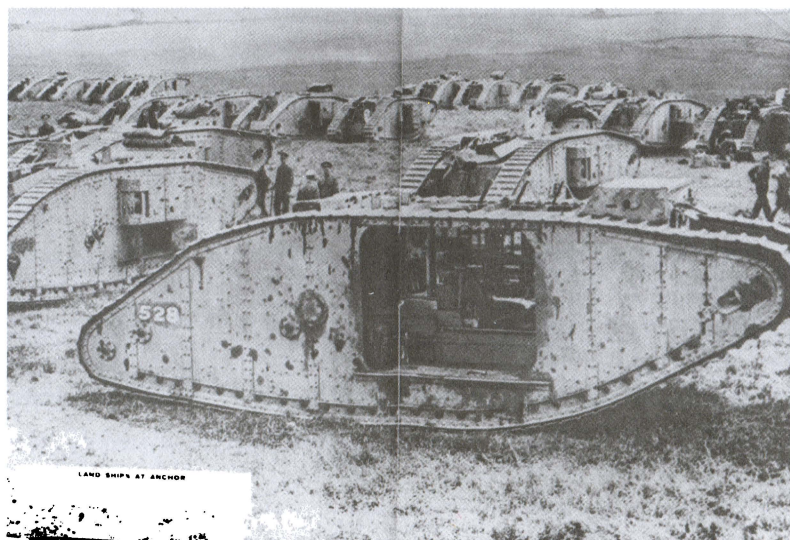
*Ефрейтор А. Шикельгрубер
(Гитлер)*

*Германцы в оккупированном
Брюсселе*

Западный фронт. Германские пулеметчики

LAND SHIPS AT ANCHOR

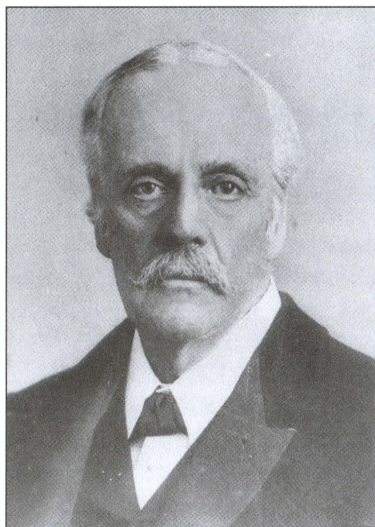
Западный фронт. Английские танки на исходных позициях

*Западный фронт. Полковой штандарт
Французского иностранного легиона*

*Архитектор победы,
маршал. Ф. Фош*

*А.-Д. Бальфур, первый лорд
Британского адмиралтейства*

Испытание танка «Рено»

*Захваченные германской пехотой
французские окопы под Верденом*

П. Н. Миллюков

ства предоставить ей доходы и разрешить установить дни сбора средств. В таком случае происхождение средств было бы вполне естественным. Г-н М., который в таком случае был бы избран не в качестве Директора, но в качестве распределителя средств, мог бы благодаря своим связям в анархистских и профсоюзных кругах располагать средствами пропаганды, которые он внешне использовал бы на благотворительные цели, а на самом деле — на пропаганду мира.

Вторым способом было бы создание в народном квартале Парижа рабочего кооператива. Он бы позволил сначала создать довольно крупный фонд, которым мы могли бы располагать для ведения пацифистской пропаганды, не привлекая особого внимания. Более того, эта организация позволила бы войти в прямой контакт с семьями, особенно с женами рабочих, с которыми мы бы стали говорить о мире, когда они приходили бы за покупками в кооператив; их бы обслуживали, давали бы товары и деньги в долг и т.п. ...

Если бы удался этот первый опыт, то можно было бы создать и другие кооперативы в Париже, а также в крупных индустриальных городах в провинции — в Сент-Этьене, Лионе и т.д.

Таким образом, создание благотворительных и кооперативных организаций было бы прекрасным прикрытием для г-на М. и одновременно средством, удобным для того, чтобы установить контакты в рабочих кругах, не привлекая внимания полиции.

Средства будут передаваться через меня по мере возникновения потребности в них. Их точное происхождение не будет известным. Он считает, что для того, чтобы создать ту или иную вышеуказанную организацию, необходим первый взнос в размере 200 000 франков. Хотя он и очень честен, я буду передавать ему деньги по мере возникновения у него потребностей, которые я сам буду проверять.

ТЕАТРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО. ТЕАТРЫ. ПРОПАГАНДА. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ.

Ж.

1. Новый факт. Ж. только что провалился, отсюда — трудности с паспортом.

Становится необходимым создать ЦЕЛЬ поездки, которая гарантировала бы свободу моих въездов и выездов.

2. Ф. находится здесь, и я привез его с большими трудностями. Я заметил у него значительные колебания, не потому, что он не решился предпринять все усилия для мира, но потому, что недавно возникли инциденты с газетой «Боне руж» («Красный колпак» — головной убор французских революционеров в 1779 году. — *Авт.*), а возможное его привлечение к ответственности произвело на него серьезное впечатление.

С другой стороны, Ф. не забывает этого; он воевал и был ранен, и я должен действовать ловко с тем, чтобы не задеть его чувства, объясняя определенную ситуацию.

Но я убежден, что приведу его туда, куда надо, однако нужно действовать осторожно и осмотрительно и хорошо знать его темперамент и реакцию, которые я хочу получить от него.

Во всяком случае, в принципе Ф. никогда не должен быть в курсе ответов на разведывательные вопросы, которые мы хотим получить от Агентства или от Театров, которые мы хотим создать. Эго роль должна ограничиваться созданием одного или нескольких театров, организацией в них постановок или таких спектаклей, которые мы сочтем полезными и посредством которых мы поможем делу распространения идеи заключения необходимого, немедленного и благотворного мира и подготовим благоприятное движение в пользу сближения Франции с Центральными империями после войны.

Учитывая настроения г-на Ф. и известные мне его симпатии к Австро-Венгрии, которые он не скрывает и на которую он все время работал и заработал много денег («Рудольф Бергер» «Клодина», «Свободная любовь», «Вавилонские оргии» и т.д. и т.п.), я предлагаю, чтобы Вы представились ему австрийцем, который особенно сильно жаждет мира. Он сочтет подобное настроение вполне естественным и гораздо легче предастся этому делу.

Поездка Ф. в Швейцарию не должна и не может вызвать у него опасений за свою безопасность, что, впрочем, легко объяснимо, поэтому необходимо немедленно и окончательно уладить это дело с ним.

Учитывая, что отзыв недавнего дела Д. во Франции, который глупо попался с этим чеком, а также тот факт, что персона г-на Ф. является абсолютно необходимой, я должен предупредить Вас, что последний мне ясно заявил, что не позволит использовать свою персону в афере подобного рода, поскольку его главным

условием является то, чтобы после него не оставалось никаких следов, никаких чеков, никакого акционерного общества. Он желает всего лишь:

1. Иметь свое торговое дело, имеющее только одно прикрытие, согласно программе, которую мы окончательно разработаем с ним.

2. Чтобы у него был только один ревизор, что является естественным, и он намерен в дальнейшем получить полную независимость (этот ревизор должен быть, разумеется, безупречным нейтралом).

Что касается меня, я хорошенько подумал над ролью, которая будет мне принадлежать в этом деле, и в котором я не должен проявляться. Мои недавние поездки в Швейцарию могли бы, если они вызвали бы подозрения, нанести ущерб пропаганде, и я хочу сохранить полную независимость таким образом, чтобы добыть все необходимые мне сведения, не вызывая к себе недоверия из-за моего официального и, следовательно, слишком заметного положения.

Наконец, я считаю, что моя роль не должна ограничиваться делами Театра или Агентств и что я могу с вашей помощью организовать и другие дела, полезные для пропаганды, при условии — я повторяю, — что я никогда не буду вступать в официальное руководство ими.

Четко оговоренный доход г-на Ф. за услуги, которые он нам окажет, будет заключаться в средствах, которые мы ему предоставим на учреждение одного или нескольких театров, которые впоследствии станут его частной собственностью, но, разумеется, они останутся навсегда заведениями, благоприятными для пропаганды и сближения центральных стран с Францией, и движением реакции, которое должно будет быть создано во Франции после войны в пользу этих стран.

Должен Вам сказать, впрочем, что у г-на Ф. все время проявляется одна главная идея: возрождение его кабаре «Мулен руж», которому он отдал всю свою жизнь и которое в конечном итоге является его единственным капиталом и его единственной гордостью. Я думаю, что мы будем иметь большое влияние на него, если поможем ему восстановить это заведение.

Заметьте, впрочем, что с возможным возобновлением представлений этого Театра Вы получите прекрасный трамплин в по-

слевоенное время, и, я повторяю, что хотя он и является абсолютно надежным, пацифистом и австрофилом, это заведение станет абсолютно надежным средством для того, чтобы «удержать» его, если мы дадим ему какие-либо надежды в этом смысле.

Ф.

Настроение Ф. является сдержанным, беспокойным и скорее холодным и первоначально нерешительным в положении, в котором он находился, однако оно легко изменяется в том, что касается вопросов пропаганды мира и англофобии.

Он охотно и в деталях говорит о своем «коньке» — Венском музыкальном театре, и его желанием является найти композитора, который заменил бы ему Рудольфа Бергера, с которым они имели такой большой успех и заработали так много денег..

Он полностью «распоясывается», когда ему дают понять о возможном возрождении кабаре «Мулен Руж».

Он объясняет необходимость иметь два театра: один — шикарный, который будет посещать элитная публика — политические мужи, заводчики, банкиры и т.д., другой — народный театр, где будет оказываться влияние на толпу.

Он объяснил идею утренников и их воздействия на рабочие массы в течение дня.

Мариньи и Апполо являются первостепенными прототипами одного и другого театров.

Руше использовал драматический театр для того, чтобы попасть в «Оперу», Фарбе был в нем артистическим директором в последнем сезоне и был расположен к тому, чтобы позволить его завоевать.

Что же касается театров «Мариньи» или «Апполо», то их также возможно приобрести ¹⁶.

Приведенные выше документы свидетельствуют о том, что среди определенных кругов французского общества пораженческие настроения были налицо. Об этом в своем дневнике писал и президент республики, отмечая, что, по информации с мест, «некоторые мелкие газеты ведут пацифистскую кампанию, которая уже проникла в кулуары Палаты». В июне 1916 года в Палате депутатов обсуждался вопрос «Об учителях департамента Устье Роны, которые ведут пацифистскую пропаганду». Целый ряд га-

зет, таких как «Бонне Руж», «Л'Ёр», «Журналь», «Эклер» и «Эвр» активно агитировали в пользу всеобщего мира.

И германская разведка не зря активизировала свою деятельность по разложению французского тыла, стремясь целенаправленно воздействовать на общественное мнение противника через свих агентов влияния (вот уж поистине: ничто не ново под луной!) и прямых предателей. Так, немцы сумели подкупить издателя и редакторов газеты «Журналь» (тираж — 800 тысяч экземпляров) и «Бонне Руж». О том, что французские спецслужбы активно противодействовали подрывным планам германской разведки путем организации подставы им своего агента как раз и свидетельствует документ, приведенный выше.

Помимо тайных акций французской контрразведки, лидер парламентской оппозиции, председатель сенатской комиссии по делам армии и иностранным делам, будущий премьер-министр страны Жорж Клемансо по прозвищу Тигр развернул в Палате депутатов и во французской печати самую настоящую «охоту на ведьм», обвиняя в пораженческих настроениях не только своих политических оппонентов, но всех и вся. Ж. Клемансо, по словам советского историка Д.П. Прицкера, получил прозвище Тигр за его «хищность, злость, беспощадность и вместе с тем за силу и смелость»¹⁷. Особым нападкам Тигра подвергся министр внутренних дел Луи-Жан Мальви за то, что возражал против ареста лиц из так называемого списка «Б», который был составлен тогдашней французской контрразведкой — Сюрте женераль (Службой общей безопасности) еще до войны.

В списке оказалось 3 тысячи человек: социалисты, лидеры профсоюзов и т.п. Все они, «герои II Интернационала, дружно голосовавшие в августе 1914 года за военные кредиты, в годы войны сидели тихо и даже входили в правительство. Когда же в ноябре 1917 года Ж. Клемансо, напуганный Октябрьской революцией в России, стал премьер-министром Франции, он первым делом добился передачи дела Л.-Ж. Мальви в суд. Участь бывшего министра внутренних дел была заранее решена. Хотя обвинения в измене и пораженчестве не были доказаны, все равно «беспристрастный» французский суд приговорил его к пяти годам ссылки.

Другим объектом травли со стороны Тигра стал его предшественник на посту премьер-министра страны Жозеф Кайо, вы-

ступавший перед войной за союз с Германией, а не за конфронтацию с ней. Не избежал этой участи и будущий премьер Аристид Бриан. Но хуже всего пришлось все же Кайо. С приходом Тигра к власти он был лишен парламентской неприкосновенности, а через некоторое время очутился в тюрьме, которая как бы в издевку носила название «Санте» («Здоровье»).

Бывшему премьеру не повезло: французская разведка узнала, что в конце 1915 года он поместил в одном итальянском банке на имя своей жены ряд документов и кое-какие материальные ценности. Сейф, в котором все это хранилось, был вскрыт итальянцами по просьбе Ж. Клемансо. К несчастью для Кайо, там же находилась его рукопись под названием «Рубикон». В ней излагалась политическая программа, которой он будет следовать в случае назначения на пост главы французского правительства. Главными пунктами программы были переговоры о мире и предание суду виновников войны. Началось расследование. 27 месяцев Кайо провел в тюрьме, однако в конце концов сенат приговорил его только к трем годам тюрьмы, которые он почти уже отбыл.

Но были и действительные предатели и изменники. Так, «Сюрте женераль» стало известно, что редакция газеты «Бонне руж» получала серьезные суммы от немцев на пораженческую пропаганду. Правда, редактор этой газеты Виго, писавший под псевдонимом Альмерейда, имел дело и с французской разведкой. В редакции газеты был произведен обыск. Агенты «Сюрте», к своему удовольствию, нашли там копии секретных военных документов. Альмерейда был арестован как германский шпион и через две недели умер в тюрьме, якобы от перитонита. Кто-то явно прятал концы в воду. Был арестован и сотрудник газеты Дюваль, уличенный в получении чека на сумму 158 тысяч франков от одного банкира в Швейцарии.

Был также арестован и некий Боло-паша, доверенное лицо бывшего египетского хедива и одновременно — один из акционеров упомянутой газеты. Боло-паша был предан суду, на котором выяснилось, что деньги в сумме 6 миллионов франков на ее приобретение он получил от немецкой разведки. Следует отметить, что все эти факты были доказаны в суде. Они не носили характера инсинуаций правящей партии против своих политических противников, как это имело место в России в июльские дни 1917 года,

когда лидера большевиков В.И. Ульянова (Ленина) Временное правительство обвинило в шпионаже в пользу Германии.

Впрочем, министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского можно понять: ему ведь было нужно дискредитировать любым путем своего самого серьезного оппонента, а для этого все средства хороши. Тем более что еще до него метод клеветы и инсинуаций русская буржуазия великолепно освоила. Борясь с изменой на фронте, французы действовали методом кнута и пряника. И все же, несмотря на репрессии в войсках, вплоть до расстрелов, положение их армии в предвидении новых германских ударов продолжало оставаться весьма непростым.

Да и в Русской армии, несшей на себе всю тяжесть вооруженной борьбы с Германией, положение было не лучше. Одних только дезертиров из ее рядов к этому времени насчитывалось свыше миллиона, а наиболее известные отказы идти в наступление на фронте были как раз в то время, когда П.А. Игнатьев беседовал с императором накануне своей второй поездки в Париж. Так, в ноябре 1916 года во время проведения частной Митавской операции на Северном фронте солдаты наиболее дисциплинированного 6-го Сибирского корпуса решительно отказались идти в наступление. В их памяти сохранились воспоминания о неудачной попытке наступления Русской армии под Ригой весной того же года. Предоставим слово уже цитировавшемуся нами полковнику А. Носкову:

«События под Верденом все еще свежи в памяти Союзников. Ожесточенные атаки на различных участках их фронта, предпринимавшиеся с начала февраля, свидетельствовали о том, что немцы подготавливают здесь нечто очень серьезное. 21 февраля 1916 года кронпринц раскрыл свои планы, начав наступление на Верден. Ожесточенный огонь германской артиллерии, первые волны солдат, бросившихся в наступление, показывали, насколько решительными были намерения противника. Все это не могло не вызывать самых серьезных опасений. Эти опасения стали еще более обоснованными вследствие первых неудач союзников и их первых ошибок.

В этих условиях Союзники, предприняв собственные усилия, одновременно обратились к России. Военные представители союзников при Ставке по настоянию своего командования, а также

по собственной инициативе потребовали наступления на русском фронте. Это наступление, за неимением других целей, могло по крайней мере помешать переброске германских войск с этого фронта на Западный.

Что касается России, то момент был весьма неблагоприятным для наступления. На его Северном и Западном фронтах лежал плотный снежный покров. Предпринять там крупные наступательные операции было невозможно, и поэтому там не велась никакая подготовка к ним. На Юго-Западном фронте зима начала потихоньку отступать, что только ухудшало обстановку, поскольку все пути на нем становились непроезжими.

Кроме того, немцы хорошо знали, что русские армии, которые во время отступления потеряли громадное количество боеприпасов, не могут предпринять крупные операции с решительными целями. Поэтому в начале Верденской операции обстановка на русском фронте отнюдь не благоприятствовала наступлению, поскольку он располагал недостаточным числом солдат, чтобы сорвать планы германцев. Противник прекрасно понимал, что любое русское предприятие может иметь только чисто локальный характер, которое никогда не выльется в решительную операцию.

Но угроза для Союзников была весьма велика. Сражение за Верден, а также донесения их разведывательных служб со всего фронта позволили достаточно четко установить исключительное значение, которое немцы придавали новой операции. Концентрация германских войск в полосе наступления, ожесточенные атаки его компактных масс подтверждали показания военнопленных и данные разведывательных служб.

Представители союзных армий в Ставке неустанно настаивали на необходимости скорейшего наступления русских войск. Генерал Алексеев, учитывая все вышеизложенное, хорошо понимал, что ни одна из частей русского фронта не в состоянии предпринять серьезное наступление, способное оказать эффективную поддержку усилиям Союзников.

Понятно, что этот вопрос эфемерной помощи почти полностью зависел от Алексеева, но нельзя сбрасывать со счетов, что та или иная позиция царя по этому вопросу могла также оказать на него свое влияние.

Большой интерес, который царь проявлял к развитию операции под Верденом, мало что говорил о глубине его чувств к союз-

никам. Будучи военным, царь не мог игнорировать техническую сторону операции; однако следует констатировать, что в подобных обстоятельствах интерес царя к самой операции во многом превосходил вопрос о том, что думал царь об оказании немедленной помощи союзникам.

В этот период оценок и сомнений Алексеев часто навещал генерала Борисова либо для того, чтобы обсудить стратегические планы, либо чтобы просто узнать его мысли.

Во время одного из таких визитов (середина марта 1916 года) они обсудили вопрос о том, какое наиболее удачное направление следует придать одной демонстрации. В тот же вечер в разговоре с генерал-квартирмейстером подчеркнув, что подобные предприятия являются сомнительными, он добавил:

— Император, однако, считает, что необходимо оказать помощь Союзникам.

В конце марта месяца более или менее серьезные демонстративные мероприятия были предприняты на многих участках широкого фронта от Риги до Барановичей. Одна из наиболее крупных операций была предпринята на правом крыле Западного фронта, где значительные силы атаковали германские позиции в районе озера Нарочь (к востоку от Вильно).

Направление удара полностью соответствовало идее и цели демонстративной операции. В случае успеха наступающая группировка выходила во фланг и тыл германского фронта по реке Западная Двина. Развитие наступления на Ковно ставило германцев в трудное положение, вынуждая их отступить на фронте вдоль Западной Двины и под Ригой, которую они считали столь важным удерживать.

Все действительно тяжелые детали этого предприятия все еще свежи в моей памяти... В начале операции (конец марта) сильно подморозило. После короткой артиллерийской подготовки русские войска устремились вперед. Встреченные внезапно плотным огнем, но не понеся значительных потерь, они тем не менее сошлись с противником и прорвали его фронт... Именно в этот момент вдруг наступила оттепель, превратившая этот край в громадное болото: ни клочка сухой земли, чтобы обсушиться; никакой возможности подвезти боеприпасы и выдвинуть вперед артиллерию. Неважно! Промокшие до костей, лишенные в течение двух суток горячей пищи, русские войска до

конца исполнили свой долг. Германцы, пришедшие в себя после первоначального замешательства, сумели перебросить подкрепления, а их артиллерия нанесла крупные потери наступающим. Скольких раненых, в том числе легко, не смогли мы вывезти с поля боя!

Спустя два или три дня после оттепели вдруг ударил мороз. Снова подул сильный ледяной ветер. Многие раненые из-за отсутствия транспорта погибли от холода. Пока еще здоровые солдаты из последних сил держали винтовки в оконевших руках... Ни о каком наступлении не приходилось и думать. Оставалось только восхищаться отвагой и терпением этих несчастных!

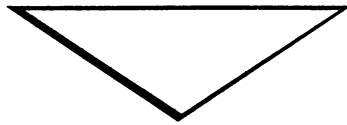
Результат этого наступления оказался неопределенным, если не сказать ничтожным. Германцы тем не менее были вынуждены усилить этот фронт несколькими дивизиями, переброшенными из Франции в самые критические дни Вердена. Наши потери были очень большими и достигали 250 тысяч человек.

Таковы были кровь и страдания русского народа, которыми он заплатил за общую победу Союзников. Эти жертвы были принесены по личному настоянию императора Николая II».

Таким образом, Ставке было понятно, что еще не факт, будто весной 1917 года вся Русская армия станет дружно наступать, даже если этого потребует царь: неудача под Ригой окончательно скомпрометировала русского монарха в глазах армии. Впрочем, революция не стала ждать, пока все союзники подготовят свои армии к одновременному наступлению на всех фронтах и решительно покончат с противником. Она рванула неожиданно для всех, хотя ее ожидали все слои русского общества и представители союзников. Даже близкие родственники царя настаивали на изменении политического курса, чтобы избежать ее пришествия. Был убит Г. Распутин. Эта новость вызвала ликование в обществе и придворных сферах, но ничего уже не помогло. Последний царь из династии Романовых был упрям и продолжал гнуть откровенно реакционный внутриполитический курс. Делить власть с русской буржуазией он не хотел ни под каким видом. Революция все равно свершилась в феврале — марте 1917 года, и за восемь дней 300-летняя династия Романовых была сметена русским народом. Драма русской монархии, начавшаяся в Угличе убийством сына Ивана Грозного — царевича Дмитрия, продолжилась в революци-

онном Петрограде, чтобы закончиться расстрелом всей царской семьи в доме Ипатьева в Екатеринбурге в июле 1918 года.

Все это будет потом, а пока что новоиспеченный полковник Павел Игнатьев выполняет разведывательные задания Ставки в Европе.

Глава десятая

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАВЛА ИГНАТЬЕВА В ЕВРОПЕ

Когда в конце 1916 года Павел Игнатъев, досрочно произведенный императором Николаем II в полковники, был во второй раз направлен в Париж в качестве руководителя русской военной разведки в Европе, в его распоряжении имелось восемь разведывательных организаций. Часть из них перешла от других разведывательных органов, в частности, штабов Западного и Юго-Западного фронтов, другая часть была создана им самостоятельно.

В начале 1917 года русский Генеральный штаб так определял задачи стратегической разведки:

«1. В современных условиях подготовка и ведение войны требуют от каждого государства точного и внимательного изучения всех сил своего противника. Изучение это не ограничивается областью одной и только одной военной деятельности враждебной страны, но направляется также на экономическую и политическую ее жизнь, изучается также как внутренняя, так и внешняя политика данного государства.

2. Опыт показал, что очень интенсивная агентурная деятельность осуществляется также в нейтральных странах. С одной стороны, они служат как бы посредниками между враждебными государствами, а с другой — в них сплошь и рядом исполняются громадные заказы, непосредственно связанные с обороной изучаемого государства. И то, и другое обстоятельство дают обильный материал для работы агентов.

3. Агенты должны интересоваться всем, что государство считает нужным держать в секрете. С этой точки зрения они должны проявлять особый интерес, во-первых, к степени совершенства

вооруженных сил противника, а равно и его военно-материальных и военно-технических средств, и, во-вторых, к отношениям изучаемой страны с другими государствами.

Разумеется, для решения столь ответственных задач нужно иметь не менее обширный и хорошо подготовленный агентурный аппарат, способный решать их квалифицированно и в кратчайшие сроки».

Возглавив русское отделение Межсоюзнического, или как в ту пору говорилось Междусоюзнического, бюро, полковник П. Игнатъев по-прежнему оставался непосредственным руководителем зарубежной агентурной разведки Юго-Западного фронта, выполняя одновременно по совместительству функции начальника зарубежной разведки Ставки. Командование Северного фронта вело стратегическую разведку в Европе самостоятельно, а руководство Главного управления Генерального штаба (ГУГШ ГШ) также не передавало ему в подчинение свою агентурную сеть в Европе и не давало П. Игнатъеву никаких заданий. Агентурой Западного фронта П. Игнатъев руководил через прикомандированного к нему офицера штаба этого фронта, в то время как разведывательными организациями Ставки и Юго-Западного фронта он руководил непосредственно. Это, конечно, сказывалось на эффективности всей агентурной работы русской стратегической разведки в годы Первой мировой войны.

Для организации разведывательной работы в Европе Павел Алексеевич запросил первоначально у Ставки ассигнования в сумме 12 тысяч рублей, а также на отправку зашифрованных телеграмм по международному телеграфу в размере одной тысячи рублей в месяц, и, кроме того, десять тысяч рублей на организацию диверсий на военных заводах в Австрии.

Ставка приняла эти предложения П. Игнатъева, однако перевела эти деньги не ему, а начальнику ее Военной миссии при французском Главнокомандовании генералу Ф.Ф. Палицыну: в Могилеве опасались, что эти деньги, пересылаемые в Париж через нейтральные страны, до Павла Алексеевича Игнатъева, чье имя, несомненно, известно вражеской контрразведке, могут не дойти.

Помимо того, что в 1915—1916 годах П. Игнатъев руководил разведкой Юго-Западного фронта, ему на сей раз было поручено руководить и разведкой Западного фронта в Европе. В конце

1916 года ему на помощь в Париж был направлен поручик Быховец, который должен был возглавить все агентурные организации Западного фронта в нейтральных странах «под непосредственным руководством» полковника П. Игнатьева. До этого А. Быховец, являвшийся до войны присяжным поверенным, руководил агентурной работой непосредственно на Западном фронте и имел некоторое отношение к зарубежной агентуре.

Из характеристики, данной ему штабом фронта, следует, что «поручик Быховец: “Несколько ленив, но может работать хорошо. По профессии присяжный поверенный. По свойствам характера — ловкий, пытливый, быстро сходится с людьми... Воспитанный человек, с начальством дисциплинирован. Несколько хвастлив и болтлив; ...хотя болтливость его безобидная. Происходит из дворянской польской семьи, помещик Гродненской губернии, жена проживает в России”»¹.

А. Быховцу положили 800 рублей ежемесячного жалованья, 1200 рублей на путевые расходы. В случае успешной работы его ждало повышение жалованья до одной тысячи рублей в месяц. Кроме того, его офицерское жалованье полностью выплачивалось жене, оставшейся в России. Все расходы по работе с агентурой ему возмещались при предоставлении оправдательных документов и железнодорожных билетов.

Однако, прибыв в Париж в подчинение к Павлу Игнатьеву, Быховец не оправдал возложенных на него надежд, поскольку его агентурная работа не дала никаких результатов. Более того, он как-то устроил в Париже публичный скандал. В середине августа 1917 года он на офицерской пирушке назвал Михаила Брейтмана «германским агентом». Петр Елисеев, управляющим которого в прошлом являлся Брейтман, подал рапорт на имя полковника В.В. Кривенко, требуя от А. Быховца публичных извинений. Поскольку П. Елисеев являлся секретарем полковника Ознобишина, сдавшего дела по разведке П. Игнатьеву, проигнорировать его рапорт генерал М. Занкевич, которому он был доложен, не смел и наложил на него следующую резолюцию:

«Считаю дальнейшее пребывание в разведывательном отделении вредным. Предлагаю откомандировать его в Петроград. Со своей стороны имел неоднократно сведения о чрезмерной болтливости поручика Быховца. Вчера узнал о сделанной им попыт-

ке получить копии некоторых документов через писаря из моей канцелярии. На основании вышеизложенного ходатайствую о немедленном откомандировании поручика Быховца в Петроград, ибо его пребывание во Франции считаю недопустимым, никакого ущерба разведке от его откомандирования не будет»².

Петр Елисеев, сын богатого купца, торговца нефтепродуктами в России, был близко связан с братьями Игнатьевыми. В Париж прибыл в июне 1914 года. Являлся секретарем заместителя начальника русской миссии полковника Ознобишина и внештатным секретарем посольства России. С началом войны поступил добровольцем на военную службу и был придан посольству России в качестве автомобилиста. Неоднократно выезжал в Швейцарию для выполнения разведывательных заданий П. Игнатьева. О нем мы еще расскажем в главе, посвященной связям и агентуре П. Игнатьева.

А пока отметим, что семья Елисеевых благодаря А. Быховцу постоянно находилась в поле зрения французской контрразведки, даже после окончания войны. В архивах 2-го бюро сохранился любопытный документ на этот счет:

Париж, 20 сентября 1920 г.

Елисеев, Николай, 30 лет, родился в Петрограде, является двоюродным братом по отцу Петра Елисева, родившегося 22 июля 1884 года в Петрограде, высланного из Франции постановлением от 20 сентября 1918 года.

В 1914 году он якобы женился на немке и имеет от нее троих детей.

Николай Елисеев никогда не был во Франции. Проживал в Берлине, где его тесть владеет крупными нефтеперерабатывающими заводами.

Его родители, отношения с которыми он якобы прервал сразу после женитьбы, в январе с.г. прибыли из Лондона и проживают по адресу: Нёйи-на-Сене, ул. Шово, 65, где они занимают частный особняк, приобретенный ими еще в 1900 году.

В настоящее время они проводят летний отпуск в сельской местности под Руаном.

Его отец Григорий Елисеев, примерно 60 лет, был якобы директором самого крупного магазина колониальных товаров в Петрограде.

Николай Елисеев имеет якобы четырех братьев и одну сестру; все они родились в Петрограде:

Григорий Этьенн, 40 лет, женат, проживает в России;

Сергей, 38 лет, женат, детей не имеет, обосновался на Востоке;

Александр, 36 лет, женат, офицер армии генерала Врангеля;

Петр, 24 лет, женат, имеет одного ребенка, в настоящее время находится в Лондоне;

Маруся, 21 год, вдова недавно убитого офицера генерала Врангеля.

Сведения, собранные в Нёйи-на-Сене о семье Елисеева, характеризуют его с положительной стороны.

Никто из членов этой семьи не проходит по учетам Службы контроля за иностранцами, удостоверений личности и паспортов³.

После рапорта Занкевича П. Игнатьев 2 сентября 1917 года направил в Огенквар телеграмму с изложением проступка А. Быховца. В результате командование Западного фронта предписало Быховцу возвратиться в Россию, где его могли отправить на фронт. Однако беззаботная жизнь в Париже явно пришлась по душе «дворянину Гродненской губернии», и некоторое время ему удавалось симулировать болезнь. Когда это не помогло, Быховец обратился с ходатайством к французским властям о зачислении в формируемые ими польские легионы. Позднее было установлено, что А. Быховец, являясь близким помощником Павла Игнатьева, одновременно был агентом 2-го бюро. Этим, вероятно, объясняются его попытки получить какие-то русские документы через писаря генерала Занкевича. После своего отстранения от разведывательной работы А. Быховец в конце 1917 — начале 1918 года предложил французской контрразведке свои услуги по наблюдению за братьями Игнатьевыми. Возможно, что сведения и на П. Елисеева французская контрразведка получила в том числе и от него. За что Петр Елисеев был выслан из Франции, мы не знаем. Не исключено, что А. Быховец отомстил ему за рапорт на имя генерала Занкевича и сообщил французской контрразведке, что Елисеев якобы работает на германскую разведку. Правда, это только наши предположения.

О дальнейших похождениях А. Быховца мы расскажем более подробно в другой главе.

В своем первом докладе генерал-квартирмейстеру Ставки Павел Алексеевич предложил ему ряд заманчивых комбинаций.

Он указывал, что Ватикан хорошо осведомлен о делах Австрии и католической части Германии. П. Игнатъев нашел в Париже одного русского офицера в отставке, принявшего католичество и ранее имевшего тесные связи с кардиналом Рамполло. Он направил этого бывшего офицера в Испанию с заданием войти в католические круги этой страны. Комбинация была успешной, и отставной офицер сумел создать три вербовочных центра для набора агентов. Кроме того, ему удалось как будто сговориться с испанским офицером, посылаемым королем Альфонсом XIII для наведения справок о военнопленных в Германии, о его работе на русскую военную разведку. Эта организация получила название «Католической» (она же — «Испанская»). На ее содержание до конца 1917 года П. Игнатъев запросил 7 тысяч рублей.

Поясним читателю, что в Испании активно работала германская разведка, создавшая в этой стране ряд резидентур. Помимо «обычной» разведывательной работы против Англии и Франции, германская разведка вела активную работу по разложению армии и тыла этих стран, особенно Франции. В некоторых испанских портах немцы устроили тайные базы для своих подводных лодок. В этой деятельности они получали сильную поддержку со стороны короля Альфонса XIII и особенно испанской королевы, которые симпатизировали Берлину. Когда германские подводные лодки пускали ко дну испанские пароходы со всем их личным составом, испанская пресса не имела права даже упоминать об этом. Но когда Англия не смогла из-за нехватки судов закупить в Испании обычное количество цитрусовых, во всех испанских газетах были опубликованы статьи под заголовком «Как Англия хочет вызвать голод на нашем побережье».

В течение почти всей войны германские субмарины на глазах испанских моряков запасались всем необходимым в испанских портах. Германский барон Роланд открыто занимался в Барселоне их снабжением горючим. Полицейский комиссар города Браво-Портильо официально предупреждал барона о времени выхода судов Антанты из порта Барселоны, которые вслед за этим топились германскими военными кораблями и подводными лодками.

Как вспоминал уже после войны австрийский министр иностранных дел граф Чернин, «Мадрид всегда давал очень верную информацию странам “Четверного союза”». Через испанских офицеров, посещавших Англию и Францию, немцы получали

информацию о внутривластической обстановке в этих странах, расстройстве городского хозяйства, деморализации населения в связи с тяготами войны и т.п. Такие антибританские настроения были свойственны не только королевской семье, но и многим в Испании еще со времен «Великой Армады», когда в XVII веке борьба между Англией и Испанией за владычество на морях закончилась не в пользу Мадрида. Впрочем, внешняя политика Лондона никогда не отличалась высокой моралью и нравственностью, даже и в наше время, и поэтому испанцев, оскорбленных в своих национальных чувствах, можно понять.

Павлу Игнатьеву также пришлось принять участие в борьбе с германскими спецслужбами в Испании, о чем мы уже рассказали в главе этого документального повествования, посвященной Ж. Ладу. Что же касается работы «Испанской» организации, то она в силу понятных читателю причин была мало эффективной. Кроме того, в начале 1917 года в ней было арестовано «одно из важных звеньев» для передачи информации, поэтому организацию следовало реорганизовать. Однако в связи с Октябрьской революцией завершить эту работу П. Игнатьеву так и не удалось.

Как уже упоминалось, командование Юго-Западного фронта запретило П. Игнатьеву использовать свою агентуру, за исключением действительного статского советника Лебедева. Созданную же им самим агентурную сеть в Румынии также было запрещено трогать. Однако еще летом 1916 года полковнику П. Игнатьеву удалось завербовать с его помощью несколько агентов в масонских ложах Швейцарии и Франции, поддерживавших тесные связи с германскими масонами. В докладе генералквартирмейстеру он, правда, оговаривался, что масонская организация сможет дать ценные сведения по Германии только лишь в конце войны. Ее содержание должно было обходиться в пять тысяч рублей в месяц.

Сам Павел Игнатьев так описывает историю создания им масонской организации. Продолжая свою разведывательную миссию в Европе, Павел Игнатьев периодически выезжал в Рим, где русским военным агентом был его близкий родственник барон К.К. Врангель. Здесь он, изучая возможность организации секретной разведывательной службы, познакомился через барона с неким итальянским коммерсантом по имени Франческо. Выяснилось, что итальянец руководит масонской организацией, име-

юшей «своих людей» в том числе в Германии и Австро-Венгрии. Зная о работе организации Франческо на штаб Юго-Западного фронта в начале войны, для работы в интересах Ставки П. Игнатьев предложил создать ряд новых пунктов для отслеживания железнодорожных перевозок в Германии. Расходы на ее содержание составляли сто тысяч итальянских лир в месяц, или 17 тысяч рублей.

Ставка ответила согласием, и П. Игнатьев переговорил с Франческо, который также не возражал продолжить сотрудничество, оговорив, однако, чтобы ни барон Врангель, ни сам Павел Алексеевич не пытались проникнуть в тайны его организации. В качестве вознаграждения он запросил ежемесячную плату в размере 6000 франков для каждого поста наблюдения за переброской германских войск на Восточный фронт и по две тысячи рублей в месяц лично ему. Этой организации удалось создать восемь новых центров для слежения за перевозками на Севере Германии по маршрутам Штутгарт — Котбус — Герлиц и Торн — Лисса — Бонянин.

В течение нескольких месяцев от организации регулярно поступали сведения о переброске германских и австрийских войск. Она проработала свыше одного года, имея в Германии и Австрии свыше 20 наблюдательных постов. Русский Генштаб был доволен получаемыми от этой организации сведениями. Однако в один отнюдь не прекрасный день почта из Берлина прекратила поступать. Выяснилось, что там был задержан агент П. Игнатьева, передан германскими властями австрийцам и расстрелян ими. Несмотря на этот провал, остальные посты наблюдения продолжали исправно работать.

Спустя две недели П. Игнатьев встретился в Монте-Карло с Франческо. Выяснилось, что в его масонской организации был выявлен факт предательства. Итальянец сказал, что центр возглавляемой им масонской организации находится в Цюрихе, куда стекаются телеграммы всех его агентов. Подозрение пало на одного из служащих коммерческой фирмы, служащей в качестве прикрытия для этой организации «вольных каменщиков». За ним было установлено наблюдение, и вскоре было выяснено, что каждый вечер этот служащий посещает кафе. В нем он встречается с каким-то швейцарцем и симпатичной немкой из

Берлина, явно работающей на Фрау Доктор. Им он передает какие-то документы.

Однажды этот служащий был пойман с поличным в момент, когда он переписывал специально подобранные ему ложные адреса агентуры Франческо. На очной ставке он признался в том, что был завербован Фрау Доктор. Судьба предателя была решена. На встрече с П. Игнатьевым Франческо продемонстрировал ему заметку, опубликованную в одной швейцарской газете. Из нее следовало, что на небольшой железнодорожной станции между Цюрихом и Берном был обнаружен труп мужчины примерно сорока лет. При нем не оказалось никаких документов. Излишне говорить, что это был предатель из организации Франческо.

П. Игнатьев сразу по прибытии в Париж развернул активную работу по созданию новых разведывательных организаций. Уже 27 декабря 1916 года он доносил генерал-квартирмейстеру Ставки о создании новой разведывательной организации, получившей в переписке название «Шевалье». Она возникла при следующих обстоятельствах.

В начале этого месяца к Павлу Алексеевичу пришел некто Сватковский, назвавшийся представителем Петроградского телеграфного агентства в Швейцарии. В прошлом он был сотрудником закрытой властями газеты «Русь», а в то время являвшийся негласным агентом Министерства иностранных дел России в Швейцарии и освещал вопросы чешского националистического движения. В этих целях он поддерживал связи с российскими военными агентами в Швейцарии и Италии. Однако в связи с провалом чешской организации в Австро-Венгрии Сватковский прекратил связи с русской военной разведкой.

Видать, ему понравилось получать денежное вознаграждение от двух военных агентов, лишившись которого он решил поправить свои дела за счет П. Игнатьева. Павел Алексеевич присвоил ему псевдоним Шевалье и в качестве контрольного задания дал поручение «выяснить людской запас и состав внутреннего депо в Германии и Австро-Венгрии, а также установить связь с имеющимися в Австрии лицами». Одним из руководителей организации «Шевалье» был некто Нильсен, находившийся во Львове.

«В июне месяце, — докладывал П. Игнатьев в Ставку, — только должны основываться резиденты в Австро-Венгрии, работающие по военной разведке, сведений от них еще не поступало. Осталь-

ные осведомители делают периодические поездки и как активные политики доставляют сведения по политическим вопросам, лишь отчасти касаясь военных вопросов»⁴. Среди таких сведений были данные о «постройке подводных лодок, за которые благодарит французский Морской штаб»⁵. Один из руководителей разведки Ставки наложил резолюцию: «Надо оставить и поддержать, т.к. может быть польза к концу войны»⁶. Однако, несмотря на это, в полной мере организация «Шевалье» развернуть свою работу так и не смогла, хотя на ее содержание ежемесячно выделялось более 10 тысяч франков.

Игнатьеву 2-му Ставкой была поставлена задача создать новые агентурные организации, которые работали бы в ее интересах.

Из доклада Павла Алексеевича в Ставку вытекает, что к июлю 1917 года им было создано 11 организаций, которыми полковник руководил из Парижа: «Гаврилова», «Африканская», «Маноло», «Линде», «Скандинавская», «Мавританская», «Большакова», «Штурмана», «Лермонтова», «Американская» и «Вилла Роде».

Организация «Гаврилова» с июля по март числилась сначала за Юго-Западным фронтом, а затем была передана штабу Западного фронта. Работала она из Голландии по Германии и, как пишет в мемуарах П. Игнатьев, ее возглавляло «некое крупное лицо» (по некоторым данным — бывший начальник разведслужбы Бельгии). Добывала она сведения также и по Австро-Венгрии и была одной из наиболее эффективных. Анализ ее работы показал, что наиболее оптимальным вариантом использования организации «Гаврилова» было бы переподчинить ее непосредственно Ставке ВГК и нацелить исключительно на работу по Германии. Это была одна из наиболее результативных разведывательных организаций П. Игнатьева, добывавшая стратегическую информацию. О ней он упомянул в своих мемуарах, не раскрывая подробностей.

Ближайшим помощником «Гаврилова» был некто Вандерборт, голландский коммерсант, «вполне интеллигентный и очень способный молодой человек, владеющий многими языками». Он в обход эмбарго Антанты снабжал Германию продовольствием, в частности, любимым немцами картофелем и поэтому имел возможность беспрепятственно перемещаться по территории рейха. По заданию штаба Западного фронта Вандерборт установил контакты с двором прогермански настроенного короля Греции Константина, который регулярно получал из Берлина важные

сведения военного характера. Агент блестяще справился с поставленным заданием, а его информация помогла раскрыть замыслы Германии и Болгарии на Салоникском фронте.

Кроме того, организация «Гаврилова» вела постоянное наблюдение за железнодорожными линиями Германии, фиксируя переброску войск и боевой техники. Она имела также агентов-маршрутников, главным образом, в Восточной Пруссии и оккупированной немцами русской Курляндии (прибалтийский барон Рооп, выезжавший из Германии в Швейцарию), а также Литве и Царстве Польском, что было крайне важно для командования Западного фронта. Связь с агентурой в Голландии П. Игнатъев поддерживал из Парижа посредством почты и кодированных телеграмм, имевших внешне вид коммерческих. В общей сложности эта организация имела девять резидентов и тратила около 30 тысяч франков в месяц. Однако активная деятельность организации «Гаврилова» продолжалась всего четыре месяца, а затем случился провал, избежать которого сумел только ее руководитель.

«Африканская» организация была создана П. Игнатъевым в январе 1917 года. Во главе ее стояло «лицо, прежде занимавшееся разведкой. Лицо это опытное, имеет много связей, вполне интеллигентное, однако требующее постоянного надзора над собой, — писал П. Игнатъев в Ставку⁷. Ее руководителю удалось организовать сеть резидентов на западе и востоке Германии и создать на германско-швейцарской границе приемный пункт для передачи разведывательных донесений. Кроме того, «Африканская» организация вела специальное наблюдение за навигацией по Рейну, которое к концу 1917 года предполагалось распространить на одну из водных линий, соединяющих Берлин с Австрией. Она занималась также опросом германских и австрийских дезертиров, попадавших в Германию. Организация насчитывала в своем составе 14 агентов и тратила до 15 тысяч франков в месяц.

Организация «Линде». Возглавлял ее прапорщик Арбатский, командированный с этой целью штабом Западного фронта в Швейцарию. Осенью 1916 года начальника штаба Западного фронта был представлен доклад за подписью генерал-квартирмейстера полковника (затем — генерал-майора) А. Самойло, который после октября 1917 года перейдет на сторону советской власти:

«Для усиления негласной агентуры в Швейцарии, в связи с выбытием одного из агентов фронта является необходимым командировать туда доверенное лицо по разведке.

Услуги для этого дела предлагает исполняющий должность военного цензора при полевой почтовой конторе Г. при штабе армии прапорщик Александр Арбатский.

Означенный прапорщик запаса много времени жил за границей, отлично владеет французским, английским языками и американским наречием. В Америке прожил до войны три года. Происходя из коммерческого класса, имел сношения со многими заграничными фирмами, в средствах не нуждается. Для более детального ознакомления с прапорщиком Арбатским, а также для инструктирования его в будущей работе было бы желательным прикомандировать его к разведывательному отделению штаба фронта на три месяца»⁸.

В краткой служебной характеристике Александра Арбатского сообщалось, что он:

«из запаса; служил переводчиком в штабе армии, имеет хорошие аттестации. Последнее время был прикомандирован к Штабу Западного фронта, где занимался переводами и инструктировался. До войны много жил за границей, в частности, в Америке, занимался коммерцией.

Происходит из купеческой семьи, в настоящее время в связи со смертью отца немного разорившейся. До женитьбы кутил, теперь солиден. С денежной стороны неизвестен, кажется, играл в карты.

Несколько самонадеян, скрытен, молчалив. Жизнь знает, работать может хорошо, но нужно некоторое подталкивание. Работу его, в смысле достоверности сведений, вначале желательно проверять»⁹.

В феврале 1917 года А. Арбатский вместе с женой Лидией выехал под видом американского купца из штата Луизиана в Лондон, откуда последовал в Париж, но почему-то в Швейцарию не стремился. Под различными предлогами он долго разъезжал по Англии и Франции, и Павлу Игнатьеву лишь с большим трудом удалось заставить его уехать к месту назначения. Обосновался он неподалеку от швейцарской границы. В страну он прибыл под своим именем, сменив в Париже американский паспорт на

российский. Объяснялось это тем, что США в марте 1917 года вступили в войну против Четверного союза на стороне Антанты. Отношение швейцарских властей к американцам изменилось и ничем теперь не отличалось от их отношения к русским, тем более что А.А. Арбатский по своему «прикрытию» (он якобы имел коммерческие связи с Прохоровской мануфактурой и торговой фирмой «Мюр и Мерилиз») переписывался с Москвой.

Организация «Линде», возглавляемая прапорщиком Арбатским, вела разведку Германии с территории Швейцарии. Организация «Линде» («Красивая»), вероятно, была так названа по созвучию с именем жены прапорщика Лидии и состояла из двух агентов-вербовщиков и агентов, число которых менялось, за исключением одного, постоянно находившегося в Берлине и присылавшего оттуда сведения. Для начала Павел Алексеевич передал ему на связь кое-кого из своих агентов, работавших самостоятельно. Среди них были агенты Клерк, Пануар и Вельтман. Эти агенты посещали преимущественно Баварию, а также Берлин, Страсбург и Гамбург. В организации «Линде» числилось шесть агентов.

Один агент-вербовщик организации «Линде» находился в Женеве, а второй — в Цюрихе. Они вербовали разъездных агентов из купцов и коммерсантов, имевших возможность ездить в Германию и привозить оттуда сведения. П. Игнатьева интересовали данные о перевозке германских войск, потерях в армии кайзера, настроениях в обществе и на фронте, о постройке новых типов подводных лодок и аэропланов, которые в ту пору являлись новейшими средствами ведения войны, о количестве изготовленных в Германии снарядов и орудий, предполагаемых военных операциях и изменениях в германской армии. Как видим, решение такого комплекса задач требовало от организации «Линде» поистине героических усилий, которых она явно обеспечить не могла.

Второй агент-вербовщик А.А. Арбатского имел агента в приграничном городе Шафгаузен, где им проводился опрос немецких дезертиров в соответствии с вышеперечисленными задачами, стоявшими перед организацией «Линде». Кроме того, как упоминает сам П. Игнатьев в своих мемуарах, А. Арбатский широко использовал контрабандистов для добычи интересующих его сведений.

Содержание организации «Линде» обходилась П. Игнатьеву в 13 тысяч рублей ежемесячно. Сам прапорщик получал 800 рублей в месяц. Кроме того, все его оперативные расходы, в том числе командировки, оплачивались русской казной по представлении им оправдательных документов.

В целом организация «Линде» давала очень мало сведений, ибо была создана довольно поздно и не смогла в полную меру развернуть свою работу. Поэтому в июле 1917 года П. Игнатьев принял решение ликвидировать эту организацию. В августе 1917 года П. Игнатьев писал, что «ввиду некоторых причин работа организации приостановлена. По выяснении обстоятельств она будет или ликвидирована, или реорганизована заново»¹⁰, а прапорщик Александр Арбатский был переведен в Париж в бюро П. Игнатьева, где работал в качестве переводчика.

«Скандинавскую» организацию возглавлял коммерсант, поданный Норвегии Галлер фон Галленбург, немец по происхождению и поэтому имевший дела с Германией и свободно въезжавший в нее. Его оперативный псевдоним был Вице-адмирал. По словам П. Игнатьева, этот коммерсант «имел знакомства и связи в Берлине в военных и парламентских сферах через своих соотечественников»¹¹. По оценке П. Игнатьева, он ежемесячно давал хорошие сведения по военной статистике, формировании и передвижении войск. Организация базировалась в Стокгольме и пыталась организовать наблюдательные пункты в Восточной Пруссии на наиболее важных узловых пунктах, однако неудачно.

Объяснялось это в основном отсутствием устойчивой и надежной связи с Парижем, в результате чего поступающие от организации сведения зачастую устаревали. Расходы на ее содержание составляли до 4 тысяч франков в месяц. В сентябре 1917 года «Скандинавская» организация была также ликвидирована в связи с провалом самого Вице-адмирала, который был расшифрован германской контрразведкой и покинул Швейцарию. После швейцарских событий он переехал из Стокгольма в Польшу, и связь с ним была потеряна¹².

«Мавританская» организация была создана в первой половине 1917 года. Возглавлял ее «журналист латинского происхождения, бывший офицер одного нейтрального государства, человек прекрасно воспитанный, осторожный и умеющий входить в лучшее общество»¹³. Он имел несколько сотрудников, «компетентных в

военных и политических делах»¹⁴. Эта организация так и не успела развернуть свою работу, поскольку в связи с Октябрьской революцией вести разведывательную работу в Европе не представлялось возможным. Ежемесячные расходы на содержание «Мавританской» организации составляли 3 тысячи франков.

Во главе «Большаковской» организации стоял поляк Доброслав Валентьевич Клейна, 62 лет, видный адвокат и как следует из его характеристики, «образованный, воспитанный, русофильской ориентации. Человек очень серьезный и положительный»¹⁵. Он был прислан штабом Западного фронта. Эта организация состояла из одного лица и давала информацию по польскому вопросу. В первых числах февраля 1917 года был командирован в Швейцарию для работы против Германии, а также для поддержания связи с Польшей. В оккупированном немцами Царстве Польском у него было два резидента — в Варшаве, а также в Вильно. Польское направление «Большаковской» организации было относительно успешным. От нее поступали сведения о создаваемой немцами и австрийцами польской армии, а также о положении в этих двух странах. Тратила она около трех тысяч франков в месяц, однако ничем существенным не успела себя проявить.

Организация «Штурмана» возглавлялась неким Григорием Кобылковским. В ноябре 1916 года он был направлен штабом Западного фронта в Голландию через Англию для ведения разведки против Германии. Русское центральное военно-регистрационное управление дало о Кобылковском следующий отзыв: «Он — выкрест из евреев, Петроградской 2-й гильдии купеческий сын»¹⁶. Павлу Игнатьеву было, кроме того, известно, что Кобылковский должен был легализоваться в Нидерландах в качестве доверенного лица русских торговых фирм для закупки колониальных товаров — кофе, какао, чая и т.п., а также биноклей в Германии и на этой основе войти в контакт с немецкими торговыми фирмами, а также с немцами, находящимися в Голландии.

Штурману было предписано обосноваться в Голландии, однако, как выяснил П. Игнатьев, он предпочитал отсиживаться в Англии, обивая пороги русского военного агента Н. Ермолова и требуя у него увеличения жалования до тысячи рублей в месяц. Он не сделал ничего существенного, поэтому П. Игнатьев, разыскав Кобылковского, установил с ним связь и передал через доверенное лицо инструкции по организации разведки Германии

с территории Нидерландов и поддержанию связи с некоторыми агентами, работавшими в этой стране.

В Голландию Кобылковский не торопился. Он вместо этого по своей инициативе установил связь и с Павлом Игнатьевым в Париже, рассудив, что лучше получать деньги сразу от двух русских полковников, нежели от одного. Этот свой шаг он мотивировал тем, что желает передать П. Игнатьеву какие-то очень важные сведения по Голландии. Встретившись с П. Игнатьевым в Париже, Штурман, разумеется, никаких новых сведений ему не сообщил. Не оправдались его надежды на прибавку жалования: Павел Алексеевич был, что называется, «тертый калач», и Кобылковский ни гроша от полковника не получил. Свое уклонение от поездки в Голландию Штурман пытался оправдать трудностями переезда из Англии в эту страну.

Когда же выяснилось, что в Голландию ему все-таки придется поехать, Штурман потребовал разрешить ему установить прямой контакт с русским военным агентом в этой стране и в дальнейшем работать под его началом, полагая, что вне контроля П. Игнатьева ему удастся «впаривать липу» штабу Западного фронта. Поскольку П. Игнатьев хорошо знал, что в Голландии за русским военным представителем ведется плотное наружное наблюдение германских спецслужб, могущее расшифровать его агента, он этот контакт запретил.¹⁷

Штурман на словах согласился с П. Игнатьевым, однако на деле игнорировал его приказ. Работы от него, как и следовало ожидать, не было никакой. Он все-таки вошел в контакт с русским военным агентом в Нидерландах, звонил ему по телефону, посещал его резиденцию, добиваясь увеличения вознаграждения. 13 февраля 1917 года Штурману П. Игнатьевым было сделано предупреждение: если он по-прежнему будет обращаться к русскому военному агенту, то штаб Западного фронта «примет репрессивные меры по месту его жительства в России»¹⁷, то есть против жены. Но и эти угрозы не помогли заставить его работать на русскую военную разведку.

В начале 1917 года П. Игнатьев доносил в штаб Западного фронта, что Кобылковский «до сих пор ничего, кроме глупостей, не делает». А в конце февраля он писал, что «Кобылковский покамест выказал мне отрицательные черты». В начале апреля того же года он телеграфировал в штаб Западного фронта: «Я надеялся,

что он (Кобылковский) послушается моих указаний. Теперь же вижу, что его деятельность вредна не только моим сотрудникам, но и военному агенту в Голландии полковнику Майеру. Я рискую убрать его как можно скорее во Францию. Прошу верить, что это не есть желание избавиться от нового человека, но решение обдуманное, вызываемое крайне серьезными причинами»¹⁸.

Кобылковский тратил в месяц до 45 тысяч франков, однако никакой пользы России не принес. В сентябре 1917 года он был исключен из агентурной сети Западного фронта. Какой-то полковник Жихар на справке написал: «Немцы и мы после опыта с организацией Герца (Каца) отказываемся от евреев»¹⁹.

После ликвидации в 1918 году Русского разведывательного бюро в Париже Кобылковский оказался в эмиграции и попытался отомстить Павлу Игнатьеву. Он писал на него доносы во французскую контрразведку, обвиняя Павла Алексеевича в ведении сепаратных переговоров с немцами, в присвоении им казенных денег и прогерманских настроениях. О гнусностях этого «выкреста из евреев, Петроградской 2-й гильдии купеческого сына» против П. Игнатьева мы расскажем в одной из последующих глав.

В списках агентурных организаций Западного фронта числилась организация «Лермонтова», однако никаких детальных сведений о ее деятельности не сохранилось. Известно только, что возглавлял ее бывший эсер Лермонтов. Она вела разведку Германии и Польши с территории Швейцарии и тратила одну тысячу франков в месяц. Очевидно, что эта организация состояла всего из одного человека, агента Западного фронта, который должен был создать ее, однако так и не создал.

«Американскую» организацию возглавлял руководитель, «почтенный, образованный и прекрасно воспитанный южно-американец»²⁰, безвозмездно работавший в пользу русских. Она добывала сведения военного, военно-морского и контрразведывательного характера. Он себе наметил помощника. Оба они имели «знакомства и связи в Германии и поддержку в дипломатическом мире»²¹. Расходы на содержание этой организации достигали 7000 франков в месяц. Во второй половине 1917 года, когда США уже вступили в войну против Германии, он был зачислен в американскую армию в чине капитана и назначен в американское разведывательное отделение в Париже. В его распоряжении имелось два резидента, один из которых якобы служил в цирке в

Берлине, а другой работал в Будапеште. Донесения от этих резидентов поступали два раза в месяц через американское консульство или через жену этого циркового артиста.

Организация «Вилла Роде», названная так по имени избранного петербургской знатью шикарного ресторана, который любил посещать и «старец» Распутин, состояла из одного голландского корреспондента, работавшего до войны в Петербурге, по фамилии Бредероде, что созвучно с наименованием этого знаменитого злачного места. В русской столице он подрабатывал в отделе печати МИД России и слыл русофилом. С началом войны он выезжал на русско-германский фронт для подготовки корреспонденций, а затем возвратился в Голландию. Штаб Западного фронта установил через своего военного агента в Гааге голландский адрес Бредероде и условным письмом дал знать ему о желательности продолжения сотрудничества.

20 января 1917 года русский военный агент в Гааге полковник Майер завербовал голландца, который согласился работать на русскую военную разведку. К нему выехал представитель Западного фронта, который передал Бредероде исчерпывающие инструкции по организации разведки территории Германии. 6 февраля 1917 года о вербовке Виллы Роде был письменно проинформирован П. Игнатъев. Последний направил в Голландию подпоручика А. Быховца, который установил контакт с Бредероде и объяснил ему, какие вопросы в первую очередь интересуют штаб Западного фронта.

Агент включился в работу. В мае 1917 года он прислал первое донесение с разведывательными данными, а затем стал направлять их регулярно, работая под непосредственным руководством А. Быховца (Быков). Его прорусская ориентация, разумеется, была хорошо известно немцам, что сказывалось на эффективности работы голландца. От П. Игнатъева он получал по 3500 франков в месяц, однако серьезной разведывательной работы не вел. В сентябре 1917 года связь с ним была прекращена.

В США имелась также организация «Домбровского», которой было поручено следить за выполнением военных заказов для Русской армии. О том, как германская агентура саботировала эти заказы и проводила диверсии против американских кораблей, мы рассказали выше. Поэтому ее существование было вполне оправданным. Однако развернуть работу она так и не смогла, а руко-

водить ею из Парижа было весьма непросто. Фактически ничего полезного эта организация сделать не успела.

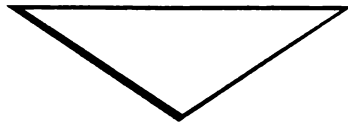
Организация «Румынская», созданная в связи с организацией Юго-Западного фронта, должна была стать основой разведывательной сети в этой стране. Сведений о ее работе не имеется.

Организация № 11 («Одиннадцатая»), созданная П. Игнатьевым, имела задачей установление связи с русскими военнопленными в Германии. Она была призвана оказывать им содействие в организации побегов в Россию, правдиво информировать их обо всех событиях, происходящих в нашей стране, снабжать русских военнопленных необходимыми инструкциями по организации актов саботажа в тылу врага и добыче сведений разведывательного характера. Во главе «Одиннадцатой» организации стоял латыш, эмигрировавший из России после революции 1905 года, служивший старшим переводчиком в одном из концлагерей Германии для русских военнопленных.

Связь с Россией П. Игнатьев поддерживал по телеграфу или через курьеров. Телеграфные донесения по линии военной разведки посылались им непосредственно в Ставку и содержали наиболее важные разведывательные сведения. По вопросам чисто организационного характера полковник граф Игнатьев 2-й сносился телеграфом непосредственно со штабами фронтов. С курьерами в Ставку направлялись доклады, справки, агентурные сведения, полученные от русских и иностранных источников и не носящие срочного характера.

Анализ шифротелеграмм полковника графа Игнатьева 2-го показывает, что центральное место в его сообщениях в Ставку занимал вопрос воинских перевозок в Германии и составлял 56 %; дислокация войск противника — 14,9 %; планы и намерения противника — 11,7 %; новые воинские формирования в Германии и Австрии — 6 %; экономическое положение в странах Четверного союза — 4,8 %, политическое положение в них — 4,3 %; вооружение противника — 2,4 %; прочие вопросы — 0,27 %.

В следующих главах мы расскажем о некоторых наиболее интересных агентах Павла Игнатьева.

Глава одиннадцатая

ВОЕННЫЙ ПИЛОТ СОСО

Среди агентов Павла Игнатьева, активно работавших против Германии в годы Первой мировой войны, особое место занимает Иосиф Петрович Давришвили, которому в архивах французской военной разведки посвящено отдельное досье. В своих мемуарах П. Игнатьев вкратце рассказывает о нем, не раскрывая, однако, ни его имени, ни страниц биографии. Наше знакомство с его делом позволяет пролить новый свет на этого фигуранта архивов 2-го бюро и русского Департамента полиции, точнее, его Особого отдела.

Итак, судя по архивным данным, Иосиф Петрович Давришвили, известный также по версии русской полиции как «дворянин Давришев», а во Франции — под производным от него именем Давришер, а позднее Давришеви, Жозеф-Жак, родился 28 октября 1882 года в грузинском городе Гори, где тремя годами ранее на свет появился другой Иосиф — Сталин. Поскольку и в те времена, и в наши дни Гори является небольшим городком, не исключено, что оба они были знакомы с детства, хотя уже в годы юности их дороги разошлись. Обучаясь в гимназии, он, как и семинарист Джугашвили, занялся революционной деятельностью. Правда, в отличие от своего всемирно знаменитого тезки, примкнул не к большевикам, а к эсерам, точнее, к социалистам-федералистам. Поясним, что была в России до революции такая партия, программа которой мало чем отличалась от эсеровской, за исключением, пожалуй что, требования предоставить Грузии в рамках Российской империи широкую национальную автономию по примеру Финляндии. Основателем этой партии являлся известный грузинский публицист, князь Арчил Джорджадзе.

О юных годах Давришвили известно сравнительно мало. По сведениям Тифлисского охранного отделения, Сосо (уменьши-

тельное имя Иосиф) был сыном штаб-офицера, следовательно, дворянином. Недаром, будучи во Франции, свои прошения на имя официальных лиц подписывал псевдонимом Жозеф де Давришеви. Несмотря на то, что большинство грузин являются православными, сам Давришвили был римско-католического исповедания. Определенных занятий не имел и к лету 1904 года проживал у родственников в Тифлисе. Здесь он в раннем возрасте принимает участие в революционном движении.

Впервые имя Иосифа Давришвили упоминается в документах Департамента полиции 28 июля 1904 года, когда в Петербурге стало известно, что «среди членов Парижской группы социалистов-революционеров обращает на себя внимание слушатель Русской высшей школы... Иосиф Петрович Давришев»¹. Было также установлено, что, проживая после возвращения из Франции в июле 1904 года в Тифлисе, он «получает из заграницы транспорты революционных изданий»². А посему начальнику Тифлисского охранного отделения было приказано «установить за деятельностью и сношениями его секретное наблюдение».

С началом первой русской революции Сосо принял в ней самое активное участие. Выступая на всех проходивших осенью 1905 года митингах, он проявил себя как блестящий оратор. В 1906 году Давришвили становится помощником организатора боевой дружины партии социалистов-федералистов, известным в ней под псевдонимом Андроников. Главным его занятием в тот период была доставка оружия для своей организации.

Однако вскоре сам Давришвили стал неуправляемым: и он, и его боевая дружина перестали подчиняться партийному руководству. Поэтому ее Федеральный комитет в феврале 1906 года объявил его и боевую дружину вне партии. Это постановление было одобрено очередной партийной конференцией социалистов-федералистов. Самое «громкое дело» молодого «революционера» — вооруженное ограбление казначейства в Душете — было осуществлено уже после исключения его самого и его товарищей из партии. В одном из полицейских документов это дело описывается следующим образом: «В ночь на 12 апреля сего 1906 года в Душетское казначейство, под видом воинского караула, проникли шесть человек, одетых солдатами местного полка, которые, угрожая дежурным присяжным ружьями и бомбами, взломали кладовую казначейства и похити-

ли оттуда 315 тысяч рублей кредитными билетами, после чего скрылись»³.

Не сразу, но полиция разыскала нападавших. Почти все они были задержаны. По приговору Тифлисского окружного суда в каторжные работы были осуждены пять человек сроком на пять лет. Сосо был приговорен к заключению в крепость на два года, а один из грабителей — на шесть месяцев. 29 октября того же года Давришвили удалось совершить побег из Метехского тюремного замка и бежать за границу, в Швейцарию. Там же оказались и некоторые другие участники этой акции.

Первоначально подозрение в организации ограбления Душетского казначейства пало на братьев Леона и Георгия Кереселидзе, а также Нестора Магалова. Но уже очень скоро заграничная агентура Департамента полиции обнаружила их в Швейцарии, в Женевском кантоне. Русское правительство потребовало от швейцарских властей их выдачи как уголовных преступников. Весной 1907 года они были задержаны и предстали перед судом города Лозанны. Однако швейцарский суд оправдал бандитов, назвав их «политическими преступниками». Адвокатам обвиняемых удалось представить дело так, будто «подсудимые не действовали из личной корысти, а плоды своего грабежа внесли в кассу революционного комитета в то время, когда место, где проведено было вооруженное нападение, было охвачено открытым восстанием»⁴. Интересная логика у швейцарской юстиции, не правда ли?

Пикантность же ситуации заключалась как раз в том, что ограбление Душетского казначейства было осуществлено ими, как мы знаем, не столько в партийных интересах, сколько в целях личного обогащения. Сразу же после совершения этого акта между участниками ограбления начался ожесточенный спор из-за деляжа добычи. Каждый требовал свою долю.

Между тем среди русских эмигрантов в Швейцарии распространился слух, что «братья Кереселидзе и Нестор Магалов все не действовали по поручению революционного комитета, украденные суммы в кассу не внесли, а суммы эти или часть их поныне находятся на их личном текущем счету в одном банке в Швейцарии»⁵. Заграничной агентуре Департамента полиции было поручено найти эти деньги, однако чем закончилось дело, пока выяснить не удалось. Именно после этого громкого ограбления Государственным казначейством было принято решение пе-

реписывать номера банковских билетов, и в дальнейшем русским «экспроприаторам», бежавшим за границу, не удавалось ими воспользоваться.

Что касается мягкого приговора Лозаннского суда, то он, по видимому, объясняется именно этим обстоятельством: коль скоро номера купюр неизвестны, значит, преступление не доказано. Кроме того, как известно, «швейцарские гномы», так во всем мире называют банкиров этого государства, весьма неохотно расстаются с деньгами, даже если и доказано, что они краденые. Чего стоит, например, тянувшаяся десятками лет история с нацистским золотом, упрятанным гитлеровскими палачами в стальные сейфы швейцарских банков.

Через год после душетского ограбления Давришвили опять попал в криминальную историю. В декабре 1907 года швейцарские власти арестовали группу грузин, русских подданных, по обвинению в вымогательстве крупной суммы денег у проживавшего в Лозанне с семьей некоего Широ, предпринимателя из Баку. У арестованных обнаружили 87 револьверов. В числе задержанных оказался и наш герой. На судебном процессе Сосо удалось оправдаться, однако он был выслан в административном порядке за пределы Швейцарской конфедерации.

Прошло еще два года, и в газете «Закавказье», в номере от 20 сентября 1909 года, появилась заметка следующего содержания:

«Недавно мы сообщали нашим читателям со слов “Московской газеты” и “Русского слова”, что наш соотечественник Иос. П. Давришев оказался сподвижником известного по провокаторской деятельности Гартинга. Ныне, как сообщают в одну из грузинских газет из Парижа, там, среди грузинской колонии, образовалась особая комиссия, которая взяла на себя почин выяснить в данном деле истину, так как многие осведомленные лица предполагают ошибку или личную месть по отношению к Давришеву. Комиссия обратилась в газ. “Русское слово” с просьбой сообщить, есть ли у нее какие-либо другие сведения об этом деле, кроме тех, которые она уже опубликовала»⁶.

Это сообщение серьезно взволновало как русских политических эмигрантов, так и членов партии федералистов-социалистов. В самом деле, Давришвили был в курсе всех партийных дел, и ее Тифлисская организация опасалась неминуемого провала.

И когда он в Париже явился на одно из собраний грузинских эмигрантов-революционеров, то был удален с него по подозрению в провокаторстве. Ему стали приписывать «чересчур участливое отношение к Азефу и слишком большой интерес с его стороны к этому делу (Азефа. — *Авт.*)»⁷. С этого времени Сосо стал держаться в стороне от всяких подобных дел. Позже выяснилось, что его спутали с арестованным в Берлине неким Мирским, которого заподозрили в провокации.

Разумеется, заграничная агентура Департамента полиции не стала разъяснять революционерам их заблуждений. И только много позже специальная судебная комиссия Федеративного комитета Грузинской революционной партии социалистов-федералистов сняла с Давришвили все подозрения в провокаторстве.

В апреле 1911 года двое осужденных по делу об ограблении Душетского казначейства, которое состоялось 12 апреля 1906 года, — Георгий Кикиадзе и Артемий Чиковани — обратились с прошением к начальнику Тифлисского жандармского управления, в котором ими были названы главные инициаторы этой акции. В числе первых — Иосиф Давришвили. Департамент полиции возобновил его розыск.

Отсутствие средств к существованию заставило И. Давришвили сильно задуматься о своем будущем и отойти от революционного движения. Он поступает в авиационную школу во Франции и вскоре становится классным пилотом. Вероятно, этому способствовала его безумная храбрость, а также стремление утвердить себя в качестве аса в этой редкой и престижной в то время профессии.

Слава летчика Зозо (уменьшительно-ласкательный вариант французского имени Жозеф), как его называли друзья — французские летчики, докатилась и до кругов русских эмигрантов в Париже. Дело зашло так далеко, что в 1910 году находившийся во Франции в служебной командировке генерал-майор российского Генерального штаба Николай Федорович Гельмгольц по совету французского профессора Берже, лично знавшего И. Давришвили в период его непродолжительного обучения в Сорбонне, предложил ему возвратиться в Россию и за щедрое вознаграждение заняться созданием русской военной авиации. Однако предварительно Иосиф должен направить письмо с отказом от любой

революционной деятельности и осуждением своих предыдущих действий. Тем не менее пылкий грузин отказался покаяться и, несмотря на плачевное материальное положение, решил остаться во Франции. Здесь до войны он познакомился и близко подружился с первой французской летчицей Мартой Рише, о которой мы уже рассказали на страницах этой книги. Она сыграла значительную роль в его жизни.

С началом Первой мировой войны И. Давришвили написал 4 августа 1914 года прошение зачислить его добровольцем во французскую армию на весь период боевых действий. 7 августа в мэрии Версаля ему было вручено предписание явиться в авиационный корпус училища в Сен-Сире, куда он прибыл в тот же день в качестве солдата 2-го класса. Здесь он служил пилотом-инструктором, и 4 мая 1915 года был произведен в чин капрала. Готовя кадры военных летчиков Франции, он также принимал участие в боевых действиях. Проявил себя храбрым солдатом. Так, в 1915 году произвел бомбардировку передовых линий германской армии на востоке Франции с высоты 1400 метров, что непосредственно было связано с риском для его жизни. Несмотря на огонь зенитной артиллерии, он одновременно произвел аэрофотосъемку германского укрепленного форта и траншей. За это 1 июля 1915 года был повышен в звании до сержанта авиации.

В служебной характеристике на И. Давришвили, подписанной его командиром, лейтенантом Шарлем Мартелем, он аттестуется следующим образом:

«... Пилот Давришеви имеет весьма высокие профессиональные качества, проявил много энергии, смелости и отваги. Добровольцем вступил в армию в начале войны, однако не имеет точного понятия о принципах организации армии, требованиях различных военачальников и военной дисциплины.

Говорит весьма дурно на нашем языке, а пишет еще хуже. Очень импульсивен, весьма бурно реагирует на малейшее замечание. Пилот Давришеви способен, не слишком об этом думая, совершать поступки, достойные сожаления, которые впоследствии сам осуждает, если ему разъяснить их суть как с моральной, так и военной точек зрения»⁸.

Характеристика, как говорится, в комментариях не нуждается. 21 января 1916 года Зозо был переведен в 3-ю эскадрилью и

принимал активное участие в боевых действиях. 4 августа того же года получил серьезное ранение в районе Плесси-Бельвю во время тренировочного полета и оказался в госпитале, в котором находился до конца того же года. После выздоровления в результате реорганизации его авиаэскадрильи был зачислен 1 января 1917 года во 2-ю авиагруппу в качестве летчика-инструктора. Однако здоровье И. Давришвили в результате полученного им увечья значительно пошатнулось, и 9 февраля того же года он был вычеркнут из списков действующего состава французской армии. Зозо обосновался в Париже, в аристократическом 16-м районе, где располагалось российское посольство. Правда, проживал он не в самом фешенебельном квартале, а на скромной улице Де ля Помп (Насосной улице). Пенсия по ранению была небольшой, ее едва хватало на жизнь, поэтому нужно было думать о заработке. Некоторое время он работал в известном французском аэропорту в Ле Бурже, занимаясь подготовкой самолетов к полетам.

Однако вскоре фортуна улыбнулась ему. Зозо за полгода до этого встретил свою старую знакомую Марту Рише, довоенную летчицу, которая «отчаянно в него вцепилась». Ее муж погиб на фронте, она хотела отомстить за него и рвалась в авиацию. Марта написала рапорт на имя заместителя командующего французской военной авиацией, в котором предложила свои услуги в качестве военного летчика. Она была согласно служить в авиации в любом качестве: военным пилотом, приемщиком самолетов, курьером, однако получила отказ. Тогда Марта обратилась ко всем известным ей пилотам, включая Зозо, с просьбой оказать ей протекцию, но и из этого ничего не вышло.

Настойчивые попытки первой французской летчицы наконец-то принесли свои плоды: на нее обратило внимание 2-е бюро. Дело в том, что Марта — урожденная Бетенфельд, эльзасска, отлично владеющая немецким языком, что для французской разведки было крайне важно. Руководитель 2-го бюро Ж. Ладу предложил ей поехать в Испанию и там стать подставой для германского военно-морского атташе Г. фон Крона. Марта согласилась.

И вот однажды, когда Иосиф находился на парижском аэродроме в Ле Бурже, его неожиданно пригласили к начальнику 2-го бюро капитану Ладу. Расспросив для порядка о его житье-бытье, знакомых летчиках, о его дружбе с Мартой Рише, капитан Ладу неожиданно для самого Иосифа предложил ему сотрудничать с

французской военной контрразведкой. Он пояснил, что поскольку французская контрразведка не совсем доверяет Жаворонку, Зозо как ее близкий друг должен следить за ней и докладывать обо всех подозрительных моментах в ее поведении, в частности, не работает ли она на противника. Как военный человек Зозо понимал, что эти меры предосторожности диктуются условиями сурового времени, и согласился.

... Однажды к полковнику П. Игнатьеву зашел его старый знакомый и заговорил с ним о своем военном крестнике Зозо, которого он предложил использовать в интересах русской военной разведки. Он дал Зозо блестящую характеристику, и Павел решил с ним поближе познакомиться. Он пригласил грузина для обстоятельной беседы в свое бюро на авеню Йены. В разговоре полковник сказал:

— Я знаю ваше революционное прошлое, сержант, и вообще образ мыслей русских революционеров. Вы ведь все против войны. Однако, вступив в ряды вооруженных сил наших союзников, вы тем самым уже нарушили ваши принципы антимилитаризма. А теперь вы предлагаете свои услуги русской контрразведке. Как это понять?

В ответ Иосиф разразился эмоциональной по-грузински речью.

— Господин полковник, — сказал он. — Не надо искать логики в голове летчика, особенно грузина. Я записался добровольцем во французскую авиацию, чтобы защищать республиканскую страну, на которую напала монархия, желающая растоптать ее свободу сапогами своих солдат. Франция предоставила мне убежище тогда, когда я, преследуемый русской политической полицией по всей Европе, нашел здесь свой кров. Теперь я как честный человек возвращаю ей свой долг.

А теперь ответ на второй ваш вопрос. Вы спрашиваете, почему я готов поступить к вам на службу? Дело в том, что на фронте я потерял друзей, понимаете, настоящих друзей, с которыми не раз и не два шел в бой. Они сражаются и умирают. А вы хотите, чтобы я сидел, сложа руки? Им надо помочь. Пусть сейчас я калека, конченный для авиации человек. Но я могу еще сражаться в тылу противника против его агентов. Думаю, что это такая же борьба, как и на фронте.

Познакомившись с летчиком Зозо и изучив его, П. Игнатьев пришел к выводу о том, что он может быть полезен русской во-

енной разведке, и решил направить его в хорошо известную грузину Швейцарию с заданием. Суть его заключалась в том, чтобы Давришвили как грузин сблизился со своими земляками в этой альпийской стране, которые, по данным полковника, работали на Германию, надеясь с ее помощью добиться отделения после войны Грузии от России и установления немецкого протектората над ней. По мнению этой, как выразился сам П. Игнатьев, «банды», Россия плохо кормит Грузию, а богатая Германия возьмет на себя все расходы по ее содержанию в знак благодарности за их лояльность. Не спрашивайте, почему они решили, что известная на весь мир своей скупостью Германия станет работать за грузин и кормить их: как говорит Зозо, «не следует искать логики в голове грузина». Поскольку П. Игнатьев располагал надежной информацией о сепаратистской деятельности этой грузинской банды, выполнение задания Иосифом позволило бы установить искренность его сотрудничества с русской военной разведкой.

Два месяца от грузина не было вестей. П. Игнатьев уже начал подумывать, что Зозо, переведен немцами и находится в Германии. Но вот в один прекрасный день И. Давришвили появился в его бюро на улице Йены и доложил о выполнении поручения. С собой он привез важные документы, которые не только подтверждали ранее полученные сведения, но и содержали крайне важные подробности переговоров немцев о совместной антироссийской деятельности этой группы грузинских эмигрантов и подтверждали их связи с германской разведкой.

Поскольку полученная от Зозо информация представляла интерес и для союзников России, П. Игнатьев направил его к капитану Ладу, которого она заинтересовала. В дальнейшем из разговора с грузинским летчиком Павел понял, что тот одновременно работает и на французскую военную разведку. Выяснилось также, что Марта Рише уже активно работает против немецкого военноморского атташе в Испании Г. фон Крона и нуждается в активных помощниках, от которых якобы получает информацию. Она выдавала немцу И. Давришвили за сержанта Русского экспедиционного корпуса во Франции, бывшего активного революционера, который устал от войны и готов вести пораженческую пропаганду среди своих соотечественников или же дезертировать из армии. Германский разведчик заинтересовался русским летчиком и попросил познакомить его с Зозо.

Переговорив с капитаном Ладу, П. Игнатъев предложил ему провести совместную операцию в Испании по похищению и доставке во Францию военно-морского атташе Германии Ганса фон Крона, наносившего большой ущерб интересам союзников. В соответствии с составленным совместным планом по похищению германского резидента, на помощь М. Рише и Зозо П. Игнатъев выделял русского шофера Эрнста Реми. Марта Рише должна была познакомить барона фон Крона с этими «русскими дезертирами», которых он завербует и будет использовать для ведения подрывной пропаганды, а также для совершения диверсий во Франции. Под предлогом получения задания оба русских в сопровождении Марты завлекут немца в укромное место, где он будет похищен и доставлен во Францию по известному ей коридору. Руководить операцией по его похищению непосредственно в Испании должен был заместитель П. Игнатъева князь Лещинский-Троекуров.

Эта операция почти удалась. Мы говорим «почти», поскольку И. Давришвили и Эрнсту Реми удалось отвезти барона фон Крона в укромное место. О дальнейшем развитии этой операции рассказывает испанская газета «АВС» от 8 июля 1917 года. Предоставим ей слово.

«6 июля 1917 года, в 10 часов вечера, в окрестностях Мадрида, напротив хорошо известного ресторана “Каса Камора”, что на Куропачьем берегу, произошла довольно серьезная автомобильная катастрофа, несколько участников которой были довольно тяжело ранены.

Автомобиль, двигавшийся с нормальной скоростью, перед этим столкнулся с другой автомашиной, следовавшей во встречном направлении и ослепившей его мощными фарами. В результате автомобиль врезался в телеграфный столб. Жертвами аварии стали следующие лица:

капитан 2-го ранга Главного военно-морского штаба Императорского флота Германии Ганс фон Крон, атташе германского посольства в Мадриде, получивший рану выше подбородка длиной 7 см и глубиной 3 см.

Жозеф Давришеви, уроженец города Гори (Россия), натурализовавшийся во Франции, получивший серьезное ранение.

Шофер Эрнст Реми, русский, получил различные контузии и легкие ранения.

И мадам вдова Рише, девичья фамилия Бетенфельд, родилась в Бламоне (Франция), внутренние кровоизлияния, перелом ноги и общая контузия»⁹.

Как вспоминал П. Игнатъев, извещенный об этом происшествии, после автоаварии Зозо стараниями резидента германской разведки словно сквозь землю провалился. Тщетно агенты Павла разыскивали его по всему Мадриду. Заместитель Игнатъева князь Владимир Лещинский-Троекуров, получивший шифрованную телеграмму с указанием разыскать Зозо, сбился с ног, разыскивая его. Но однажды некая красивая испанка разбудила рано утром князя и вручила ему записку следующего содержания: «Попавший в беду секретный агент полковника Истомина из Парижа просит вас немедленно прийти к нему по следующему адресу...»

В мемуарах П. Игнатъев так описывает этот эпизод: «На следующий день князь Лещинский-Троекуров пошел по этому адресу и с изумлением он увидел, что у больничной койки, на которой лежал раненный Зозо, сидит барон фон Крон и мирно с ним беседует». О своей роли в этой истории П. Игнатъев ничего не пишет.

На самом же деле, как сообщает французской военной разведке ее источник «Норбер», «возвратившись из Испании... Давришвили утверждал, что *Игнатъев представил фон Крона и Лещинского друг другу, назвав каждого из них соответственно начальником германской службы разведки в Мадриде и заместителем начальника русской службы контрразведки в Париже* (курсив наш. — Авт.). Он сказал также, что Игнатъев предложил ему (через посредство лейтенанта Франка) компенсацию в размере 4000 франков, которые он, впрочем, отклонил, и т.д.»¹⁰.

Вскоре и во французской печати, плохо контролируемой в военное время, появилась сенсационная заметка о том, что в одной компании с германским военно-морской атташе, попавшим в аварию, находились двое русских, один из которых натурализовался во Франции, и француженка, родившаяся в Эльзасе. Так имена Зозо, М. Рише и Э. Реми стали известны широкой публике и, следовательно, противнику. Никакой речи о дальнейшем совместном использовании русской и французской разведками Зозо и его товарища, разумеется, не могло быть и речи.

Характерно, что за рулем автомобиля, двигавшегося навстречу фон Крону и его спутникам по горной дороге, сидел резидент британской разведки СИС — Сикрет интеллидженс сервис — в

Испании, который преднамеренно ослепил водителя и вызвал автомобильную аварию. Для чего было нужно британской разведке сорвать разведывательную операцию своих союзников, до сих пор неизвестно. Однако и П. Игнатъев, и Ж. Ладу все отлично понимали. Как говорил классик русской литературы, «это англичанка все гадит». Секрет своей подлости британская СИС, отмечающая в 2009 году столетие со дня основания, конечно же, никогда не раскроет.

В дальнейшем, как мы знаем, Марте Рише удалось скомпрометировать барона, и он был вынужден спешно покинуть Мадрид. Его агентурная сеть в Испании была полностью разрушена французской и русской разведками, и немцам так и не удалось воссоздать ее до конца войны.

Что же касается И. Давришвили, то после возвращения из Испании он был передан французскими военными властями в Росийскую авиационную миссию в Париже, где весьмагодились его знания авиации. В дальнейшем Павел Игнатъев поручил ему издавать русскую газету, предназначенную для Русского экспедиционного корпуса во Франции.

Между тем события в России после свержения русской буржуазией императора Николая II стали приобретать трагический оборот. Июньское наступление, предпринятое правительством Керенского по требованию союзников, захлебнулось. Оно совпало по времени с моментом, когда Зозо находился в Испании, пытаясь похитить барона фон Крона. Русская армия окончательно потеряла боеспособность и, разваленная «демократами», полностью деградировала. Россия катилась к новой революции, и она не заставила себя ждать: в октябре 1917 года большевики под руководством В.И. Ленина свергли Временное правительство и взяли власть в свои руки.

Положение П. Игнатъева в Межсоюзническом бюро становилось все более затруднительным. Вскоре французы предложили ему ликвидировать Русскую разведывательную миссию. Все его разведывательные организации были распущены, а документация передана по описи во 2-е бюро, где она и находится до сего дня. Зозо был «засвечен» и опять остался у разбитого корыта. Надо было начинать новую жизнь. Его ожидали новые испытания: к тому времени был арестован и брошен в тюрьму капитан Ладу, а 2-е бюро в услугах Зозо больше не нуждалось.

ЗОЗО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

... В начале 1933 года И. Давришвили выпустил книгу воспоминаний, которую он назвал «В воздухе и в грязи». Касаясь своих послевоенных мытарств в безденежном 1919 году, он так описывает свое хождение по мукам в главе «Зозо в Сообществе наций»:

«— Вам стоило бы, — сказал мне майор Ладу, — вы поступили бы правильно, если бы встретились с Альбером Тома. Он сейчас занят созданием Сообщества угнетенных наций. Может быть, и для вас там найдется местечко? Встретьтесь с ним.

Это меня заинтересовало.

И вот я звоню в дверь квартиры г-на Тома.

— Кто его спрашивает, месье? Как о вас доложить? — спрашивает меня старая служанка.

— Скажите, что я из Грузии.

— От господина Жоржа?

— Нет, Грузия. Это страна, как и Франция, Англия. Понимаете? Только поменьше, намного меньше.

Меня принимает коренастый человек, выглядящий, словно лавочник с провинциального базара, отошедший от дел, бородастый и в очках, весьма симпатичный и веселый, несмотря на его растрепанный вид.

— Чего изволите?

— Извините, господин Тома, за то, что я вторгся к вам запросто, без всякой рекомендации, но это только ради моей страны, ради Грузии. Вы создали Международное сообщество для защиты прав и свобод малых угнетенных народов... Так вот, я хочу, чтобы Грузия тоже была в нем представлена...

— Гм, гм... Входите.

Он погладил бороду.

— А у вас есть мандат? Ну, тогда скажите, где эта Грузия находится? Хе-хе! Извините, мы так заняты... Да, да! А кто за вами стоит?

— Вся нация, господин Тома.

— Да нет же, я спрашиваю, кто вас уполномочил? Комитет? Ассоциация? Понимаете, надо, чтобы вы представляли что-нибудь. Комитет заседает по субботам, в 8 часов у меня на дому. Прихо-

дите, но нужно быть уполномоченным, иметь соответствующий мандат!

Он провожает меня до дверей.

А я пошел за мандатом.

Спустя два дня я излагал десятку грузин, собравшимся моими стараниями в небольшом зале бистро на Монпарнасе, с использованием сильных аргументов идею в поддержку Сообщества угнетенных наций и его полезность для нашего национального дела...

А на следующую неделю я пришел к г-ну Тома в качестве председателя Национального комитета за независимость Грузии с надлежащим мандатом, отпечатанным на машинке на листе бумаги, в начале которого красовался штамп Комитета. Это не вызывало споров и выглядело красиво.

В большом обеденном зале, превращенном по случаю в зал собраний, за чашкой чая сидела дюжина делегатов различной окраски: белые, черные, красные. Это были финны, литовцы, один серб, один украинец и один поляк.

Они курили и болтали. Один француз даже бесстыдно распоясался под благожелательным и рассеянным председательством г-на Тома. Как их зовут?

Не могу вспомнить... потому что они все были умнее меня, ибо впоследствии заняли видные места в правительствах своих стран.

Каждый делегат излагал тяготы своей нации, свои надежды и зависть. Иногда они ссорились между собой по вопросу делимитации территории, деля шкуру неубитого медведя.

Тогда и я, фигурально выражаясь, положил ноги на стол.

Г-н Тома после моего немного фантастического выступления попросил меня подготовить более подробный доклад.

Этот доклад, хорошо расписанный с помощью бывшей отставной революционерки Меланьи Согораевич, был вручен ему через несколько дней и издан в виде брошюры. Все шло хорошо, и г-н Тома даже имел доброту познакомиться меня с г-ном Полем Дешанелем, также излучавшим доброту.

Спустя несколько месяцев, когда миссия грузинского правительства прибыла в Париж, г-н Дешанель принял ее только для того, чтобы Грузия была признана Францией де-факто. Но это уже другая история... из той эпохи, когда я переписывался с королями...

А сейчас мой грузинский комитет, завидующий моим личным успехам и состоящий исключительно из социал-демократов, моих бывших политических противников в годы революции 1905—1906 гг., возмутился и изгнал меня с потерями и беспокойством с моего поста председателя.

Был найден предлог: Зозо служил во 2-м бюро. Позор!

Я бесконечно сожалею о потерянном мною громком титуле «г-на президента» и моей возможности продолжать заседать в этом комитете Сообщества угнетенных наций. Поскольку г-н Альбер Тома считается одним из рьяных учредителей нынешнего Сообщества угнетенных наций, несомненным является то, что его создание было инспирировано нашей родственной организацией.

Конечно, я бы мог последовать за ним, и как знать... Вот так-то! А потом г-н Тома получил от Сообщества 200 тысяч франков вознаграждения, а Зозо — от мертвого ишака уши.

В жизни все переплетается — и смешное, и серьезное»¹¹.

Поясним читателю, что это было попыткой И. Давришвили найти свое место в жизни и стать, в частности, официальным представителем меньшевистского правительства Грузии во Франции. Из этого, однако, ничего не получилось.

9 октября 1919 года, когда капитан Ладу уже был оправдан французским военным судом и восстановлен на службе, Иосиф Давришвили по его совету направляет письмо на имя французского премьер-министра Ж. Клемансо, копия которого сохранилась в архивах французской военной разведки. Вот его содержание.

Лично
Председателю Совета министров
г-ну Клемансо,
ул. Франклина, Париж

Господин Председатель!

Не откажите служивому, который просит у вас справедливости.

Будучи до войны пилотом, я 4 августа 1914 года записался добровольцем в армию и честно исполнял свой долг на фронте в отношении Франции, которая предоставила мне убежище как эмигранту и позволила мне учиться в Сорбонне.

Будучи тяжело раненным на действительной службе в конце 1916 года и уволенный в запас по 1-й категории, я отказался от увольнения, желая до конца служить Франции рядом с моими товарищами. Военные власти передали меня в распоряжение 2-го бюро.

Я выполнял секретные задания в Швейцарии и Испании. Во время одной из моих поездок снова был тяжело ранен в результате автомобильной катастрофы, находясь в компании с резидентом разведки бошей бароном фон Кроном (по согласованию со 2-м бюро я готовил его похищение).

Французские газеты, особенно «Аксьон франсез», узнали об этом происшествии и измарали в грязи мое имя, изображая меня германским агентом, к полному изумлению моих родителей и друзей во Франции.

Теперь я остался калекой на всю жизнь. Я возвращаюсь к гражданской жизни и долго буду хранить воспоминания об этом задании, которое оказало мне честь. Я добровольно отдал Франции мою кровь и мою честь и готов отдать ей все, что у меня осталось. Но я хочу иметь право, господин Председатель, возвратиться домой с высоко поднятой головой и доказать, что я сделал эту «работу» для святого дела. Несмотря на все обещания, я остаюсь единственным довоенным пилотом, не имеющим ни военного креста, ни медали.

Так что же, исполнять секретные задания во время войны — это бесчестие?

Смею надеяться, господин Председатель, что Вы соизволите обратить внимание на мой случай, и моя преданность Франции будет вознаграждена.

Примите, господин Председатель, уверения в моих чувствах преданности к Вам и Франции.

Сержант-пилот в отставке

Ж. де Давришеви

11-бис, ул. Лористона, Париж.

Постскрипtum: прилагаю свидетельство об увольнении в запас, подтверждающее мои слова, и прошу Вас вернуть его мне¹².

Премьер-министр Франции Ж. Клемансо переправил письмо И. Давришвили в Военное министерство с просьбой перепровер-

рить изложенные в нем факты и высказать мнение о целесообразности наградить его. Письмо поступило во 2-е бюро, которое в тот период не имело полных сведений на Зозо, и 27 ноября 1919 года решило запросить свою резидентуру в Мадриде. Спросить майора Ж. Ладу о личности Давришвили оно почему-то не захотело. 16 декабря 1919 года из Испании поступил следующий ответ:

«Русский пилот Давришеви никогда не являлся сотрудником резидентуры нашей разведки в Испании.

Он был, и это точно, в 1917 году напрямую заслан в Мадрид 2-м бюро ГШ армии для совместной работы с Мартой Рише (Жаворонок), получив инструкции, о которых мы ничего не знаем, по делу Жаворонок — фон Крон.

Дело в том, что 2-е бюро зарезервировало непосредственно за собой главную кандидатуру этого дела (Жаворонок), которая получала инструкции напрямую и зачастую в устной форме непосредственно от Парижа. Резидентура в Испании служила только в качестве агента-связника и вспомогательного агента для выполнения предписанных мер.

Архивы Мадридской резидентуры, следовательно, содержат только редкие заметки о Давришеви (дата прибытия, адрес, авткатастрофа и т.д.), контакт с которым не устанавливался. В них нет ничего или почти ничего о его работе, (которую, поверьте нам, авткатастрофа не позволила полностью завершить), и поэтому на основе этих документов невозможно составить о нем какое-либо мнение.

С другой стороны, эта часть дела предшествовала прибытию в Мадрид нынешних сотрудников резидентуры нашей разведки в Испании. Бывший резидент французской разведки в Испании г-н Жильбер де Нефвиль мог бы, основываясь на личных воспоминаниях, дать некоторые оценки деятельности г-на Давришеви. Думаем, что 2-му бюро было бы нетрудно пригласить его к себе, поскольку он проживает в Париже по ул. Грево, неподалеку от «Лесной армии»¹³.

В конце декабря 1919 года 2-е бюро (секция централизации разведанных) направило служебное донесение на имя военного министра, в котором подтвердило факт сотрудничества Зозо с французской военной разведкой, однако не высказало своего

мнения о целесообразности его награждения. В нем, в частности, пишется:

«... Давришеви действительно использовался 2-м бюро вместе с Мартой Рише (Жаворонок), и бывший резидент французской разведки в Испании г-н де Нефвиль может сообщить свое мнение об услугах, оказанных Давришеви.

Прилагаем досье на капитана Ладу и некоторые документы, которые могут относиться к его делу (телеграммы из Мадрида от 3 июля и 2 мая 1917 года).

Прилагаем также проект письма господину Жильберу де Нефвилю...»¹⁴

Причин столь осторожного отношения руководства 2-го бюро к делу Зозо было несколько. С окончанием войны его состав был значительно сокращен, пришли новые люди, которые ничего не знали о деятельности разведки в годы войны и тем более о Зозо. Кроме того, хотя капитан Ладу был оправдан по суду, он во 2-м бюро был в положении «парии», несмотря на его славное прошлое. Зная об «опале» бывшего руководителя французской разведки, новое руководство не желало подвергать себя риску, выжидая, чем закончится его дело. Такая линия поведения понятна читателю: у руля страны стоит премьер-министр «тигр» Клемансо, отправивший за решетку своего предшественника по обвинению в «предательстве». В этих условиях лучше не высовываться со своим мнением и действовать строго по инструкции. Кроме того, в случае успеха этого ходатайства зачем, спрашивается, добавлять новую веточку к лаврам майора Ладу?

Однако в конце концов медлительная бюрократическая машина сработала. Иосиф Давришвили был награжден французским Военным крестом. Зозо мог теперь ходить с высоко поднятой головой. Это было престижно, но денег не давало, а он был женат и еще до войны имел сына Дато. Нужно было кормить его и жену Анюту (или Анетт на французский манер). Потом с течением времени последовала военная медаль, но это не удовлетворяло честолюбивого грузина. В августе 1921 года Зозо обратился с письмом на имя Президента Республики, в котором просил в знак признания его бывших заслуг наградить его Крестом ордена Почетного легиона, что позволяло ему рассчитывать на повышенную военную пенсию. Эти хлопоты, однако, успехом не увен-

чались: Зозо по-прежнему оставался не гражданином Франции, а натурализовавшимся русским.

Чтобы как-то заработать на жизнь, Зозо пытается заинтересовать собой французскую военную разведку. В начале 1922 года он совершает поездку в Константинополь, как в ту пору назывался Стамбул, возможно, по заданию того же 2-го бюро, которое интересовалось положением в его родной Грузии. После возвращения из Константинополя он направляет во 2-е бюро следующее письмо:

«По понятным причинам, я позволю себе не упоминать в письме имя моего информатора.

Член грузинского Учредительного собрания, уполномоченный руководитель в Европе Грузинской национал-демократической партии, он пользуется полным доверием Советов Кавказа, которые поручают ему экономические миссии.

Будучи патриотом, как почти все население Грузии, выступающий против русского господства, он ведет двойную игру.

Это именно тот человек, который в Генуе разоблачил контракт, подписанный между британской компанией “Шелл” и Советами, (подготовленный мистером Бойлем в Тифлисе), передав его копию одному из редакторов газеты “Тан”.

Грузинским Советом ему поручено вести переговоры о:

1. Сдаче в концессию месторождений угля в Ткварчели (одно из самых богатых в мире), на что у него имеется официальный мандат.

Эти угольные копи желают приобрести три компании:

а). Представители мистера Бойля;

б). Мистер Стодерс (нефтяное акционерное общество в Грузии). В настоящее время он находится в Грузии, имея при себе сумму в 50 миллионов фунтов стерлингов.

в). Электромеханическая компания Германии.

г). Мингрельское акционерное общество в Христиании (представитель — Саломон Хаде).

2. Ему поручено найти французских концессионеров для месторождений нефти в Грузии, и он располагает проектом контракта, согласно которому можно получить концессию.

Вышеупомянутые компании прилагают большие усилия, чтобы приобрести эти месторождения нефти в Грузии, которые находятся в Кахетии и Нотанеби.

По причинам, которые вам объяснит это лицо, ни одна концессия на эти месторождения в Грузии не будет выдана до получения вашего ответа.

Если большая часть нефти, добываемой в Баку, будет закуплена “Шеллом”, ни одна цистерна с ней не поступит в Батум на экспорт (этому воспротивится грузинское население и организация, о которой я вам говорил). Этим частично объясняются усилия вышеупомянутых компаний по достижению соглашения с Грузией о передаче в их пользование грузинских нефтяных месторождений, которые являются более богатыми, нежели месторождения в Баку.

Доверие, которое ему оказывают Советы Грузии, а также поручения, даваемые этому лицу, позволяют ему вести патриотическое дело борьбы против русского господства на Кавказе.

Он изложит вам миссию, порученную ему грузинскими повстанцами, которые до сих пор победоносно удерживают в своих руках Сванетию;

Средства на закупку оружия у красных войск, чтобы тем самым привести их к полной беспомощности;

Возможность бросить войска Бекир-паши против Красной Армии и орд правительства Анкары (основы соглашения заложены).

В связи с тем, что выступление России против Польши неизбежно в весьма близком будущем, Кавказ может стать базой интервенции, и организация, о которой я только что говорил, сможет сыграть весьма большую роль»¹⁵.

На этом письме от И. Давришвили никаких резолюций и пометок не имеется. Смышленные французские разведчики, понимавшие, что все эти рассказы о богатых месторождениях нефти в Грузии — это такой же миф, как и легенды о бердичевских алмазах: в отличие от Зозо они хорошо знали эту проблему. Кроме того, французы уже обожглись на интервенции в Россию и впредь не собирались вмешиваться в ее дела, тем более что речь уже шла о дипломатическом признании Советов со стороны Парижа.

Но на этом неистовый летчик не успокоился. 22 февраля 1922 года он встретился с двумя представителями 2-го бюро — капитаном Мандра (оперативный псевдоним — Мулен) и капитаном Прюльером (псевдоним — Дюма). В подшитом в деле Зозо отчете об этой встрече они пишут:

«Общее впечатление: хорошее, выглядит откровенным, немного самоуверенным и авантюристом.

Чем недавно занимался: ездил в Константинополь с целью завязать торговлю с Россией. Столкнулся с непреодолимой ситуацией на черноморских рынках со стороны компании Нуланса, система взяток которого, как он утверждает, делает невозможной любую конкуренцию.

Там же получил со стороны большевиков весьма щекотливые предложения в случае возвращения в Россию, которые, как утверждает, он отклонил.

ЧТО ОН УЗНАЛ: КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

1. Восстановил прежние связи с Федором Баткиным. Этот тип, придерживающийся эсеровских взглядов (Керенский), в свое время играл некоторую роль при Временном правительстве в 1917 году. Недавно он выступил посредником между большевиками и генералом Слащовым из армии Врангеля, вследствие чего был допрошен французской полицией. После этого он переехал в Совдепию, движимый амбициями сыграть новую роль и, может быть, даже получить задание (во Францию?) от большевиков. Якобы на этот счет были некоторые предложения.

Г-н Д. сохранил контакт с ним и надеется получить новые данные от него.

2. Возобновил также отношения с некоторыми старыми друзьями, которые в настоящее время работают в советском Предстве в Константинополе. Благодаря этому он сумел получить некоторые документы, которые прилагаются, а именно:

а). Копию телеграммы, составленной условным языком и направленной Бухариным в Париж Александру Соколову (псевдоним Скобелева, советского торгового делегата во Франции и Бельгии).

Эта телеграмма сообщает о том, что через некоего Гольдберга в адрес газеты “Юманите” было направлено 12 500 турецких лир (23 декабря 1921 года).

б). Копию аналогичной телеграммы, отправленной Джозефу Кортону (псевдоним Красина, советского торгпреда в Великобритании) в Лондон.

В этой телеграмме сообщается об отправке через Ольгу Ивановну Липчинскую 15 тысяч турецких лир от того же числа.

Г-н Д. утверждает, что из того же источника он узнал, что примерно три недели или месяц назад в адрес редакции “Юманите” было отправлено по каналу некоего Макса (?) два миллиона франков.

Кроме того, он утверждает, что член советской делегации в Константинополе Модебадзе направляет активность своей пропаганды на Францию.

Что он предлагает:

чтобы ему вернули документы, которые он нам любезно предоставил и которые прилагаются к донесению. Он намерен получить расположение Красина, вручив ему эти документы, которые он якобы нашел, а потом добиться от него поручения организовать службу разведки большевиков во Франции»¹⁶.

Предложение Зозо внедриться в разведывательную сеть советской военной разведки во Франции не нашло поддержки со стороны 2-го бюро. Вероятно, потому, что в 1922 году таковой пока еще не было. А вот документы, полученные от Зозо, представили интерес для французской военной разведки. Так, 1 июня 1922 года Секция централизации разведывательных данных 2-го бюро направляет на имя военного министра докладную записку следующего содержания:

«Искренний и обычно хорошо осведомленный информатор г-н Давришеви прибыл вчера, 31 мая в 18 часов во 2-е бюро ГШ армии, в Службу разведки.

Он принес фотокопию одного документа, подтверждающего, что газета “Юманите” получает деньги от кавказских Советов.

Первоначальным его намерением было передать эти документы либо г-ну Леону Доде, либо г-ну Эрлиху, чтобы они сегодня же огласили их в Палате депутатов.

Чтобы убедить г-на Давришеви отказаться от его намерения, Служба разведки 2-го бюро ГШ армии должна была официально обещать, что эти документы будут переданы лично в руки г-на военного министра для передачи г-ну Председателю Совета министров и что Служба общей безопасности (Сюрте женераль) ни в коем разе и ни под каким предлогом не будет поставлена в известность об этом деле.

Г-н Давришеви передал документы только при этом условии.

Г-н Давришеви действительно представил в начале марта 1922 года серию документов, также исходящих от советского дипломатического представительства в Константинополе, один из которых подтверждает, что «Юманите» якобы получила от Советов 23/1/21 от Скобелева 12 500 турецких лир. Служба разведки передала дело в Сюрте женераль, поскольку оно касается внутренней безопасности государства. Вследствие этой передачи г-н Давришеви был вызван в Сюрте женераль для дачи дополнительных разъяснений. Он заявляет, что там с ним обращались словно с вульгарным осведомителем полиции и что он по этой причине отказывается впредь вступать в контакт с этой администрацией и служить ей в чем бы то ни было. 2-е бюро, впрочем, не знает, чем закончилось в Сюрте женераль это дело.

Г-н Давришеви дал понять, что некоторые из его друзей в курсе существования новых документов, оригинал одного из которых находится в Париже, и, вероятно, будет в его руках»¹⁷.

Поясним читателю, что Зозо предложил 2-му бюро копии телеграмм советского диппредставителя в Турции до зашифровки и их перевод на условный код. В них шла речь о переводе денег для «Юманите» в Париже, а также 15 тысяч турецких лир, вероятно, для ведения пропаганды, в Лондон для советского торгпреда Красина, который фигурирует под именем некоего Джозефа Кортонна.

Получив эту информацию от Зозо, 2-е бюро, как это принято во всех спецслужбах, перепроверило ее. Но прежде всего на него была составлена справка, из которой мы приведем некоторые выдержки. Не будем останавливаться на подробностях биографии летчика, уже известных читателю. Приведем некоторые страницы, относящиеся к его послевоенной деятельности.

«...ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Уехал в Константинополь с целью организации торговли с Россией, однако безуспешно. Утверждает, что получил весьма заманчивые предложения от большевиков в случае возвращения в Россию. Говорит, что отклонил их.

В Константинополе возобновил якобы старые связи с Федором Баткиным, лицом политической окраски социалиста-революционера, который играл некоторую роль при правлении

Керенского. По словам Давришеви, он якобы рекомендовал ему служить посредником между генералом Слашовым и большевиками. После этого Боткин якобы перешел в Совдепию, движимый амбициями и в надежде играть новую роль, может быть, получить задание (во Францию?) от большевиков.

Давришеви якобы встретил в Константинополе также некоторых из своих друзей, которые в настоящее время служат в советской дипломатической миссии в этом городе.

ОЦЕНКА СЕКЦИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ:

Предыдущая биография г-на де Давришеви, хорошее впечатление, которое он произвел, позволяют предположить, что он не попытается обмануть Генштаб армии.

Переданные документы являются подлинными, однако, возможно, что г-н Давришеви сам был обманут своими так называемыми друзьями. В случае необходимости легко можно перепроверить:

в Константинополе — действительно ли были отправлены телеграммы в указанную дату;

в Париже и Лондоне — были ли они получены.

Намерения г-на де Давришеви послужить для срыва маневров большевиков во Франции представляется искренними.

Если переданные документы являются подлинными, из их анализа вытекает, что во Франции «Юманите» получила в конце декабря 1921 года 12 500 турецких лир...»¹⁸

В досье Зозо подшиты официальные ответы Криптографической службы Франции, направленные ею во 2-е бюро по просьбе военной разведки. В них подтверждается, что эти телеграммы действительно были отправлены советским диппредставительством в указанные им сроки и по указанным адресам.

Стремлением повысить свой социальный статус и тем самым избежать участи быть заурядным осведомителем полиции отчасти объясняются его настойчивые попытки добиться награждения орденом Почетного легиона. В апреле 1930 года после продолжительных хлопот МИД Франции перед Президентом Республики Иосиф Давришвили все-таки получил новую награду. Однако это был не орден Почетного легиона, который будет ему вручен позднее, а Золотая медаль признательности Франции, вручаемая вместе с дипломом.

В 1935 году он вновь пытается заинтересовать собой 2-е бюро. Понимая, что «поезд ушел» и теперь французам лучше не заикаться об организации интервенции против России, во главе которой стоял его земляк и политический противник И. Сталин, он пытается выступить посредником в деле налаживания сотрудничества между 2-м бюро и советской военной разведкой. 26 августа 1935 года французская военная разведка оформила сведения от Зозо в виде разведывательного донесения следующего содержания:

«... Г-н Жак Давришеви (кличка Зозо), в настоящее время поддерживает контакт с некоторыми генералами из русской Военной миссии во Франции. Последние, говорит информатор, абсолютно убеждены, что в течение двух ближайших лет разразится военный конфликт между Францией и Россией с одной стороны и Германией и Польшей с другой.

В России весьма сильны национальные чувства против Польши. Русские убеждены, что неизбежно военное поражение этого соседа, который всячески их раздражает. Недавно русская эскадрилья совершила облет польской территории, чтобы «узнать реакцию». Реакции не было никакой.

Россия считает, что она в течение двух лет будет готова противостоять вторжению ее врагов, даже если будет сражаться в одиночку. Она использует всю свою мощь на развитие своей армии, флота и авиации... В настоящее время заботой русского Генерального штаба является также организация собственной разведывательной службы, которой придается все возрастающее значение.

Что касается специального поля ее деятельности, то один из руководителей русской Военной миссии открылся г-ну Давришеви (так говорит сам Давришеви, но мы не были бы удивлены, учитывая его прошлое, что идея исходит от него самого: он избегает назвать имя и звание своего собеседника), что русский Генштаб разработал проект создания совместной с французской армией разведывательной службы. Дело в том, что он испытывает большие затруднения в содержании агентуры в Польше, где недоверие и враждебность к выходцам из России достигла апогея. Россия же, наоборот, имеет для этого самые благоприятные возможности в Германии и располагает о ней самыми точными сведениями (говорит Давришеви со слов своего собеседника) о массивном перевооружении, которое в настоящее время производит рейх. Для Франции, считает русский Генштаб, ситуация является

обратной, информаторы французской разведки могут работать в условиях достаточной отдачи в Польше, в то время как их миссия в Германии является практически невозможной.

Исходя из этой фактически двойственной ситуации, русский Генштаб якобы предписал собеседнику Давришеви «прошупать почву» во время его нынешней командировки во Францию для объединения усилий русской и французской разведывательных служб путем создания совместного органа, действующего в общих интересах в Германии и Польше. Если Генштаб армии одобрит априори подобную идею, г-н Давришеви готов, по его словам, установить контакт между его собеседником и французской службой разведки, чтобы обеспечить приезд из СССР во Францию высокопоставленного лица русской разведки, наделенного всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы совместно с нашими специальными службами реализовать создание и наладить работу этой новой службы.

Русский Генштаб, или по крайней мере собеседник г-на Давришеви, предусматривает придать этой организации форму, аналогичную той, которую придают немцы своим мощным специальным службам за границей: акционерное общество, являющееся внешне совершенно независимым, — финансовое, промышленное или торговое, — представительство фирмы, орган статистических исследований и т.п.

Кроме того, г-н Давришеви сообщил нам, что русский Генштаб якобы готов раздобыть «все необходимые средства», а Франция должна будет «дать людей» по крайней мере для Польши.

В заключение г-н Жак Давришеви, ссылаясь на ранее оказанные им услуги, заявил, что хочет поставить на службу Франции доверие, которое питают к нему его бывшие товарищи — русские революционеры, занимающие в настоящее время руководящие посты в СССР, и просит разрешить ему изложить военным властям идею, которую, по его словам, ему поручено продолжить и, если возможно, реализовать.

Мы сообщили ему, что в нашу компетенцию не входит давать ему указания даже в принципе, но мы немедленно и полностью доложим о его демарше...¹⁹

Но Зозо не оставляет свои попытки быть полезным одновременно французской и советской военным разведкам. 10 сентября 1935 года 2-е бюро передало в Службу контрразведки следующее его разведывательное донесение, зарегистрированное под номером 235:

«В продолжение разведдонесения от 25 августа 1935 г.. направляем приложением документ, который информатор записал почти под диктовку своего собеседника... Давришеви уточнил, что автором предложений является генерал, который будет командовать танковыми войсками на маневрах, назначенных на 10 сентября...

Вот их содержание:

1. Мы хотим любой ценой избежать вмешивать политиков в это дело как ваших, так и наших, именно поэтому этот вопрос не был задан в Москве г-ну Лавалю в момент подписания нашего соглашения, когда это предложение, разумеется, имело бы больше шансов привести к конкретным результатам, нежели сегодня.

2. Замешивать в это дело, имеющее чисто военный характер, г-на Лавала или г-на Литвинова, равноценно тому, что передать его г-ну Марти или Кашену. Русское 2-е бюро не доверяет всем четверым. Мы не политики, мы только военные.

3. Мы хотим откровенной встречи, чтобы изложить вам нашу аргументацию, могущую служить основой для принятия принципа нашего сотрудничества. Согласно аргументам, которые мы приведем, мы уверены в том, что этот принцип будет принят. Впоследствии мы увидим, будет ли этот принцип приемлем для вас.

4. Нам известна работа, которую ведут французские службы для того, чтобы изменить политическую ориентацию Польши. Прежде чем прийти к этой ориентации, Польша (а это возможно) придет к другой ориентации (итальянской). Мы представим неопровержимые доказательства на этот счет. Мы потеряем время, которое в работе 2-го бюро никогда не будет наверстано.

5. Технические вопросы соглашения будут приняты нами после формального одобрения их французами. Мы предлагаем с нашей стороны такой план, который, мы в этом уверены, будет приемлем для 2-го бюро.

6. Мы хотим гарантий для себя в случае войны с Польшей и Германией против нас, т.е. СССР и Франции. По нашему мнению, эта война неизбежна. Если наше военное сотрудничество, заключенное в Москве, действительно является искренним и служит гарантией нашего союза против врага, соглашение между двумя разведывательными бюро является полезным, необходимым и представляется бессрочным.

7. Это соглашение будет распространяться на темы и проблемы, выработанные совместно, дающие свободу договаривающимся сторонам прекратить его в случае изменения обстоятельств.

8. Мы повторяем, что время торопит и что поздно или рано мы сможем оценить, является ли военное соглашение, подписанное в Москве, искренним желанием обсудить наше предложение. Это дело между Ворошиловым и вашим военным министром, но ни в коем случае между Литвиновым и Лавалем. Обмен мнениями между французским и советским 2-м бюро, очевидно, возможен с согласия обоих военных министров. Мы это очень хорошо понимаем»²⁰.

В деле «Зозо» подшит написанный на бланке Службы контрразведки пояснительный рукописный документ:

«Среди генералов из состава советской Военной миссии, прибывших на маневры в Шампани и способных командовать танковыми войсками на ближайших маневрах, числятся: дивизионный генерал Малашенко и бригадный генерал Лизюков»²¹.

Эти документы из архивов французской военной разведки являются весьма примечательными. Впервые в российской исторической литературе приводится ранее никому не известный факт, что в 1935 году Советский Союз предлагал Франции наладить сотрудничество по линии военных разведок обеих стран. Французская сторона также не предавала огласке советское предложение, свидетельствующее об искреннем желании СССР установить с ней полномасштабное военное сотрудничество.

Поясним читателю, что в 1934 году между Германией и Польшей был подписан договор о неприменении силы, фактически направленный против СССР. Польша надеялась, что в будущей большой европейской войне она вместе с Германией будет воевать против Советского Союза и с его помощью возродит Великую Польшу «от моря до моря», отрезав от СССР Белоруссию и Украину. Правда, Гитлер имел иное мнение на этот счет. Он помнил завещание «железного канцлера» Бисмарка, согласно которому Германия должна заключать пакты, подобные союзу наездника с ослом. При этом Германия всегда должна быть наездником. В этой связи Гитлер не без основания полагал, что договор гарантирует его страну от нападения с Востока в тот момент, когда пока еще слабая в военном отношении Германия не решит своих территориальных проблем на Западе (возвращение Саара, демилитаризованной Рейнской области и т.п.).

Германско-польский договор вызвал большую обеспокоенность во Франции, которая усмотрела в этом фактическом военном союзе двух стран угрозу своим интересам на континенте. Поэтому в противовес ему в следующем, 1935 году, между СССР и Францией впервые было подписано соглашение о военном сотрудничестве, фактически направленное против возможной агрессии нацистской Германии.

Оно вызвало раздражение у лондонских «мюнхенцев», которые рассматривали его как «предательство» их политики поощрения гитлеровской агрессии на Восток. Под давлением Лондона советско-французское соглашение осталось чисто декларативным и не наполнилось конкретным содержанием, обязывающим обе стороны оказывать друг другу реальную военную помощь в случае агрессии Германии против одной из них.

Попытки же советской военной разведки наладить сотрудничество с французскими спецслужбами в Польше и Германии, впрочем, также оказались бесплодными, поскольку правившие в тот период во Франции «двести семейств» больше боялись Советского Союза, нежели Гитлера.

Дальнейшие попытки Зозо как-то обратить на себя внимание французской военной разведки были также безрезультатными. Не удалось и его хлопоты по устройству сына Дато в престижное военное училище Сен-Сир: он не был французским гражданином, поэтому Дато взамен было предложено записаться в Иностраннный легион.

В пояснительной записке, написанной от руки каким-то сотрудником французской военной разведки, подписавшимся инициалом Д., так говорится об этом:

«Капитан Котен из 2-го бюро сказал, что случай Давришеви ему известен. Несколько месяцев назад отец г-на Д. нанес ему визит, не сказав, однако, о намерении его сына попросить оказать ему помощь при поступлении в Сен-Сир.

Следовало бы, чтобы г-н Д. составил прошение, которое было бы передано в МИД его консулом, затем МИД переправил бы его обычным путем в Военное министерство. В любом случае, в этом военном училище нет бесплатных мест.

Впрочем, Кабинет министра (г-н Дево) говорит, что вчера он занимался делом одного грузина, которому примерно 29 лет, име-

ющего аттестат о среднем образовании, которому был дан ответ, что «был получен неблагоприятный отзыв в связи прежде всего с возрастом кандидата, а затем его национальности»²².

Документ датирован 26 ноября 1936 года и представляет собою бюрократическую отписку. Известно, что И. Давришвили не был советским гражданином, следовательно, никакой консул не мог ходатайствовать за него. Кроме того, французские власти, учитывая заслуги Зозо перед этой страной, могли бы пойти ему навстречу, однако не сделали этого. Вероятно, ему как бывшему революционеру-террористу французы не очень доверяли: в 30-е годы у них и своих террористов хватало. Достаточно вспомнить печальной памяти профашистских кагуляров.

На этом дальнейшие хлопоты Дато Давришвили прекратились. Он понял, что все бесполезно и решил поблагодарить 2-е бюро за посильную помощь. 15 января 1937 года Дато пишет туда новое письмо на имя его начальника. Оно было зарегистрировано под номером 469. Вот его содержание.

«Господин полковник!

Позволю себе направить вам наилучшие пожелания по случаю Нового года, а также мои чувства признательности за вашу доброту ко мне, выразившуюся в благоприятном отношении к моему поступлению в военное училище Сен-Сир.

Наконец я только что получил ответ Министерства иностранных дел, содержание текста которого излагаю:

“Имею честь сообщить вам, что мой департамент передал дело, предлагающее вашу кандидатуру, в Военное министерство, которому подчинено военное училище Сен-Сир и которому надлежит принять окончательное решение относительно вашего поступления. Я вновь изложил ваше дело военным властям, передав им ваше письмо”.

В своем письме я попросил ответа. В Военном министерстве меня отослали за ответом в МИД, дав мне понять, что французская армия во мне не нуждается и что мое грузинское происхождение играет в этом какую-то роль.

Моим желанием являлось получить французское гражданство после того, как я буду принят в училище Сен-Сир и получу производство в офицеры.

Я все еще пытался сохранять какую-то надежду на это, но после 20 января думаю, что не имею больше права надеяться.

Примите, господин полковник, самые почтительные приветствия.

Париж, 10/01/37
Д. Давришеви”.

На этом письме имеется резолюция, вероятно, начальника 2-го бюро: «Я сделал все необходимое. Не думаю, что Д. может быть принят»²³.

После многочисленных отказов французских властей принять Дато Давришвили в училище Сен-Сир его призвали в армию. Правда, возможно, речь все-таки идет об Иностранном легионе, поскольку французского гражданства он так и не получил.

14 сентября 1938 года его отец, Иосиф Давришвили обращается с письмом в Генеральный штаб. Вот его текст.

Париж, 14 сентября 1938 года

Г-ну Начальнику Генерального штаба
генералу Гамелену
Париж

Господин генерал!

Считаю своим абсолютным и неоспоримым долгом просить оказать мне честь поступить в ваше распоряжение. Поскольку мой сын призван в армию, я требую права поручить мне самые секретные и опасные задания, какими бы они ни были.

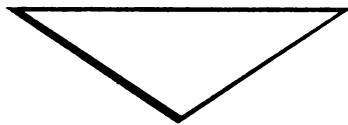
Мое прошлое безупречно, мой опыт, услуги, оказанные во время войны 2-му бюро, и мои обширные связи во всех уголках мира дают мне надежду, что моя скромная просьба будет принята во внимание.

Примите, господин генерал, уверения в моей полной преданности Франции и вам.

Бывший сержант-пилот
Жак де Давришеви
Ул. Мениль, 14
Париж²⁴

Письмо это было написано за две недели до «Мюнхенского сговора», когда Германия потребовала от Чехословакии возвращения Судетской области. В воздухе снова запахло порохом. Однако Зозо явно поторопился: Париж и Лондон воевать за Чехословакию не собирались. 29 сентября 1938 года они в баварской столице выдали с головой Чехословакию на растерзание Гитлеру. Поэтому на письме никаких резолюций не имеется. Кроме того, в ту пору летчику Зозо было уже 56 лет. В таком возрасте в разведку идти вроде бы поздновато...

Таким был агент Павла Игнатьева, боевой летчик по кличке Зозо. В его характере причудливо перемешались самые разнообразные черты — от безумной храбрости и самопожертвования до стремления обеспечить себе и своим близким спокойную, зажиточную жизнь. Он был пламенным революционером и одновременно заурядным грабителем. Не будем строго судить его: Зозо был сыном своего бурного времени, о котором нельзя писать только в черных или белых красках. Как сложилась дальнейшая судьба Иосифа Давришвили? 10 мая 1940 года стальные полчища германской армии вторглись во Францию. После полутора месяцев бесславного сопротивления французская армия капитулировала, и страна была оккупирована германскими войсками. Документы 2-го бюро и других французских спецслужб попали в руки гестапо. Изучив их, гитлеровцы казнили агента НКВД, известную русскую певицу Надежду Плевицкую, бывшего министра в правительстве Керенского Сергея Третьякова, схватили генерала Дьяконова, также как и они работавшего на советскую внешнюю разведку, и ряд других русских патриотов. Удалось ли Иосифу Давришвили не повторить их судьбы? Сумел ли он, подобно Марте Рише, уйти в маки, чтобы сражаться с оккупантами его второй родины? Мы этого не знаем, и загадка «пилота Зозо» ждет своего решения.

Глава двенадцатая

БЕРТА ДУССЕ И ДРУГИЕ АГЕНТЫ П. ИГНАТЬЕВА

В своих мемуарах, опубликованных после смерти Павла Игнатъева его женой, полковник рассказывает о приключениях его агентов в годы Первой мировой войны, в основном женщин. О некоторых из них мы уже рассказали. Это было, конечно, не случайно: во Франции вышли книги бывшего руководителя французской военной разведки майора Ладу, воспоминания Марты Рише, множество литературы, посвященной знаменитой шпионке Мата Хари, которая, как показывают материалы ее дела, хранящиеся в архивах 2-го бюро в общем-то ничего особого в разведке не сделала и пострадала оттого, что хотела получать деньги одновременно от французской и германской разведок.

В общем, после Первой мировой войны интерес европейской общественности к тайной деятельности разведслужб был весьма высоким, особенно к роли женщин в разведке. Романтически настроенному обывателю хотелось верить в то, что роковые и коварные женщины-шпионки сыграли в годы войны выдающуюся роль в проникновении в тайны противника, хотя это было далеко не так. Павел Игнатъев, разумеется, учел этот фактор при написании своих мемуаров, где рассказывает о некоторых из своих бывших агентесс, разумеется, с соблюдением всех необходимых мер предосторожности. Однако в отличие от весьма бойких журналистов, гонящихся за сенсациями и находящими их на пустом месте, а также стремясь быть объективным, он не стал переоценивать роль «женского фактора» в противоборстве спецслужб Антанты и Четверного союза.

В его деле мы обнаружили документы, рассказывающие о деятельности одной француженки, которую П. Игнатъев с подачи 2-го бюро использовал для получения сведений о переброске

войск противника на Восточный фронт. О ней он в своих мемуарах не проронил ни слова. Звали ее Берта Дуссе. В деле полковника Игнатьева, обнаруженном нами в архивах французской военной разведки, сохранилось ее письмо начальнику 2-го бюро ГШ французской армии, в котором раскрывается суть ее сотрудничества с русской военной разведкой, а также ответ П. Игнатьева на поступивший к нему запрос. Приведем их полностью.

«Г-ну Начальнику Генерального штаба
Начальнику 2-го бюро
*Париж, воскресенье,
8 августа 1920 г.*

Военное министерство,
Университетская ул., 75
Париж

Нижеподписавшаяся Дуссе Берта, проживающая по адресу: Париж, 15-й район, ул. Тартр, имеет честь нижайше напомнить о себе доброй памяти г-ну Начальнику Генерального штаба, с которым она не могла лично встретиться, но была дважды выслушана специально выделенным офицером.

Несмотря на многочисленные демарши перед Военным аташе генералом графом Игнатьевым, не было принято никакого решения, и это подтверждает, что урегулирование вопроса, которое ее интересует, может быть получено только от французского 2-го бюро Военного министерства в Париже, поскольку она осмеливается изложить Вам нижеследующее.

В первых числах мая 1916 года, представившись г-ном Битаром (или Биффаром?), французский лейтенант из Межсоюзнической разведывательной службы, переведенный по роспуску указанной Службы в 13-й артиллерийский полк и ныне проживающий по адресу: ул. Шуанель, д. 3 в Париже, предложил мне работать на нее, и я была зачислена в Русскую разведывательную службу с ежемесячным содержанием в 600 франков.

7 мая 1917 года я была направлена в Венгрию, где должна была постоянно ездить для передачи сведений военного и экономического характера через посредство моей сестры, мадам Геснон (авеню Бетюзи, 30, Лозанна). Таким способом мне удалось передать

некоторое количество разведывательных сведений из Будапешта. Будучи арестованной 18 сентября в Будапеште, я была заключена в военную тюрьму де ла Плас.

После года предварительного заключения я предстала перед военным судом и была приговорена к смертной казни.

Я была вынуждена придумать басню, чтобы не выдать тайны, к которой сама принадлежала, однако Министерство общественной безопасности не поверило и потребовало для меня смертной казни (выдержка из этого приговора на венгерском и немецком языках у меня имеется).

Благодаря демаршам, предпринятым вне тюрьмы, где я отбывала предварительное заключение, я провела там один год.

Некоторое время спустя после приговора суда я была переведена в тюрьму Девы Марии и до декабря 1918 года страдала в ней от голода и холода в камере, в которую меня поместили.

Я настолько страдала от холода, что моя правая рука была отморожена и из-за этого увечья стала совсем неспособной к тяжелой работе.

Я так страдала от голода, что заболела анемией, и малейшее усилие меня изнуряет, а усталость вынуждает оставаться в постели.

Только 27 декабря 1918 года я была выпущена на свободу во исполнение Соглашения о перемирии.

С величайшими трудностями мне удалось возвратиться во Францию в конце августа 1919 года, лишенной всяких средств к существованию, потерявшей здоровье, бодрость и силы.

Полностью истощенная, я была вынуждена лечиться, залезая в долги, и с удивлением узнала, что Служба, в которой я состояла, распущена и что я не могу рассчитывать ни на какую компенсацию, которую мне задолжало Французское правительство, которое завладело архивами и денежными средствами Русской разведывательной службы во время революции в России.

Наконец, Швейцарское правительство требует от меня возмещения расходов на адвоката, которого оно мне выделило во время судебного процесса (270 швейцарских франков).

В подтверждение моих слов у меня имеются документы Политического департамента Швейцарии. Повторяю, что я осталась без средств к существованию, вся в долгах и не могу, несмотря на все мои усилия и демарши, вот уже год добиться удовлетворения моей просьбы, а мое дело находится в подвешенном состоянии.

Больная, обессиленная в результате лишений, я имею честь почтительно просить у Вас справедливости и решения, которое Вы один в состоянии добиться для меня.

Добавлю, что генерал граф Игнатъев полностью убежден в справедливости моего дела и что он может подтвердить правдивость вышеизложенных фактов.

Будучи сторонником урегулирования этого вопроса, он не возражает против того, чтобы я в конечном итоге получила вознаграждение за оказанные мною услуги.

Поэтому я имею честь почтительнейше просить г-на Начальника 2-го бюро простой оплаты расходов, которая была мне обещана накануне отъезда во вражескую страну.

Я позволю себе напомнить о них для сведения, а генерал граф Игнатъев может их подтвердить даже по телефону, если Вы сочтете это необходимым.

С 9 мая 1916 года по 28 августа я не получила целиком моего денежного содержания, т.е. 600 франков х 4 месяца = 2400 фр. Мне остались должны 1000 франков, которые обещали выплатить по возвращении.

С сентября 1916 по 27 декабря 1918 года:

4 месяца (1916 год) — 12 месяцев (1917 год) — 12 месяцев (1918 год) по 600 франков в месяц:

Итого: 16 800 франков — 1000 франков

Всего: 17 800 франков.

Я полностью Вам доверяю, господин Начальник 2-го бюро, и поэтому предоставляю Вам судить, насколько вышеуказанная сумма (17 800 франков) может компенсировать перенесенные мною физические и моральные лишения, страдания моей семьи, мои увечья, мою нынешнюю болезнь, долги, в которые я была вынуждена залезть, напрасно рассчитывая в продолжение целого года получить эту сумму денежного содержания за время, проведенное на службе у Союзников.

Неужели мне придется снова ждать?

Будут ли без конца продолжаться мое отчаяние, неуверенность в завтрашнем дне, в которых я оказалась?

Я так не считаю и поэтому уверена, что, обращаясь к Вашей справедливости, господин Начальник 2-го бюро, обрету нужное решение просьбы несчастной женщины, которая едва не заплатила жизнью за свою преданность делу Союзников, которая в те-

чение двух с половиной лет находилась в тюрьме и возвратилась домой больной, почти калекой, без средств к существованию, в то время когда жизнь является такой трудной со всех точек зрения, и которая почтительнейше ожидает, наконец, благоприятного ответа и остается Вашей самой преданной и покорной слугой.

Берта Дуссе
Париж, 15-й район,
Ул. Тартр, д. 100»¹

Вот такое письмо, не требующее комментариев. Оно было написано явно под диктовку адвоката и долго ходило по инстанциям во французском Генштабе, пока наконец 2-е бюро не запросило письмом от 29 октября 1920 года Павла Игнатъева. К этому времени он был уже не у дел и проживал вместе с матерью и женой на ферме, расположенной к северо-востоку недалеко от Парижа.

Он быстро, по-военному отреагировал на письмо французского 2-го бюро. Уже 1 ноября того же года П. Игнатъев пишет:

*«Ферма замка Валадьер, 1 ноября 1920 г.
ул. де ла Плен, 50 Граф Игнатъев
Гарш, деп. Сена-и-Уаза
Тел. 141*

Сударь!

В ответ на Ваш № 10397 от 29 октября с.г. спешу сообщить свое мнение относительно двух вопросов, которые Вы в нем подняли.

1. Разрешив в апреле 1918 года оплату чеком на сумму 163 800 франков, из коих 8000 были выплачены в качестве аванса лицу, согласившемуся перейти на службу его 2-го бюро, французский Генеральный штаб отлично представлял себе, что с помощью этой суммы можно закрыть только самые срочные дела.

Как мне помнится, эта цифра была установлена в результате уменьшения по крайней мере вдвое первоначально намеченной суммы.

В нынешних условиях я считаю, что урегулирование всех требований является совершенно невозможным, поскольку в подобных случаях я должен был бы вступить в контакт с моими бывшими сотрудниками, начать переписку, поездки, изучение архивных материалов и т.п., что совершенно невозможно с учетом моей нынешней жизни.

Тем не менее в крайне важных случаях, когда, например, от ликвидации агентуры зависит доброе имя или состояние сотрудника, я готов прийти к нему на помощь и получить от Вас оплату того или иного сотрудника.

Подобный случай имел недавно место в Голландии, однако, насколько мне известно, нам было отказано в этих выплатах, вероятно, из-за недостатка доверия французского Генерального штаба лично ко мне.

2. Что касается мадемуазель Дуссе, я нахожу, что в ее просьбе материальная сторона дела и важность оказанных ею услуг изложены самым точным образом.

Что до остального, то я подтверждаю, что она представила один или два отчета, не имеющих никакой ценности. Она не исполнила своей миссии исключительно по своей вине.

Как только мне доложили об ее аресте, перед швейцарским правительством были предприняты все возможные в подобной ситуации меры, чтобы ее спасти.

Исходя из вышеизложенного, я думаю, что не может быть и речи о выплате ей той крупной суммы, которую она запросила. Ей можно было бы выплатить сумму в одну тысячу франков, которую ей задолжали после возвращения с задания.

Примите выражения моей преданности и искреннего уважения.

Подпись:
Граф П. Игнатьев.

Правильность перевода на французский язык подтверждаю.
Лейтенант *Поллак*².

Как поступила французская военная разведка в отношении Берты Дуссе? В досье 2-го бюро, связанного с ликвидацией Русской разведывательной миссии в Париже, имеется следующие документы:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА
КАНЦЕЛЯРИЯ ПРЕСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
МИНИСТРОВ

КОМИССИЯ ПО ЛИКВИДАЦИИ
РУССКИХ ДЕЛ

*Париж, 17 февраля 1921 год
Бульв. Сен-Жермен, 231
Секретно*

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
ДЛЯ 2-ГО БЮРО ГЕНШТАБА АРМИИ
Секция централизации сведений

В ответ на вашу ноту № 6852СКР-2/11 от 3 сентября 1920 года имеем честь сообщить Генштабу армии, что требования Скрябина и Дуссе вызвали следующие решения Комиссии по ликвидации русских дел:

...ТРЕБОВАНИЯ ДУССЕ. — Согласно с Русским военным аташе и, в соответствии с состоявшимся обменом корреспонденцией, Генштаб армии и Комиссия считают, что следует ограничиться выплатой мадемуазель Дуссе суммы в размере 1000 франков, составляющих компенсацию за ее услуги в период с 9 мая по 28 августа 1916 года, которую она не получила своевременно по завершении ее задания.

Остальные ее просьбы должны быть отклонены.

Посему к данному документу прилагается чек на сумму 1000 (одна тысяча) франков на имя мадемуазель Дуссе. Просим Генштаб армии, в который поступили требования заинтересованного лица, сообразованно передать ей чек и затем направить в Комиссию расписку (или копию расписки), который должна подписать мадемуазель Дуссе по вручении ей чека.

Возвращаем при этой служебной записке также документы, прилагавшиеся к ноте от 3 сентября 1920 года, за исключением документов, касающихся требований Скрябина, которые были возвращены непосредственно в Гражданский кабинет.

Генеральный контролер,
Председатель Ликвидационной комиссии
(Подпись) ³

Здесь же приобщен следующий документ:

2-е бюро Р/20.
Секция централизации сведений 29 февраля

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Председателю Совета министров
(Комиссия по ликвидации русских дел)

бульвар Сен-Жермен, 231

2-е бюро Генштаба армии имеет честь сообщить Комиссии по ликвидации русских дел, что вследствие ноты № 4580 ЛР от 9 февраля 1921 года чек на сумму 1000 франков, подписанный Игнатьевым, был лично вручен 21 февраля 1921 года мадемуазель Дуссе.

Расписка в получении чека прилагается.⁴

Так были оценены услуги агента П. Игнатьева Берты Дуссе. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

Что же касается агента, который был передан П. Игнатьевым французскому 2-му бюро и упоминается в его письме, то это был, по всей вероятности, пилот Зозо, о котором мы уже рассказали в предыдущей главе. Во всяком случае, упоминаний о других секретных сотрудниках графа Игнатьева 2-го в этом деле французской военной разведки нами не обнаружено. Поясним также читателю, что «ликвидация» агента на профессиональном языке разведчиков означает не что иное, как его исключение из агентурной сети и производство полного расчета с ним, а отнюдь не убийство, как кое-кто может подумать.

РУССКИЙ ПЛЕЙБОЙ С. ВОНЛЯРЛЯРСКИЙ

... В начале 1917 года русским армиям удалось овладеть почти всеми ключевыми железнодорожными узлами австро-германских войск. Однако, несмотря на ценные сведения, полученные им в Европе, русское военное командование не имело четких сведений о военно-политических планах противника и моральном состоянии его войск. Ставку интересовали также сведения о реальных отношениях между Германией и Австро-Венгрией. В Могилеве в общем плане знали, что Вена недовольна своим союзом с Берлином и хотела бы отмежеваться от далеко идущих планов кайзера Вильгельма II. К слову сказать, этими сведениями не располагали и союзники России, которые были уже настроены на затяжной характер текущей войны.

Вскоре П. Игнатъев узнал, что в Женеве находится австрийский консул Монлоп, который до войны был дипломатом австрийского посольства в Петербурге. Это был уже довольно пожилой человек, имевший, однако, молодую и привлекательную жену. Как установила агентура П. Игнатъева, в Швейцарии Монлоп, помимо прямых консульских обязанностей, выполняет какую-то специальную миссию, встречается с людьми различных национальностей. В основном это были пацифисты, которые вели пропаганду в пользу прекращения войны. Монлоп носит с собой портфель, с которым никогда не расстается. Они с женой ведут уединенный образ жизни, изредка посещают концерты. Страстью консула является посещение казино, где он играет в рулетку и постоянно проигрывает.

Павел Алексеевич решил взять австрийского консула в агентурную разработку. С этой целью его агент Гартинг-Альфред познакомился с Монлопом, сумел завоевать его доверие и однажды одолжил австрийцу, продувшемуся в казино, десять тысяч франков, которые тот принял. Однако его попытки войти в семью дипломата оказались бесплодными: австриец по-прежнему оставался замкнутым и недоверчивым.

Однажды Павел Алексеевич встретил в Париже, в кафе на площади Оперы, своего друга детства и однополчанина по гусарскому полку Сергея Михайловича Вонлярлярского. Он в свое время закончил Пажеский корпус и служил в одном из лучших полков императорской гвардии. Это был красавец парень, который из-за романа с женщиной, не принадлежавшей к русской аристократии, был вынужден оставить полк и вместе с ней приехал в Париж. Здесь деньги, занятые Сергеем у друзей, вскоре иссякли, а любовница, как водится в таком случае, покинула его. Сергей поступил на службу сначала лакеем в парижское кафе, а затем нашел место бармена на борту трансатлантического лайнера. Но и здесь он не задержался, продолжая все дальше катиться по наклонной плоскости: сначала стал горнорабочим, а затем грузчиком в порту.

С началом войны он возвратился в Россию и поступил на военную службу. На фронте Сергей командовал кавалерийским эскадронам, был ранен в грудь и демобилизовался из армии. После этого он возвратился в Париж для лечения. Недавно Сергей выписался из госпиталя практически без всяких средств: у него осталось последние сто франков. В разговоре выяснилось, что

С. Вонлярлярский был знаком в Петербурге с Монлопом и особенно его женой, за которой пытался ухаживать и не без успеха.

П. Игнатъев пригласил Сергея к себе домой, познакомил его со своей женой. Он решил ввести С. Вонлярлярского в разработку австрийского дипломата и его жены. В качестве вознаграждения ему ежемесячно будет выплачиваться десять тысяч французских франков (одна тысяча рублей золотом). Кроме того, все расходы по разработке австрийского дипломата будут оплачиваться за счет русской военной разведки.

Через две недели С. Вонлярлярский по заданию П. Игнатъева выехал в Швейцарию под предлогом лечения, в курортный город Уши. Здесь он возобновил контакт с австрийским дипломатом и его женой Ирмой, которая была явно рада встрече с красивым русским, к тому же раненным на фронте и нуждающимся в женской опеке. Вскоре выяснилось, что у Ирмы есть родственники в Бразилии, которые до войны высылали ей деньги через францужско-бразильский банк. Однако с началом боевых действий эти переводы прекратились.

В оперативную игру решил включиться сам Павел Игнатъев. С паспортом на имя Чернядьева он выехал в Швейцарию, чтобы на месте руководить разведывательной операцией по вербовке Ирмы. Предварительно Павел Алексеевич договорился с Ж. Ладу о разрешении французских властей на перевод денег Ирме из Бразилии от ее родственников. Это должно было послужить дополнительным мотивом для ее привлечения к работе на разведку союзников. Разумеется, П. Игнатъев и 2-е бюро французского Генштаба интересовали не прелести Ирмы, а содержание портфеля Монлопа, с которым он никогда не расставался.

Сергей Вонлярлярский к этому времени сумел настолько очаровать Ирму, что она стала его любовницей. Однако он не имел опыта разведывательной работы и поэтому никак не мог решиться убедить Ирму передать ему на время портфель ее мужа. Павлу Игнатъеву пришлось даже оказать нажим на Сергея, пригрозив ему прекратить денежные выплаты. Это принесло свои плоды, и через некоторое время Сергей принес в гостиничный номер в Уши, который снимал Павел Алексеевич, объемистый портфель австрийского дипломата, в то время как Монлоп продолжал с азартом играть в рулетку.

Когда помощник Павла Игнатъева Гартинг-Альфред вскрыл портфель австрийца, оказалось, что в нем находятся документы

колоссальной ценности. Из них следовало, что Австрия ведет сепаратные переговоры о мире с Францией и Англией, о которых союзники ничего не говорят России. Кроме того, из документов следовало, что австрийский дипломат тайно встречается с представителями польских и украинских националистов, которые мечтают о создании независимого польско-украинского государства под протекторатом Берлина и Вены. Все эти документы были тайно перефотографированы Аркадием Гартингом и в дальнейшем отправлены в Ставку.

Что же касается Сергея Вонлярлярского, то он, как говорится, вошел во вкус разведывательной игры и продолжал снабжать через Ирму русскую военную разведку секретными австрийскими документами вплоть до конца войны. В 1918 году в связи с ликвидацией Русского отделения Межсоюзнического бюро по разведке он женился на одной русской эмигрантке и вместе с ней уехал в Южную Америку. После прекращения деятельности Русской миссии в Париже дальнейшая судьба Монлопа и его жены Ирмы, работавшей на русскую военную разведку, осталась неизвестной.

ФАБРИКАНТ ЦИММЕРМАН

Как мы уже отмечали, наибольшую долю среди агентурных сообщений графа П. Игнатьева занимали сведения о переброске воинских контингентов противника на Восточный фронт. Для выполнения этой задачи он нуждался в агентах, могущих беспрепятственно совершать поездки из нейтральной Швейцарии в Австро-Венгрию и Германию. Руководивший агентурой сетью в Швейцарии Гартинг-Альфред привлек через одного из своих агентов к сотрудничеству с русской военной разведкой крупного производителя зонтиков, клиентура которого в основном проживала в странах противника. Поскольку боевые действия сильно отразились на доходах его фирмы, он и его компаньоны страстно желали скорейшего прекращения войны, и А. Гартингу не составляло большого труда привлечь этого фабриканта к сотрудничеству с русской разведкой.

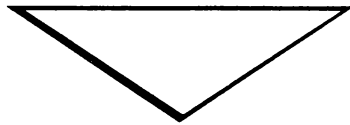
Однажды он устроил встречу П. Игнатьева с фабрикантом, которая состоялась в Лозанне. Циммерман — так звали фабриканта — охотно согласился выполнять разведывательные задания П. Игнатьева для того, чтобы, как он выразился, как можно

скорее положить конец этой отвратительной бойне. Он сказал, что привлечет к сотрудничеству ряд своих клиентов, которые будут регулярно информировать его о переброске войск Австро-Венгрии и Германии на Восточный фронт. Павел Алексеевич уточнил существо задания, попросив особое внимание уделить движению воинских эшелонов через Краков, Оломоуц и Брно. Свои сообщения Циммерман должен был направлять на ряд почтовых адресов в Швейцарии, делая соответствующие накладки в обычных газетах.

В течение месяца от Циммермана регулярно поступали сведения о переброске войск противника на Восточный фронт, которые были точными и подробными. Секретные сведения он направлял на ряд почтовых ящиков в Швейцарии, откуда они переправлялись П. Игнатьеву в Париж через агентуру Гартинга-Альфреда. Однако вскоре поступление сведений от одного из таких содержателей почтовых ящиков прекратилось. П. Игнатьев направил одного из своих сотрудников по имени Робер с целью выяснения судьбы его содержателя по фамилии Штротман. Прибыв в Цюрих, где постоянно проживал этот агент, Робер направился по известному ему адресу. Оказалось, что в его доме находилась засада полиции, от которой Робер едва ушел.

Вскоре, переодевшись под коммивояжера, Робер узнал от соседей Штротмана, что тот был арестован местной полицией. Отправку секретных сведений из Кракова на этот почтовый ящик пришлось прекратить, хотя из других городов они поступали исправно. П. Игнатьев предпринял все меры, чтобы вызволить Штротмана из тюрьмы, и через десять дней он уже был на свободе. Разумеется, от его дальнейших услуг в качестве содержателя почтового ящика пришлось отказаться.

Что же касается Циммермана, то некоторое время он успешно курсировал по делам своей фирмы в Краков, Братиславу и Будапешт, регулярно отправляя донесения для П. Игнатьева. Однако вскоре он был провален одним поляком и был арестован. Военно-полевой суд Австро-Венгрии приговорил его к расстрелу за шпионаж в пользу противника. Организация № 7, на которую он работал, была ликвидирована.

Глава тринадцатая

ОЦЕНКА СТАВКОЙ ИНФОРМАЦИИ П. ИГНАТЬЕВА

После отречения Николая II от трона Временное правительство решило разобраться с работой русской военной разведки. По его указанию начальник штаба Верховного главнокомандования направил 26 марта 1917 года телеграмму своему представителю при французской Главной квартире генералу Ф. Палицыну. В ней предписывалось проанализировать соответствие расходов на разведку отдаче от нее, а также отказаться от услуг малоценных и сомнительных источников. Короче, вводился принцип строгой экономии в отношении услуг разведки.

После двенадцати дней изучения генерал Федор Федорович Палицын подготовил отчет, который, несмотря на весьма оригинальный стиль телеграммы, сводился к тому, что пусть штаб ВГК сам разбирается в этом вопросе. Приведем дословно текст его телеграммы:

«Ознакомился. Сумма общего годового расхода велика. Отвечают ли сведения размеру расходов — ответ может дать Ставка и фронты. В работе здешнего руководителя есть известная система, и скажу — даже творчество. Отчет ведет сам. Знает оправдательные документы. Знает все нити, поэтому обман, хотя и возможен, но незаметно от него произойти не может. К сожалению, в этом деле вообще сплошной обман. Если хотите дело вести далее, строго объедините (разведку) в его руках и ваших. Не надо деятельности фронтов и Огенквара... «Шевалье», № 8 и «Римская» — еще не устроены, и судить о них поэтому нельзя. Теперь все дорого, конкуренция громадная и опасность работы тоже велика. Организации, кроме № 1, 2 и 5 (первые две — фронтовые, последняя — «Римская» — Ставки), имеют случайный характер и все в

совокупности не лишены известного загромождения, но выйти из этого сразу без опасения разрушить очень многое — нельзя. Если доверяете здешнему руководителю, то сосредоточьте с 1 мая у себя и у него все средства, расходуемые фронтом, и тогда общее руководство будет возможным. Вы прислали деньги для организации «Гаврилова», а Западный фронт согласился взять ее на себя, и, вероятно, тоже пошлет на это деньги. Определить сумму, которая ежемесячно должна отпускаться, не могу, ибо прежде всего не знаю, что вам нужно и в каких размерах можете расходовать. Но думаю, что в течение нескольких месяцев деятель здесь может, получив от вас указания, постепенно сократить расходы без ущерба для дела»¹.

Предложение генерала Ф. Палицына сосредоточить руководство всей зарубежной военной разведкой в руках штаба ВГК было разумным и целесообразным. Однако на эту телеграмму генерал Лукомский сообщил 28 марта, что «исполняющий должность Главковерха нашел невозможным сосредоточить руководство всем делом в Ставке». Иными словами, в условиях развала «демократии» фронта Ставка брать на себя ответственность не хотела и возлагала ее на П. Игнатьева.

В августе 1917 года, когда Русская армия потерпела ряд существенных поражений в результате неудачного июньского наступления, предпринятого Временным правительством по требованию Союзников, Верховное командование среди причин, приведших к поражению, назвало недостаток разведывательной информации о противнике. Военный представитель Временного правительства генерал М. Занкевич распорядился создать комиссию из находившихся в Париже полковников В. Кривенко, Бобрикова и капитана Галяшкина для проверки деятельности Русского военного бюро при Межсоюзническом комитете по разведке. Иными словами, проверить деятельность П. Игнатьева и его разведывательных организаций.

Председатель комиссии полковник Кривенко* докладывал в Петроград, что ею было проверена деятельность девяти разведывательных организаций из тринадцати, действовавших в Евро-

* Василий Васильевич Кривенко, штаб-офицер для поручений при состоявшем при Главной французской квартире генерале, назначен на должность 30 января 1916 г.

пе под руководством П. Игнатъева в период с 1 мая по 1 августа 1917 года. В докладе в Центр полковник Кривенко писал, что комиссия ставила перед собой задачу выяснить «правдивость, правдоподобность или хотя бы только теоретическую возможность тех или иных перегруппировок и перевозок сил противника», о которых сообщалось в агентурных донесениях.

Комиссия задалась также целью дать оценку своевременности направления П. Игнатъевым агентурных сообщений в Центр, проанализировав только данные в отношении германских войск, поскольку сведений по Австро-Венгрии в ее распоряжении не имелось. Комиссия пришла к следующим выводам.

Из 324 направленных в Россию телеграфных сообщений признаны: ценными — 38, запоздалыми — 17, бесполезными — 87, несерьезными — 28, неверными — 154. Всего, по мнению комиссии, удовлетворяющими задачам, возлагаемыми на бюро, являются 38 донесений, не удовлетворяющими — 286. Иными словами, почти половина сведений, поступивших от русской военной разведки в Европе, были расценены как дезинформация, следовательно, бюро П. Игнатъева работало впустую.

Столь ничтожный процент удовлетворительных сведений комиссия признала «фактом, свидетельствующим о серьезных недочетах в организации и деятельности названного бюро». Она пришла к заключению, что работа Русского бюро является неудовлетворительной, однако предложила его сохранить, но при условии коренной реорганизации и подчинения Военному представителю Временного правительства при французских армиях.

Председатель комиссии полковник В.В. Кривенко попытался заручиться поддержкой Главного управления Генерального штаба и 26 сентября направил соответствующее личное послание помощнику 2-го обер-квартирмейстера генерал-майору П. Рябикову. Однако в ГУГШ без труда раскусили весьма прозрачное желание генерала М. Занкевича переподчинить себе всю военную разведку в Европе и не согласились с ее выводами. ГУГШ ГШ провел собственный тщательный анализ каждого поступившего из Парижа агентурного сообщения и пришел к совершенно иным выводам.

В заключении этого органа указывалось, что всего в период со 2 августа по 3 октября 1917 года из Парижа было получено 198 донесений. ГУГШ ГШ провел их выборочную проверку. Всего было

оценено 50 сообщений. Оценки распределились следующим образом: правдоподобно — 6, возможно — 18, вероятно — 7, маловероятно — 3, невероятно — 1, неверно — 1, данных для оценки нет — 14. В дальнейшем, в связи с поступлением сведений из других источников, некоторые оценки были изменены в более положительную сторону.

При этом наиболее часто фигурировали донесения «от серьезного источника» организации «Гаврилова», «от весьма серьезного источника» его же организации, «серьезного источника» «Африканской» организации, «весьма серьезного турецкого источника» организации № 6, «польского источника», «от серьезного источника организации «Линде» и т.п. Иными словами, непредвзятая оценка ГУГШ ГШ значительно отличалась от выводов комиссии В. Кривенко.

Как бы там ни было, этот инцидент привел к тому, что в Русском отделении Межсоюзнического бюро 1 августа 1917 года появилось досье на самого полковника В. Кривенко. Конечно, это отнюдь не добавляло сердечности в отношениях членов русской военной миссии вообще, способствовало развитию интриганства, а после Октября 1917 года и подавно.

Почему был такой пристрастный его подход к оценке информации П. Игнатьева? Мы уже говорили в начале главы, что это было связано с поражениями Русской армии летом 1917 года. Как водится в таких случаях, в этом повинны в первую очередь разведчики, а не военачальники и политики. Поражение требовало найти виновных. Если их нет, виновных надо назначить. Павел Игнатьев не мог не стать одним из них: еще бы, он был направлен в Париж лично императором Николаем II. Сам премьер А. Керенский в ту пору подумывал об организации судебного процесса по делу свергнутого монарха, на котором он выступил бы не в своей роли присяжного поверенного, а в качестве государственного обвинителя.

У всех лиц, в той или иной степени причастных к разведке, вдруг открылись глаза на ее важность и необходимость. Те, кто еще в мае 1917 года утверждал, что служба П. Игнатьева удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям, после работы комиссии В. Кривенко изменили свое мнение на противоположное. Стали раздаваться голоса о том, что русскую военную разведку в Европе следует либо совсем прикрыть, либо коренным образом

реорганизовать ее работу. Вновь стал вопрос о необходимости объединения всей зарубежной агентурной сети в одних руках, не допуская ее распыленности. Только теперь проверяющим стало ясно, насколько нелепо положение, когда штаб Западного фронта занимается организацией разведки в Америке, штаб 11-й армии — в Канаде, а в нейтральных странах ее ведут штабы военных округов и армий. Тот же Одесский военный округ вел агентурную работу в отношении Австро-Венгрии, Болгарии и Турции из... Парижа и Афин, а 11-я армия также имела свою агентуру в Париже, которая П. Игнатьеву не подчинялась.

Не будем забывать и о том, что в 1916 году Великобританию, Францию и нейтральные страны дважды (в апреле — июне и в августе-сентябре) посетила делегация Государственной думы и Государственного совета, в состав которой входил лидер фракции кадетов Павел Милюков, ставший министром иностранных дел в первом составе Временного правительства. Официальной целью поездки считалось чтение им публичных лекций, поскольку П. Милюков в прошлом был профессором истории в Московском университете. На деле же он и возглавляемая им делегация пыталась собрать информацию, подтверждающую слухи о причастности некоторых членов царского правительства, в частности, бывшего министра иностранных дел Б. Штюмера к ведению сепаратных переговоров с немцами.

Используя свои связи в кругах русской политической эмиграции в Швейцарии, П. Милюков навел в Берне и Лозанне кое-какие справки о русских германофильских салонах в этой альпийской республике, с которыми, как он считал, был связан Б. Штюмер. Именно здесь он вышел на фамилии двух агентов П. Игнатьева, которые по заданию императора Николая II выясняли источники слухов о том, что он якобы ведет сепаратные переговоры с врагом. Это были два бывших полицейских чиновника, уже известные читателю, — Л. Ратаев и В. Лебедев. Русские политические эмигранты всех мастей лютой ненавистью ненавидели царскую охранку и поэтому изобразили их как основное связующее звено между ищущим сепаратного мира «русского немца» Б. Штюмера и склонными к такому миру влиятельными лицами в самой Германии.

Возвратившись из заграничного турне по Европе, П. Милюков произнес 1 ноября 1916 года в Государственной думе знаменитую

речь, известную под названием «Глупость или измена». Своим острием она была направлена против жены царя Александры Федоровны. Не называя ее по имени, Павел Николаевич объявил царицу в целом ряде бесчестных поступков, которые приводили слушателей, а затем и читателей речи к альтернативе — глупость или измена. Разумеется, Милюков не хотел никакой революции, а возглавлявшаяся им партия кадетов желала лишь запугать придворную камарилью и заставить ее поделиться властью с Государственной думой. Все было напрасно. Николай II ни на какие уступки «общественности» не шел. Между тем, по словам очевидца этих событий, члена Государственной думы Б.А. Энгельгардта, «...речь кадетского лидера не только подорвала доверие к верховной власти, но прямо-таки создавала революционные настроения, вселяя подозрения в предательстве со стороны жены государя»². В данном случае предательство, конечно, было, но... со стороны лидера кадетов.

В своей речи он указал на якобы причастность В. Лебедева и Л. Ратаева к сепаратным переговорам с противником. О ней мы уже упоминали. Он, в частности, заявил: «Почему этот чиновник Департамента полиции постоянно посещает салоны русских дам (в Швейцарии), известных своим германофильством?» Одним словом, «Доколе, о Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением!» (*Qausque tandem abutere Catilina patientice nostri*).

Разумеется, министр внутренних дел, которому подчинялся Департамент полиции, не мог дать публичного ответа на эти голословные обвинения, не раскрыв одновременно, чем на самом деле занимаются эти агенты П. Игнатьева. Да и знал ли он об этом? Когда сведения о скандальном выступлении П. Милюкова наконец докатилась в начале 1917 года до Парижа, В. Лебедев направил официальный рапорт на имя своего начальника Павла Игнатьева. В нем он писал, что член Государственной думы П. Милюков «публично меня оклеветал, опозорил носимое мною звание офицера русской армии и нанес мне тягчайшее оскорбление, приравняв меня к лицам, тайно способствующим врагам нашей Родины в ведении предательских переговоров о сепаратном мире с Германией». В рапорте он просил П. Игнатьева «ходатайствовать о привлечении к ответственности в установленном порядке члена Государственной думы П. Милюкова».

Поскольку эта речь лидера кадетов напрямую задевала честь и достоинство самого П. Игнатьева, он дал законный ход рапорту своего подчиненного, направив его по команде на имя Главкомандующего Юго-Западным фронтом. Однако тот посчитал, что «в видах желательности сохранить в тайне личность капитана Лебедева и то поручение, которое он выполняет, необходимо разбор дела отложить до конца войны».

Наряду с этим, как Начальник Русского отделения Межсоюзнического бюро в Париже 28 декабря 1916 года Павел Алексеевич подал рапорт на имя генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта генерала Н.Н. Духонина. Приведем его полностью.

«Член Государственной Думы П.Н. Милюков в заседании Государственной Думы 1 ноября 1916 года произнес речь, стенограмма коей первоначально сначала распространялась как в России, так и за границей в литографских списках. 2 января 1917 года (н.ст.) полный текст ее был напечатан во французской газете.

В этой речи г-н Милюков, разоблачая Председателя Совета министров Штюрмера в его стремлениях вступить в переговоры с Германией о сепаратном мире, указывает как на агентов Департамента полиции по исполнению этого поручения в Швейцарии на г-на Ратаева и чиновника Лебедева. Эти два лица якобы часто ездят в Швейцарию с «особыми поручениями», как выразился г-н Милюков.

Считаю своим нравственным долгом доложить Вашему превосходительству, что г-н Ратаев и чиновник Лебедев руководят каждой отдельной организацией в нашей агентурной разведке и каждая поездка их, равно как и сношения их в Швейцарии, всегда мне известны. Я категорически утверждаю, что г-н Милюков, называя с трибуны Государственной Думы эти два имени, имеет ложные сведения об их деятельности и что ни г-н Ратаев, ни г-н Лебедев никаких подобных поручений ни от кого не получали.

Выдавая так опрометчиво наши военные секреты, член Государственной Думы Милюков нанес нам вред, о размерах коего сейчас судить нельзя. Донося обо всем вышеизложенном, ходатайствую перед Вашим превосходительством принять зависящие меры об ограждении впоследствии честных имен моих сотрудников от брошенного в них позорного обвинения. Доношу, что мною будут приняты все меры, чтобы по возможности уменьшить вред, нанесенный г-ном Милюковым делу агентурной разведки»³.

С этим рапортом ознакомился в конце концов Председатель Государственной думы М.В. Родзянко. По его указанию было изготовлено несколько копий этого документа, с которым были ознакомлены некоторые члены Думы. Итак, лидер кадетов опростоволосился, но дело было сделано. В эмиграции он сознался, что в своей ноябрьской речи в ряде случаев блефовал, не имея достоверных сведений о том, о чем он говорил.

Никто тогда не мог предположить, что для достижения своих политических целей Павел Николаевич мог предать что угодно и кого угодно. Государственная безопасность империи его интересовала лишь постольку поскольку. Беспринципность кадетского лидера во всей своей мерзости проявилась и в 1918 году, когда он пошел на тайные переговоры с немцами, оккупировавшими часть России. Возмущенные кадеты сместили его с поста председателя своей партии, и больше его политическая звезда высоко не поднималась.

После Февральской революции П.Н. Милюков недолго пробыл министром иностранных дел в первом составе Временного правительства. Через два месяца, 2 мая 1917 года, его на этом посту заменил М.И. Терещенко. Но все это будет потом, через два года, а пока графу П.А. Игнатьеву нужно было спасти своих помощников.

К августу 1917 года царский режим уже канул в Лету. Ссориться с министром иностранных дел Военный представитель Временного правительства генерал М. Занкевич, естественно, также не хотел. К тому же П. Игнатьев был ярким представителем старого режима и монархистом, якобы замешанным в сепаратных переговорах с врагом, а посему он должен стать «козлом отпущения», если это угодно новому режиму. Комиссия В. Кривенко, полковника со столь красноречивой фамилией, накатала донос в Петроград на П. Игнатьева. Он, однако, был настолько лживым, что ГУГШ ГШ был вынужден провести самостоятельный анализ деятельности русской военной разведки в Париже. В результате он пришел к противоположным выводам, о чем мы уже упоминали, ибо необъективная оценка бросала тень на деятельность самого Главного Управления.

В целом, бросая по прошествии восьмидесяти лет ретроспективный взгляд на деятельность полковника П. Игнатьева в качестве руководителя Русского отделения при Межсоюзническом

разведывательном бюро в Париже, следует отметить, что возглавляемая им организация военной разведки, конечно же, не могла решить всех стоящих перед ней задач, число которых все более возрастало по мере хода войны, а результаты ее работы были гораздо более скромными по сравнению с достижениями других разведывательных служб стран Антанты. Это, однако, не полностью зависело от воли самого П. Игнатьева и его усилий. Как уже отмечалось, до войны считалось, что она будет носить скоротечный характер, а посему русское военное командование не уделяло серьезного внимания заблаговременному созданию в Европе агентурного аппарата на «особый период». Создать же надежную агентурную сеть в нейтральных странах, способную вести разведывательную работу на территории Германии и Австро-Венгрии в условиях, когда уже разразился мировой конфликт, было весьма трудно.

Вместе с тем, как показывает анализ материалов проверки работы П. Игнатьева в ГУГШ ГШ, 38 его сообщений за май—август 1917 года, или 11 %, были признаны ценными, что считается нормальным для любой разведывательной службы в военный период, поскольку во время активных боевых действий каждая из враждующих сторон принимает специальные меры по дезинформации противника и введению в заблуждение его Верховного командования. Чтобы избежать этого, разведслужбами всего мира применяется система дублирования и многократного перекрытия информации за счет привлечения других, независимых источников. Такими дополнительными разведывательными источниками русское верховное командование в военный период не располагало и лишь слепо полагалось на информацию своих партнеров по Антанте.

Однако здесь уместно сказать, что накануне и в ходе войны ни одна из разведывательных служб как Антанты, так и стран Четверного союза не была безупречной и свободной от ошибок. К тому же, если говорить об обмене разведывательной информацией стран Антанты с Россией, то он был весьма дозированным с их стороны, да и сами спецслужбы этих стран далеко не всегда были на высоте стоящих перед ними задач. Даже британская разведывательная служба Сикрет интеллидженс сервис, старейшая в Европе, начало деятельности которой восходит к временам Великой Армады в XVI веке, в годы Первой мировой войны странним

образом не заметила снабжения Германии британскими фирмами, которые в обход эмбарго поставляли ей стратегические материалы из британских колоний. Впрочем, возможно, такая информация была неуживчива правящей в Британии плутократии, ибо ее целью в войне была нажива любой ценой.

Подобную же слепоту проявлял во Франции яростный борец с пацифистами премьер-министр Ж. Клемансо. Он замечал все. Как мы уже говорили, его жертвами стали видные политические деятели Мальви и Кайо. С подачи «тигра» спецслужбы Франции травили обоих братьев Игнатьевых. А между тем... он сквозь пальцы смотрел на сделки французских торговцев оружием. Один из них, основатель французского филиала фирмы «Виккерс» по имени Базиль Захаров в начале 1918 года был обвинен в том, что он через Испанию снабжал горючим германские субмарины, оперировавшие на Средиземноморском театре военных действий против Союзников. Однако по настоянию Ж. Клемансо это дело французские власти в конце концов замяли.

В своих мемуарах, изданных после войны, отставные разведчики стран Антанты подчеркивали, что если в начале войны в их работе были кое-какие упущения, то уже на ее заключительном этапе они якобы добились исключительных успехов в проникновении в сокровенные планы Германии. Однако факты — упрямая вещь. Они свидетельствуют о том, что Верховное командование Антанты и, следовательно, правительства Англии, Франции и США, не имели четкого представления о возможностях Германии продолжать войну. Страны Антанты, включая Россию, в течение нескольких лет подряд пытались лобовыми атаками прорвать глубоко эшелонированную оборону Германии, что стоило им многомиллионных потерь убитыми и ранеными. Даже в то время, когда война окончательно приобрела позиционный характер, а Германия и Австро-Венгрия держались из последних сил, стратеги Антанты были заняты разработкой планов ведения войны в 1919 и 1920 годах.

Поскольку в Межсоюзническом разведывательном бюро в Париже был налажен обмен информацией с союзниками, сведения о том, что Германия к 1917 году не утратила наступательной силы и война приобретает затяжной характер, постоянно поступали в русскую Ставку. Сведениям П. Игнатьева, противоречащим этим данным, не придавалось должного значения. В том числе и поэ-

ому группа русских генералов в Париже, знакомая с развединформацией Союзников, а зачастую и специально дезинформированная ими с целью «выколотить» из России все новые жертвы во имя общего дела, дала столь заниженную оценку данным русской военной разведки в августе 1917 года. Только после Первой мировой войны, когда за границей оказалось большое количество русских боевых генералов, обладавших колоссальным военным опытом, они пришли к выводу о том, что вместо июньского наступления Русской армии в 1917 году ей следовало бы зарыться в землю и спокойно дожидаться того момента, когда Германия и Австро-Венгрия будут раздавлены экономической блокадой и капитулируют. Однако известно, что на войне далеко не все решают генералы...

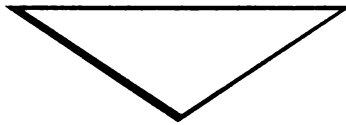
Во время Первой мировой войны чрезвычайно расширился круг задач, решаемых разведкой. К чисто военным проблемам добавились экономические, технические, социально-политические, включая состояние боевого духа армий и населения противника, и множество других, о существовании которых до войны просто не подозревали. Это неудивительно: впервые в истории человечества войну вели не армии противостоящих военных коалиций, но и народы этих стран. Такой агентурой, способной решать новые задачи, П. Игнатьев не располагал. В ходе войны он пытался приобрести ее, несмотря на колоссальные трудности, которые только усугубились в связи с Февральским переворотом в России.

Свержение русской буржуазией императора Николая II самым пагубным образом сказалось на боевом духе Русской армии. В сознании большинства населения император олицетворял верховную гражданскую и военную власть, отвечая за свои дела только перед Богом. Вопросы войны и мира мог решать только он один, ибо война — дело царское. Когда же к власти в стране пришли дельцы и торгаши, разбогатевшие в годы войны на народных бедствиях, население России не признало их в качестве законных правителей, как оно не признало Бориса Годунова царем Руси после смерти последнего законного государя из династии Рюриковичей Ивана Грозного. И тот, и другой случай привели к Великой смуте в государстве, справиться с которой прекраснородушные профессора и красноречивые присяжные поверенные не смогли. Для большинства народа они были самозванцами на троне и были сметены с политической сцены в октябре 1917 года.

Попытки реформировать разведку в разгар боевых действий ни к чему хорошему не могли привести, и это прекрасно понимал П. Игнатъев. К тому же «реформаторы» и сами не знали, как это сделать. Так, стройной системы стратегической разведки, при которой отдельные ее звенья выполняют различные задачи, в России не существовало. Попытки же использовать с этой целью различные министерства и ведомства — военные, экономические, промышленные, торговые, финансовые и другие — проблемы не решали, так как отсутствовал координирующий орган этого разведывательного сообщества в целом.

Сталкиваясь со столь невысокой оценкой разведывательной деятельности П. Игнатъева со стороны комиссии В. Кривенко, не следует, на наш взгляд, забывать также и атмосферу интриг, царивших в Париже среди русских военных представителей. Взаимные упреки в некомпетентности, в сговоре с Германией и т.п. только увеличивались по мере того как Россия катилась к военному поражению и неизбежной новой революции. Каждый стремился обвинить в неудачах другого и сохранить свое пребывание в спокойном Париже, чтобы не попасть на фронт, что было связано с опасностью для жизни.

Не избежал этой клеветы и сам П. Игнатъев, особенно после Октябрьской революции, когда он оказался на положении эмигранта. В его адрес раздавались гнусные обвинения его бывших сотрудников в том, что Игнатъев 2-й якобы является агентом Германии и своими действиями на посту руководителя русской военной разведки в Европе способствовал установлению сепаратных контактов между царской семьей и двором кайзера. Французская контрразведка взяла под плотное наружное наблюдение П. Игнатъева и отдельных его сотрудников, подозреваемых в «измене». Все его разведывательные организации были распущены, а сам П. Игнатъев превратился в изгнанника. Однако и после этого поток клеветы в адрес Павла Алексеевича не прекратился. Об этом мы расскажем в одной из заключительных глав этого документального повествования, а сейчас перейдем к обстановке в России после Октябрьской революции и действиях в ней ее бывших союзников. Она самым пагубным образом отразилась на судьбе нашего героя.

Глава четырнадцатая

ФРАНЦУЗСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ В РОССИИ

После победы Октябрьской революции в России обстановка внутри страны и вокруг нее была весьма драматической. Сразу после падения Временного правительства Керенского державы Антанты создали в ноябре 1917 года в Париже Межсоюзническую конференцию, на которой обсуждался так называемый русский вопрос. В декабре того же года в столице Франции состоялась конференция представителей стран Антанты, на которой были приняты меморандум и соглашение. В этих документах содержался план вооруженной интервенции в Россию.

21 декабря 1917 года британское правительство приняло специальный меморандум, определяющий политику правительства его величества в отношении России. В нем, в частности, говорилось:

«Мы должны показать большевикам, что не собираемся принимать какого-либо участия во внутренних делах России и что всякая мысль, будто мы сочувствуем контрреволюции, глубоко ошибочна. В то же время провинциальным правительствам и их армиям (т.е. контрреволюции. — *Авт.*) должны быть предложены агенты, офицеры и деньги. Это должно делаться как можно более скрытно, чтобы избежать, насколько возможно, обвинений в том, что мы готовим войну против большевиков»¹.

Одновременно страны Антанты направили в Петроград миссию британского разведчика и дипломата Брюса Локкарта, который вступил в контакт с Лениным и Троцким и от имени Антанты обещал признание советской власти в обмен на продолжение Россией войны. Однако наша страна была не в состоянии воевать, поскольку к тому времени Русская армия почти распалась и прекратила свое существование как боеспособная сила. России

нужно было срочно выйти из войны, и поэтому одним из первых декретов советского правительства был Декрет о мире. В нем всем воюющим сторонам предлагалось немедленно начать переговоры о заключении мира «без аннексий и контрибуций».

Германия согласилась начать переговоры о мире в Брест-Литовске с Россией и украинской Центральной радой. Советскую делегацию на заключительном этапе мировой конференции возглавил нарком по иностранным делам Л. Троцкий. Однако он так лихо вел дела, что лишь спровоцировал Германию на выдвигание кабальных условий перемирия. Несмотря на инструкции советского правительства подписать мир «любой ценой», Троцкий отказался сделать это и демонстративно покинул переговоры. Он заявил, что Россия мира с немцами не подпишет, но армию демобилизует. Это было фактически приглашением Германии к интервенции в Россию. Воспользовавшись этим обстоятельством, Германия предприняла наступление на Восточном фронте и вскоре оккупировала территорию России площадью свыше одного миллиона квадратных километров. К осени 1918 года европейский юг России, часть Белоруссии, вся Прибалтика оказались занятыми кайзеровскими войсками.

Страны Антанты советское предложение о мире отклонили. В декабре 1917 года в Париже было заключено англо-французское соглашение о разделе России на сферы влияния. Англия должна была получить районы Кавказа, Дона и Кубани, Франция — Украину, Крым и Бессарабию. Более подробный план вооруженного вторжения стран Антанты был одобрен ими в январе 1918 года с участием представителей США и Японии, которые соответственно претендовали на Сибирь и Дальний Восток.

Положение Павла Игнатъева как руководителя русского отделения Межсоюзнической секции в Париже осложнилось. После победы Октябрьской революции ГУГШ ГШ разослал зашифрованные телеграммы всем военным атташе за рубежом, предлагая им признать советскую власть. Большинство из них отказались это сделать. Что же касается самого П. Игнатъева, то на первых порах он занял нейтральную позицию и не выступал против большевистского правительства. Такую же позицию занимал и его старший брат Алексей.

Зная об этом, французские власти прекратили обмен разведывательной информацией и распорядились ликвидировать пред-

ставительство русской военной разведки в Париже. На ее ликвидацию требовались средства, и немалые. Денег у П. Игнатьева, естественно, не было: перевод средств из Петрограда также иссяк. Он сообщил о решении французских властей в ГУГШ ГШ, который оперативно отреагировал на его телеграмму. П. Игнатьеву было рекомендовано предложить французам обмен: их расходы по содержанию военной миссии в России будут компенсированы в русской валюте за счет средства Генштаба, а расходы на содержание миссии П. Игнатьева — за счет французской стороны в порядке взаимности.

Однако в связи с провалом миссии Б. Локкарта, добивавшегося от большевиков продолжения войны при условии экономической и военной помощи Антанты, этот блок решил прервать все связи с Петроградом. Ответ французов на предложение русского Генштаба был отрицательным. Приведем некоторые выдержки из документа Комиссии Генштаба Франции по ликвидации русских дел, датированного февралем 1918 г.:

«Полковник Игнатьев заявляет, что 27 января 1918 года он получил телеграмму из Петрограда, подтверждающую перевод ему 300 000 рублей для «продолжения работы его разведывательной службы», которую он ликвидирует во Франции. Он предлагает, чтобы правительство Республики выплатило эти 300 000 рублей соответствующему лицу в России, которое передаст их в распоряжение наших Служб в этой стране. Взамен мы передадим русским Службам во Франции 590 000 франков, необходимых им для оплаты счетов...»²

«...Предложение об обмене денежными средствами заслуживает рассмотрения. Если оно окажется неосуществимым, нужно будет пожертвовать 590 тысячами франков, иначе нас будут постоянно атаковать русские агенты и из этого возникнут большие проблемы...»³

«Занявшись впервые этим вопросом в апреле 1918 года, Ликвидационная комиссия отклонила требование полковника Скрыбина, (возглавлявшего разведывательные организации в Швейцарии. — *Авт.*). Недавно она подтвердила это решение по той причине, что она приняла за правило не разрешать никаких расходов, кроме тех, которые были совершены до революции в России, урегулировав сначала вопрос о русских кредитах, предоставленных Французским банком. Если в апреле 1918 года она согла-

силась на частичную выплату Русской разведывательной службе, находящейся под руководством полковника Игнатьева, то только именно потому, что средства, необходимые для ее нормальной работы, были ранее выделены из кредитов Французского банка Российскому военному атташе. Впрочем, она была вынуждена разрешить эти выплаты в силу того обстоятельства, что в то время отказ создал бы серьезные трудности в работе разведывательных служб Союзников, все еще находившихся в состоянии войны...»⁴

Иными словами, как видно из документа, бывшие союзники России, убедившись, что она вести войну не в состоянии, решили закрыть миссию русской разведки в Париже, а с агентурой П. Игнатьева расплатиться за счет кредитов Французского государственного банка российскому военному атташе, т.е. за счет русских средств, хранящихся в нем. Дальнейшее положение П. Игнатьева во Франции серьезно осложнилось: ведь он выполнял поручение большевиков и был не в состоянии удовлетворить финансовые претензии своих сотрудников и агентов.

Страны Антанты, не прерывая дипломатических отношений с Советской Россией, но и не признавая ее, 6 марта 1918 года по согласованию с местным Советом и с одобрения Л.Д. Троцкого высадили в Мурманске десант английских войск под предлогом защиты Русского Севера от германского вторжения. Правда, нужно иметь в виду, что к началу 1918 года только в Архангельске скопились громадные военные припасы, доставленные сюда союзниками для снабжения Русской армии, и Союзники опасались захвата их немцами. Интервенция началась с высадки 150 пехотинцев с двумя легкими орудиями, а в ее конце число иностранных солдат достигло свыше 50 тысяч человек.

В июле англичане захватили Кемь, станцию Сорока, а в начале августа — Архангельск. 5 апреля 1918 года японцы высадились во Владивостоке. 25 мая 1918 года поднял мятеж 50-тысячный чехословацкий корпус, перебрасываемый из России во Францию через Сибирь и Дальний Восток. Белочехи захватили в Казани золотой запас России, который позднее вывезли в Прагу и на его основе организовали Банк легионеров. Это золото чехи до сих пор не вернули России.

Одновременно правые эсеры во главе с известным террористом Борисом Савинковым, организовавшим до революции убийство в Москве великого князя Сергея Александровича, а

позднее ставшим платным агентом французской и британской разведок, подняли кровавое вооруженное восстание в Ярославле, Рыбинске и других городах Поволжья, где располагались стратегические запасы вооружения и боеприпасов. Оно было подавлено только в конце июля 1918 года и принесло немало жертв.

Почти одновременно с иностранной интервенцией в России возникло белое движение, тесно связанное с державами Антанты, которые предоставили бывшим царским генералам вооружение и амуницию. Помимо англичан, в Мурманске и Архангельске высадились американцы, английская армия оккупировала Закавказье. Французы заняли Одессу и Крым. Япония захватила Дальний Восток. Белогвардейцы бурно приветствовали их приход и развязали кровавую Гражданскую войну только после начала иностранной интервенции, поскольку именно интервенты дали им оружие для братоубийственной войны. Так в России воцарились голод и анархия.

Кризисная обстановка в стране требовала ответных мер со стороны советского правительства. 20 декабря 1917 года по указанию В.И. Ленина была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Возглавил ее член Политбюро РКП (б), профессиональный революционер Ф.Э. Дзержинский.

Уже в декабре 1917 года контрразведка Московского военного округа разоблачила заговор польских легионеров под командованием Юзефа Довбор-Мусницкого, связанного с кайзеровской армией. Этот генерал-лейтенант Русской армии возглавлял 1-й корпус польских легионеров и готовился нанести удар по войскам Красной армии в районе Смоленска в случае приближения к городу германских частей. Несмотря на арест членов подпольного «исполнительного комитета» мятежников, предотвратить их выступление чекистам не удалось. Подавление мятежа польских легионеров произошло в январе-феврале 1918 года и потребовало от Красной армии значительных сил.

Жизнь вскоре внесла свои коррективы в деятельность ВЧК: внутренняя и внешняя угрозы оказались тесно связанными между собой. Белое движение опиралось на помощь и поддержку держав Антанты. На территории России, охваченной Гражданской войной, активно действовали разведслужбы иностранных государств. Поэтому вскоре ВЧК были приданы контрразведывательные и разведывательные функции.

ЗАГОВОР ПОСЛОВ

В связи с германским наступлением на Петроград в феврале 1918 года дипломатические представительства стран Антанты заявили о том, что перед лицом угрозы оккупации кайзеровскими войсками российской столицы они временно переводят свои миссии в Вологду. После высадки английского десанта в Мурманске Союзники приняли решение перевести свои миссии в Архангельск под крылышко британских войск и отклонили предложение Народного комиссариата по иностранным делам переехать в Москву, которая, по их мнению, также может быть оккупирована немцами.

Когда чекисты вошли в пустующее здание британской дипломатической миссии в Вологде, они обнаружили документы, свидетельствующие о связях стран Антанты с террористами Бориса Савинкова. Из них следовало, что савинковцы, поддерживаемые другими контрреволюционерами, планируют арестовать советское правительство и ликвидировать советскую власть в России. Ленина заговорщики намеревались убить «при попытке к бегству».

Однако из документов не было видно, кто стоит за спиной заговорщиков и кто его поддерживает материально. Дальнейшее наблюдение за иностранными дипломатическими миссиями показало, что некоторые подозрительные личности начали проявлять непонятный интерес к латышским стрелкам, собиравшимся по вечерам в своем клубе в Петрограде. Это заставило насторожиться председателя ВЧК Дзержинского: латышские стрелки охраняли в Петрограде и Москве ключевые пункты, в том числе Кремль, где в то время находилось советское правительство.

Дзержинский поручил своему первому заместителю Якову Христофоровичу Петерсу добыть материалы, раскрывающие истинные намерения стран Антанты в отношении советского правительства. Было решено подвести к кому-либо из дипломатов Антанты одного из латышей, который якобы недоволен своим положением. Расчет был на то, что если страны Антанты ведут честную игру в отношении Республики Советов, то они должны, как этого требует международное право, отвергнуть предложения об участии в подрывной деятельности против правительства, с которым поддерживают дипломатические отношения. Если же

они заинтересуются латышами, охраняющими советское правительство, и будут плести интриги с целью его свержения, необходимо будет принять меры по ликвидации заговора.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Латыш по фамилии Шмидхен прибыл из Петрограда в Москву, где встретился с командиром дивизиона латышских стрелков Эдуардом Берзином. 14 августа Шмидхен и Берзинь пришли на Арбат на квартиру британского дипломата Роберта Брюса Локкарта, проживавшего в Хлебном переулке, дом 19. Б. Локкерт, выдававший себя за дипломата, на самом деле был кадровым британским разведчиком. В беседе с ним Берзинь осторожно намекнул, что многие латыши в кремлевском гарнизоне разочарованы советской властью и не хотели бы воевать с английским десантом, высадившимся в Архангельске, и мечтают вернуться в Латвию.

Шмидхен привез из Петрограда письмо от другого британского разведчика, Френсиса Кроми, находившегося в бывшей российской столице в качестве военно-морского атташе Великобритании и лично знакомого Б. Локкарту. Письмо было написано почерком самого Ф. Кроми, хорошо знакомым Брюсу Локкарту. В ней содержалась фраза о том, что Ф. Кроми собирается покинуть Россию и при этом «сильно хлопнуть за собой дверью». Он рекомендовал Локкарту Шмидхена как человека, услуги которого могут быть полезными.

На слова Шмидхена о его желании возвратиться в Латвию Б. Локкерт отвечал уклончиво. Он заметил только, что отлично понимает настроения латышей, однако у него нет связей с Архангельском, да и он сам собирается покинуть Советскую Россию. Британский разведчик предложил латышам зайти к нему завтра.

Вечером Б. Локкерт провел совещание с французским консулом в Москве Гренаром и главой французской военной миссии генералом Лавернем, имевшим собственную разведывательную службу в России. Их мнение было однозначным: латышей нужно поддержать и использовать против советского правительства.

На следующий день, 15 августа, Б. Локкерт принял Берзиня и дал ему понять, что латышам в обмен на признание Антантой их страны следует порвать с большевиками и перейти на ее сторону. Англичанин предложил Берзиню деньги за их услуги, однако латыш отклонил это предложение, сказав, что старается не ради денег, а ради решения латышами своей национальной проблемы.

В соответствии с заранее разработанной легендой он заявил, что из представителей полков латышских стрелков по примеру чехословацких мятежников создан «латышский национальный комитет» для обсуждения в строжайшей конспирации вопроса об «антисоветском перевороте».

Однако и на этой встрече Б. Локкарт не ответил ничего определенного. В британскую разведслужбу Сикрет интеллидженс сервис и Французскую военную разведку — 2-е бюро Генштаба армии — полетели шифрованные телеграммы. Несмотря на то, что П. Игнатъев, а затем и русские дипломатические миссии в Лондоне и Париже лишились права вести шифрованную переписку с Москвой, иностранные дипмиссии таким правом продолжали пользоваться. Локкарт доложил руководству британской разведки о состоявшейся встрече и дал положительную характеристику «латышским эмиссарам». Однако он так до конца и не поверил Берзиню и на всякий случай предложил ему встретиться в другом месте и с другим человеком по имени Константин. Под этим именем скрывался известный авантюрист, британский разведчик Сидней Рейли. Эта встреча должна была состояться в кафе «Трамбле» на Цветном бульваре.

В этот же день Константин, а на самом деле одесский еврей по фамилии Розенблюм, принявший в Британии имя Сиднея Рейли, встретился в Берзинем в условленном месте. Как бывший российский подданный оно прекрасно говорил по-русски. С. Рейли посвятил чекиста в планы Антанты по свержению советского правительства. В соответствии с ними, латышские части, находящиеся в Кремле, должны были арестовать правительство во главе с В.И. Лениным, а также захватить Государственный банк и Центральный телеграф. При этом он откровенно дал понять, что англичане не будут требовать доставить им Ленина живым, поскольку он «сумеет распропагандировать конвойных и они его освободят». Британский разведчик заметил, что «арестованные часто пытаются спастись бегством», прозрачно намекнув на желательность для англичан убийства Ленина.

На это Берзинь заметил, что С. Рейли преувеличивает возможности латышских стрелков, которые даже в случае успеха не сумеют удержать стратегические пункты в советской столице. Однако британский разведчик настаивал на своем плане, говоря, что латышей поддержат другие части Красной армии. Он передал

Берзиню 700 тысяч рублей, которые британская разведка получила от русских богатеев. В дальнейшем эта сумма была увеличена русскими толстосумами до одного миллиона рублей золотом.

20 августа 1918 года американский генконсул в Москве Пул собрал у себя закрытое заседание участников заговора. На нем, помимо дипломатов, присутствовали французы Гренар и Лавернь, английские, французские и американские офицеры, люди в штатском. Сам Б. Локкарт к Пулу не приехал, однако британскую разведку на совещании представляли С. Рейли и Джордж Хилл, также кадровый разведчик, долгое время проживший в России и прекрасно говоривший по-русски. Здесь же был и американский разведчик греческого происхождения Ксенофонт Каламатиано. Участники заговора пришли к единому мнению о действиях, необходимых для свержения Советской власти в России. Их план включал следующие меры:

1. Дезорганизация Красной армии подкупом, задержкой и разрушением продовольственного транспорта, следующего в Москву. Эта задача поручалась С. Рейли, капитану Дж. Хиллу, полковнику Берзиню из Кремля и британской агентуре в Управлении военных сообщений Красной армии. В Петрограде диверсиями и саботажем должен был заняться капитан 1-го ранга Кроми.

2. Диверсионно-подрывная работа, включая взрывы, поджоги, аварии на производстве и транспорте. За подготовку и осуществление этих террористических актов отвечали полковник французской армии Вертамон и его помощники из Французской военной миссии.

3. Разведывательная работа. Она возлагалась на К. Каламатиано, выдававшего себя за коммерсанта.

На совещании присутствовал французский журналист Рене Маршан, близкий к президенту Пуанкаре. Содержание беседы ему не понравилось, и он покинул кабинет Пула до окончания совещания заговорщиков. В тот же вечер Р. Маршан направил личное письмо президенту Пуанкаре, которое, кстати, было перехвачено французской контрразведкой, поскольку отправлялось дипломатической почтой французского посольства. В нем Маршан, в частности, писал:

«Я считаю себя одним из тех, кто боролся, руководимый глубокими убеждениями, против большевизма. Я с горечью констатирую, что за последнее время мы позволили увлечь себя ис-

ключительно в сторону борьбы с большевизмом. На совещании ни одного слова не было сказано о борьбе с Германией. Говорили о другом. Я знаю, что один британский агент (Джордж Хилл. — *Авт.*) подготовил разрушение железнодорожного моста через Волхов недалеко от станции Званка (ныне — станция Волхов. — *Авт.*) ... Разрушение этого моста равносильно обречению Петрограда на полный голод, ибо отрезаются пути доставки основной массы продовольствия»⁵.

Позднее это письмо было опубликовано в советской печати. Французские дипломатические и военные представители в Москве в своих телеграммах в Париж осудили Р. Маршана за его письмо президенту Пуанкаре. В этих телеграммах нет и слова о том, что Маршан искажил содержание беседы у американского генконсула. Они осудили его только за то, что он выдал планы заговорщиков и тем самым «нанес ущерб национальным интересам союзников».

Я, Петерс с сотрудниками продолжали разбираться в хитро-сплетениях заговора Антанты против советского правительства, который в случае его реализации привел бы к новому большому кровопролитию среди русского народа. Не завершая расследования, чекисты во главе с Петерсом ликвидировали местные заговоры контрреволюции в Вятке и Вологде. Однако довести работу до конца им не удалось. 20 июля 1918 года был убит комиссар по делам печати Петроградской коммуны Моисей Володарский, а 30 августа — председатель ЧК Моисей Урицкий, пламенный поклонник «демона революции» Льва Троцкого. Его убийца еврей-выкрест Леонид Канегиссер был арестован. На допросе он показал, что мстил за расстрел чекистами его друга Перельцвейга, связанного с контрреволюцией.

Одновременно в Москве было совершено покушение на В.И. Ленина. Была задержана эсерка Каплан, которой приписали это покушение. В ответ на убийство Урицкого диктатор Петроградской коммуны Зиновьев приказал взять в заложники пятьсот видных деятелей царского режима — великих князей, генералов, сенаторов, крупных чиновников, писателей, журналистов, священнослужителей. 5 сентября 1918 года Совнарком принял постановление о красном терроре. Это было ответом на белый террор, развязанный белогвардейской контрреволюцией.

Страну все больше захватывала анархия, в которой все воевали против всех. Действия белогвардейцев и большевиков, расстреливавших заложников без суда и следствия, возмутили старого революционера князя Петра Алексеевича Кропоткина. Он обратился с письмом к В.И. Ленину, в котором подобные действия левого крыла большевистской партии, возглавляемого Львом Троцким, назвал «недостойным руководителей социальной революции». По его мнению, они вели к «возвышению полиции, становящейся верховной властью в каждом городе и деревне» и были способны лишь установить «режим самой злостной реакции».

Исполнявший обязанности Председателя ВЧК Яков Петерс назвал красный террор «истерическим террором». В интервью еженедельнику «Утро Москвы» он сказал, что это результат «растерянности и паники среди мягкотелых революционеров, ставших чересчур свирепыми». События в Петрограде он расценил как «неприглядную политическую истерику».

В.И. Ленин с глубоким уважением относился к коммунисту-анархисту П. Кропоткину, с которым неоднократно спорил по теоретическим вопросам. Под его влиянием раненый В. Ленин потребовал от рабочих «сдерживать гнев» и отменил распоряжение, отданное ранее местным отделам ЧК на расстрелы без суда и следствия. Однако вождь революции ошибался. «Красный террор» был вызван не гневом рабочих, а именно истерикой напуганной мелкой и мельчайшей местечковой буржуазии, примкнувшей к революции.

Впрочем, ВЧК не намеревалась сворачивать свою деятельность по ликвидации «заговора послов», который зашел весьма далеко в своем стремлении свергнуть советскую власть и убить В. Ленина. Медлить было нельзя. Чекисты решили арестовать Сиднея Рейли на его московской конспиративной квартире. Однако его там не оказалось: получив предупреждение от Дж. Хилла о готовящихся арестах, он успел бежать из Москвы. На следующий день, 31 августа, чекисты вошли в здание бывшего британского посольства на Дворцовой набережной в Петрограде, которое, в соответствии с международным правом, пользовалось экстерриториальностью.

Однако никакого нарушения международного права в этом не было: Англия не признала советского правительства и, следовательно, ее посольство в России находилось незаконно. Кроме того, Венская конвенция о дипломатических сношениях, подпи-

санная на Венском конгрессе еще в 1815 году, предусматривала возможность доступа властей в иностранную дипломатическую миссию при наличии серьезных оснований считать, что она используется для ведения подрывной работы против страны аккредитации. Такие основания у советской стороны, разумеется, были и подтверждались документально.

На шум в вестибюле вышел военно-морской атташе Англии капитан 2-го ранга Ф. Кроми. Не слушая, что говорят вошедшие, предъявившие ордер на обыск, он начал стрелять, убив при этом чекиста Иосифа Стадолина и ранив двух его товарищей. В ответ чекисты открыли огонь, и Ф. Кроми был убит.

А в это время Б. Локкарт, укрывшийся в здании британского посольства, начал лихорадочно сжигать документы, относящиеся к заговору против советского правительства. Когда чекисты обнаружили это, было уже поздно. Однако кое-что из документов им удалось захватить, подложные тексты «секретных договоров» большевиков с Германией. Позднее эти фальшивки получили название «документов Сиссона».

Кстати сказать, первыми, кто усомнился в подлинности приобретенных американским журналистом и представителями президента В. Вильсона Эдгаром Сиссоном материалов, был финский социалист Ноуртева и знаменитый американский журналист Джон Рид, написавший книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Уж больно содержание этих «документов» не соответствовало тем историческим реалиям, которые они сами наблюдали, находясь в разгар революции в России. Ниже мы еще вернемся к этой истории, а пока обратимся к нашему документальному повествованию.

Итак, другие участники «заговора послов», в том числе французы Гренар, Лавернь и Вертамон, укрылись в норвежском посольстве, которое представляло интересы Франции в России, а затем беспрепятственно выехали из Москвы. Советское правительство не нарушило их дипломатического иммунитета, хотя имело на это полное право. У ворот норвежской дипломатической миссии был арестован и американский коммерсант Константин Каламатиано, у которого в тайнике, искусно устроенном в трости, чекистами были обнаружены шифры для переписки с агентурой и тайные документы. Из них чекисты узнали, что в Москве К. Каламатиано удалось завербовать подполковника Генштаба

Русской армии Голицына, фигурировавшего в секретной переписке агентом под номером 12. Подполковник Голицын передавал своему оператору данные о формировании Красной армии, производстве вооружений и боеприпасов на тульских оружейных заводах, сведения о положении в прифронтовой полосе и другие разведывательные сведения.

Сотрудник французской разведки в России капитан Фо-Па Биде направил в этой связи рапорт начальнику 2-го бюро Генштаба французской армии. В нем он сообщал, что 1 сентября 1918 года резидентура военной разведки в Петрограде была проинформирована, что в Военном комиссариате Петроградской коммуны имеется ордер на обыск в посольстве Франции. В этой связи посланник Дании в России г-н Скавениус предложил всем офицерам французской разведки укрыться в помещении его миссии. Чтобы продолжать ведение разведывательной работы в России и одновременно не компрометировать датское дипломатическое представительство, капитан Фо-Па Биде, вместе с другим разведчиком, капитаном Вакье с разрешения резидента 2-го бюро майора Аршана решили переночевать у агента французской разведки Ивана Зая. Однако примерно в два часа ночи чекисты, проводившие обыски с целью поиска оружия, арестовали эту троицу, обнаружив у И. Зая два револьвера, один из которых принадлежал капитану Фо-Па Биде, а также около 30 тысяч рублей золотом из фондов Французской разведывательной службы⁶.

Фо-Па Биде и его спутники были подвергнуты допросу в Петроградской ЧК на Гороховой улице, а затем заключены под стражу в большом зале караульного помещения. Здесь находились также торговый атташе французского посольства Мазон и его заместитель Дарси. 3 сентября заговорщики были переведены в Петропавловскую крепость. 17 сентября их перевели в Москву. 30 сентября Фо-Па Биде допрашивал бывший соотечественник француза маркиз Жорж Делафар, добровольно перешедший на службу революции. Он зачитал протокол очной ставки одного из сотрудников Французской военной миссии в Москве, из которого следовало, что Фо-Па Биде является кадровым французским разведчиком, ведущим подрывную деятельность против советской власти.

Фо-Па Биде, уличенный в преступлениях против Советского государства, был помещен в Бутырскую тюрьму, из которой вы-

шел только 17 января 1919 года и беспрепятственно выехал во Францию. В рапорте на имя начальника французской военной разведки он просил возместить ему 30 700 рублей, отобраанных у него при обыске и аресте на квартире у агента Ивана Зая⁷.

Пятого сентября 1918 года центральные московские газеты опубликовали интервью с заместителем председателя ВЧК Я. Петерсом. Он рассказал о некоторых подробностях раскрытого заговора, из которых следовало, что спецслужбы Антанты «попались на удочку» ВЧК и что «Латышского национального комитета не существует в природе». Одновременно «Известия» опубликовали фотокопию письма Р. Маршана, осуждающее заговорщиков за их неприкрытое вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

В европейской печати разразился небывалый политический скандал. Респектабельная британская «Таймс» сокрушалась не по поводу самого заговора. Ее раздражение вызывал тот факт, что британская разведка так бездарно провалилась, а большевики, захватившие средства, выделенные заговорщиками латышам, «запустили руку в нашу государственную казну и теперь потешаются над нами с видом невинного младенца». Достопочтенные джентльмены из «Таймс» откровенно лгали своим читателям: эти деньги вовсе не принадлежали британским налогоплательщикам, они были собраны британской и французской разведками среди русских буржуа, передавались американскому консулу Пулу, а затем через Гикса, подручного Б. Локкарта, вручались латышам, которые аккуратно сдавали их в ВЧК.

28 ноября 1918 года при большом стечении публики в Москве состоялся открытый судебный процесс над Б. Локкартом и его сообщниками. Он продолжался пять дней и полностью доказал обоснованность предъявленных им обвинений. 5 декабря 1918 года суд огласил приговор, в котором указывалось, что действия западных дипломатов в России были связаны с «циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности». Основные участники «заговора послов» — Б. Локкарт, Гренар, С. Рейли и Вертамон — были объявлены вне закона и при первом задержании на территории России подлежали расстрелу. Три дипломата-заговорщика были еще до суда высланы за пределы Советской России. В январе 1919 года все арестованные по

делу «заговора послов», включая К. Каламатиано, были освобождены из тюрьмы и также покинули Советскую Россию.

МАРКИЗ ДЕЛАФАР — РАЗВЕДЧИК-НЕЛЕГАЛ

Как мы уже говорили, в марте 1918 года страны Антанты высадили свои десанты на Севере России. После ноябрьской революции 1918 года в Германии немцы эвакуировались из России, и эти страны оккупировали Украину, Одессу, Кавказ. Гражданская война в России разгоралась. Советское правительство нуждалось в информации о положении в районах, оккупированных державами Антанты. Ф.Э. Дзержинский принимает решение направить в Одессу, занятую войсками генерала Деникина, но фактически подчиняющуюся французскому генералу д'Ансельму, чекиста Жоржа Делафара, принимавшего активное участие в разгроме «заговора послов». Ему присваивается оперативный псевдоним Шарль. Перед разведчиком-нелегалом ставятся следующие задачи:

1. Используя разработанную для него легенду, а также агентурные каналы «Мирограф» и «Кале» и рекомендательные письма от белогвардейцев, внедриться в одно из штабных учреждений, имеющее тесные связи с французским командованием.

2. Выявлять стратегические намерения французов, англичан, Добровольческой армии, петлюровцев, Армии Галиции. Освещать деятельность разведки и контрразведки противника.

3. Выяснить возможность невоенного прекращения интервенции и способы быстрее вывода войск интервентов с Юга России.

Задачи были колоссальными, однако решать их был должен не один Шарль, а целая разведывательная сеть, созданная ВЧК в Одессе, включая большевистское подполье.

О Жорже Делафаре сохранилось немного сведений. Считалось, что он потомок обрусевшего французского офицера наполеоновской армии, взятого в плен в 1812 году. Другие утверждали, что он принадлежал к аристократическому французскому роду графов Делафер, из которого происходил герой романа А. Дюма «Три мушкетера» Атос. Сам он свой род выводил из крестоносцев, в XII веке завоевавших Палестину и впоследствии получивших титул маркизов. Как бы то ни было, он одинаково хорошо

владел русским и французским языками, писал стихи, одно время сочувствовал анархистам и горячо поддержал Октябрьскую революцию. Бывшему маркизу нравилось, когда по-русски его называли Георгием Георгиевичем.

В начале декабря 1918 года на коллегии ВЧК Ф.Э. Дзержинский проинформировал собравшихся об обострении обстановки на Юге России. В ночь с 15 на 16 ноября страны Антанты направили в Черное море объединенную эскадру в составе 10 линейных кораблей, 9 крейсеров и 10 миноносцев под командованием французского адмирала. 20 ноября войска Антанты оккупировали Одессу. ВЧК нуждалась в объективной информации о положении в Одессе и на всем Юге России. Чекистам удалось создать агентурную сеть среди творческих работников одесской кинофирмы «Мирограф». Однако в последнее время в ее работе наступили определенные сбои.

Ж. Делафара было решено направить в Одессу, поскольку он до марта 1917 года служил во Французской военной миссии генерала Нисселя и был хорошо известен французам. В случае проверки они могли бы подтвердить его лояльность бывшей исторической родине.

В анкете, заполненной Делафаром по этому случаю, говорится, что он родился 14 ноября 1894 года в Сестрорецке, под Петроградом, т.е. на момент его вывода с заданием в Одессу Жоржу было всего 24 года. Он свободно владел русским, французским, итальянским и немецким языками, что сыграло большое значение в выборе Шарля в качестве разведчика. В ВЧК работал с декабря 1917 года, т.е. с первых дней ее существования. Холост, мать — домашняя учительница, отец — оружейник, вместе с сыном трудился на Сестрорецком оружейном заводе.

В Одессу он был заброшен в конце декабря 1918 года. Он поселился в «Большой Московской гостинице», где летом того же года осела большая группа московских киноартистов, бежавших на юг от голода и бедствий Гражданской войны. Киностудия «Мирограф» служила прикрытием для резидентуры разведки чекистов. Возглавлял ее старый подпольщик, чекист Иван Кабанцев, которому помогал агент Инсаров.

Под кодовым именем Кале в Одессе действовал бывший студент-медик Одесского университета Калистрат Григорьевич Саджая, агент ВЧК, заброшенный сюда незадолго до самого Де-

лафара. Прибыв в Одессу, Шарль должен был установить контакт с этой «тройцей» и объяснить им, что отныне они будут действовать под началом Особого отдела ВЧК.

В Одессе Шарль должен был установить связь с Инсаровым, который часто посещал «Мирограф». Эта встреча состоялась, и из беседы с ним узнал, что тот часто бывает в доме «Кружка артистов». Сюда нередко заходит всемогущий начальник штаба войск Антанты на Юге России полковник Фрейденберг, благосклонно относящийся к Инсарову и считающий себя покровителем муз.

Установил он контакт и с другим разведчиком — опытным конспиратором Иваном Кабанцевым. С ним Шарль обсуждал возможные пути передачи информации в Центр, поскольку в связи с Гражданской войной почтовая связь Одессы с Москвой не работала. Доставка почты осуществлялась с нарочным, за отдельную плату, и это было непростым делом.

Перед Шарлем стояла задача внедриться в одно из штабных учреждений французского военного командования. Помочь решить ее мог только Георгий Антонович Виллем, бывший сослуживец Ж. Делафара по экспедиционной конторе в Петербурге, которая была открыта в 1914 году графом Леоном Лафером. Она занималась получением и отправкой военного снаряжения на фронт. В момент прибытия Шарля в Одессу Г. Виллем, обрусевший француз, исполнял обязанности отсутствовавшего консула Энно и пользовался полным доверием французов. Он поддерживал тесные контакты с полковником Фрейденбергом, с которым не раз завтракал в отдельном кабинете в доме «Кружка артистов».

Г. Виллем не удивился приезду Ж. Делафара в Одессу: в годы Гражданской войны сюда из голодной Центральной России бежали писатели, артисты, художники. Среди них — Иван Бунин, Алексей Толстой, Тэффи, Аркадий Аверченко и другие звезды писательского цеха России. Шарль дал понять своему приятелю, что нуждается в постоянном заработке, поскольку литературными трудами в это время не прожить. Г. Виллем сказал, что попытается устроить его переводчиком к полковнику Фрейденбергу. Однако прежде чем принять его на работу в штаб Французского экспедиционного корпуса, с Ж. Делафаром будет предварительно беседовать начальник французской контрразведки майор Порталь.

Беседа прошла нормально. Майор Порталь поинтересовался у Шарля его биографией, местами во Франции, где родились его родители («будут проверять, — подумал разведчик»), его работой во Французской военной миссии. Майор сказал, что Шарль принят на работу. Все документы, требующие перевода, он будет получать лично у майора и возвращать их будет также только ему. Какие-либо наброски, заметки, черновики оставлять у себя Шарль не имел права.

Помня наставления заместителя председателя ВЧК Я. Петерса перед отправкой в Одессу, Шарль вживался в роль переводчика, лояльного Франции. В штабе французской армии вел себя тихо, ни о чем не спрашивал сослуживцев, знакомств не заводил, к майору Порталю изредка обращался только по служебным делам. Однако в памяти он фиксировал данные о численном составе, дислокации, вооружении и планах перемещения войск интервентов. К 27 января 1919 года разведчик подготовил первое донесение в Центр.

31 января оно поступило Дзержинскому. В донесении Шарль писал о расстановке и моральном духе в войсках интервентов в Одессе, намерениях французского командования взять под свой контроль весь Юг России, Украину, Донбас. Шарль сообщал о противоречиях, возникших во взаимоотношениях английского и французского командования на Ближнем Востоке, раздорах между Главнокомандующим всеми войсками Антанты в регионе генералом Феликсом Франше д'Эспере и командующим войсками интервентов на Черноморском побережье генералом А. Бертелло, а также местными штабами Добровольческой армии.

Он сообщал Ф.Э. Дзержинскому, что главной фигурой войск интервентов в Одессе является начальник штаба полковник Фрейденберг, выходец из России. Шарль характеризовал его как сильного, властного и неординарного человека, способного реально влиять на события в регионе. Полковник Фрейденберг сумел подчинить своему влиянию Главнокомандующего Союзными войсками на Юге России генерала д'Ансельма. Главным рычагом его влияния была тайная контрразведывательная организация «Азбука», одновременно занимавшаяся ведением разведки в Европе.

Поясним читателю, что тайная организация «Азбука» была создана в 1917 году бывшим членом Государственной думы Шуль-

гиным и генералом Драгомировым. Свое название она получила оттого, что ее агенты зашифровывались буквами старого русского алфавита — «Аз», «Буки», «Веди», «Глагол»...

Полковник Фрейденберг, по донесению Шарля, аполитичен. Преследует цели личного обогащения, в победу Союзников над большевиками не верит. Игнорирует даже приказы, поступающие из Парижа, исполняя те из них, которые соответствуют его личным планам. На него Центр делал ставку в крупной игре, призванной принудить интервентов без сопротивления эвакуироваться из Одессы.

Среди тайных информаторов «Шарля» была русская кинозвезда актриса Вера Холодная, работавшая на большевиков. Ей было 25 лет. Летом 1918 года кинематографисты обратились к наркому просвещения А.В. Луначарскому с просьбой разрешить им выехать в Одессу на съемки фильма. Нарком такое разрешение дал и оказал помощь в организации поездки, поскольку Одесса была отрезана от Центра фронтами Гражданской войны. С кинозвездой Делафара познакомил в «Кружке актеров» разведчик Петр Инсаров, который дружил с Верой Васильевной. Интерес разведчиков к Вере Холодной объяснялся тем, что она имела определенное влияние на полковника Фрейденберга и могла оказать помощь в том, чтобы отыскать тайные пружины, способные повлиять на скорейший вывод войск интервентов с территории Юга России.

В донесении в Центр Шарль писал:

«Слава не вскружила ей голову, она ею тяготится. Фрейденберг души в ней не чаёт, льнет к ней, хотя держит себя в рамках приличий. Дама эта наша. У нее брали интервью: “Почему бы Вам не уехать в Европу, пока в России междоусобица?” — Она ответила: “Я Россию никогда не брошу”»...

Влияние ее на Фрейденберга огромно. Апостол (П. Инсаров. — *Авт.*) предлагает форсировать это дело в том направлении, о котором был разговор. Я — за!»

Однако вскоре после того, как это донесение Шарля ушло в Центр, Вера Холодная была умерщвлена белогвардейцами. Согласно официальной версии, причиной ее смерти стал отек легких, наступивший в результате «испанки», — так в то время называли вирусный грипп. 16 февраля 1919 года ее хоронила вся Одесса. Высказывались различные — даже самые фантастические — причины смерти 25-летней актрисы. Наиболее близкой к

истине из них является то, что работа Веры Холодной на большевиков попала в поле зрения контрразведывательной организации «Азбука». Актриса была отравлена ядом, вызывающим отек легких. С тем, чтобы замести следы, белогвардейские контрразведчики похитили дочь профессора Ускова, проводившего вскрытие ее тела, и возвратили ее только после того, как он в публичном интервью подтвердил, что Вера Холодная умерла от «испанки». В одном из донесений «Азбуки» деникинскому командованию в тот период промелькнуло сообщение: «Уморили красную королеву»...

Ее провал как разведчицы был связан с тем, что деникинской контрразведке удалось перехватить донесение Шарля в Центр. Всего с января по март 1919 года разведчик направил четыре донесения на Лубянку. Первое из них датировано 27 января 1919 года Четвертое — 9 марта. Оба донесения были получены. Второе и третье донесения разведчика были перехвачены «Азбукой». В них шла речь о беседах с Верой Холодной...

Засылая Шарля в логово интервентов, заместитель Председателя ВЧК М. Кедров предупреждал его о том, что Одесса наводнена агентами вражеских разведок и контрразведок. Первое донесение Шарля в Центр подтвердило это: в Одессе работала деникинская контрразведка, возглавляемая действительным статским советником В. Орловым, о котором мы уже рассказывали, разведывательно-контрразведывательная организация «Азбука», которой руководил известный монархист Шульгин, французская военная контрразведка майора Порталья, петлюровская контрразведка князя Кочубея, спецслужбы украинской Центральной Рады, подчинявшиеся генералу Бискупскому, британская СИС, французское 2-е бюро...

В середине февраля 1919 года Шарль попал в поле зрения шульгинской контрразведывательной организации «Азбука», которой удалось перехватить его донесение в Центр. Но настоящая охота за разведчиком-нелегалом началась в марте 1919 года после загадочной смерти Веры Холодной, о которой он сообщал в третьем донесении Дзержинскому. 4 марта 1919 года Дмитрию Чайковскому, начальнику политической канцелярии при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России генерале Деникине, поступило сообщение одесской резидентуры деникинской контрразведки «Око»:

«Этот неуловимый Шарль из Одессы опять направил вчера известным каналом письмо в Москву, полагаем, в свой узел на Лубянке. Когда проследовало первое письмо, представитель московской резидентуры посетил адрес, обозначенный на конверте. Таковой Леже Генриетты, проживающей по обозначенному адресу, не установлено. Кисельный переулок находится в непосредственной близости от Лубянки»...

Четвертое донесение Шарля деникинская контрразведка не сумела перехватить, поскольку оно было отправлено по другому каналу. Оно сыграло важную роль в том, что интервенты оставили Одессу без боя. В донесении разведчик пишет:

«На Фрейденберга действуют две взаимоисключающие силы: добровольцы и петлюровцы. Третья сила заставляет его нервничать и бросаться в крайности. На днях чуть не сдал Порталю нашего третьего, но во время одумался. Сумма есть сумма... Думаем преуспеть к сроку».

В письме разведчика речь идет об операции чекистов, предусматривавшей использовать подкуп Фрейденберга с тем, чтобы побудить интервентов эвакуироваться из Одессы и подготовить ее к мирному занятию Красной армией.

«Третья сила», которая упоминается в этом донесении, это исполняющий обязанности французского консула в Одессе Г. Виллем, дальний родственник Шарля.

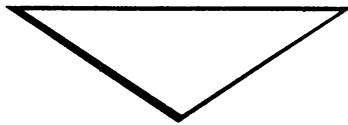
В конце февраля 1919 года Шарлю удалось даже похитить из номера в гостинице «Лондонская», который занимал майор Порталь, его записную книжку. В нее французский контрразведчик заносил особо секретные сведения — даты прибытия контингентов французских солдат и матросов в Одессу, численность гарнизонов приморских городов, характеристики высших должностных лиц в штабе французских войск и т.п. Подозрение пало на разведчика Кале — сотрудника нелегальной резидентуры чекистов в Одессе и товарища Шарля по оружию Калистрата Саджая. В начале марта он был арестован, помещен на гауптвахту при гостинице «Майбах» и попытался бежать оттуда, совершив прыжок с третьего этажа. К. Саджая был доставлен в больницу, в которой находился вплоть до вступления в Одессу частей Красной армии. После ухода французских войск из Одессы он стал председателем Одесской ЧК под фамилией Калениченко — это явный намек на его оперативный псевдоним.

На Шарля деникинская контрразведка вышла вскоре после ареста К. Саджая. Несмотря на то, что разведчик имел для связи с Москвой свой канал «Мирограф», он по собственной инициативе установил контакт с представителем большевистского подполья в Одессе Иваном Смирновым, заброшенным в Одессу под именем купца второй гильдии Николая Ласточкина.

В марте 1919 года Шарль был арестован французской контрразведкой. Однако поскольку его как урожденного француза нельзя было предать смертной казни, французское командование передало его в руки деникинской контрразведки. В апреле 1919 года он был вывезен на барже в Черное море и вместе с другими подпольщиками утоплен белогвардейцами. Разведчику от роду было всего 25 лет.

Что же касается планов чекистов по мирной эвакуации интервентов из Одессы, то он был успешно реализован. 3 апреля 1919 года полковник Фрейденберг отдает приказ о немедленной эвакуации французской армии в течение трех суток. Пока генерал д'Ансельм пытался связаться с Парижем, чтобы отменить этот приказ, эвакуация интервентов шла полным ходом. Вскоре части Красной армии без единого выстрела вступили в Одессу. 19 апреля 1919 года премьер-министр Франции Ж. Клемансо направил материалы на полковника Фрейденберга в Военный трибунал. Дальнейшая его судьба неизвестна, однако есть все основания считать, что полковник все же не был расстрелян.

История маркиза Делафара описана в литературной форме в повести писателя Алексея Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», вышедшей в 1924 году.⁷

Глава пятнадцатая

ЛИКВИДАЦИЯ РУССКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ МИССИИ В ПАРИЖЕ

А теперь вернемся в март 1917 года, когда в России от власти был незаконно отстранен император Николай II. Мы говорим незаконно, поскольку российское законодательство вообще не предусматривало отречения монарха от трона. В случае его недееспособности мог быть создан регентский совет, однако российская буржуазия по этому пути не пошла, нарушив тем самым закон и традиции. Николай II первоначально отрекся от престола в пользу своего сына Алексея, а затем передумал и завещал царский трон брату Михаилу. Великий князь Михаил Александрович после суток раздумья от царского венца отказался: ситуация в стране не позволяла ему взять на себя такую ношу, к которой он не был готов.

К началу 1917 года графу П. Игнатьеву и его подчиненным удалось создать довольно обширную агентурную сеть в тылу вражеских стран, работа которых потихоньку стала налаживаться. Возглавляемая им миссия русской военной разведки при Межсоюзническом разведывательным бюро в Париже установила взаимодействие с разведывательными службами Франции, которых, как следует из рапорта Антуана Губэ, который мы процитировали в главе, посвященной капитану Ладу, в ту пору насчитывалось пять. Однако разразившаяся в Петрограде Февральская революция, приведшая к созданию Временного правительства во главе с князем Львовым, внесла сумятицу в работу возглавляемой П. Игнатьевым службы.

Тревожные вести о революции в России, доходившие до Павла Игнатьева, вдруг превратились в печальную действительность.

Новость была для него столь ошеломляющей, что поначалу в нее не хотелось верить. Однако вскоре из ГУГШ ГШ пришла официальная телеграмма, которая подтверждала этот факт, но без подробностей. Все подробности Февральского переворота, порой самые фантастические, П. Игнатьев и его сотрудники узнавали из французских газет. Наконец пришла телеграмма из Ставки, в которой говорилось, что по повелению императора все должны подчиняться приказам Временного правительства, премьером которого он назначил князя Львова. Оно, однако, не внушало П. Игнатьеву и его соратникам никакого доверия. Все они прекрасно помнили клеветническое выступление П.Н. Милюкова, обвинившего русских разведчиков в связях с врагом. В первом составе Временного правительства он стал министром иностранных дел.

Заместитель Павла Игнатьева капитан князь Владимир Лешинский-Троекуров категорически отказался принести присягу Временному правительству, несмотря на все увещевания и уговоры руководителя миссии русской разведки. Князь намеревался уйти из армии и навсегда отказаться от военной карьеры. С большим трудом Павлу Алексеевичу удалось уговорить его не спешить с реализацией своего намерения и продолжать помогать ему в выполнении разведывательной миссии. Князь согласился, однако отказался участвовать в официальных мероприятиях.

Особенно удивляла П. Игнатьева и его соратников реакция большей части русских и иностранцев в Париже на революцию в России. Они считали, что Россия, как и Франция в годы революции 1789 года, с новой силой возобновит войну с Германией и победоносно завершит ее. Лозунг «Отечество в опасности» якобы сплотит армию и вдохновит ее на новые подвиги, утверждали эти штатские лица. Но П. Игнатьев был военным человеком, неплохо знавшим не только Русскую армию, но и менталитет русских солдат. Он понял, что русский солдат после отречения императора от трона воевать за интересы буржуазии не будет. Солдат, которые в основном были выходцами из деревни, интересовали два вопроса: мир и земля.

Вскоре опасения П. Игнатьева и его соратников подтвердились. Царскую армию добил знаменитый «Приказ № 1» по гарнизону, изданный петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Он отменял субординацию в армии и вводил выбор-

ность командиров. В последние годы принято говорить, что приказ способствовал развалу вооруженных сил России и что если бы его не было, то все в стране пошло бы по-другому. В действительности же Приказ № 1 имел двойственный характер. С одной стороны, он способствовал падению дисциплины в действующей армии, а с другой... Его составители были отнюдь не глупыми людьми. Они учли уроки революции 1905—1907 годов, когда армия, оставшись в руках царских генералов, подавила ее. В феврале 1917 года этого не произошло. Армия была вырвана из рук «роялистов», и ее использование для подавления революции стало невозможным.

Окончательно Русская армия разложилась в результате июньского наступления Керенского и попытки Корнилова установить военную диктатуру в России. После этого Русская армия окончательно перестала существовать. В Русском экспедиционном корпусе во Франции также начались волнения. Солдаты стали создавать полковые комитеты и советы солдатских депутатов. Французские власти жестко отреагировали на это. Они издали приказ, запрещающий создание советов, и подавили восстание русских солдат в лагерях в Майи и Куртине, требовавших немедленного возвращения на Родину.

В архивах 2-го бюро сохранился следующий документ:

31 декабря 1917 года
Председатель Совета
министров и военный
министр —
генералу Занкевичу

Мне донесли, что с вашего разрешения во Франции функционирует Комитет русских солдат, размещающийся по адресу: ул. Пьера Шаррона, 59 в Париже. Этот комитет якобы будет принимать решения, касающиеся русских войск.

Имею честь напомнить вам положения Решения № 30334 1/11 от 24 декабря 1917 г., которым Французское правительство берет на себя расходы по содержанию русского контингента, находящегося в настоящее время на французской территории, а также обеспечивает поддержание в нем дисциплины и упраздняет Солдатские комитеты.

Вследствие сего имею честь просить вас отдать соответствующие приказы с тем, чтобы срочно прекратить подобное положение дел.

По поручению:
Подпись: Фош¹

После Февральского переворота положение П. Игнатьева как главы русской военной разведки в Европе становилось все более трудным. Желая прояснить ситуацию в России, он направляет князя Владимира Лещинского-Троекурова в Петроград с целью установления контакта с представителями нового режима и получения точных инструкций для возглавляемой им разведывательной службы. Одновременно П. Игнатьев направляет в ГУГШ телеграмму, в которой сообщает, что вся секретная информация, поступающая от возглавляемой им разведывательной миссии, в том числе полученная от разведслужб других стран Антанты, сообщается членами Временного правительства руководству их партий, и, следовательно, перестает быть секретной. Это ставит под удар агентурные источники русской военной разведки в Европе.

Это послание Игнатьева 2-го стало темой специального заседания Совета министров России. А. Керенский, возглавивший к тому времени Временное правительство, отказался оглашать подробности телеграммы из Парижа, касающиеся военной обстановки в Европе, в присутствии члена его кабинета Чернова, который не без оснований подозревался в связях с немцами. Этот инцидент привел к политическому скандалу в стране, однако дело ничем не закончилось: утечка строго секретных сведений из высших органов государственной власти России продолжалась. Ту же картину мы наблюдали и в памятном 1991 году. Зуд поделиться с иностранцами русскими секретами является особенностью российских демократов, ищущих поддержки на Западе и не находящих ее в самой России...

В связи с политическими переменами в стране замедлился перевод средств из Петрограда на содержание созданных П. Игнатьевым разведывательных организаций, которые за пять месяцев (с ноября 1916 по март 1917 года) составили сто пятьдесят тысяч рублей. Как мы видели из предыдущей главы, Ставка попыталась даже урезать эти расходы, несмотря на известное высказывание

Наполеона: «Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги».

Поскольку генерал Ф. Палицын дал из Парижа уклончивый ответ на вопрос о возможности сокращения расходов на агентурную разведку, который явно не удовлетворил Петроград, 17 мая 1917 года Ставка специальной телеграммой запросила все штабы фронтов, пользовавшихся услугами разведывательных организаций П. Игнатьева, считают ли они достаточно ценными получаемые от него сведения и признают ли «необходимым, или хотя бы желательным, продолжение работы этих организаций». Одним словом, вопрос-подсказка.

Однако штабы Северного, Западного и Юго-Западного фронтов ответили, что работа разведывательных организаций, которыми руководит П. Игнатьев, их удовлетворяет, и ее продолжение желательно. Одновременно почти все они указали на чрезмерные расходы, связанные с деятельностью этих организаций, а также на то, что денежные расходы П. Игнатьева никем не проверялись. Так, в 1916 году он потратил на разведку около 4 млн французских франков, что по тогдашнему курсу составляло 400 тысяч рублей золотом. Эти расходы показались Петрограду чрезмерными и вызвали подозрения в нечестности самого П. Игнатьева.

Рост расходов на разведку объяснялся просто. Дело заключалось в том, что из стран Антанты только Россия и США не знали на протяжении всей войны продовольственных и иных карточек. В Европе же все воюющие страны сразу с ее началом такие карточки ввели. Возникло жесткое рacionamento всех продуктов питания и товаров широкого потребления. Это сразу же привело к возникновению обширного черного рынка и росту контрабанды. Соответственно взлетели и цены на черном рынке в Европе. Поэтому лица, привлекавшиеся П. Игнатьевым к выполнению разведывательных заданий, требовали увеличения оплаты их услуг. А это также вызывало рост расходов на разведку, ибо хорошая разведывательная информация стоит дорого. Тот же Наполеон говорил, что за новость в первую минуту платят золотом, во вторую — серебром, а в третью — и гроша медного не дают.

Сам П. Игнатьев был честным человеком, и ни одна копейка казенных средств к его рукам не пристала. После ликвидации его разведывательных организаций он и его семья вели весьма скромный образ жизни, а после внезапной смерти отставного полков-

ника в 1931 году его жена впала в настоящую нищету. Так что вряд ли стоит говорить о каких-то финансовых злоупотреблениях с его стороны.

П. Игнатъев с нетерпением ожидал возвращения князя Лещинского-Троекурова из Петрограда. Во время командировки в Россию князь посетил Ставку и долго беседовал с генералом Дитерихсом. Хорошо знавший Павла Алексеевича по Юго-Западному фронту генерал-квартирмейстер обещал ему свою поддержку при всех обстоятельствах. Гораздо более сложными были беседы Лещинского-Троекурова в Российском Генштабе. Здесь ему был высказан целый ряд серьезных претензий к работе графа П. Игнатъева в качестве руководителя русской военной разведки. Они были вызваны ложными доносами на Павла Алексеевича со стороны ряда его недоброжелателей, в частности, уже упоминавшегося нами прапорщика А. Арбатского, который пытался бросить тень на своего бывшего начальника, обвиняя его в «сговоре с немцами». Князю Лещинскому-Троеурову удалось рассеять все обвинения и укрепить доверие Генштаба к разведслужбе, возглавляемой П. Игнатъевым.

Получив инструкции, В. Лещинский-Троекуров в октябре 1917 года выехал из Петрограда в Париж через Стокгольм и Лондон. Однако во время его поездки в России произошла Октябрьская революция, поэтому широкие полномочия и инструкции, полученные им в Петрограде для разведывательных организаций П. Игнатъева в Европе, уже никуда не годились. П. Игнатъев был вынужден запросить Петроград по телеграфу относительно дальнейшей работы русского представительства при Межсоюзническом разведывательном бюро в Париже.

Переписка П. Игнатъева с революционным Петроградом осуществлялась им через парижский телеграф и, естественно, вызвала подозрения у французских спецслужб относительно его сотрудничества с большевиками. К тому же, 30 ноября 1917 года из Рима была получена следующая телеграмма французского посла Баррепа, направленная им министру иностранных дел Франции:

«Разведывательная служба Верховного командования вручила вчера нашему заместителю военного атташе ноту, гласящую, что согласно донесению двух его информаторов, военный атташе

России во Франции генерал граф Игнатъев и военно-морской аташе в Риме барон Врангель якобы совместно занимаются шпионажем в пользу центральных держав.

Должен сказать, что указанная нота не содержит никаких ссылок в подтверждение этих обвинений против этих офицеров. Я попросил нашего военного аташе узнать, дают ли эти агенты Верховного командования какие-либо уточнения на этот счет, или же они ограничиваются лишь изложением факта на всякий случай.

По причине проведения конференции в Париже я счел своим долгом предупредить ваше превосходительство»².

Эта телеграмма была также адресована в Генштаб французской армии. Оттуда в Рим ушла следующая телеграмма:

Военное министерство
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ГША, 2-е бюро — 1
Секция централизации
разведданных
№ 30711-СКР 2
11

ТЕЛЕГРАММА

Военный министр — Военному аташе в Риме

ШИФРОМ

*К № 5 111/С № 10
от 27 ноября 1917 г.*

Просьба срочно сообщить, не является ли генерал барон Врангель, аташе Русской военной миссии в Лондоне, родственником Русского военно-морского аташе в Риме.

За Председателя Совета министров и военного министра —
По его приказу —

Заместитель начальника Генштаба
Генерал-майор
(Подпись)³

За П. Игнатьевым и его братом французская контрразведка в сентябре 1917 года установила наружное наблюдение. Еще раньше началась слежка за руководителем разведывательных организаций Ставки в Швейцарии капитаном Скрябиным, который напрямую подчинялся Петрограду. В досье 2-го бюро сохранился следующий документ:

«Берн, 8 июня 1917 г.

О: Владимире Скрябине

Сообщают, что рассматриваемый с оговорками в качестве подозрительного лица капитан Владимир Скрябин, адъютант принца Ольденбургского, имеет поручение швейцарского Красного Креста. Скрябин ездит из Швейцарии во Францию; ездил даже в Англию, и все это — за счет швейцарского Красного Креста.

В Берне проживал в отеле «Бельвю»; в Лозанне останавливается либо в отеле «Руайяль», либо в «Лозанна-палас». Посещает многих подозрительных лиц, в частности русских выходцев из Курляндии; считается ими лицом с четко выраженными прогерманскими тенденциями. Однажды он сказал некоему Бауэру, русскому немцу, проявляющему яркие прогерманские тенденции, с которым находится в тесной связи: «Через некоторое время у нас будет мир. Если англичане будут слишком упрямыми, мы заставим их убавить тон». В консульстве учетной карточки на него не имеется, поскольку он никогда не заходил визировать свой паспорт.

Заявляют также, что Скрябин получает много денег из Германии, но это не удалось подтвердить»⁴.

Французская контрразведка проинформировала об этом сообщении 2-го бюро соответствующие свои власти на границе со Швейцарией:

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЕР
СЛУЖБЫ ЮРИДИЧЕСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ

№ 73.548.С.Е. Париж, 6 октября 1917 г.

Военные власти сообщают, что Скрыбин Владимир, русский, германофил и подозрительное лицо, в настоящее время находится в Лозанне в качестве офицера Русской армии и секретаря принца Александра Ольденбургского, недавно арестованного в России.

Являлся объектом плотного наружного наблюдения со стороны полиции безопасности Лозанны.

Генеральный контролер
Ж. Себили.

Кому: Господам Специальным комиссарам француско-швейцарской границы⁵.

Подозрения в адрес П. Игнатьева и других русских военных разведчиков в Европе росли, как снежный ком. В 1917 году П. Игнатьев и его заместитель капитан князь В. Лещинский-Троекуров были представлены французским военным командованием к награждению орденом Почетного легиона, однако после Октябрьской революции эти знаки отличия им вручены не были. После телеграфной переписки с революционным Петроградом французские власти официальной нотой потребовали от графа П. Игнатьева вести всю такую переписку только на французском языке, а потом и вовсе ее запретили. Наконец, они приняли решение закрыть представительство русской военной разведки при Межсоюзническом бюро.

Причинами такой подозрительности к П. Игнатьеву и русским в Париже вообще было то, что, как мы видели, он осуществлял специальную контрразведывательную операцию по личному указанию Николая II с целью выяснить источники слухов о ведущихся якобы тайных переговорах представителей России и Германии о заключении сепаратного мира. В этой операции участвовал и капитан В. Скрыбин, на которого французская военная контрразведка первой обратила внимание. Потом уже выяснилось, что эти слухи были полной чущью. Тем не менее граф Павел Игнатьев и его брат Алексей стали жертвами подозрений французов. П. Игнатьеву вменялось в вину причастность к секретным переговорам о сепаратном мире, близость к премьеру Б. Штюмеру, которого в Париже считали германским шпионом. К тому же Штюмер посещал салон матери братьев, графини Софии Сергеевны Игна-

твевой, считавшейся опорой сторонников Германии, хотя в действительности дело обстояло абсолютно наоборот.

В архивах МВД Российской империи сохранилась довольно интересная справка на Софью Сергеевну, которую мы частично процитируем:

«Графиня С.С. Игнатьева, урожденная княжна Мещерская, являлась попечительницей Камчатского православного общества. Неоднократно отправляла на Камчатку церковную утварь и денежные пособия, состояла в дружеских отношениях с Камчатским архиереем. Была вхожа в высшие сферы государственной власти России. В связи с поступившими в начале 1917 года вестями о сильном землетрясении на Камчатке, она обратилась к дежурному чиновнику Министерства внутренних дел за сведениями. Графиню на дому посетил лично министр А.Д. Протопопов и сообщил интересующие ее сведения, которые якобы нельзя было передать по телефону...

Своей твердостью, решимостью и религиозным настроением А.Д. Протопопов оставил на графиню Игнатьеву самое отрадное и утешительное настроение. Она искренне негодует всем вздорным слухам о его «расслабленности и болезни». По заявлению графини, А.Д. Протопопов очень бодр, молодец и свеж на вид.

28 января 1917 года⁶.»

Это донесение неизвестного агента царской охранки составлено явно в целях холая перед министром, отставки которого требовала демократическая часть России. Оно, тем не менее, свидетельствует о том, что С.С. Игнатьева действительно пользовалась известным влиянием в высшем свете Петербурга, была религиозной женщиной и не слыла прогермански настроенной.

После Февральского переворота подозрения французов в отношении братьев Игнатьевых только усилились. Их обвиняли в монархизме, германофильских настроениях. При этом французские власти исходили из тезиса, что раз братья Игнатьевы монархисты — значит, непременно сторонники реставрации Николая II на троне. В связи с этим перед французскими спецслужбами была поставлена задача «изучать главных лиц официальной России как военных, так и гражданских».

В досье, заведенном на П. Игнатьева во 2-м бюро ГША Франции, постепенно стали накапливаться на него компрометирующие материалы. Многие из них носили прямо-таки фантасти-

ческий характер и являлись обыкновенными сплетнями. Чего стоит такое утверждение одного из агентов 2-го бюро, вероятно, русского по национальности, что мать братьев Игнатьевых якобы являлась... любовницей Г. Распутина. Информатор даже не удосужился уточнить у других русских эмигрантов возраст этой пожилой дамы: в ее годы любовников обычно не заводят, а больше думают о спасении души.

Каких-либо конкретных сведений о связях главы русской военной разведки с противником не было. Только в одном из донесений агента во 2-е бюро высказывалась мысль о том, что порочащие П.А. Игнатьева сведения скорее всего были подброшены германской разведкой. Но, как говорится, у страха глаза велики, и деятельность Русской военной разведки в Париже была поставлена под контроль французских спецслужб. А за полковником П.А. Игнатьевым по личному указанию военного министра Ж. Клемансо было установлено наружное наблюдение Сюртэ Женераль (Службы общей безопасности). Однако, кроме слухов и сплетен, французской охранке собрать чего-либо существенно не удалось.

После Октябрьской революции в России положение русских представителей во Франции еще больше осложнилось. Особенно это стало очевидным в связи с начавшимися переговорами о перемирии Советской России с державами Четверного союза и отказом стран Антанты принять в них участие. Фактический выход России из войны не на шутку встревожил французские правящие круги. Уже 5 декабря 1917 года в своем рапорте руководству военного ведомства глава 2-го бюро поставил вопрос о целесообразности сохранения различных русских миссий во Франции. Прежде всего обращалось внимание на русских представителей при Межсоюзнической секции. Правда, их терпели еще около полутора месяцев, необходимых на ликвидацию дел, хотя французы панически боялись утечки секретных сведений. Опасались французы и того, что персонал Русской миссии может поддаться революционной пропаганде, хотя в лояльности самого П. Игнатьева сомнений у них вроде бы не было, если не считать его служебной переписки с революционным Петроградом.

В досье на П. Игнатьева во 2-м бюро ГША Франции сохранилось агентурное донесение от 26 февраля 1918 года, в котором он

обвиняется в связях с большевиками. В нем, в частности, говорится:

«... Доказательством того, что правительство Ленина имело связи с Павлом Игнатьевым, является тот факт, что в последнее время комиссары из Петроградского Генштаба повысили в звании до поручика князя Ухтомского и до звания прапорщика жандармского унтер-офицера Саенкова»⁷.

Действительно, после Октябрьской революции правительство Ленина желало сохранить Русскую военную разведку за рубежом и не собиралось увольнять российских военных атташе. Однако большинство из них советскую власть не признали. От должностей военных атташе России за границей были отрешены генерал Потоцкий, а также Яхонтов, Ермолов, Мейер, Бобриков, Миллер и Энкель. Что же касается П. Игнатьева, то он, как мы знаем, от должности отстранен не был. Он поддерживал переписку с Генштабом Русской армии, надеясь на продолжение работы своей Службы, однако французские власти думали по-другому.

12 декабря 1917 года начальник 2-го бюро полковник Губэ составил следующее донесение на имя начальника Генштаба:

РАПОРТ

«Полковник Игнатьев 2-й передал вчера в Межсоюзническое бюро прилагаемые к сему четыре зашифрованные телеграммы, предназначенные к отправке в Петроград.

В силу нынешних обстоятельств начальник 2-го бюро был вынужден приостановить их отправку.

Шифровальная секция не смогла их расшифровать.

В этих условиях 2-е бюро ГША имеет честь спросить: следует арестовать эти телеграммы или же отправить их».

На донесении имеется следующая резолюция: «Арестовать по приказу генерала, начальника Генерального штаба. 12 декабря 1917 года ⁸.»

Узнав о том, что телеграммы в Петроград задержаны, Павел Алексеевич обращается в конце января 1918 года с официальным письмом во Французскую миссию. Вот его содержание:

РУССКАЯ МИССИЯ

№ 97 Париж,
28 января 1918 года

НОТА для Французской миссии

Полковник граф Игнатьев 2-й просит провести расследование с целью выяснить, были ли телеграммы: № 1763, врученная 9 января 1918 года, № 2 от 16 января и № 6 от 22 января (срочная) того же года, адресованные в Российский Генштаб в Петрограде, действительно отправлены и срочно сообщить ему результаты расследования.

Просьба также сообщить, по каким причинам письмо № 282, направленное 10 января 1918 года Российской миссией в адрес Российского военного атташе в Швейцарии, дипломатическое представительство в Берне, до сих пор не поступило по назначению.

Начальник Русской миссии
полковник
(рукой самого П. Игнатьева) —
граф Игнатьев

Резолюция на документе: «В дело»⁹.

По мере приближения заключения мира Советской Республики с Четверным союзом ужесточалась позиция французского правительства по отношению к русским в Париже. Русские военные представители во Франции подвергались различным видам дискриминации. Сначала под строгий контроль была поставлена их переписка с Россией и другими странами, затем им было запрещено разговаривать по-русски по телефону в Париже — разрешалось говорить только по-французски. Но это еще не все.

Судя по переписке 2-го бюро, французов больше всего волновала судьба русской разведывательной сети, контрразведывательная агентура и архивы. Так, близкий к Военному министерству директор газеты «Либерте» Бертутта писал во 2-е бюро, что «прежде всего, необходимо, чтобы П. Игнатьев согласился полностью раскрыть перед нами свою разведывательную сеть»¹⁰.

Это было вызвано тем, что французы полагали, будто разведка П. Игнатьева располагает важными связями в Германии и Австро-Венгрии, работа с которыми ведется якобы с территории Голландии. Очень уж хотелось французам прибрать к рукам эту агентуру. Об этом свидетельствует следующий документ, датированный сентябрем 1917 года:

«Каррамба» сообщает:

В Роттердаме находится весьма крупная шпионская организация русских, подчиняющаяся парижскому центру во главе с начальником полиции Монако. В Женеве агентство «Хаазенштайн и Фоглер» взято им под наблюдение. Обычно он останавливается в отеле «Берг». Для передачи разведывательных сведений использует паровое судно «Лозанна» в Тонон-ле-Бене, где останавливается в отеле «Терминюс».

В Амстердаме разведывательную службу возглавляет некий г-н Блюхер, ранее возглавлявший ее в Монако.

В штабе эрцгерцога Фридриха, а также в штабе наследного принца Баварского находятся в качестве корреспондентов два чрезвычайно важных русских шпиона. Первый из них давал настолько замечательные сведения, что без сомнения, он имеет крупные связи в Австрии, и поэтому было начато расследование, чтобы перед наступлением Брусилова установить круг его знакомств.

Пока неизвестно, были ли эти два корреспондента, которые в настоящее время находятся в Аргентине, заменены другими.¹¹

Отметив растущее недоверие к себе со стороны французских властей, П. Игнатьев в ноябре 1917 года сжигает все документы своей организации, связанные с деятельностью контрразведки, сохранив только те из них, которые имеют непосредственное отношение к возглавляемой им миссии. Одновременно он предпринимает меры по роспуску своих разведывательных организаций. Поскольку средств у русского представительства при Межсоюзническом разведывательном бюро уже не осталось, с французами была достигнута договоренность о том, что они возьмут на себя финансовые обязательства по расчетам с завербованными П. Игнатьевым лицами. Они составили 590 тысяч франков.

Ликвидация русского представительства вызвала волну недовольства со стороны сотрудников и агентов П. Игнатъева, которым было выплачено денежное довольствие всего за два месяца. Широкое распространение среди них получили слухи, о том, что В. Лещинский-Троекуров якобы привез из Петрограда 18 миллионов рублей на реставрацию монархии в России, которые они поделили с П. Игнатъевым. Французская агентура, завербованная 2-м бюро в представительстве П. Игнатъева в Париже, стала заваливать своих хозяев самыми невероятными слухами и домыслами относительно его связей с немцами.

Особо французскую контрразведку интересовали связи П. Игнатъева с великой герцогиней Мекленбургской, русской Великой княгиней Анастасией Михайловной, теткой императора Николая II, которая часто посещала Швейцарию и Монте-Карло. Контрразведка подозревала, что через нее ведутся какие-то сепаратные переговоры с немцами, хотя на самом деле речь шла о контактах П. Игнатъева с лицом русской царской крови и, возможно, это было связано с выполнением какого-то деликатного поручения Николая II или его жены Александры Федоровны, например, финансового порядка. Сам П. Игнатъев; как и положено русскому офицеру, ни словом не обмолвился в мемуарах о своих контактах с теткой Николая II и унес в могилу эту тайну императорского двора.

Однако вот какой документ сохранился на сей счет в досье 2-го бюро:

**МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
ГЕНШТАБ АРМИИ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА**

*2-Е БЮРО 1 Париж,
27 сентября 1917 года
Секция разведанных
Секретно*

**СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ДЛЯ СЕКЦИИ
ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РАЗВЕДАННЫХ**

В продолжение записки от 23 сентября № 6625/СР-2/11 и донесения от 25 сентября с.г. Служба разведки имеет честь сообщить следующие разведывательные сведения, поступившие от союзной службы.

Великая герцогиня Мекленбургская, теща кронпринца, находилась в Париже в июле с.г. и 15 числа отправилась непосредственно в Берлин. В Париж вернулась между 5 и 7 сентября и говорят, что останется там до конца сего месяца. Остановилась в угловом доме на ул. Бюжан.

Ежедневно звонит Игнатьеву 2-му (за этими разговорами можно проследить), и Игнатьев встречается с ней по ночам. Лейтенант Маврокордато часто служит посредником между ними. С другой стороны, встречи якобы назначаются в Русской православной церкви с участием русского православного священника.

Среди лиц, посещаемых великой герцогиней в Париже, называют:

Г-н Поляков С., авеню Фоша, д. 6, женат на русской австрийского происхождения, теща которого проживает в Мадриде и стараниями Игнатьева 2-го получила вид на жительство. Там она проживает вместе с молодым красивым русским мальчиком.

В доме имеется несколько слуг итальянской национальности.

В качестве центра наблюдения и сбора информации предлагается использовать лавку торговли вином в доме № 58 на авеню Бюжан и киоск торговли газетами на углу авеню Бюжан и авеню Дюбуа.

По последним данным, Игнатьев 2-й возвратился в Париж 23 числа, не посетив Швейцарию. В поездке его сопровождала мадам Истомина, которая на самом деле является мадам Левис оф Менар.

(Подпись)¹²

Разумеется, эти слухи были инспирированы самими французскими спецслужбами, до которых докатились сведения о том, что П. Игнатьев пытается выяснить источник дезинформации о том, что Николай II и его жена Алиса («Гессенская муха», как ее презрительно называли utrijnhst недовольные царедворцы) якобы ведут сепаратные переговоры с противником. Спрос, естественно, рождает предложение. Недостатка в «уликах» не было, однако все они оказались блефом. Французам так и не удалось собрать компромат на П. Игнатьева и его брата.

В январе 1918 года Русская миссия была закрыта. 22 января полковник П. Игнатьев сообщил начальнику 2-го бюро полковнику Гургану, что Русская миссия вышла из Межсоюзнической

секции. Приданные ей французской стороной переводчик Леблан и секретарь Ранше, ведший деловую переписку с другими миссиями, были направлены для прохождения дальнейшей службы во французскую армию. Эксплуатируемое миссией имущество было возвращено французской стороне, а ее помещения переданы итальянцам и англичанам. П. Игнатьеву было разрешено сохранить в ней на некоторое время свой рабочий кабинет для решения текущих дел.

17 февраля 1918 года начальник французского Генштаба генерал Альби принимает решение о том, что вследствие ликвидации Русской миссии при Межсоюзническом разведывательном бюро ее архивы должны быть опечатаны и сданы в Историческую секцию Генштаба. При передаче дел П. Игнатьев специально оговорил, что они могут быть извлечены оттуда только им или его заместителем князем В. Лещинским-Троекуровым. В дальнейшем они должны быть переданы законному русскому правительству. Этого обязательства французы не выполнили и до сих пор, а российские власти так и не поставили вопрос о возвращении документов представительства русской военной разведки в Париже, имеющих сегодня историческую ценность.

Полная ликвидация дел миссии была закончена к апрелю 1918 года. 15 мая 1918 года полковник граф Павел Алексеевич обратился к начальнику 2-го бюро полковнику Гургану с сообщением о завершении ликвидационных работ по упразднению русских разведывательных служб во Франции. На этом его разведывательная карьера закончилась.

Ряд досье П. Игнатьева были переданы 2-му бюро ГША Франции. На этот счет был составлен следующий документ:

ПРОТОКОЛ

Семнадцатого мая тысяча девятьсот восемнадцатого года во 2-м бюро Военного министерства было приступлено к передаче Французскому правительству досье и документов, составляющих архивы организации и бухгалтерию Российской Специальной службы во Франции, врученных в д. 21 по Любекской улице в Париже и в соответствии с приказом г-на Председателя Совета министров и военного министра моим письмом ГША, 2-е бюро 1 № 51-Г —2/11 от 10 февраля 1918 года.

Эта передача дел состоялась в соответствии с соглашением между Правительством Французской Республики с одной стороны и Военным атташе России во Франции с другой в условиях, принятых обеими сторонами, согласно которым эти документы будут помещены в Историческую секцию Генерального штаба Французской армии по окончании боевых действий и будут доступны только лицам, упомянутым в письме, отправленном за № 18 3/М от 14 февраля 1918 года г-ну Председателю Совета министров и военному министру (Генеральный штаб армии, 2-е бюро) г-ном Военным атташе России, а именно:

1. Генерал граф Игнатъев, в качестве Военного атташе России во Франции.

2. Полковник граф Павел Игнатъев, руководитель Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

3. Капитан Владимир Лещинский, князь Троекуров, заместитель руководителя Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

4. Капитан Оноприенко, атташе Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

5. Капитан Николай Жадвоин, атташе Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

6. Лейтенант князь Борис Мещерский, атташе Русской миссии в Межсоюзническом бюро.

Эти документы были переданы следующим офицерам французской армии: майор Константен, лейтенант Арго, делегированные на этот счет Председателем Совета министров и военным министром, которые подписали на этот счет расписку в присутствии лейтенанта князя Бориса Мещерского, делегированного военным атташе России во Франции.

Совершено в двух экземплярах в Париже семнадцатого мая тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Зарезервированные досье, упомянутые выше, в количестве 9 (девять) штук, помечены специальной карточкой.

Полковник граф Павел Игнатъев
Лейтенант князь Борис Мещерский
(подписи).¹³

Сотрудники миссии П. Игнатъева получили денежное содержание за два месяца и в дальнейшем могли рассчитывать только на себя.

Владимир Скрябин, которого французы подозревали в «сговоре с немцами», предпринял было попытку предложить свои услуги французской разведке. В архивах 2-го бюро мы обнаружили собственноручный его рапорт на имя начальника этого бюро Гургану следующего содержания:

Конфиденциально

Господин полковник!

В момент, когда в России произошел государственный переворот, свергший монархический режим, я находился здесь во главе Службы военной разведки, которую организовал в Швейцарии по мандату Русского Верховного командования.

Предвидя печальные результаты, к которым привел бы распад моей страны, я подал в отставку в первые месяцы после революции.

Я хотел предоставить в распоряжение французских властей мои услуги, но мне дали понять решением, принятым правительством, о непринятии на службу русских офицеров во французскую армию, и поэтому я счел недопустимым для офицера предлагать свое сотрудничество в качестве платного агента.

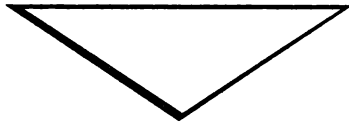
В настоящее время я ознакомился с циркуляром г-на Военного министра № 9973 от 7 мая 1918 года, разрешающим допуск русских офицеров на различные административные посты в Военном министерстве с сохранением их звания, и перед тем как направить просьбу о моем зачислении на другую службу, считаю своим долгом предложить вам, господин полковник, мое сотрудничество и предоставить в ваше распоряжение мой опыт, приобретенный во время предыдущей работы.

Прошу извинить меня, господин полковник, но я не чужаюсь никакой работы, поскольку в начале войны поступил рабочим на военный завод и работал там целыми днями до темна.

Извольте принять, господин полковник, уверения в моих наилучших чувствах.

Полковник *Владимир Скрябин*
Париж, 24 мая 1918 года
Ул. Бальзака, д. 6.¹⁴

Однако на этом рапорте нет никакой резолюции полковника Гургана. Проставлен только регистрационный штамп: «Секция централизации разведанных, 28 мая, № 9990». Услуги В. Скрябина в качестве агента 2-го бюро, по-видимому, не были востребованы: французы подозревали его в сотрудничестве с немцами. Началась его неустроенная и голодная жизнь в качестве эмигранта. Такая же судьба ожидала и Павла Игнатъева.

Глава шестнадцатая В ИЗГНАНИИ

Итак, Павел Игнатъев стал частным лицом и превратился в изгнанника. Началась его нелегкая жизнь в эмиграции. Жить ему оставалось всего тринадцать лет. В России вовсю полыхала Гражданская война. Сразу же стал вопрос о переезде матери братьев Игнатъевых — Софии Сергеевны в Париж. Первоначально их хлопоты успехом не увенчались, как об этом свидетельствует выписка из Протокола совещания в Службе национальной безопасности Франции от 21 марта 1919 года В ней говорится:

«Семья генерала Игнатъева находится в Одессе. Она нежелательна во Франции. Не было сделано никаких возражений относительно ее переезда в Константинополь.

Полковник Константен»¹

В декабре 1919 года Контрразведывательная часть особого отделения отдела Генерального штаба Военного управления при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России составила доклад о действиях матери Игнатъевых с января 1918 по 20 декабря 1919 года. Приведем его полностью.

20 декабря 1919 год

«В начале 1919 года в Новороссийск из Киева через Одессу прибыла графиня Игнатъева с дочерью. Владелица крупных поместий, очень богатая старуха Игнатъева — религиозная ханжа, еще в мирное время собирала вокруг себя большое общество, объединяя его вначале на почве религиозной, а позже с появлением на свете Рас-

путина — и на почве политической. Она первая в массе окружающих ее монашек, странников, приживалок обнаружила Распутина и пустила его в ход, используя впоследствии для своих целей. По политическим взглядам графиня Игнатьева принадлежит к группе монархистов явно германофильской ориентации.

С падением Распутина и возникновением большевизма деятельность графини как будто несколько приостанавливается, но после того как германскими войсками была оккупирована Украина, графиня появляется в Киеве и начинает интенсивно работать, объединяя германофильские круги русского общества.

Занятие Украины Петлюрой и приближение большевиков заставили графиню уехать из Украины в район Добровольческой армии в г. Новороссийск. Здесь в тылу Добровольческой армии по мере усиления ее мощи и развития ее успехов усиливается деятельность графини, чтобы к моменту развязки иметь в наличии достаточные средства для проведения в жизнь своих планов.

Работа гр. Игнатьевой в Новороссийске идет по трем направлениям:

1. Не сочувствуя идеям Добрармии, графиня привлекает к себе большинство гвардейских офицеров как наиболее годный материал для агитационных целей, главным образом, армии ген. Врангеля, старается внушить им мысль о необходимости восстановления монархии и создания союза с Германией.

Для укрепления первой мысли муссируются слухи о недоброжелательности отношения со стороны командования (главным образом, со стороны генерала Романовского) к гвардейскому офицерству, являющемуся носителем монархических идей, а посему — нежелание его и постепенное истребление на фронте. Искусственно сеется антагонизм между русским офицерством и казачеством путем распространения слухов о скверном отношении Донского и Кубанского правительств к русским офицерам, а также и со стороны казаков в казачьих войсковых частях.

Для укрепления второй мысли объектом агитации является только Англия, так как известно, что после эвакуации Одессы французы симпатиями русского офицерства не пользуются, и единственным соперником Германии является Англия. Почему много говорится о захвате англичанами Закавказья и южного побережья Черного моря путем скупки частновладельческих земель, фабрик, заводов и других предприятий, о создании и поддержке

сепаратных, враждебных России государств и о корыстной помощи англичан Добрармии? О Германии умалчивается или, переходя к роли ее в деле помощи России, тонкими намеками дается понять, что Германия, оказывая поддержку Украине, не преследовала исключительно корыстных целей и если вывозила хлеб, то только в виду крайней необходимости.

2. Объединяя различные монархические, германофильские круги на Юге России, гр. Игнатьева поддерживает связи с центром монархических организаций, находящимся в Константинополе. В состав этого центра, тесно связанного с международной организацией монархических партий, входят: генерал барон Каульбарс, князь Гагарин, Василий Павлович Всеволожский, Константин Иванович Щегловитов, граф Бобринский и др. Для информации мнения Европы в желаемом для себя духе монархический центр предпринял организацию своего телеграфного агентства при участии журналистов: князя Трубецкого, Филиппова, Брешко-Брешковского, князя Голицына, Бобринского, Бутовича и др.

Для сношений с центром гр. Игнатьева пользуется поездками «своих людей». Так, сравнительно недавно выехала в качестве курьера баронесса Фиркс. Являются ли курьеры постоянными или же для сношений пользуются лицами случайными, пользующимися доверием, можно установить лишь путем непрерывного и продолжительного наблюдения.

Монархический центр в Константинополе имеет связь с организациями на Севере (Марков 2-й — в Финляндии).

3. Более продолжительное наблюдение могло бы почти с достоверностью установить связь гр. Игнатьевой с Германией»².

Из этого документа следует, что и деникинская контрразведка считала Софью Сергеевну лицом, прогермански настроенным. Понятно: раз она — убежденная монархистка, значит, должна быть сторонницей кайзера Вильгельма II. Жизнь, однако, скоро внесла коррективы в это поверхностное заключение. В ноябре 1918 года в Германии произошла революция и кайзер Вильгельм II бежал в Нидерланды. Надежды русских монархистов на возвращение Романовых на российский престол с помощью немцев оказались иллюзорными. В лагере русских монархистов возник глубокий раскол.

Что же касается самой С. Игнатъевой, то ее главной мечтой было воссоединиться с сыновьями, остававшимися в годы второй русской Смуты в Париже. В конце концов ей вместе с дочерью удалось прибыть в Париж через Константинополь с другими русскими беженцами и воссоединиться с сыновьями. Удалившись от дел, П. Игнатьев вместе со своими друзьями обосновался на ферме при замке Валадьер, неподалеку от г. Гарш, который находится на северо-востоке от Парижа. В 1920 году французская газета «Эксельсиор» опубликовала «Беседу с графиней Игнатъевой на молочной ферме в Гарше». В ней, в частности, говорится:

ГОНИМЫЕ БОЛЬШЕВИЗМОМ ТРУДНОЕ ВРЕМЯ ВЫНУЖДАЕТ РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО В ИЗГНАНИИ ТРУДИТЬСЯ СВОИМИ РУКАМИ

Работы, которым предаются граф Игнатьев, князь Лещинский, князь Борис, княгиня Мещерская, полковник Скуратов, князь Дадешхилиани, князь Кудашев, полковники Дорошевский и Пац-Помарнацкий, генерал Николаев, герцог Лейхтенберг-Богарне.

Во время революции французское дворянство нашло убежище в Англии и Германии. Вышеперечисленные лица, находящиеся в эмиграции, лишенные своих доходов и пенсий, постов и наград, пытаются заработать на жизнь трудом. Известны великие имена Франции, носители которых служили в качестве учителей фехтования, танцев, хороших манер, преподавателями французского языка, рисования и философии, музыки; они работали секретарями, управляющими имениями и даже плотниками, сантехниками, изготовителями ковров и т.д.

История вечно повторяется. Большевизм поставил русское дворянство перед той же необходимостью работать собственными руками во Франции и Англии. С восточным фатализмом, свойственным славянской расе, наши бывшие друзья и союзники, изгнанные со своих земель или должностей при царском дворе, акклиматизировались во Франции, где ищут средства пропитания и возможность применения своим рукам.

Поскольку вчера был прекрасный воскресный день, а пылающий асфальт побуждал парижан искать тенистые укрытия в Сен-Клу, мы сели на поезд до Гарша, где граф Игнатьев и несколько

его соотечественников, все ветераны войны, решили организовать образцовую молочную ферму.

Граф Павел Игнатъев отсутствовал. Однако мы были приняты самым любезным образом его матерью графиней Игнатъевой, урожденной княжной Мещерской, которую кое-кто счел бы одной из великосветских дам XVIII века, что более были озабочены улучшением своих земель, нежели своими прическами, напудренными а ля фрегат, убийственными мушками, пышными балами и придворными интригами.

— Очень любезно со стороны «Эксельсиора» проявить заботу о нас, — говорит нам графиня Игнатъева на чистейшем французском языке. — В Гарше, на крохотной ферме, которую мы арендуем, мы делаем в миниатюре то, что делали при правлении русских царей, где мы были средними землевладельцами.

Специальностью нашей семьи было производство швейцарских сыров. У нас было стадо от 400 до 500 голов крупного рогатого скота и около двадцати рабочих лошадей. Мой сын Павел был гусарским полковником. Но он такой же хороший работник, как и солдат, хотя учился в самых крупных университетах и получил диплом Военной академии в Петербурге.

Мы ведем нашу ферму на русский манер. В начале у нас были некоторые просчеты из-за заболеваний животных, которые вынудили нас расстаться с дюжиной прекрасных коров. Но благодаря уходу нам удалось справиться с эпидемией. Тридцать наших коров в великолепном состоянии здоровья, упитаны, надои от них в количественном и качественном отношении весьма удовлетворительны.

Графиня с самой милой на свете грацией показывает нам свое владение. Молочная ферма и стойла, организованные на русский манер, похожи, если мы не ошибаемся, на французские стойла и молочные фермы. Заботливая хозяйка царит в помещениях, где перерабатывается молоко. А во дворе куры и стаи желтых цыплят клюют крошки, утки что-то ищут в лужах навозной жижи. Животные прекрасно себя чувствуют. Кто-то из нас восхищается образчиками наших знаменитых пород скота.

ВИЗИТЫ

Мы удивлены всем увиденным во время инспекции. Бывший капитан императорской гвардии Троекуров от всего сердца смеется над мотивами нашего визита:

— Вас удивляет, что мы завершаем нашу карьеру ручным трудом? Но все русские эмигранты во Франции работают как в своих личных интересах, так и в интересах всего общества. Я — служащий банка и только что провел выходные дни в деревне.

— Не будет ли нескромным, господин капитан, спросить у Вас, какие профессии практикуют Ваши товарищи и насколько они считают себя удовлетворенными своим трудом?

— Князь Лещинский является, как и я, служащим, князь Борис и княгиня Мещерские занимаются живописью и декором. Их работы выставлялись в нескольких крупных салонах. В этом году они сделали ремонт в наших комнатах.

Многие наши товарищи применяют в промышленности свои технические знания. Замечательный инженер полковник Доросhevский вместе с несколькими русскими офицерами руководит небольшим заводом по производству и ремонту автомобилей. Полковник Пац-Помарнацкий содержит небольшой гараж и ремонтную мастерскую. Генерал Николаев прекрасно водит грузовой автомобиль в Париже. У нас есть товарищи, которые являются простыми таксистами...

Я забыл упомянуть герцога Лейхтенбергского-Богарне, у которого сельскохозяйственное имение под Туром, и князя Кантакузина, потомка византийских базилевсов, а также его друга графа Ниерота, великолепного охотника на оленей, которые уехали в колонии на поиски плодородных целинных земель.

Все при деле. Графиня долго потешается над нашим изумлением:

— Может быть, вы думаете, что мы работаем для смеха? Вовсе нет! Здесь мы встаем на рассвете и принимаемся за дело. Мы собственноручно доим коров вместе с нашими рабочими, которые потом завтракают вместе с нами. Вот портрет графа Павла Игнатьева в парадном мундире. В рубашке с засученными рукавами и с подойником в руках вы вряд ли его узнаете.

Мы извиняемся за наш нескромный визит и делаем вид, что уходим.

— Вы не уйдете, месье, пока не отведаете с нами русского чаю и не разделите с нами хлеб-соль вместе с маслом и молоком с фермы. Это молоко жирное. Надоенное утром, оно сразу отправляется в Париж, куда поступает в девять часов. Оно целиком идет маленьким детям...

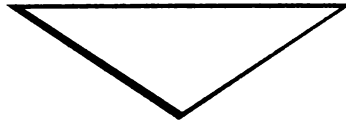
Мы садимся перед серебряным самоваром, который, дымясь, поет русскую песенку.

— Вы надеетесь, мадам, на скорое возвращение в Россию?

— А почему бы и нет? Вернулись же французские эмигранты во Францию! Я уверена, что наши прекрасные мужички встретят нас с удовольствием. Мы жили вместе с ними, и они нас очень любили. Когда в Петербурге во время революции не хватало хлеба, они ехали восемнадцать часов по железной дороге, чтобы привезти нам несколько караваев хлеба, кур и картошки»³.

Вот такая идиллическая картинка, нарисованная французским журналистом. Действительность же была более суровой. Вскоре П. Игнатъев разорился, не выдержав конкуренции с богатыми французскими кулаками, и его семья впала в нищету. Бывшие друзья и сослуживцы Павла Алексеевича на него клеветали, обвиняя полковника во всех смертных грехах, в связи с чем П. Игнатъев от активной политической деятельности воздерживался. Известно только то, что он был участником комиссии по сбору средств на сооружение памятника солдатам Русского экспедиционного корпуса во Франции, погибших на фронтах Первой мировой войны.

Решением ликвидировать русскую разведывательную миссию в Париже французы отрезали ему путь на Родину. Возвратиться в Советскую Россию в 1937 году смог только его старший брат Алексей Алексеевич, ставший генерал-лейтенантом Красной армии. К этому времени сам Павел Алексеевич уже умер в изгнании в полном забвении. Он не примкнул ни к белогвардейскому лагерю, ни к лагерю сменовеховцев. Со своим старшим братом Алексеем, сотрудничавшим с советской властью и принявшим в 1930 году советское гражданство, он разорвал всякие отношения и даже запретил ему присутствовать на своих будущих похоронах. Имя Павла Алексеевича в Советской России было предано забвению, а о его разведывательной работе в Европе в годы Первой мировой войны в то время знали только историки отечественных спецслужб.

Глава семнадцатая

ВРАГИ И ЗАВИСТНИКИ

Как мы уже отмечали, по мере того, как Россия все быстрее катилась к военному поражению, все больше нарастало недоверие французских властей к П. Игнатьеву. 2-е бюро ГША Франции завело на Павла Алексеевича специальное досье, которое пополнялось им вплоть до 1929 года и было закрыто только в связи с кончиной бывшего руководителя российской военной разведки в 1931 году. За его женой, а также братом Алексеем французы следили вплоть до отъезда А. Игнатьева в СССР в 1937 году. Французская контрразведка усиленно вербовала агентуру в окружении Павла Алексеевича. Первым на удочку французских контрразведчиков попался уже упоминавшийся нами изгнанный им в августе 1917 года из рядов разведки вымогатель и шантажист Г. Кобылковский (Штурман).

Когда в сентябре 1917 года ему было предложено возвратиться в Россию, Кобылковский стал распространять слухи о том, что он якобы в курсе «фальшивых сделок в Швейцарии полковника Игнатьева накануне краха прежнего режима по заключению сепаратного мира с Германией». Вот какую характеристику этому своему агенту дало 2-е бюро ГША Франции в документе, датированном 23 сентября 1917 года:

«Службе контрразведки донесли, что агент русской разведки, приметы которого приводятся ниже, якобы в курсе фальшивых сделок в Швейцарии полковника Игнатьева накануне краха прежнего режима по заключению сепаратного мира между Германией и Россией.

Г-н Каблуковский (на самом деле — Кобылковский. — *Авт.*), Григорий или Густав, невысокого или ниже среднего роста, худо-

шавый, тщедушный, еврейской наружности, моложавый, обычно хорошо одевается. Прекрасно говорит по-немецки и плохо по-французски.

Во Францию прибыл из Голландии через Лондон в мае или июне 1917 года и первоначально остановился в отеле “Елисейский дворец”; позднее проживал в отеле “Мерседес”.

Выехал в Швейцарию приблизительно в середине августа 1917 года. Каблуковский, Густав, сын Григория, теперь — Григорий Григорьевич, примерно 35 лет. При рождении крещен в протестантскую веру; в 1916 году выкрещен в православную веру. Его крестным отцом был адъютант военного министра, лейтенант граф Капнист, из-за влияния которого Каблуковский оказался в весьма трудном положении, не получив своевременно необходимые деньги Русского бюро в Межсоюзнической секции в Париже. Работа Каблуковского на бюро была признана неудовлетворительной, поэтому он был отозван в Париж, где граф Игнатъев 2-й предложил ему возвратиться в Россию.

Каблуковский дал понять графу Игнатъеву 2-му через посредство капитана Лещинского-Троекурова, что он в курсе того факта, что Игнатъев 2-й являлся посредником во время своих служебных поездок в Швейцарию еще при старом режиме между двором Вильгельма II и в целом германским двором и императрицей Александрой Федоровной в вопросе заключения сепаратного мира и что, кроме того, он прекрасно знает, что вокруг обоих Игнатъевых секретно группируются лица с монархическими идеями. Вследствие этого сообщения агент не только не был отправлен в Россию как неспособный, но и обосновался в Швейцарии с пятью тысячами франков ежемесячного содержания.

Каблуковский якобы проживает в Швейцарии под фальшивым именем, обосновался в Женеве или Берне. Он великолепно владеет немецким языком и местными диалектами»¹.

Вслед за этим 27 сентября 1917 года военный министр Франции генерал Ф. Фош направил письмо министру внутренних дел. В нем он, основываясь на доносе Г. Кобылковского, предложил установить негласное наблюдение за П. Игнатъевым и его службой в Париже.

В этом послании генерал Фош пишет:

«До меня дошел из различных источников, некоторые из которых — очень серьезные, — ряд разведывательных данных на

полковника Игнатьева П., главу Русской миссии при Межсоюзническом бюро, которые позволяют считать его подозреваемым в шпионаже в пользу противника.

Подтверждение этим сведениям можно найти в многочисленных перемещениях этого высшего офицера, иногда в весьма неясных условиях, и в позиции, которую он занимал при некоторых обстоятельствах.

Налицо имеются данные для того, чтобы оправдать необходимость очень скрытного наблюдения сначала за персоналом, используемым полковником Игнатьевым П., а затем — за самим полковником. Поэтому я прошу вас принять необходимые меры на этот счет.

Нет необходимости привлекать ваше внимание к весьма деликатному характеру этого дела; кроме того, следует исходить из факта, что полковник Игнатьев П., вероятно, предпринял все меры предосторожности с тем, чтобы сбить со следа наблюдение, которое может вестись за ним, и вследствие этого его необходимо использовать с крайней осторожностью.

В качестве пояснения сообщаю вам, что помимо бюро Русской миссии, расположенного на бульваре Сен-Жермен, 28, полковник П. Игнатьев располагает также бюро на Любекской улице, по ул. Христофора Колумба, д. 4, по ул. Элизе Реклю (где находится бюро его брата, военного атташе).

Наконец я узнал из недавних разведсведений, что русский офицер (или дипломат), только что приехавший из Берлина, якобы имел частые беседы с великой герцогиней Мекленбургской, тещей германского кронпринца, которая проживает в настоящее время на авеню Бюжан, д. 5.

Этот русский якобы служит в качестве агента-связника между Берлином и полковником Игнатьевым П. Следовательно, необходимо также сориентировать службу наружного наблюдения и с этой стороны.

Я буду вам признателен, если вы соблаговолите держать меня в курсе всех фактов, которые будут установлены в ходе предпринятого вам расследования. С моей стороны, я буду направлять вам все новые уточнения, которые поступят ко мне»²

Между тем все русские во Франции после этого письма стали подозрительными в глазах французов. Об этом свидетельствует

родившийся в октябре 1917 года в недрах французской военной контрразведки следующий документ:

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Военное министерство
Генштаб армии
2-е бюро 1
№ 766 2/11 Общие сведения

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

О: настроениях русских во Франции

Настроения русских, как гражданских, так и военных во Франции, является плохими.

Представляется, что их целью является вызвать трудности во Франции и даже создать серьезное движение в пользу заключения мира. Внимание Межминистерского комитета Служб национальной безопасности было обращено на этот факт представителем ГША и Префектом полиции, который неожиданно выразил большую обеспокоенность действиями русских, и даже сказал, что если во Франции разразится революция, то ее вызовут русские. Он выразил мнение о том, что две тысячи из них должны быть высланы из страны.

Представитель ГША высказал мнение о том, что необходимо установить наблюдение за русскими лагерями в Гурно и Куртине силами «Сюрте женераль», как об этом говорится в письме г-на Директора Сюрте от 23 сентября с.г. г-ну Министру внутренних дел, который сообщил, что не располагает для этого необходимыми средствами, и высказался за то, что наблюдение в отношении военных должно осуществляться военными властями. Г-н Министр внутренних дел ответил, что считает весьма желательным отъезд русских солдат в Россию, а до этого необходимо разделить их на группы в 6—8 человек и передать в распоряжение Министерства сельского хозяйства.

Представитель ГША высказал свои оговорки относительно этих предложений: отъезд в Россию или рассеяние во Франции. Последнее предложение представляется опасным, поскольку будет иметь последствием создание очагов брожения.

Как бы там ни было, имеем честь обратить внимание на опасность, исходящую сегодня от пребывания во Франции многочисленных русских — гражданских или военных.

Пребывание первых среди нас имеет четко определенную цель: создание организаций или группировок, за которыми сложно вести наблюдение; они вызывают серьезную обеспокоенность со стороны ответственных властей.

Вторые, военные, являются трудно уловимыми; их группировки создают опасные центры, за которыми сложно установить наблюдение. Их число постоянно растет за счет бежавших из концлагерей, прибывающих во Францию через Швейцарию и имеющих при себе довольно крупные суммы денег, которые являются не чем иным, как агентами наших противников.

Для того чтобы противостоять опасности, вытекающей из этой ситуации, ГША считает необходимым:

1). Удалить из Франции всех военных, присутствие которых не является необходимым;

2). Приступить к строгой переоценке условий и мотивов пребывания всех русских гражданских лиц, за которой последует высылка всех нежелательных элементов.

Для того чтобы Россия не выразила недовольства этими мерами, следовало бы распространить их на всех иностранцев, — как нейтралов, так и союзников. Чистка, которая последовала бы за ними, была бы, без сомнения, благотворной. Принципы осуществляемых мер могли бы оправдываться следующими соображениями:

А). Вопросами национальной безопасности;

Б). Потребностями снабжения, которые являются настолько большими, что мы можем кормить и обогревать только союзных и нейтральных иностранцев, присутствие которых необходимо.

Сформулированный таким образом вопрос должен быть рассмотрен на правительственном уровне.³

Как следует из этого документа, французские военные власти весьма опасались того, что «русская революционная зараза» может перекинуться на французскую армию, в которой также наблюдалось революционное брожение. Одновременно французская военная контрразведка предприняла свои меры по наблюдению за ближайшим окружением П. Игнатьева с целью выявления в этой среде прогермански настроенных элементов.

Нелепые слухи, распространяемые Кобылковским, дошли до контрразведывательной службы (СКР) 2-го бюро, которая решила перепроверить их через своего другого агента, лейтенанта Быховца, завербованного ею в бюро П. Игнатьева в Париже. На основании его доносов было принято решение завести на П. Игнатьева отдельное дело. В нем зашит следующий документ 2-го бюро, датированный началом 1918 года:

«ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ЗАВЕДЕНИЯ ДЕЛА

Служба разведки получила в конце сентября прошлого года от одного серьезного и хорошо информированного лица сведения на русского полковника в Париже и некоторые уточнения относительно действий И. и его окружения.

И, или по крайней мере его службы, давно вызывали подозрения (частые поездки, вербовка сомнительных агентов, которые всегда переходили на службу германской разведки и т.п.).

Что касается братьев И., о них идет слух, что они занимаются всякого рода коммерческими или комиссионными делами.

С сентября месяца прошлого года союзной Службой ведется наблюдение за И. и великой герцогиней. Ничего особенного установлено не было, если не считать большой активности со стороны этих лиц, которые встречаются в разные часы дня и ночи.⁴

Однако 2-е бюро поторопилось, назвав своего агента Быховца «серьезным и хорошо информированным лицом». Вскоре оно пришло к следующему выводу:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Продолжение № 1556/Б от 23/10/917

Г-ну подполковнику Губэ, начальнику 2-го бюро ГША

Констатация того факта, что имеются некоторые неточности в последней ноте, которую я вам вручил относительно реакционного русского движения, особенно ошибочные сведения о собрании в замке Шомон, вынудили меня произвести расследования относительно источника этих ложных сведений.

Эти сведения исходили от русского лейтенанта Быховца, поляка по национальности, работавшего в бюро полковника Павла

Игнатьева. Этот офицер с весьма неустойчивым характером поссорился со своим полковником по неизвестным мне причинам, был уволен и захотел отомстить за это. К его ненависти на почве службы присоединилась ненависть по политическим мотивам, поскольку он принадлежал к русской революционной партии прокеренской ориентации, в то время как Игнатьев, бесспорно, является, по его мнению, реакционером.

Лейтенант Быховец производит впечатление человека крайне поверхностного, весьма болтливом, не вникающего в существо вопросов. Для установления наблюдения за Игнатьевым он использовал одного русского подданного, крайнего революционера, выступающего под псевдонимом Глюкман. Этот тип также состоял на службе у полковника Игнатьева и был уволен, отсюда — ненависть и зависть.

Глюкман, в свою очередь, имеет любовницу, мадам Бюрне, к которой я вернусь, и которую посещают некоторые военные из бюро полковника Игнатьева. Глюкман, не имея возможности открыто работать против полковника, поскольку тот его знает, поручил выполнение всех своих проектов мадам Бюрне с тем, чтобы она в дальнейшем информировала его.

В качестве официальной профессии мадам Бюрне числится маникюршей. Проживет по ул. Гамелена, 44 с господином Бюрне, который, однако, ее мужем не является и в настоящее время мобилизован в жандармы. С мадам Бюрне проживает также девушка по имени Маргарита Лакомб, которую она выдает за свою сестру в присутствии крупных особ. Она великолепно говорит и пишет по-русски. До войны жила в нищете и тогда носила другое имя и проживала в лачуге по улице Ласепада. Война принесла ей достаток и сейчас она живет почти на широкую ногу. Французская полиция занялась ею, поскольку она поручилась за австрийского подданного, интернированного в концлагере, с которым была близко знакома в России. Мадам Бюрне посещают русские военные и гражданские лица, а в ее доме также проживают русские, в частности, полковник и лейтенант, бюро которых находится на улице Христофора Колумба.

Мы быстро установили, что эта женщина весьма осведомлена и принимает активное участие в жизни русской колонии, поэтому ее деятельность заключается в том, чтобы следить. Проверя сведения, которые она дала Глюкману, я сумел выяснить,

что особенно в последнее время она особенно вынюхивает все, что касается великой герцогини Анастасии. Так, сначала она заявила, что герцогиня отправилась в замок Шомон на свадьбу молодого Брольо. Известия о свадьбе были верными, однако, она должна была состояться не в Шомоне, а, наоборот, в Париже. Затем мадам Бюрне рассказала, что графиня Периньи (ул. Гамелена, 9) получила письмо от великой герцогини, в котором та просит приютить ее в Париже, желая пробыть в нем несколько дней инкогнито. И эта новость была ложной. Хотя графиня Периньи и знакома с великой герцогиней, она давно не имеет от нее никаких вестей.

Поэтому возникает вопрос: зачем мадам Бюрне распространяет эти ложные слухи. До сих пор я не мог установить это, но поскольку она является подручной великой герцогини, которая часто приезжала к ней, и поскольку великая герцогиня весьма тесно связана с полковником Игнатьевым, можно предположить с некоторыми основаниями, что эти слухи были запущены по приказу полковника, чтобы сбить со следа Глюкмана и Быховца или для того, чтобы убедиться в том, не связаны ли эти лица с какими-либо службами союзников.

Я, впрочем, нашел, что русские источники информации не являются надежными и что их лучше бросить и стал разыскивать новые источники иными средствами, постоянно направляя их в сторону великой герцогини, поскольку она, на мой взгляд, представляет собой лучшее средство продвинуть их до полковника Игнатьева...⁵

Получив такое донесение, подполковник А. Губэ обратился в МВД Франции с просьбой проверить А. Быховца:

«О некоем Беловиче
Весьма срочно
Париж, 14 октября 1917 г.

НОТА
Префектуре полиции

Генштаб армии имеет честь просить Префектуру полиции весьма скрытно проверить, не находится ли в доме 29 по ул. Гамелена русская разведывательная служба. Некий Белович, предпо-

лагаемый русский агент, подозревается в том, что проживает по этому адресу». ⁶

На это им был получен следующий ответ Префектуры полиции Парижа:

«Наблюдаемый тип по фамилии Быховец (называет себя также Белович) Адам, 59 лет, говорит, что родился в Петрограде (Россия).

Этот иностранец, проживающий по адресу ул. Гамелена, д. 29, якобы был офицером Русской армии и был направлен Русским Генштабом во Францию для выполнения различных заданий.

С 12 числа сего месяца он не числится в списке личного состава Русской военной миссии и ему якобы было предложено возвратиться в Россию в свой полк.

С этого момента Быховец, которому явно не хочется возвращаться в Россию, предпринимает демарши перед государственным министром г-ном Франклином-Буйоном, депутатом от департамента Сена-и-Уаза, с целью добиться своего назначения в какую-либо русскую службу во Франции.

Иными словами, не существует никакого русского учреждения в доме 29 по ул. Гамелена и не получено никаких сведений на графа Быховича». ⁷

Досье французской военной контрразведки на Павла Игнатьева постоянно пополнялось. В него аккуратно подшивались как донесения самих спецслужб, так и завербованной ими агентуры среди бывших сотрудников Павла Алексеевича. Жизнь русской эмиграции в Париже была трудной, голодной, безденежной. Эти люди хорошо знали, чего от них требуют французы, и в своих донесениях они писали о своем бывшем начальнике всякого рода небылицы, пугая французов. Ведь их главная цель заключалась в том, чтобы заработать себе на кусок хлеба.

Как бы там ни было, уже к концу 1919 года французская контрразведка составила обширную аналитическую справку на полковника П. Игнатьева. Мы не будем приводить ее полностью, поскольку в этом документе, состряпанном неким Ю. Ребопи, в основном повторяются уже известные читателю домыслы. Цитируем только те выдержки из этого 25-страничного обвинительного документа, о которых ранее не упоминалось. Он также

основан главным образом на донесениях Адама Быховца, прапорщика А. Арбатского, Г. Кобылковского и некоторых других лиц, недовольных своим бывшим шефом и распространявших о нем всякие небывлицы.

«... Игнатъев был прекрасно информирован о Ленине, Троцком, Гриммере (досье «Линде») офицером службы Л.Л., который работал в Швейцарии. Он остерегался осуществить и разрешить отправку в Петроград все известные ему детали. Более того, когда Арбатский, который не без успеха работал в Швейцарии, захотел это сделать, Игнатъев запретил ему заниматься германскими агентами. Этот письменный запрет находится в досье «Линде»...

«... Узнав в сентябре 1916 г., что Ленин скрывается в Швейцарии, Кобылковский предложил Игнатъеву сообщить в Петроград эту важную новость. Он столкнулся с категорическим отказом. Немного спустя он доложил Игнатъеву, что, имея средства сблизиться с Лениным и, усыпив его подозрения, было бы легко вывести агитатора во Францию и выдать его властям союзников. Игнатъев, намекая на то, что Ленин является весьма опасным, строго запретил Кобылковскому предлагать подобные прожекты как Петрограду, так и союзникам.

Поэтому мы видим, что Игнатъев помогает всеми усилиями германским агентам, способствует их пораженческим замыслам и наносит тем самым преступный урон интересам Антанты, служа делу Романовых и Гогенцоллернов.

Облегчить победу Центральных империй, затем восстановить в интересах Германии царскую монархию — таковой в действительности была задача, которой служили германские агенты, в первых рядах которых находится Ленин. Конечно, распоясавшиеся народные массы и максималистский плебс не знают секретных замыслов своих руководителей, однако имеются многочисленные признаки, по которым у большевиков проявляются прямые действия Берлина»...⁸

Прервем цитирование этого документа. Мысль о том, что Ленин был германским агентом и даже получал деньги на революцию от германского Генштаба, конечно, не нова. И сегодня она подхватывается новоявленными «демократами новой волны» и усиленно тиражируется в российской прессе. Впервые эта утка содержалась в состряпанных, как стало известно широкой общественности только в 1956 году, петроградским журналистом, бу-

душим знаменитым польским писателем Фердинандом Оссендовским в так называемых «Документах Сиссона», о которых мы упоминали. С помощью журнал иста Е. Семенова (Когана) белогвардейцы продали» их за хорошие деньги британской разведке СИС в России, однако Дж. Хилл и С. Рейли, о которых мы также упоминали, великолепно владевшие русским языком, без труда распознали в них фальшивку и предложили перепродать ее с лихвой американской разведке, чтобы британская казна не понесла убытков. Расскажем об этом более подробно.

ДОКУМЕНТЫ СИССОНА

После победы Октябрьской революции и особенно в связи с подписанием мирного договора с Германией в Брест-Литовске, который сам Ленин назвал «грабительским и похабным», пресу всего мира наводнили фальшивые документы, якобы свидетельствовавшие о том, что большевики совершили революцию на деньги германского Генштаба, а Ленин и Троцкий являются «платными агентами» Германии. В печати приводились выдержки из «документов» германского Генштаба, якобы подтверждающие эту версию, которая и в наши дни порой вновь всплывает на страницах современной прессы, несмотря на то, что эта фальшивка была разоблачена еще в 20-е годы.

Как же она появилась на свет? Уже упоминавшийся нами ранее британский разведчик Дж. Хилл, принимавший участие в «заговоре послов», в 30-е годы выпустил книгу воспоминаний, озаглавленную «Моя шпионская жизнь». В ней он рассказывает о том, что, находясь в 1918 году в Петрограде, был свидетелем приобретения одним из сотрудников британской разведки СИС документа, якобы подтверждающего принадлежность Ленина и некоторых других советских руководителей к шпионажу в пользу Германии. В своем кругу он рассказывал об этом так:

«Ленина и Троцкого обвиняли в том, что они являются германскими агентами Действительно, было очень странно то обстоятельство, что Россия вела войну с немцами, а Ленину и еще тридцати коммунистам (на самом деле — 12, остальные были из других левых партий. — *Авт.*) дали возможность проехать германскую территорию в запломбированном вагоне, и он благополучно прибыл на Финляндский вокзал. Когда я был в Петрограде, ко

мне подошел наш работник и сказал, что купил документ, за который заплатил 15 тысяч фунтов стерлингов (150 тысяч золотых рублей царскими деньгами) и который указывает и подтверждает, что Ленин и Троцкий — немецкие шпионы.

Документ был настолько правдоподобен, что не оставлял никаких сомнений в их виновности. Потом им было получено еще несколько документов, и нигде не было никакой ошибки. Но однажды я взял увеличительное стекло и обнаружил, что везде в этих разных документах русская буква «е» немного недописана. Я сразу заявил, что это фальшивка. Нашли парня, который фабриковал эти документы, и он на допросе признался в их подделке.

Тогда наш сотрудник из СИС заявил, что не хочет, чтобы британская казна страдала из-за этой ошибки, и мы продали эти документы американцам за 25 тысяч фунтов стерлингов (250 тысяч золотых рублей). Американцы распространяли их в колчаковской и деникинской армиях»⁹.

Этот же эпизод сын английского посла в России Роберт Брюс Локкарт в своей книге «Ас шпионов» описывает следующим образом:

«Потроша вместе с Хиллом всю доставляемую корреспонденцию, Рейли обратил внимание на то, что все письма из разных концов России однотипны до крайности, словно их писал один человек. Придя к выводу, что документы, очевидно, подделаны, он предложил Бойсу продать их американцам, что тот и сделал, выручив у господина Э. Сиссона, главы миссии США в Петрограде, солидную сумму»¹⁰.

Связь Бойса и Сиссона подтверждается самим американцем. Правда, все они молчат, как эта операция была осуществлена технически: через Е.П. Семенова (Жогана) или через полковника Р. Робинса, поскольку первую серию документов о якобы сотрудничестве большевиков с германским Генштабом в американское посольство принес именно он. Никто из разведчиков не проговорился, каким образом была оформлена сделка, но интересно другое. В той же книге «Моя шпионская жизнь», вышедшей в 1933 году, Дж. Хилл изложил эту версию следующим образом:

«Квалифицированный эксперт доказал, что почти все бумаги отпечатаны на одной и той же машинке. Это уже было весьма важно, поскольку документы считались поступившими из разных мест, отстоящих друг от друга на сотни миль.

Хранить документы было бесполезно. Секретная служба напрасно жалела о потраченных деньгах, поскольку бумаги были проданы и куплены г-ном Сиссоном для американской разведки, которая полностью возместила расходы первоначального владельца.

Подлинность документов до сих пор горячо обсуждается различными лицами. Я могу утверждать сразу и категорически, что наиболее важные из них являются фальшивыми. Утверждение мое строится на том, что мне удалось найти того, кто их фабриковал...»¹¹

Сразу возникает вопрос, почему сотрудники СИС не «прищучили» ни Ф. Оссендовского, ни Е.П. Семенова (Когана) и сохранили их имена в тайне. Ясно, что кроме естественного желания джентльменов из британской разведки заработать, у них было также желание насолить большевикам руками американцев. А в случае международного скандала — умыть руки.

Неопытные в таких делах американцы не стали разбираться в том, насколько достоверны эти документы: главное, что они играют на руку их делу и оправдывают кровавую интервенцию США в Россию. В конце октября 1918 года Осведомительное бюро (разведка) США издает брошюру под броским названием: «Германобольшевистский заговор». Цель публикации очевидна — всеми силами отвлечь внимание американской общественности от «заговора послов», в котором замешаны сами США. В брошюре было помещено около 70 документов, якобы доказывающих, что Ленин и Троцкий были платными агентами кайзера. В некоторых документах так и писалось: «Разведочное бюро Генерального штаба». Однако те из читателей, кто хорошо знал структуру германского Генштаба, мог бы сказать, что Служба III-Б В. Николаи никогда не занималась политической разведкой. Это была прерогатива политического отдела Генштаба и Министерства иностранных дел. В. Николаи занимался исключительно ведением военной разведки.

Из документов Сиссона следовало, что большевики якобы получали деньги на революцию от германского Генштаба. Это было также фальшивкой, не имеющей до сих пор подтверждения, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся вплоть до наших дней попытки. Дело в том, что в секретном фонде Разведслужбы при Верховном командовании Германии (отдел III-Б) имелось

всего 450 тысяч марок, из которых необходимо было выделять средства на содержание разведывательных органов на Восточном фронте против России и на Западном против Франции, Англии, Бельгии, а позднее и США. Поэтому денег на русскую революцию у Службы В. Николаи просто-напросто не было.

Кто такой Ленин, Вальтер Николаи в то время даже не знал. «Я ничего тогда не знал о большевиках, а о Ленине знал только, что это политический эмигрант Ульянов, проживающий в Швейцарии», — так говорил впоследствии сам В. Николаи, доставленный на Лубянку в Москву после разгрома гитлеровской Германии.¹² Другой участник «заговора послов», Брюс Локкарт, в своих мемуарах относительно «документов Сиссона» писал:

«Это были якобы подлинные, но на самом деле поддельные документы, которые я уже видел раньше. Они были напечатаны на бумаге со штампом германского Генерального штаба. Они были подписаны различными немецкими штабными офицерами, в том числе, кажется, полковником Бауэром. Они были адресованы Троцкому и содержали различные инструкции, которые он должен был выполнить в качестве немецкого агента. Одна из инструкций была приказом провезти по железной дороге две немецкие подводные лодки из Берлина во Владивосток.

Я уже видел эти документы раньше. Некоторое время они циркулировали в кругах, связанных с союзническими миссиями в Петрограде. Одна серия “оригиналов” была приобретена американским агентом. Через несколько месяцев обнаружилось, что эти письма, якобы пришедшие из разных мест, таких, как Спа, Берлин и Стокгольм, были отпечатаны на одной и той же машинке»¹³.

В 1917 — начале 20-х годов имелись и другие люди, которые понимали абсурдность «документов Сиссона». Так, известный разоблачитель провокаций царской охранки Владимир Бурцев, вскрывший благодаря бывшему директору Департамента полиции В. Лопухину гнусную роль руководителя террористической группы партии эсеров Евно Азефа, отказался использовать их в своей борьбе против большевиков. На письме Эдгара Сиссона от 25 марта 1919 года, содержавшего некоторые из документов, изготовленных Ф. Оссендовским, Владимир Львович оставил следующую пометку: «В 1918—1919 годах мне много раз предлагали издать американские документы за моим именем, но,

познакомившись с ними, я отказался принять участие в их опубликовании, потому что тогда их могли позже сфабриковать»¹⁴. А на информационном бюллетене Осведомительного отдела при Русском Политическом Совещании в Париже он написал: «Американскими документами я никогда не пользовался и отказался их публиковать за своим именем»¹⁵.

Публикация «документов Сиссона» вызвала возмущение со стороны самих немцев, которых они «уличали» в сговоре с большевиками, несмотря на то, что Германия сделала не меньше Антанты для удушения русской революции. 2 апреля 1919 года газета «Дойче Альгемайне Цайтунг» заявила от имени Генштаба, Осведомительного отдела (разведки) МИД Германии, что изданная американцами брошюра тиражом 137 тыс. экземпляров есть «не что иное, как столь же недобросовестный, как и нелепый подлог»¹⁶.

Германский министр социал-демократ Ф. Шейдеман, именем которого подписан один из «документов Сиссона», пришел в неопишущую ярость. «Я заявляю, что это письмо с начала до конца сфальсифицировано, что все события, с которыми связывается мое имя, мне абсолютно неизвестны», — писал он в той же газете.¹⁷

О том, что «документы Сиссона» являются фальшивкой, было известно и чехословацкому президенту Т. Масарику. В своих мемуарах он писал: «Не знаю, сколько за них отдали американцы, англичане и французы, но для сведущего человека сразу было видно, что наши друзья купили подделку — все документы, которые должны были присылаться из разных государств, были отпечатаны на одной пишущей машинке»¹⁸.

Поняв, что политических дивидендов на «документах Сиссона» не наживешь в связи с откровенной их подделкой, по распоряжению «миротворца» президента США Вудро Вильсона они были спрятаны. Когда журналисты обратились к нему с просьбой показать оригиналы документов, он ответил, что сам будет искать их. Разумеется, В. Вильсон ничего не искал, и только в 1952 году, во времена правления президента Г. Трумэна, они «нашлись» в одном из дальних сейфов Белого дома. Но к тому времени американцы запустили в свет уже новую фальшивку — «документы», опубликованные 14 мая 1956 года в журнале «Лайф» неким Исааком Левиным и якобы доказывающие, что Сталин был ... провокатором царской охранки. Но это уже другая история.

Здесь необходимо отметить, что в том же, 1956 году, в США нашелся человек немалого гражданского мужества, спасший в разгар «холодной войны» честь американской исторической науки. Им стал сподвижник великого американского президента Ф. Рузвельта, историк и дипломат Джордж Кеннан, много лет представлявший североамериканскую республику в Советском Союзе. Проведя тщательный анализ «документов Сиссона», он не только доказал, что это фальшивка, но и назвал имя того, кто их сфабриковал — Фердинанд Антоний Оссендовский. Вслед за ним в 1982 году Общество американских архивистов официально признало ошибку своих экспертов в 1918 году.

Уже в наши дни профессор В.И. Старцев провел свое исследование «документов Сиссона», из которого стало видно, как и где изготовлялись эта подделка и какова роль сообщника Оссендовского Е.П. Семенова (Жогана) в их распространении.

В общем, не был В.И. Ленин агентом германского Генерального штаба... Въедливый читатель, однако, наверняка подумает, что если не Генеральный штаб, то кто-нибудь в Германии должен был вести в России пораженческую пропаганду так же, как и в других странах Антанты. Правильно, скажем и мы, этим занималось германское Министерство иностранных дел. Для подрывной работы в странах противника в его распоряжении имелись специальные секретные фонды. Вот здесь действительно речь шла о миллионах, выделяемых государственным казначейством.

Некоторые западные историки (В. Земан, Фельштинский, Г. Катков, М. Фаттрел, В. Шарлау) считают, что именно на деньги из этих фондов большевики якобы издавали свою главную газету «Правда» и вели успешную пропагандистскую кампанию против Временного правительства, благодаря чему они-де и победили в октябре 1917 года. Этот вопрос до сих пор будоражит научное общество, не говоря уж о пропагандистах, уже давно кормящихся на этой теме. Уж больно им хочется доказать, что не народ поддержал большевиков в 1917 году, а германские деньги.

Действительно, германское Министерство иностранных дел Германии получило на «русскую пропаганду» порядка 20 миллионов марок, как установил французский исследователь Жорж Боннен после октября 1917 года. А как были использованы эти средства, германские архивы ответа не дают. В то же время французский историк обращает внимание на поддержку Германией

сепаратистского движения в Финляндии и националистического на Украине, что потребовало не одного миллиона марок. Что же касается финансирования немцами большевиков в России, то ни одного документа, свидетельствующего о том, что немцы напрямую их финансировали, не обнаружено.¹⁹

Между тем почему-то никому в голову не приходит рассмотреть конкретно, из каких источников вообще формировался фонд большевистской «Правды». Известно ведь, что и рабочие всей России собирали пожертвования на свою газету. Но это так, к слову... Интересно суждение по этому поводу современного отечественного историка Г.Л. Соболева: «Почему правые эсеры, получившие осенью на антибольшевистскую пропаганду от США по меньшей мере один миллион долларов, не смогли сделать ее эффективной? Почему выходившая в Петрограде на американские деньги эсеровская “Народная правда”, печатавшая многочисленные статьи о “германском шпионаже”, так и не смогла “достать” большевиков? Почему распорядившийся этим миллионом Комитет гражданского просвещения во главе с “бабушкой русской революции” Е.К. Брешко-Брешковской, располагая двумя десятками печатных органов по всей России и четырьмя издательствами, не смог помочь Временному правительству удержаться у власти?»²⁰ Ответ очевиден: не в деньгах дело.

Разумеется, поиски черной кошки в темной комнате, особенно там, где ее нет, будут продолжаться до тех пор, пока новые Джордж Кеннан и Виталий Старцев не поставят последнюю точку в этой истории...

После всего изложенного что же говорить о каком-то графемонархисте П. Игнатъеве, который к тому же не разрешал воровать казенные деньги да еще требовал соблюдения воинской дисциплины. Ясно, что он — «германский шпион», связанный с большевиками, тем более что еще в начале 1918 года вел шифрованную переписку с большевистским Генштабом в Петрограде. Между тем уровень мышления ренегатов из Службы П. Игнатъева в годы Гражданской войны в России был такой же, как и у некоторых современных российских публицистов: раз большевики проехали через территорию Германии, значит, они — агенты кайзера. А раз Игнатъев имел какие-то неизвестные им контакты в Швейцарии, значит, он работал на кайзера и большевиков.

Что же касается А. Быховца, автора процитированного нами документа, «разоблачающего» П. Игнатьева, то надо обладать кругозором дятла, чтобы изобразить Ленина сторонником восстановления Романовых на российском престоле. Понятно, что эти безграмотные утверждения девальвируют и сам документ, и обвинения в адрес П. Игнатьева по поводу его «связей с противником». Как видно, и сами французы не слишком доверяли А. Быховцу, однако все доносы на П. Игнатьева аккуратно подшивали в досье. Так, на всякий случай.

Между тем слухи о связях П. Игнатьева с немцами стали распространяться и в русской колонии в Париже. Их негативный резонанс был настолько широк, что в начале 1919 года известный «крысолов» В. Бурцев опубликовал в эмигрантской газете специальное воззвание к свидетелям и очевидцам с призывом пролить свет на это дело.

На воззвание Владимира Бурцева откликнулся прапорщик А. Арбатский, также недовольный своим бывшим начальником.

Вот какое письмо он отправил в адрес газеты:

Париж,

10 февраля 1919 год

Многоуважаемый господин Бурцев!

Прочтя вашу статью-воззвание «В поисках за истиной», я считаю своим долгом откликнуться на нее и сообщаю Вам то, что творилось здесь, за границей в военном бюро «Интераллье», (Межсоюзническом. — *Авт.*), начальником русского отдела коего был полковник гр. Игнатьев (Павел).

Может быть, как военному, мне следовало бы обратиться по начальству, но это было бы напрасно, т.к. начальником полковника гр. Игнатьева (Павла) является его брат генерал Игнатьев (Алексей).

В моем письме я коснусь кратко двух дел:

1. Об австрийском агенте Степанковском, личном секретаре гр. Тышкевича, живущего в Лозанне;
2. Об Ленине и одновременно об Гримме.

Степанковский — лицо определенное: работал одновременно с Скоропис-Елпуховским, Голубовичем, Грушевским, Петрушевичем и др. на пользу врагов по расчленению России. Это так

назыв. Австро-украинское движение. Ими велась пропаганда среди русских военнопленных в Германии и Австрии. Гр. Тышкевич — известный сторонник и работал по отделению Украины. О Степанковском я своевременно предупреждал полковника Игнатьева. И вот уже при ликвидации всех русских дел я узнал, что Степанковский был арестован в Петрограде уже после мартовской революции по обвинению в шпионстве. По настоянию Игнатьева выпущен. Вновь арестован английскими властями и вновь выпущен Игнатьевым.

Для меня деятельность Степанковского была ясна, т.к. я жил в Лозанне и мог проверять его через своих знакомых. Это был агент австро-украинской партии.

2. Своевременно я доносил рапортом об отъезде в Россию Гримма, но мое донесение не было передано в Россию.

То же относительно Скоропис-Елпуховского.

То же относительно Ленина и Крыленко (товарищ Абрам). Причем, мне был дан выговор оставить Ленина в покое. «Он может быть через пять месяцев министром», — вот точные слова Игнатьева в мае месяце 1917 года.

В июне 1917 года гр. Игнатьев под фамилией Павел Истомин был в Лозанне и бывал в отеле «Савой», где проживала некая Муле, урожденная Струве. Муж ее сидит во Франции в концентрационном лагере по подозрению в шпионстве. Там же в отеле «Савой» бывал и двоюродный брат г-на Муле, граф Татенбах, начальник политической немецкой разведки, советник в Берне в немецком посольстве и главный организатор отправки Ленина и К° в Россию.

Графа Игнатьева у Муле видали.

В сентябре 1917 года Павел Игнатьев был в Женеве в гостинице «Метрополь» (в первых числах сентября), где как раз собирались: бывший греческий король Константин, великая княгиня Анастасия Михайловна и др. Граф Игнатьев с ними видался.

Конечно, мне, как и всякому русскому, хотелось бы пролить свой свет на все, что так подло вызвано деяниями Игнатьева и я всегда к Вашим услугам, многоуважаемый господин Бурцев, для дачи сведений, которыми я располагаю как бывший офицер, посланный от штаба Западного фронта еще в конце 1916 года.

Примите уверения в совершеннейшем почтении.

Александр Арбатский»²¹.

Однако В. Бурцев, искавший вслед за публикацией в белогвардейской прессе «документов Сиссона» связи большевиков с германским Генштабом, так и не напечатал никаких данных о якобы «предательской» роли П. Игнатьева в годы войны. Уж больно надежны были эти «доказательства» врагов и завистников графа, а В. Бурцев своей политической репутацией дорожил.

Но прапорщик Арбатский не успокоился в своем стремлении дискредитировать Павла Игнатьева. Вот что он доносил французским спецслужбам:

17 ноября 1919 год

РАЗВЕДСВЕДЕНИЯ НА ПОЛКОВНИКА ИГНАТЬЕВА (Павла Алексеевича)

Нижеизложенные сведения были предоставлены прапорщиком Арбатским, который служил в бюро генерала Игнатьева (Любская ул., 21).

1). Перед большевистской революцией полковник Игнатьев неоднократно ездил в:

А). Берн, где якобы имел контакты с бароном Татенбахом, а через него с Лениным.

Б). Лозанну (отель «Савой»), где имел контакты с родственником Татенбаха по фамилии Муле.

В). Женеву, где якобы имел встречи в русском германофильском обществе, которое группируется вокруг бывшего греческого короля Константина (германофила).

2). После большевистской революции он якобы продолжал получать зашифрованные телеграммы иным, нежели официальным путем.

Прапорщик Арбатский отмечает, в частности, две телеграммы за декабрь 1917 года; первая открывает кредит в размере 200 тысяч франков полковнику Игнатьеву, вторая, подписанная Протопоповым, содержит указание: «Полковнику Игнатьеву: расшифровать лично» и была примерно следующего содержания: «Пока еще есть время, соберите все возможные сведения о союзных армиях».

3). В феврале 1918 года в бюро полковника Игнатьева (Любская ул., 21) были сожжены все бумаги, содержавшие, в частности, картотеку службы разведки.

4). После ликвидации бюро на Любекской улице полковник Игнатъев якобы продолжал поддерживать подозрительные связи со Швейцарией. Прапорщик Арбатский, находившийся в то время в Швейцарии, якобы получил на связь агента полковника Игнатъева, некоего француза по имени Рене, который, по его собственным словам, прибыл в Швейцарию без визы. С другой стороны, полковник Игнатъев якобы совершил несколько поездок в Швейцарию под именем Истомина. Его жена якобы также ездила под этим именем.

Наконец, полковник Игнатъев открыл неподалеку от ул. Дарю магазин швейцарских кружев, который позволял ему продолжать поддерживать связи со Швейцарией под коммерческим прикрытием.²²

А что же французские власти? Сумели ли они разобраться в том, на кого в действительности работали братья Игнатъевы, принадлежавшие к знатному русскому роду, в котором предателей и изменников не водилось? Вот какой документ на сей счет мы обнаружили в архивах 2-го бюро.

Конфиденциально

**ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО
ГЕНШТАБ АРМИИ**

2-е бюро
Секция централизации
разведанных
Париж, 20 октября 1920 год

**СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
о генерале Игнатъеве Алексее**

Генерал граф Алексей Игнатъев был военным атташе России в Париже в годы войны.

Отец Игнатъева, Киевский губернатор, убит в годы революции 1905 года.

Его мать якобы являлась любовницей Распутина.

Генерал Игнатъев поручил своему брату Павлу Игнатъеву (полковник) руководить русской разведывательной службой в Париже и назначил его на должность Начальника Русской секции Межсоюзнического бюро в Париже (Военное министерство).

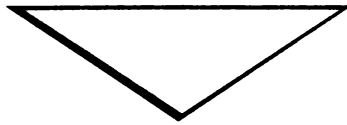
Поездки Павла Игнатъева за границу, посещение им сомнительных персонажей, его связи с великой герцогиней Мекленбургской (тещей кронпринца), подозрительная переписка с Германией, двойственная роль русских военных бюро в Париже привлекли внимание военных и гражданских властей к генералу Игнатъеву и вызвали подозрения.

Братья Игнатъевы слывут германофилами и сторонниками монархии. Они были заподозрены в интригах совместно с великой герцогиней Мекленбургской с целью реставрации царского режима и в том, что работали против Керенского.

Павел Игнатъев рассматривается как противник поляков, и живой интерес, который он проявлял к реорганизации польской армии, представляется неискренним.

Наконец, агенты, завербованные Павлом Игнатъевым в его разведывательную службу, явно вызывали сомнения.

В силу этих причин братья Игнатъевы и их окружение были взяты под плотное наблюдение, однако никаких точных данных о том, что они работают против французских интересов, выявлено не было. Установить точные настроения генерала Игнатъева не представляется возможным.²³

Глава восемнадцатая

ФРАНЦУЗСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА О СВЯЗЯХ П. ИГНАТЬЕВА

После Октябрьской революции и особенно после заключения Брестского мира все русские во Франции, независимо от занимаемого ими служебного и общественного положения, политических взглядов и материального состояния, внезапно стали подозрительными в глазах французских властей и их спецслужб. Особенное внимание французская контрразведка обращала на выявление среди них лиц прогерманской ориентации, поэтому неудивительно, что за братьями Игнатьевыми, аристократами, близкими к императорскому двору, военная контрразведка (2-е бюро) и «Сюрте женераль» Франции следили особенно пристально.

В досье 2-го бюро сохранился преинтересный документ на этот счет. Сейчас, когда мы кое-что уже знаем о Павле Игнатьеве и его работе на русскую военную разведку, этот документ представляет чисто исторический интерес и позволяет читателю судить об уровне работы французских спецслужб того времени, которые, между прочим, были одними из самых лучших в мире. В этом документе наряду с достоверными сведениями присутствуют неточные, ошибочные, а порой и просто вымышленные данные, слухи, домыслы и просто сплетни.

Приведем справку «Сюрте женераль» на братьев Игнатьевых и их связи, процитировав ее с некоторыми сокращениями.

«Нотой Секции централизации разведывательных данных сообщалось об условиях, в которых внимание французских властей было привлечено к действиям отдельных официальных лиц из русской колонии в Париже, в частности, полковника Павла

Игнатьева, начальника Русской миссии при Межсоюзническом бюро, генерала графа Алексея Игнатьева, российского военного атташе в Париже, брата предыдущего, и их окружения.

На основе этих сведений была проведена серия расследований, которая дала следующие результаты.

Полковник Игнатьев является одновременно начальником Русской военной миссии и руководителем русской секции в Межсоюзническом бюро. С 1 июля 1916 года он проживает по адресу: авеню Иены, 66, в квартире, которую сдает в поднаем своей двоюродной сестре графине Врангель, урожденной Сюзсо-Рюффо, жене военно-морского атташе России при итальянском правительстве. Он проживает по этому адресу вместе с некоей Истоминой, родившейся 10 октября 1884 года в Петрограде, муж которой являлся русским жандармским полковником. Он выдает эту женщину за свою законную жену и даже пользуется ее именем во время поездок за границу.

Полковник Игнатьев якобы дал понять, что был секретным русским агентом в Германии в 1913, 1914 и 1915 годах. Этот факт не был установлен, но известно, что он жил в этой стране, по крайней мере, три года под именем Бориса Штомма. Так, по крайней мере, говорили в Русском военном бюро (авеню Элизе Реклю, 14), куда он нанес визит своему брату генералу Игнатьеву.

В июле-августе 1914 года полковник приезжал в Париж каждые две недели. Затем его визиты прекратились. Его видели здесь только в декабре 1914 года, в апреле и августе 1915 года, и оставался он здесь два или три дня. Но во время этих кратких визитов заметили, что влияние этого визитера в бюро на авеню Элизе Реклю было особенно значительным.

В декабре 1915 года полковник прибыл в Париж со своей любовницей. Тот же час распространился слух, что он был разоблачен германскими властями и что ему удалось сбежать в Швейцарию с помощью фальшивых документов. Спустя некоторое время он был назначен своим братом в Межсоюзническое бюро под именем капитана Истомина.

Он уехал в Россию в сентябре 1916 года вместе с любовницей; по возвращении в Париж в январе 1917 года он был уже в звании полковника. Говорят, что этим повышением по службе он обязан услугам, оказанным им своей стране во время его пребывания в Германии. Перед этой поездкой полковник Игнатьев ездил в Рим

вместе со своей двоюродной сестрой мадам Врангель. В июне 1917 года он возвратился в Россию, а в сентябре 1917 года выехал в Швейцарию. Свои различные поездки он совершал под именем Павла Истомина, журналиста, родившегося 1 января 1878 года в Петрограде.

С января 1917 года, продолжая руководить Русской секцией при Межсоюзническом бюро (авеню Марсо, 30), он является начальником Русской военной миссии, бюро которой находится по Любекской ул., д. 21.

Сотрудниками полковника в Русской военной миссии являются: действительный статский советник г-н Шебунин, проживающий по ул. Св. Доминика, 1-бис, и Георгий Трубников (ул. Спонтини, 46). Последний исполняет при полковнике Игнатъеве роль личного секретаря. Он родился 18 августа 1884 года в Петрограде от Александра Трубникова и Екатерины Власовой.

Трубников говорит о себе, что представляет некоторые фабрики и занимается журналистикой. В ноябре 1916 года он ездил в Испанию; в Швейцарию — в феврале 1917 года; в Россию — в июле того же года. Он дружит с французским офицером, капитаном Трике, являющимся атташе Межсоюзнического бюро. Вне службы Трубников поддерживает постоянные отношения с полковником Игнатъевым и его любовницей.

Среди прочих сотрудников полковника в Русской военной миссии называют казачьего лейтенанта Виктора Франка и капитана Лещинского.

Лейтенанту Франку 23 года. Он проживал по ул. Полковника Ренара, 5, вместе с некоей девицей по имени Фанни Бо, 23 лет, швейцарской по национальности. Франк, кажется, располагает состоянием. Живет в свое удовольствие, что подорвало его здоровье и заставило его поехать на лечение в Швейцарию. В настоящее время проживает в доме 32 по Любекской ул. и имеет другую квартиру в доме 8 по авеню Верзи. Очень образованный, бегло говорит на семи языках, слышит за наиболее ценного переводчика полковника Игнатъева, у которого иногда обедает.

Совсем недавно он сказал своей служанке по имени Рашель, что “будет хлопотать о приеме на работу в американскую разведку”. Эта служанка сообщила, что часть своего дня он проводит за переводом иностранных документов и составлением шифрованных телеграмм и что его мать, проживающая вместе с ним, по-

могает ему в работе. Она добавила, что в последнее время мадам Дерозье, проживающая по адресу: ул. Лафайета, д. 104, на службе у которой она находится в настоящее время, говорила своей сестре Фанни Бо: “Если твой любовник действительно делает то, о чем ты мне говорила, то я даю тебе совет держать твои чемоданы наготове, потому что он, без сомнения, взойдет на эшафот”.

Наконец, мадемуазель Рашель, на счет которой собраны добрые сведения, заявила: “Мне часто приходило в голову сообщить комиссару полиции о действиях моего хозяина. Особенно после того как его любовница Фанни Бо попросила меня поклясться ей головой моей матери, что я никогда не соглашусь выдать то, что происходит у Франков. Но больше всего я опасаясь гнева лейтенанта, который без колебаний убьет меня, если я его предам. Однако я готова под присягой подтвердить свои заявления в подходящий день”.

Что касается Владимира Лещинского-Троекурова, то он родился 10 сентября 1889 года в Петрограде. Холост, с 23 ноября прошлого года проживает в гостинице “Мёрис”. В мирное время называл себя корреспондентом русских газет и много разъезжал. С началом боевых действий был придан Русской военной миссии при Межсоюзническом бюро.

Очень активный и замечательно умный, капитан Лещинский выглядит как мастер на все руки у полковника Игнатьева, полным доверием которого он пользуется. Ему был поручен ряд заданий за границей. Его паспорт имеет визы Испании от 7 февраля и 21 июня 1917 года и Швейцарии 23 февраля того же года.

По словам капитана Адама Быховца из Русской военной миссии, именно во время своей последней поездки в Испанию он находился у изголовья г-на Дрешвили (Давришвили. — *Авт.*), который стал жертвой автомобильной аварии вместе с фон Кроном, агентом германского шпионажа в Испании.

Капитан Лещинский дружит с лейтенантом Франком, который принимает его за своим столом. Во время одного из обедов, попросив взаймы, капитан заявил: “Деньги не пахнут, несмотря на их активное распространение. Что до меня, то я надеюсь иметь счастье скоро записаться в России в полк при других условиях”. И Франк кивнул головой в знак согласия. Следует отметить, что капитан Лещинский является любовником жены графа Павла Игнатьева.

Помимо этих лиц, полковник использует для выполнения заданий за границей женщину по фамилии Карницкая и солдата Шопена.

Карницкая родилась 9 марта 1881 года в Петрограде, кажется, разведена. Ходатайство о разрешении на проживание она подписала 29 октября 1909 года и в августе 1914 года получила вид на жительство. Заявляет теперь, что его потеряла. Имеет удостоверение личности. С 14 ноября 1917 года проживает по адресу: ул. Бель Фёй, 5, в квартире с ежемесячной платой в 200 франков. Ранее проживала в гостинице “Мажестик” на авеню Кольбера, затем — в Международной гостинице (Любекская ул., 33), в д. 60 по ул. Иены и в д. 32 по Любекской улице.

Частная жизнь этой женщины остается таинственной. Она встречается в таверне Веплера на площади Клиши с лицами иностранного происхождения и совершает за счет полковника Игнатьева поездки в Швейцарию, Испанию, Англию и Италию. До отъезда она проживала на квартире у полковника и там с помощью Истоминой и ее компаньонки, мадемуазель Тома, занималась тем, что прятала различные бумаги под одеждой по всему телу и даже в подошве своих башмаков.

Вот уже два года Карницкая имеет в качестве любовника некоего господина Леруа Луи-Адриена-Асикла, родившегося 3 февраля 1873 года в Бурже (деп. Сена). Леруа разведен. В настоящее время проживает в д. 48 по ул. Ибри в Нейи-на-Сене с женщиной по фамилии Молле и ее сыном, молодым человеком 15 лет.

Леруа был мобилизован в секцию береговой охраны Северо-Запада. Бывший клерк адвоката, имел деловой кабинет в д. 19 на ул. Терезы. Его характеризуют как бессовестного человека с сомнительной моралью. Был замешан в аферу по изготовлению и продаже фальшивых бонусов в Монт-де-Пьете и приговорен за это 25 марта 1912 года к 13 месяцам тюремного заключения и штрафу в 25 франков за злоупотребление доверием.

Теперь благосклонностью мадам Карницкой пользуется некий господин Сибер, Поль-Александр. Сибер, мобилизованный в армию в качестве капрала артиллерии в Управление военного транспорта по ул. Кусту, д.105, до войны являлся скорняком. Проживал в д. 4 по ул. Мортель.

Но Леруа тем не менее сохранил свои отношения с этой женщиной, которую принимает у себя, как и мадам Истомину.

Через посредство газеты “Парижская жизнь” мадемуазель Тома познакомилась с солдатом Шопеном. Сначала она была его крестницей, а затем стала его любовницей. Она узнала от полковника, что он был вызван в Париж в ноябре прошлого года и назначен в Межсоюзническое бюро.

Шопену 40 лет, он уроженец департамента Бо-Севр. Бегло говорит на нескольких языках, в частности, по-русски и по-немецки. Пользуется полным доверием полковника Игнатьева, который выплачивает ему 400 франков в месяц твердого жалования.

В начале декабря Шопен ездил в Аннемас по приказу полковника, чтобы передать документы некоему лицу, ожидавшему его в этом местечке. Вечером 14 декабря он выехал из Парижа в Швейцарию в командировку, которая продлилась один месяц. Он был в гражданской одежде и имел два чемодана, специально купленных для этой поездки. (Следует заметить, что в Паспортном бюро не найдено никаких следов визы на имя Шопена). Затем стало известно, что он остановился в “Международном отеле”.

Что касается мадемуазель Тома, роль которой является более скромной, то это — француженка, 38 лет. У нее есть сын 17 лет по имени Рене Гильбера, вместе с которым она проживает в д.18 по ул. Фюртадо-Уан. Она разорвала всякие интимные отношения с Шопеном в тот день, когда тот отказался жить вместе с ней.

Среди лиц, которым полковник Игнатьев иногда поручает специальные задания, двое заслуживают упоминания по причине их прошлого: Гекельман и Битар-Монен.

Абрам Гекельман проживает по адресу: авеню Вильнев-Этан, 49 в Версале. Известен под псевдонимами Мишель Хёкельман, Яндсен Мишель, Аркадий Гартинг, Петровский-Хартонг, Нолькен, Гагельман и Бейр.

Секретный агент царского режима, Гекельман с 1884 по 1890 год был причастен к русскому революционному движению в Париже, где создал мастерскую по изготовлению бомб. В 1890 году был осужден к 5 годам тюрьмы за хранение взрывчатых веществ, предназначенных для покушения на царя Александра III.

В 1896 году стал начальником Русской секретной полиции в Берлине под фамилией Гартинг. В 1905 году оказался в Париже в качестве действительного статского советника и начальника заграничной русской полиции. Исполнял эти обязанности до фев-

раля 1909 года, когда был разоблачен Бурцевым в открытом письме к прокурору.

Гекельман является кавалером ордена Почетного легиона.

Марсель Битар-Монен — француз, родился 16 декабря 1873 года в Шарите (деп. Ньевр). Женат, имеет двух детей. Был торговцем мехами, стал затем представителем торгового дома своего отца в родном городе, затем до апреля 1908 года служил в частном сыском бюро Лесажа на авеню Виктории, 7. С того времени и до начала войны являлся заместителем начальника тайной русской полиции в Париже под руководством Гекельмана и Красильникова. Известно, что последний был отозван со своего поста с началом русской революции.

Мобилизованный в начале войны в качестве сержанта артиллерии, Битар-Монен получил назначение в Военное правительство Парижа. Произведенный в чин младшего лейтенанта несколько месяцев спустя, он в настоящее время назначен в Русскую секцию Межсоюзнического бюро и в этом качестве выезжал с заданиями за границу.

Из рапорта Специального комиссара полиции в Аннемасе от 27 апреля 1917 года следует, что Битар-Монен получил от русских властей задание создать в районе Аннемаса службу контрразведки, которой пользовались бы союзники. В данном случае речь шла о том, чтобы собирать в Швейцарии как можно больше сведений о военных перевозках, осуществляемых на юге Германии или в Австрии в сторону Восточного фронта, а также с этого фронта в сторону французской границы. Специальный комиссар заметил на этот счет, что подобные службы информации уже существуют в данном районе и что необходимы дополнительные меры предосторожности.

С другой стороны, он сообщал, что подполковник Гурган, начальник разведслужбы в Аннемасе, и капитан Девернин из посольства Франции в Берне были обеспокоены приездом в Аннемас лейтенанта Битар-Монена, которого сопровождал его бывший начальник Гекельман. Командировка этого офицера была сокращена, и он был вынужден возвратиться в Париж за новыми указаниями.

Кроме этих лиц, о которых только что было рассказано, Игнатьев поддерживает служебные или дружеские отношения с некоторыми членами русской колонии, основными из которых яв-

ляются: лейтенант-переводчик Маврокордато, братья Скрябины, князь Мещерский, Елисеев, Бреттман, герцогиня Мекленбургская и женщина по фамилии Зековая.

Лейтенант Маврокордато, Амбруаз родился 7 апреля 1885 года в Константинополе (Турция) от русского отца, получившего вид на жительство в Париже в качестве русского подданного, занимающегося банкирской деятельностью. Записался 13 марта 1915 года добровольцем в Иностранный легион в 22-ю санитарную роту, затем был переведен в 20-ю роту Генштаба по набору персонала. 28 февраля 1916 года был затребован заместителем военного атташе, советником посольства России полковником Ознобишиным в качестве офицера-переводчика посольства (ул. Монсо, 53).

30 марта того же года Военное министерство решило, что ввиду его весьма скорого направления в качестве члена специальной миссии Командующего Восточной армии в Салониках Маврокордато должен стать временно офицером-переводчиком 3-го класса. Письмом от 13 апреля 1916 года полковник Ознобишин снова ходатайствовал о передаче ему этого офицера и на сей раз получил добро.

С 12 июля 1916 года по 9 августа 1917 года он проживал в отеле “Вандом” на Вандомской площади, где делил кров с молодым Извольским, сыном бывшего посла. Последний часто принимал женщин и в ходе приемов шампанское лилось рекой. Одна из его приглашенных требовала, чтобы ее называли “принцессой Люсенж”.

Расходы молодого Извольского оплачивались за счет Маврокордато. Этот офицер-переводчик говорил втихомолку, что бывший посол находится в затруднительном материальном положении после падения царского режима и что он был вынужден обратиться к французскому правительству, которое одолжило ему 15 тысяч франков. Весьма тесно связанный с семьей Извольских, Маврокордато зачастую ссужал ему половину средств, необходимых на проживание. Маврокордато в настоящее время проживает в отеле “Мёрис”, где снимает номер за 15 франков в день. Его мать и сестра снимают апартаменты по соседству с его номером.

Сводным братом Маврокордато является М.А. Нелидов, посол России при бельгийском правительстве. Три дня в неделю Нелидов проводит в Гавре. В его отсутствие его жена поддерживает от-

ношения с другом Маврокордато, неким Владимиром Петровым, советником российского посольства.

Маврокордато дружит с братьями Мейерами, банкирами (ул. Пети Шан, 99), к которым часто ездит. В этом кредитном учреждении утверждают, что его состояние достигло ста миллионов. Он является членом Административного совета компании “Шахты Балия-Дюрайдин”, турецкого акционерного общества, учрежденного между 25 мая и 6 июня 1912 г. на срок 93 года. Эта компания, штаб-квартира которой находится в Константинополе, эксплуатирует пять горных концессий, находящихся в вилайете Брусса (азиатская Турция).

В Административном совете шахты “Балия-Дюрайдин” Маврокордато имеет в качестве коллеги г-на Жоржа Танкре, примерно 40 лет, с которым дружит. Он имеет весьма большое влияние. Пользуется репутацией большого авантюриста. Однако его глубокие знания международных финансов вызывают уважение у Маврокордато. Оба они сохранили высокопоставленные связи в Турции и даже утверждают, что они намерены через несколько лет создать компанию для изучения финансовых вопросов в балканских странах.

Танкран, склонности которого к мужчинам очевидны, состоит в браке с Луизой Роше, 38 лет, которая год назад открыла дом моды (ул. Вольне, 9) с ежегодной арендной платой в 5 тысяч франков. Держит нескольких рабочих и слывет за женщину, услугами которой пользуется великосветская клиентура.

Мадемуазель Роше является любовницей Маврокордато, с которым она, как утверждает, познакомилась в Петрограде, где тогда проживала: однако говорят, что она его встретила в Турции. Как бы там ни было, Маврокордато часто к ней заходит и ужинает с ней каждую пятницу в ресторане “Вольне” на одноименной улице. С другой стороны, известно, что один молодой русский офицер, имя которого неизвестно, но которого считают сыном Извольского, проявляет пылкие чувства к модистке. Последнюю описывают как способную заняться торговлей галантереей, чтобы быстро достигнуть благосостояния. Танкре, ее любовник, ничего не знает о ее деяниях. Наоборот, он, кажется, их поощряет.

Функции Маврокордато, которые ежедневно приводят его в Службу контрразведки, его родственные связи с г-ном Нелидовым и его обеспеченное положение дали ему множество свя-

зей. В частности, называют князя Георгия Маврокордато, 37 лет, родившегося в Петрограде, атташе Российского посольства. Он женат на мадемуазель Тати, 29 лет, урожденной Татровойг (Венгрия), австриячкой по национальности. Князь проживал в отеле “Вандом” с 9 октября 1915 по 8 июня 1916 года; с 31 августа 1916 и по 11 июня 1917 года; он остановился в нем с 17 ноября прошлого года, съехав из гостиницы “Резервуар” в Версале, где он якобы часто встречался с вышеупомянутым г-ном Геккельманом. В отеле “Вандом” он принимает многочисленных лиц.

Другие связи Игнатьевых: мадам Метаксас, жена бывшего греческого полномочного посланника в Лондоне; мадам Мария Маврокордато, родившаяся в 1873 году в Александрии (Россия), муж которой является атташе в Министерстве иностранных дел; братья Раффалович, роль которых в некоторых делах представляется весьма подозрительной; военно-морской атташе дипломатического представительства Греции, капитан 2-го ранга Ботасис, проявляющий откровенные симпатии к делу венизелитов, Геккельман и Франк, о котором рассказывалось ранее; лейтенант Владимир Мартынов, проживающий в доме 8 на авеню Верси, который является переводчиком в бюро Русской военной миссии (Любекская ул. 21) и, наконец, доктор Мезгер, который заслуживает особого упоминания.

Доктор Вильгельм-Христиан Мезгер родился 28 мая 1875 года в Амстердаме, женился в Роттердаме на голландке по имени Тоня-Елена Лукардия. От этого брака родилось пятеро детей. Его отец, голландец по происхождению, открыл в д. 18 на авеню Антен массажную клинику, которую посещали русские великие князья и семьи германских принцев, в частности, из фамилии Сакс-Менингенов, с которыми он был тесно связан.

До обустройства во Франции Мезгер-отец имел медицинскую практику в Висбадене. От первого брака с немкой он имел двух детей: сына, умершего в младенческом возрасте, и дочь, которая вышла замуж за германского офицера, впоследствии убитого на Западном фронте в октябре 1915 года.

Что касается доктора Вильгельма Мезгера, он с 1912 года проживает в доме 45 на бульваре Сессе в Нейи, в прекрасной вилле, владельцем которой является. В конце августа 1914 года ездил в Дьепп на автомобиле вместе с семьей, затем отплыл в Голландию, где проживал в Домбурге в течение одного года. Перед отъездом

он отдал приказ слугам развесить в различных комнатах виллы все картины и портреты, которые он приобрел у саксонской правящей династии и у немецких принцев. Все это было сделано для того, чтобы обеспечить их сохранность на случай, если немцы займут Париж. Он также приказал не оказывать никакого сопротивления вражеским войскам.

После его возвращения (конец августа 1915 года) предложил свои услуги муниципалитету г. Нейи и бесплатно лечил уроженцев этого населенного пункта. Кроме того, он записался в список врачей по вызову ночью. Такое поведение вызвало симпатии к нему со стороны муниципалитета Нейи, который считает его филантропом и франкофилом. Он сохранил клинику своего отца в д. 18 на авеню Антен, хотя он там и не лечит больше больных и раненых. Дважды в неделю — во вторник и четверг — он принимает у себя, помимо Маврокордато, у которого есть ключ от дома, лейтенанта Мещерского и г-на Брейтмана, а также неких женщин, имена которых неизвестны.

Капитан Владимир Скрыбин родился 1 февраля 1884 года в Петрограде, женат, имеет одного ребенка четырех лет. Впервые его пребывание в Париже было отмечено, когда он останавливался в отеле “Мёрис” с 10 по 31 июня 1913 года. В то время он сопровождал в качестве ординарца принца Ольденбургского, члена императорской фамилии России. В феврале 1915 года, в апреле и октябре 1916 года и, наконец, с 18 ноября 1916 по 26 сентября 1917 года он проживал по тому же адресу. В течение октября месяца он снимал для семьи квартиру в доме № 1 на Мессинской улице с ежемесячной платой в 1000 франков. Без ведома жены он снял в доме № 1 на ул. Астор холостяцкую квартиру, за которую платил 450 франков в месяц. По этому адресу он был известен под именем русского чиновника Петра Александера. Там он принимал свою любовницу Жанну Ренуар из театра “Гимназия”, которая лично сама проживает в д. 99 на авеню Елисейских полей.

Капитаном Скрыбиным, состоящим при секции русской разведки, руководит полковник Игнатъев, для которого он, начиная с 1916 года, совершал многочисленные поездки в Швейцарию. Совсем недавно он выправил паспорт для поездки в эту страну. Регулярно, дважды в день, он посещает представительство Службы тыла Русской армии в д. 59 на ул. Пьера Шаррона, к которой

приписан, а иногда — Службу снабжения Русской армии, расположенную в д. 4 на ул. Христофора Колумба.

Очень образованный, весьма активный и бегло говорящий на многих языках, Скрябин слывет обеспеченным человеком. Однако он съехал из отеля “Мёрис”, утверждая, что находится в стесненных обстоятельствах, поскольку предназначенные ему денежные переводы перестали поступать из России. Он награжден большинством русских орденов, а также орденом Почетного легиона. До войны он носил мундир казачьего офицера. Теперь постоянно носит гражданское платье.

Его брат, Андрей Скрябин, родился в 1891 году в Петрограде, холост. С ноября с.г. снимает в поднаем холостяцкую квартиру в д. 12 по ул. Буке, за которую платит 225 франков в месяц. По этому адресу он проживает с молодой элегантной женщиной, которая держит горничную и кухарку. Ранее проживал в отеле “Мёрис”. Лейтенант русского 4-го Восточного полка; утверждает, что принимал участие в Салоникской операции. Работает в Русской миссии (авеню Элизе Реклю, 14), но, кажется, этот адрес посещает нерегулярно. Лейтенант Скрябин и его любовница никого не принимают на дому, а сведения, собранные на них, являются неточными. Известно только, что лейтенант поздно возвращается домой и уходит рано утром.

Князю Михаилу Мещерскому примерно 30 лет, холост, и, говорят, поляк по происхождению. С 20 июля с.г. снимает меблированную квартиру в д. 14 на ул. Петрарки с ежемесячной платой в 400 франков. Ранее проживал на квартире своего друга Франка в д. 32 по Любекской улице.

Князь ежедневно принимает за столом русских офицеров в компании молодых женщин. Среди этих офицеров замечали генерала Алексея Игнатьева. Богатый, весьма любезный и очень сдержанный, князь Мещерский пользуется уважением окружающих. Сам он симпатизирует лейтенанту Франку. О нем известно только то, что он состоит при Русской миссии (Любекская ул., 21).

Петр Елисеев, родился 22 июля 1884 года в Петрограде, сын богатого торговца нефтепродуктами в России. Его мать якобы была подругой свергнутой императрицы. В Париж прибыл в июне 1914 года со своим школьным товарищем Михаилом Брейтманом, который выполняет при нем роль личного секретаря. Оба они остановились в отеле “Крильон”, где Елисеев снимал апар-

таменты с ежедневной платой в 120 франков. Одновременно снимал квартиру в д. 122 на авеню Елисейских полей, которая служила ему в качестве бюро, с ежегодной платой в 7000 франков.

С объявлением войны Елисеев называл себя секретарем полковника Ознобишина, заместителя начальника Русской миссии (авеню Элизе Реклю, 14), и внештатным секретарем посольства, затем он уехал вместе с Брейтманом в Биарриц, где провел четыре месяца. По возвращении поступил добровольцем на военную службу в качестве автомобилиста и был придан посольству России на Елисейских полях. В то время он содержал любовницу, бывшую актрису Маргариту-Люси Брезиль, родившуюся 20 августа 1881 года в Сермезе, проживающую в д. 232 на ул. Риволи.

С этого времени стали замечать, что Елисеев и Брейтман ведут самый рассеянный образ жизни. В сопровождении дам полусвета они посещают модные бары и рестораны или устраивают в отеле “Крильон” усердно посещаемые приемы. Среди приглашенных отмечали, помимо братьев Игнатьевых, полковника Ознобишина, капитана Семенова, Скрябина, сына Извольского и Маврокордато, генерала Генштаба Русской армии Панченко, капитана Генштаба Бориса Панчулидзева, атташе посольства России Бориса Туколева и барона Георгия Торнау, атташе Российского посольства в Берне, который большую часть своего времени проводит в Париже.

Эти приемы стали предметом великосветских хроник, и 20 июля с.г. газета “Дивертисменты” в рубрике “Говорят” опубликовала следующую заметку:

“Не скучают в отеле «Крильон», где господа Михаил Брейтман и Петр Елисеев с размахом принимают видных русских офицеров, находящихся проездом в Париже. Ледяное шампанское, музыка, песни, пляски — все там есть. Можно подумать, что находишься в ресторане Петербурга в то время, когда там царили распутинские нравы... Немного излишняя, немного скандальная космополитическая оргия”.

Директор отеля г-н Деки неоднократно останавливал своих постояльцев, но безо всякого успеха. По этому случаю рассказывают, что несколько месяцев тому назад его пригласил к себе полковник Игнатьев и сказал, что некоторые из его соотечественники были замечены в том, что устраивают в отеле “Крильон” настоящие оргии. Немного уязвленный, г-н Деки якобы заметил

полковнику, что тот должен быть весьма осведомленным на этот счет, поскольку сам принимал участие в подобных сценах. На что полковник якобы возразил: “Я не знаю даже, где живут эти господа”.

Между тем Елисеев и Брейтман в начале 1915 и летом прошлого года проживали в течение месяца в Швейцарии. Елисеев ездил в Россию вместе с Панчулидзевым (к тому времени подполковником), комиссаром Советов при штабе Русской армии во Франции, и капитаном Лешинским. Возвратился он с генералом Кривенко, прикомандированным Советами к Российскому Генштабу во Франции, которого он в отеле “Крильон” представил как своего непосредственного начальника.

Помимо своих собутыльников Елисеев и Брейтман принимали в отеле “Крильон” и видных русских деятелей, находившихся в Париже проездом. Среди них были: генерал Листкевич, присутствовавший в качестве делегата России на недавней союзной конференции. 7 октября с.г. Елисеев вступил в брак в мэрии 16-го района с вдовой г-на Анри Менье, госпожой Тирой Селлье, проживающей по адресу: ул. Коперника, 44.

Он является секретарем так называемого “Общества помощи Союзников русским военнопленным”, которое находится в Париже на ул. Мира, д. 6. Елисеев похож на недалекого человека, которым Брейтман искусно пользуется. По крайней мере известно, что его мать, неоднократно приезжавшая в Париж, напрасно пыталась отвратить своего сына от его друга.

Все, что известно о Брейтмане, это то, что он родился 5 мая 1890 года в Одессе. Холост, в течение трех месяцев проживает в д. 122 на авеню Елисейских полей в квартире, которую ранее снимал Елисеев с ежегодной платой в 7 тысяч франков, а теперь она переведена на его имя. Он живет там с любовницей Полеттой Миньо, которая работает у него машинисткой. Держит камердинера по имени Арнольд Депон, 35 лет, швейцарец по национальности.

Брейтман — это ловкий пройдоха, который умеет пролезть в любую щель и установить нужные ему связи, главным образом, в русских официальных кругах в Париже. Это мнение о нем подтверждается тем фактом, что дипломатический агент русского правительства во Франции г-н Надель, натурализовавшийся в нашей стране, регулярно заходит к Брейтману всякий раз, когда он находится в Париже, или наносит ему визиты по возвращении

из поездок. То же самое и капитан Скрыбин, который покорно является к Брейтману. Не имея личного состояния, Брейтман пре-
дается большим тратам. Получает весьма обширную почту.

Полковник Игнатьев и его любовница, женщина по фамилии Истомина, часто посещают одну из их соотечественниц, Александри-
ну Зековую, по прозвищу Эстер, родившуюся 22 марта 1866 года в Аккермане (Бессарабия). Эта женщина подписа-
ла 30 марта 1915 года прошение на проживание и получила вид
на жительство. Прибыв во Францию в 1910 году, она до июля
1915 года проживала в д. 62 на бульваре Курсель, а затем в д. 3 на
авеню Вилье — до июля с.г.

Эта женщина довольно странно ведет себя. Действительно,
она часто выходит из дома и приводит к себе солдат с фронта, ко-
торых увидит на улице. Она заставляет их помогать по хозяйству,
задает всякого рода вопросы, а затем выдает небольшое вознагра-
ждение за труд и благодарит. В своем окружении она зарабо-
тала прозвище “Солдатка”. В настоящее время проживает в доме
92 на бульваре Курсель, где снимает квартиру с ежегодной платой
4000 франков. Утверждает, что некогда содержала в Петрограде
дом моды и называет себя домовладелицей в этом городе. С дру-
гой стороны, по сведениям контрразведки, она известна как по-
средник в крупных городах Европы.

Женщина по фамилии Зековая много путешествует. В январе
1914 года ездила в Россию; находилась на лечении в Лозанне и Цю-
рихе; с августа 1914 по январь 1915, а затем с июля по сентябрь того
же года находилась в Лондоне. Между этими месяцами была в Кабу-
ре. С января по октябрь 1915 года она давала убежище г-ну Оскару
Улицкому, художнику, не подчинившемуся русскому военному зако-
ну и рассматриваемому как подозрительное лицо. Последний якобы
находится со своей семьей в Женеве, в д. 6, ул. Юго-де-Сенже.

С декабря 1916 она дает убежище и содержит русского сержан-
та авиации, примерно 32 лет, ранен на войне, которого называет
“мой маленький Зозо”, и проявляет в отношении него большую
предупредительность. Дважды, в частности в июле с.г., этот сер-
жант ездил в Швейцарию, чтобы, как он говорит, урегулировать
дела той, которую называет своей крестницей. Тем, кто удивля-
ется большой свободе, которой пользуется этот сержант, Зековая
говорит, что она собирается устроить его на неплохое местечко на
Любекской улице.

Мадам Зековая выходит из дому ежедневно во второй половине дня, говоря, что несет в госпиталь сласти для раненых.

25 ноября с.г. она устроила прием по случаю праздника св. Екатерины. Среди приглашенных были братья Игнатъевы и балерина Труханова, любовница генерала графа Алексея.

Эта женщина, поступки которой всегда выглядели странными, неоднократно подвергалась расследованиям. Заключение одного рапорта на ее счет от 21 июля 1916 года было следующим: “Хотя следствием и не выявлено ни одного точного факта, свидетельствующего о том, что мадемуазель Зековая занимается или занималась деяниями, наносящими ущерб Франции, представляется, что в этих деяниях есть моменты, вызывающие подозрения в ее отношении”.

Военный атташе России в Париже генерал граф Алексей Игнатъев, командор ордена Почетного легиона, женат, детей не имеет, 40 лет. В течение 1914 года генерал, проживавший в д. 14 на авеню Элизе Реклю вместе со своей женой Еленой, урожденной Охотниковой, встретил у барона Фредерикса (бульвар Ланн, 21) балерину Наташу Труханову, которая стала его любовницей. С этого момента он расстался со своей женой, которая 25 июня 1914 года уехала из Парижа в Петроград, где осталась на жительство.

Генерал начал с того, что перевел на имя балерины квартплату в размере 3800 франков за квартиру, которую она занимала вместе с матерью в д. 19 на набережной Бурбонов; когда его жена уехала, он переселился на жительство по этому адресу. Они жили скромно и держали только двух слуг-французов. Принимали только родственников и близких друзей, в частности, брата генерала, полковника Игнатьева и его любовницу Истомину.

Что касается г-жи Трухановой, то сведения, собранные относительно даты и места ее рождения, являются неточными и даже противоречивыми.

Действительно, в картотеке Кабинета министерства ее имя фигурирует с такой пометкой: “Труханова, урожденная Браун, родилась в..., Германия, галантная женщина, танцовщица в Опере, сентябрь 1907 г., адрес: бульвар Ланн, 17. — Досье 69.100В, см. 69.0001В “Браун”.

С другой стороны, в Службе иностранцев находится под датой от 23 декабря 1904 года за номером 2072—96 следующее заявление: “Труханова, урожденная Бостунова Наталья, родилась

24 марта 1882 года в Киеве (Россия) от Эдмонда и Марии Браун, русская, артистка хореографии, прибыла в Париж 15 ноября 1904 года”.

Ссылка на: г-н Севастопулос, советник посольства, и г-н Извольский, посол России в Париже.

Сведения, которыми располагаем на мать Трухановой, являются более точными. Она родилась в 1860 году в Гебвиллье от немецких родителей и после войны 1870 года служила гувернанткой в Берлине. В этом городе познакомилась с торговцем мехами Эдмондом Бостуновым, любовницей которого была в течение 16 лет. В 1886 году Труханова, ее мать и г-н Бостунов уехали в Киев, где содержали семейный пансион.

В 1898 или 1899 году Труханова, которая только что дебютировала в театре этого города в качестве певицы, вышла замуж за молодого товарища по сцене Бориса Труханова, которому в то время было 23 года. После трех месяцев совместной жизни Труханов расстался со своей женой и уехал в США. Через месяц Бостунов также оставил свою жену Браун.

Вследствие тяжелой болезни Труханова была вынуждена отказаться от пения. Помогала матери, а в 1902 году она была принята в Московскую оперу, где ее успех был оглушительным. Через год мадам Браун передала пансионат своей сестре, которая только что вышла замуж за француза по фамилии Бергамье (в настоящее время он руководит в Киеве фабрикой по изготовлению перчаток). Вместе с дочерью и учительницей танцев по имени Кристина мадам Браун уехала в Италию. В 1904 году Труханова и ее мать прибыли в Париж, где эта балерина подписала ангажемент с театром Шатле.

Они остановились в отеле “Терминюс” у вокзала Сен-Лазер, а затем в марте 1905 года устроились в отеле “Лувр”. Через два месяца барон Анри Ротшильд снял квартиру для балерины в доме 9 по ул. Эльде. Спустя некоторое время он снял для нее в отеле “Ричмонд” в доме № 11 по той же улице апартаменты, предназначенные под студию. Говорят, что там Труханова принимала своих любовников.

В январе 1907 года она заняла в доме № 17 на бульваре Ланн шикарные апартаменты. Чтобы удовлетворить капризы своей любовницы, барон приобрел для нее два автомобиля, выписал из России мебель старого стиля и сделал двойной пол в зале для занятий.

Благодаря щедрости своего любовника, который не жалел расходов на рекламу, новая звезда шла от успеха к успеху. Она танцевала в “Опере”, в “Комической опере”, а братья Изола, директора театра “Гэте”, предоставили ей роль в спектакле “Кво вадис”.

Эти успехи стоили балерине многочисленных любовных приключений. Она появлялась на публике со своими любовниками и, в частности, с известным автогонщиком по фамилии Книфф, к которому питала глубокую страсть. В декабре 1909 года она проживала на вилле в Монте-Карло, которую снял для нее барон. Но однажды барон застал ее вместе с любовником и сразу выгнал.

Возвратившись в Париж, Труханова вела дружбу с Вандер-Хейденом, Луи-Мари Озёром, Шарлем Огюстом, проживающим в д. 21 на авеню Елисейских полей. Последний родился в Льеже 8 сентября 1876 года, руководит “Астурийской королевской компанией”, штаб-квартира которой находится в Брюсселе на ул. Шевалье. Ее филиал расположен в Париже в д. 50 на ул. Мальты. Он является также администратором компании ультрафиолетовых лучей (бульвар Османн, 73), о которой газета “Аксьон франсез” писала в 1913 году, что она входит в германский трест, созданный во Франции для эксплуатации кварцев и ему подобных продуктов.

Г-н Ван дер Хейден снял для своей любовницы квартиру в д. 6 на авеню Камозанса с годовой платой в 7 тысяч франков, которую она занимала до 1 января 1913 года. С ней он неоднократно ездил за границу. В 1912 и 1913 году она танцевала в Берлине, и ее успех был грандиозным.

В январе 1913 года она снимала квартиру в д. 19 на набережной Бурбонов, где намеревалась открыть школу танцев. Однако ее отношения с бездарным художником из квартала, которому она позировала, вскоре стали известны Ван дер Хейдену, который также порвал с ней. Чтобы избежать скандала, перед тем как расстаться, ее друг вручил ей весьма крупную сумму денег.

С апреля 1913 года Труханова на сцене больше не выступала. Она ограничилась сотрудничеством с журналом “Фемина”, для которого подготовила этюд о танце, но рассталась с ним, как только была объявлена война. В июле 1914 года она уехала в Россию вместе с графом Алексеем Игнатьевым и его матерью. Вызванный в Париж 15 июля послом России Извольским, граф воз-

вратился во Францию, оставив свою любовницу в России, где ее застала война.

Балерина возвратилась во Францию только в июне 1916 года в сопровождении матери и полуторогодовалого ребенка, родившегося в Москве и названного Алексеем, а также русской гувернантки. По поводу этого ребенка утверждают, что балерина убедила графа, будто это его сын, хотя на самом деле это сын русской гувернантки, которая его воспитывает.

Как бы то ни было, мадам Браун и гувернантка с сыном обосновались в доме 59 по ул. Марей в Сен-Жермен-ан-Лэ, а балерина проживала вместе с графом Игнатьевым.

С тех пор Труханова ведет уединенный образ жизни, что весьма удивляет лиц, знающих ее характер и прошлое балерины. В отношении нее ходит много слухов; говорят, что она дружила с танцовщицей Мата Хари и была не чужда довоенным германским интригам. Утверждают даже, что перед войной она была объявлена подозрительным лицом по причине поистине царских подарков, которые получила во время своих выступлений в Берлине в 1911 и 1912 годах. Однако никаких подтверждений этим подозрениям получено не было.

В домашнем кругу генерал ведет спокойную жизнь вместе со своей любовницей, но вне дома все идет по-другому, и он слышет за гуляку. Совсем недавно скандальные оргии генерала в отеле “Крильон” вместе с его соотечественниками, офицерами и дипломатами, стали предметом светских хроник. Они потребовали даже вмешательства администрации перед директором этого отеля.

Канцелярия генерала находится в доме 14 на авеню Элизе Реклю, где он принимает посетителей. Вне своих официальных обязанностей генерал занимается коммерческими делами. Перед вступлением в войну Италии в 1915 году он попытался закупить 500 тысяч винтовок и 3 миллиона патронов, которые были помещены в итальянских арсеналах на имя Датто. С этой целью он установил контакт с неким г-ном Ричардом Виттоло, 47 лет, родившимся в Москве, который проживал в д. 2 на авеню Фридланд. Виттоло говорил о себе, что он аккредитован русским правительством при державах Антанты для закупки вооружения, боеприпасов и амуниции.

Генерал Игнатьев часто встречался в крупных парижских отелях не только с Виттоло, но и с другими иностранцами. Сделка

не состоялась, поскольку генерал Кардона отказался отпустить из arsenалов винтовки и патроны, так как Датто, являвшийся их владельцем, якобы намеревался продать их немцам.

В качестве личного секретаря у генерала служит Николай Караулов, родившийся 19 декабря 1872 года в Москве. Он направил 4 июля 1912 года просьбу о разрешении на проживание в Службу иностранцев и 4 августа получил вид на жительство. 27 мая 1917 года возбудил перед инстанциями ходатайство о выдаче удостоверения личности.

Во Франции находится 10 лет, постоянно проживает в д. 10 на ул. Фрисине в холостяцкой квартире с ежегодной платой в 1500 франков, за которую не платит целый год. Похоже, что он находится в положении, близком к нужде. До войны он нигде не работал, говоря, что живет на доходы с имения в России. Его присутствие было зафиксировано в игорных домах, в частности, в “Кружке артистов и художников” в д. 82 на ул. Курсель, во время облавы полиции, устроенной 29 декабря 1912 года.

В начале войны он возглавлял секретариат русского военного госпиталя на Елисейских полях, а затем в качестве почетного советника посольства сопровождал Извольского во время его поездки в Бордо. После истечения срока его пребывания в этом городе он был прикомандирован к Русской военной миссии. В сентябре 1916 года ездил в Швейцарию. До него эту должность занимал капитан Балбаевский.

Рабочий кабинет Караулова находится в д. 6 на ул. Христофора Колумба. По этому адресу ему поступает корреспонденция.

Вот уже больше месяца, как он не появляется больше на ул. Фрисине. Теперь он обедает и живет в отеле “Бальзак” (ул. Бальзака, д. 4). До ноября месяца г-н Караулов принимал у себя многочисленных женщин, особенно санитарок.

Малообщительный, он редко говорит о текущих событиях. После русской революции он заявил только следующее: “Если бы русские заключили сепаратный мир, то другие державы Антанты неизбежно последовали бы их примеру, поскольку война не может продолжаться бесконечно”.

В качестве порученца у генерала Игнатьева служит некий г-н Перников, Иосиф, 22 лет, родился в Тифлисе (Кавказ), который якобы был придворным шофером-механиком в дореволюционной России. Перников имеет доверенность от генерала Игнатьева

ва на получение крупных сумм денег, которые направляются ему Азовско-Донским банком Петрограда.

Будучи простым солдатом в начале войны, он был произведен в чин прапорщика правительством Керенского. Прибыв в Париж в июне 1917 года, проживал до сентября с.г. вместе с прапорщиком графом Борисом Капнистом в меблированной квартире с ежемесячной платой в 700 франков в д. 9 на ул. Боккадор. По этому адресу оба молодых человека принимали, помимо братьев Игнатьевых и их любовниц, многочисленных русских офицеров, артистов и членов русской колонии. Называют, в частности, капитана Лещинского, лейтенанта Маврокордато, мадам Литвину и Лину Кавальери, Брейтмана, сына Извольского, братьев Раффаловичей и т.п. По воскресеньям они ездили в Поншартрен (деп. Сена-и-Уаза), где Перников снимал имение. В то время он имел любовницей г-жу Кастель, проживающую в д. 11-бис на ул. Ампера, про которую думают, что она прежде была женой капитана Менье.

В сентябре месяце Перников рассорился с графом Капнистом, которому, как говорят, он одолжил бѣльшую сумму денег, пригласив его на отдых на Лазурный берег. (Граф Капнист и его любовница по фамилии Рябушинская якобы останавливались в Ницце в отеле “Бориваж”.)

С 15 сентября по 15 ноября Перников проживал в д. 10 на ул. Вашингтона. В настоящее время он проживает на Елисейских полях в отеле “Элизе палас”. Там он снова принимает многочисленных офицеров, особенно состоящих при Службе тыла Русской армии (ул. Пьера Шаррона, 59), где он якобы исполняет обязанности кассира. Дважды в месяц он посещает капитана Василия Галяшкина, 34 лет, родившегося в Петрограде, который говорит о себе, что он причислен к Генштабу. Перников передает ему крупные суммы денег. Он также принимал г-жу Карницкую в сопровождении некоей санитарки, о которой говорят, что она русская княгиня, но ее имя неизвестно.

В “Элизе паласе” Перников и приходящие к нему русские офицеры иногда встречаются с генералом Гурко, который проживает по этому адресу, но никогда с ним не разговаривают. Перников, не имеющий личного состояния, тратит деньги не считая. Хотя своим продвижением по службе Перников обязан правительству Керенского, он иногда в своих беседах устанавливает выгодные параллели с деятельностью правительства максималистов и объ-

являет себя сторонником немедленного мира. Однако эти высказывания были сделаны им за столом, когда их автор не совсем владел собой.

Помимо лиц, о которых шла выше речь, генерал Игнатъев знаком и посещает почти всех офицеров и членов русской колонии, которые поддерживают связи с его братом. Среди лиц, которых называют как причастных к интригам братьев Игнатъевых, есть одно, заслуживающее специального упоминания. Это — великая герцогиня Анастасия Мекленбургская, урожденная русская великая княгиня, мать германской кронпринцессы и королевы Дании.

Отношения во время войны офицеров Русской военной миссии с этой особой, суть которых составляют тайну и скандал, вызывают по крайней мере подозрения. К несчастью, их реальное состояние неточно выявлено из заявлений, которые распространяются далее и исходят от явных врагов графа Павла. С другой стороны, великая герцогиня отсутствовала в Париже во время всего расследования на этот счет, поэтому нет возможности установить какие-либо факты по этому поводу.

Великая герцогиня Анастасия обычно проживает в Эзе (деп. Приморские Альпы) на вилле “Фантазия”. Кроме этого, она владеет жильем в Париже (авеню Бюжо, 51). Там она великолепно обставила спальную комнату, предназначенную для молодого человека 15 лет, родившегося от связи герцогини с ее секретарем Пальтовым. При рождении ребенок был усыновлен мадам Моро, в прошлом акушеркой, а теперь компаньонкой великой герцогини. В знак благодарности герцогиня приобрела на ее имя имение в Аппуаньи (деп. Сомма). В настоящее время молодой Алексей якобы является пансионером колледжа в Нижней Сене.

Частная жизнь тещи кронпринца вот уже долгое время служит объектом удивления, и действительно она является весьма аномальной для лица ее ранга и возраста. До войны она была страстной поклонницей ночных заведений на Монмартре и никогда не возвращалась домой раньше трех или четырех часов утра. Всего несколько месяцев тому назад она танцевала танго с молодыми людьми от 16 до 20 лет в отеле “Альгамбра” в Женеве. Известно также, что во время пребывания в Париже великая герцогиня принимала визиты многочисленных русских офицеров.

С другой стороны, одна персона, которая часто видится с ней, это ее маникюрша мадам Бюрне, примерно 40 лет, проживает в д. 44 на ул. Гамелена. У нее живет молодая девушка примерно 20 лет, Маргарита Лакомб, которая якобы приходится ей сестрой. Через несколько месяцев после объявления войны Маргарита Лакомб предприняла хлопоты, чтобы освободить из концлагеря ее любовника, австрийца по национальности.

Вот уже 4 или 5 месяцев она принимает ежедневно у себя молодого русского, примерно 25 лет, которого мадам Бюрне представляет как замечательного агента контрразведки. Они принимают также русских офицеров.

В этом же доме, над их квартирой, поселилась с 25 мая по 23 сентября прошлого года мадам Барне, называющая себя лирической артисткой и двоюродной сестрой мадам Бюрне. В этот период в доме мадам Барне отмечалось бесконечное шествие молодых французских офицеров, особенно летчиков. Было отмечено также присутствие капитана Русской армии Адама Быховца. Говоря о нем, мадам Барне рассказала своей служанке, что порвала с ним из-за его революционных идей. Она добавила, что капитан Быховец хотел убить ее, чтобы отомстить.

Мадам Барне, которая является любовницей полковника итальянской армии, в настоящее время находится в Милане, в отеле “Континенталь”.

Что до мадам Бюрне, то она не скрывает своей гордости за то, что среди ее клиентов находится великая герцогиня Мекленбургская, но это не мешает ей при случае объяснить своим близким свое удивление по поводу того, как свободно разъезжает по нашей стране женщина, которая в военное время ездила в Берлин.

Капитан Адам Быховец, называющий себя “Быховичем”, поляк по происхождению, отчислен из бюро Русской военной миссии (Любекская ул. 21), проживает в д. 29 на ул. Гамелена. Он в плохих отношениях с полковником Павлом Игнатьевым, которого обвиняет в том, что тот выплатил 4 тысячи франков некоему Глюкману, который сам предупредил Быховца об этом и поступил на службу к нему только для того, чтобы следить за его противником.

Капитан только и ждал того, чтобы завладеть столь крупной суммой, которую ему якобы задолжал полковник, и покинуть бюро Русской миссии.

Итак, вот какие сведения дал этот офицер следователю, утверждая, что они строго соответствуют действительности.

Мать братьев Игнатьевых была первой любовницей Распутина и именно она внедрила его в русский двор. Их отец, бывший киевский губернатор, убит революционерами в 1905-м, он якобы всегда был враждебен к полякам.

По мнению Быховца, генерал Алексей Игнатьев — среднего ума и ничтожная личность. Полковник Павел, наоборот, опасная личность, полностью преданный старому режиму; является сообщником Германии в махинациях по восстановлению в России правления царя.

Граф Павел Игнатьев якобы был агентом Штюрмера в Париже. Осенью 1916 года он якобы присутствовал в России на совещании, на котором обсуждались возможности сепаратного мира, и вследствие этого ему было поручено доставить в Германию предложения царя.

С другой стороны, капитан Быховец располагает целой серией фактов исключительной важности, право доказать которые в подходящий момент перед властями, которые вызовут его по этому случаю, он оставляет за собой.

По приказу Павла Игнатьева прапорщик Франк на следующий день после революции в России якобы сжег все документы, имеющие отношение к сепаратному миру, которые хранились в его бюро на Любекской улице.

Тот же самый полковник Игнатьев имел встречи в Женеве с генеральным консулом Австрии Монтлоном (правильно — Монлопом. — *Авт.*), в чем Быховец лично сам убедился.

Г-н Давришвили, неофициальный агент Союзников, якобы был использован им, чтобы встретиться в Испании с бароном фон Кроном, резидентом германской разведки.

Павел Игнатьев направлял Временному правительству весьма ценные, но запоздалые сведения, когда их невозможно было использовать.

Наконец, он дружит с бароном Роопом, председателем комитета балтийских баронов, и этот факт имеет большое значение в свете переговоров, которые этот комитет ведет при содействии фон Люциуса в Стокгольме для подписания сепаратного мира с Россией.

Г-н Быховец уверен в существовании широкого заговора в Париже, организованного с целью реставрации царской монархии,

подписания сепаратного мира с Германией и заключения впоследствии русско-германского союза. Главными авторами этого заговора якобы являются: великая герцогиня Мекленбургская, братья Игнатьевы; подручными — Франк, Перников, православный поп Соколовский, Маврокордато, Пальтов, барон Штакельберг, генерал Николаев, настоящее имя которого Мантейфель, и доктор Метцгер, — все доверенные лица Игнатьева.

Великая герцогиня Мекленбургская якобы играет в этом заговоре роль первого плана. Роль связного между великой герцогиней и братьями Игнатьевыми играет якобы Маврокордато.

Частые поездки великой герцогини в Швейцарию под псевдонимами Моро и графиня Венденская якобы имеют связь с этим делом. Он утверждает, что в июле с.г. она якобы ездила в Берлин.

Интересно сравнить эти утверждения со словами рапорта, поступившего в Секцию централизации разведывательных данных от итальянской миссии: “Мозгом русской организации во Франции, как говорят, является полковник Игнатьев, кассиром — прапорщик Франк, курьером и объединительным знаменем — великая герцогиня”.

Именно она собирает информацию, которую следует направлять в Германию; для этого она располагает двумя путями отправки сведений: с одной стороны, русская дипломатическая вализа и Датский двор, откуда лица из германской семьи великой герцогини, ее сыновья, как говорят, передают корреспонденцию в Берлин; с другой — Швейцария с передачей корреспонденции в ее апартаменты в Женеве, откуда ее германский персонал передает корреспонденцию в Берлин. Руководство этой курьерской службы якобы поручено Пальтову. Доклад дополняется сбором информации, особенно Павлом Игнатьевым, поскольку это вытекает из его официальных обязанностей, а также опросом французских офицеров во время приглашений на обеды с обильными выпивками.

Некая мадам Жюже, проживающая в д. 6, вилла Альма, которая долго гостила в России и которая находилась на службе у прапорщика Перникова, сообщила некоторые высказывания, которые она слыхала в доме этого офицера. Из них вытекает, что поведение и поступки братьев Игнатьевых иногда якобы строго осуждаются их окружением.

Во время обеда у Перникова, устроенного в сентябре прошлого года, приглашенный по фамилии Кульнев, бывший адъютант Керенского, раненый во время мятежа в лагере Куртине и в настоящее время госпитализированный в окрестностях Бордо, заявил им, что не понимает, почему Союзники до сих пор терпят их присутствие и действия. Обращаясь к полковнику Павлу Игнатьеву, он добавил: “Ваше грязное ремесло вызывает у меня отвращение. Я проинформирую Керенского о вашем поведении”.

На том же обеде граф Капнист спросил генерала Минаева относительно его любовницы, присутствовавшей там же: “Вам должно быть стыдно, — сказал он, — прогуливаться с этой шпионкой и жить с ней. Я не знаю, по какой причине вы заставляете дрожать Французское правительство, но во время войны ваше место не во Франции”.

Граф Капнист, который находится в Ницце, как уже было сказано, должен возвратиться в Париж в течение этого месяца. Небезынтересно напомнить здесь один инцидент, ставший в свое время предметом рапорта и который позволяет предположить, что Игнатьевы, проинформированные о слухах на свой счет, собирались сообщить об этом в полицию.

В первых числах декабря генерал Алексей Игнатьев обратился в Префектуру полиции с просьбой направить к нему полицейского агента, которому он даст приметы, необходимые для установления личности, которая письмом предложила ему сообщить “очень интересные сведения” относительно кампании, которая ведется против него Советами, и о “темных сделках”. В телефонном разговоре с этим корреспондентом генерал заявил ему, что он вместе со своим заместителем подполковником Крупским может с ним встретиться в кафе “Терминюс”. Встреча состоялась, и поведение обоих мужчин было таково, будто они уже знакомы.

Выйдя из кафе, незнакомец сделал тысячу кругов в явном желании вычислить агентов наблюдения, затем сел в метро и напрямик поехал на квартиру к подполковнику Крупскому (ул. Тремле, 5).

Через несколько дней стало известно, что речь идет о некоем господине Луеве Василии Владимировиче, 30 лет, прапорщик, родился в Петрограде, который с 6 по 16 сентября проживал в отеле на площади Сорбонны. По словам подполковника Крупского, Луев представился заместителем Председателя Совета солдатских депутатов, расквартированных в Курно (деп. Жиронда). Из этого

дела сложилось очень четкое впечатление о том, что телефонный разговор и состоявшаяся встреча были подготовлены самим генералом.

Кроме того, есть факт, на который обратили внимание и истолковали в смысле, весьма неблагоприятном для Игнатъевых: это внимание, с которым они следят за организацией польской армии во Франции и симпатии, которые они питают к этому предприятию. О них в польских кругах, благоприятно относящихся к Антанте, говорят, что они “совсем поляки”, однако в связи с предполагаемым их сговором с максималистами это их отношение иногда рассматривается как удивительное и даже подозрительное. Действительно, кое-кто видит в этом их желание быть в курсе становления этой армии и роли, которую она будет призвана сыграть на фронте. Здесь речь идет только о мнении, значение которого серьезно уменьшили прежние связи генерала Алексея Игнатъева в прорусских польских кругах в Париже.

К чести братьев Игнатъевых следует признать, что публично они выступают против сепаратного мира и оказывают официальную и материальную поддержку газетам, призванным поддерживать в русских войсках чувство верности союзникам, и добиваются от них, чтобы эти газеты не проявляли солидарности с солдатами и офицерами Восточного фронта, подвергшихся влиянию максималистов.

В январе 1916 года генерал Алексей Игнатъев снимал в д. 4 по ул. Байяр помещение с годовой арендной платой 2500 франков, где до июня прошлого года размещались администрация и редакция “Русской военной газеты”, основанной Комитетом друзей русского солдата во Франции. Эта газета выходит сегодня под названием “Русский гражданин солдат во Франции” и размещается в д. 46 на бульваре Св. Жака в типографии, которая ее печатает.

Призванная осведомлять русских солдат во Франции о событиях, происходящих в их стране, и о войне, она непосредственно воюет с нашествием анархистского духа и имеет чисто патриотическое направление. Вот уже четыре месяца, как помещение на ул. Байяр является местом встречи русских офицеров и унтер-офицеров, которые собирают информацию для газеты. Их группа носит имя “Русское бюро военной информации”. Братья Игнатъевы посещают это бюро.

Наконец, полковник Игнатъев с самого начала одобрил создание Русского руководящего антипораженческого комитета, штаб-квартира которого располагается в д. 5 на ул. Полковника Ренара, равно, как и еженедельник “Россия”, ставший с декабря прошлого года его печатным органом. Эта газета была основана по желанию русских военных элементов в Париже, враждебно настроенных к проидам максималистов, в противовес пацифистской деятельности газеты “Отклик”, органа Исполнительного комитета представителей русских политических организаций в Париже, возглавляемого Каганом, он же “Тасин”, который создал Парижский Совет.

Газета “Россия” до сих пор пытается в своих статьях рассеять болезненные чувства, возникшие во Франции вследствие событий в России, а также у русских официальных лиц, в частности, принадлежащих к военным миссиям.

“Россия” существует за счет подписки, однако представляется, что собираемых до сих пор средств явно недостаточно для ведения активной пропаганды против пораженчества. Среди главных подписчиков фигурирует имя Елисеевых, внесших 3000 франков, Маврокордато — 1000, братья Игнатъевы — 200, мадам Труханова — 300, капитан Лубецкий — 100 франков и т.д.

Эта газета печатается в доме “Союз” (бульвар Св. Жака, 46); ее тираж незначителен. Руководят ею лица, про которых говорят, что они преданы братьям Игнатъевым и которые входят в состав Руководящего русского антипораженческого комитета.

С 5 декабря 1917 по 10 января 1918 года велось наружное наблюдение за лицами, поддерживающими отношения с братьями Игнатъевыми.

1. Наблюдение за Скрыбиным.

Скрыбин поддерживает отношения со следующими лицами:

1. Владимир Титов, русский подданный, проживает в д. 11 по ул. Астора.
2. Генерал Панченко, вилла “Мажестик”, ул. Лаперуза.
3. Полковник де ла Руш и его жена, ул. Курсель, 107.

4. Мадам де Малерб, отель “Риц”, апартаменты № 23 (?).
5. Барон фон Торнау, наносящий ему визиты на дому.
6. Доктор Могилевский, д. 54 в пригороде Св. Оноре.
7. Р. Кумберлан, ул. Скриб, 3.
8. Капитан Строков, недавно прибывший из Италии и остановившийся в отеле “Мёрис”.
9. Жанна Ренуар (принята в д. 11 на ул. Астора).

Он часто ходил к г-ну Брейтману в отель “Риц”, ежедневно в русское бюро (ул. Пьера Шаррона, 59).

Несколько писем, отправленных Скрыбиным, были перехвачены и прочитаны. Они были адресованы:

— капитану Лещинскому, Межсоюзническое бюро, Русская миссия, авеню Марсо, 30;

— г-ну Миллеру, ул. Жоффруа, 1 и авеню Елисейских полей, 144;

— г-ну Р. Лавьенну С. Мортимеру, авеню Булонского леса, 3.

Эта переписка не представляет никакого интереса с точки зрения ведущегося расследования.

II. Наблюдение за подполковником Балбашевским

Подполковник Балбашевский, сотрудник братьев Игнатьевых, почти постоянно ездит на военном автомобиле. Он ежедневно посещал д. 4 на авеню Христофора Колумба, наносил визиты генералу Гурко. Поддерживал постоянные отношения с полковником Жуссленом из 14-го гусарского полка, посещал ресторан “Анри” на пл. Кайон, где наиболее часто обедал.

III. Наблюдение за Маврокордато

Чиновник Русской миссии (ав. Марсо, 30) Маврокордато ежедневно ее посещает.

Почти ежедневно он посещал следующие адреса: Дом моды “Роше”, ул. Вольне, 9; ресторан “Вольне” на ул. Вольне (в компании русского офицера); Банк Мейера (ул. Пети Шан, 99).

Посещал также:

— Г-н Захаров (ав. Фош, 53): Маврокордато посещал этот адрес, а также несколько французских офицеров.

— г-н Севастопулос, временно поверенный в делах России в Париже;

— г-н Танкре, Жорж, любовник г-жи Роше;

— г-н Франк, ав. Верзи, 8, вилла “Термы”.

9 декабря 1917 года Маврокордато сделал в общественном месте предложение о сотрудничестве двум военным (дело рассматривается в Комиссариате полиции р-на Св. Георгия).

IV. Наблюдение за капралом Леруа

Используется на вокзале Восток-Вьетт, где наблюдает в качестве капрала за погрузкой эшелонов, отправляющихся в действующую армию.

Приписан к воинской столовой, находящейся на ул. Брен, 31, но никогда там не обедает, а уезжает в город на военном грузовике. Приказы от своих начальников получает по телефону у г-на Букаля (пл. Эбер, 3). Получает множество личных сообщений и принимает многочисленных посетителей (в том числе Карницкую).

После работы ежедневно направляется в бар “Критерион” на ул. Св. Лазаря; в “Терминюс”, в кафе в д. 39 на ул. Паскье (последнее заведение неоднократно отмечалось как подозрительное); на дом к г-же Карницкой (ул. Бель-Фёй, 5), после чего уезжает на поезде в Нейи.

V. Наблюдение за Брейтманом

Во время наружного наблюдения был замечен в компании многочисленных русских офицеров, наносивших визиты к нему домой. Почти ежедневно посещал отель “Крильон”, ресторан “Максим”, в также отель “Мирабо” (ул. Мира, 8) и отель “Мёрис”.

Получает обильную корреспонденцию, особенно заказные письма. Очень подвижный, ведет беспорядочную жизнь, ездит только на автомобиле, хотя не имеет личного состояния...

Братья Игнатьевы долгое время проживали на своей вилле в Сен-Жермене, куда теперь приезжают только по воскресеньям,

поскольку в настоящее время проживают в Париже, в д. 19, ул. Шатобриана.

В первые годы после русской революции Игнатъев жил на широкую ногу, но затем столкнулся с серьезными материальными затруднениями; на его попечении находятся мать, сестра и несколько других родственников.

В конце войны генерал Игнатъев положил на свое имя во Французский банк 90 миллионов франков золотом. Поскольку генерал Игнатъев являлся в этом деле только лицом, на имя которого царским правительством были помещены эти деньги, французское правительство немедленно их заморозило. В 1922 году эти деньги все еще находились на депоненте.

Генерал попытался трактовать это дело в свою пользу и помог своему брату Павлу организовать молочную ферму в окрестностях Парижа, однако потерял почти все вложенные средства. В русской колонии в Париже его подозревали в том, что он ведет игру в пользу Советов, но он энергично опровергал это.

Однако в 1925 году он решительно порвал с русской эмиграцией и перешел на сторону советской власти. Представляется правдоподобным, что это произошло скорее в силу материальной необходимости, нежели из-за политических убеждений, и он вступил в контакт с руководством Посольства СССР в Париже.

С 1925 года граф Игнатъев поддерживает постоянные связи с Посольством СССР в Париже, точнее, с Торговым представительством СССР, в котором до 1927 года исполнял обязанности финансового эксперта, а затем занялся закупкой лошадей для Советов.

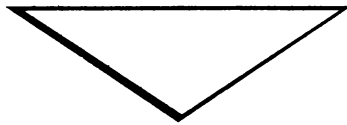
Став тем самым активным агентом советских коммерческих служб, он предпринял демарши перед отдельными французскими промышленниками и торговцами с целью убедить их вести дела с Советами.

В августе 1925 года о графе Алексее Игнатъеве говорили, что он получил пост торгового директора агентства “Двигатель” (ул. Риволи, 55). В ходе проведенного в то время расследования не представилось возможным установить, действительно ли Игнатъев занимает этот пост, однако было установлено, что генерал очень часто посещал дом 55 на ул. Риволи и что он встречался с неким Абрамом Русиним, русским, родившимся 5 марта 1887 года в Кие-еве. Последний является директором парижского филиала агент-

ства “Двигатель” и прибыл в Париж 18.2.1925 года Он получил вид на жительство в Париже до 18 июня 1925 года, но по истечении срока не получил продления визы и был выслан из страны.

В 1927 году генерал граф Игнатъев был тесно связан с Раковским, которому якобы оказывал услуги. Действительно, генерал, бывший военный атташе в Париже, хорошо осведомлен о положении в царской армии главных русских эмигрантов. Он направил им длинную анкету, которую продолжает пополнять и о содержании которой сообщает службам на улице Гренель. В 1927 году Игнатъев рассматривался как главный военный советник Раковского, с которым часто встречался...»¹

Вот такие сведения — порой верные, порой фантастические — французские спецслужбы собирали на братьев Игнатъевых. Несмотря на то, что французы пытались всеми способами раздобыть информацию, порочащую братьев Игнатъевых, уличающую их в связях с немцами, это им не удалось, и в конце концов они оставили их в покое, а не выслали из страны, как это было сделано в отношении других русских эмигрантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассказали о жизни и деятельности одного из наиболее выдающихся русских военных разведчиков в годы Первой мировой войны. До сих пор в научной литературе не утихают споры о том, насколько эффективно работала в тот период русская военная разведка, насколько успешно она справлялась с возложенными на нее задачами. Сам Павел Алексеевич Игнатьев в публикации в когда-то знаменитом журнале «Иллюстрированная Россия», который до революции был одним из лучших в мире, писал о недостатках в организации разведывательной службы в годы Великой войны, как ее называли французы. Главным из них была разобщенность разведывательных служб России, отсутствие координации в их работе и прямое соперничество различных ведомственных организаций. Однако, как показал анализ разведывательной работы Игнатьева 2-го, в тех условиях он сам предпринял максимум усилий с тем, чтобы наладить бесперебойное снабжение Русской Ставки необходимыми ей стратегическими сведениями, и навряд ли кто-нибудь другой мог бы в тех условиях сделать больше.

Как же сложилась жизнь графа Павла Игнатьева в эмиграции? Подробных сведений на этот счет мы не имеем. Мы не знаем даже, почему Павел Алексеевич умер в столь молодом возрасте. Знаем только, что его жизнь и жизнь его семьи во Франции была очень и очень горькой. Приведем еще один документ на этот счет, который мы обнаружили в архивах французской военной разведки. По нашему мнению, в комментариях он не нуждается.

MP 23.11
Генштабу Армии
№ 8517 2-СКР
ГША
24 ноября 1936 г.

Письмо от 25 августа 1936 года
Графини жены Павла Игнатъева,
которая просит оказать ей
финансовую помощь
1. См. бордеро № 5598
от 18 ноября 1936 г.
Номер возврата...

Сведения, собранные на графиню,
жену Павла Игнатъева

1. Высший офицер бывшей Русской армии по фамилии Игнатъев был встречен 7 ноября 1936 года на приеме, устроенном Посольством СССР, кажется, является генералом Алексеем Игнатъевым, который был военным атташе в Париже во время войны 1914—1918 годов.

2. Генерал Алексей Игнатъев — это брат полковника Павла Игнатъева, руководителя Русской секции в Межсоюзническом бюро в Париже, начальника секции разведки и контрразведки.

Подпись: Шлессер

РАЗВЕДАННЫЕ
О графине Игнатъевой

Источник надежный
21—11—36

Графиня Игнатъева, урожденная Венгловская, родилась 26.12.1888 года в Санкт-Петербурге (Россия), действительно является вдовой полковника графа Павла Игнатъева, за которым состояла вторым браком.

Ранее она была замужем за неким Левис оф Менаром, с которым развелась.

Она действительно проживала в д. 79 по Севрской ул. с 7 октября 1933 по 25 сентября 1936 года, в котором снимала очень скромную квартиру.

С 1 октября проживала в д. 19 по ул. Тибумери (15-й район), в котором вместе с сестрой и племянником по фамилии Кризов снимала меблированную квартиру ежемесячной платой в 500 франков.

Графиня Игнатьева пользовалась дурной славой. Она явно находилась под влиянием своей сестры и племянника, которые были откровенными авантюристами, интриганам и жили только за счет случайных заработков.

Графиня Игнатьева находится в весьма затруднительном материальном положении. Задолжала за квартиру в д. 79 по Севрской ул. 1504 франков 45 сантимов. Кроме того, она должна весьма значительные суммы многочисленным торговцам квартала.

Это подтвердилось 6 ноября 1924 года и 10 февраля 1926 года, правда, без всяких инцидентов.

Сообщалось, что генерал граф Игнатьев Алексей якобы обладает частью досье, составленных его братом Павлом Игнатьевым, бывшим руководителем службы контрразведки России во Франции и Швейцарии.

Во время войны вышеупомянутый Павел Игнатьев работал под псевдонимом капитан Истомина. Сообщается также, что генерал Игнатьев Алексей, который весьма нуждается в деньгах по причине значительных затрат на содержание своей жены, бывшей звезды мюзик-холла, якобы мог в подходящий момент попытаться продать Советам очень важные документы из архивов, собранных его братом Павлом. В конце августа прошлого года он ездил в Берлин в сопровождении своей жены, и некоторое время его мать не имела от него вестей и направила в Берлин, в отель "Атлас", в котором они остановились, телеграмму, которая возвратилась с пометкой "неизвестны". Предполагают, что Игнатьев, возможно, ездил в Москву. По приезде в Берлин он отправил своей семье сумму в тысячу франков в Сен-Жермен.

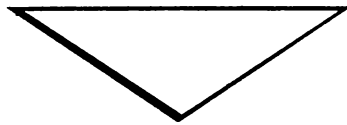
Бывший генерал Императорской армии граф Игнатьев является командором ордена Почетного легиона.

В прошлом юридическим преследованиям во Франции не подвергался.¹

Имена семейства Игнатьевых в России, десять домов, принадлежавших их матери, а также другое движимое и недвижимое имущество этой семьи было национализировано революционной властью. Во Франции никаким имуществом они не владели и, как говорится, перебивались с хлеба на квас. Павел Алексеевич в отличие от своего старшего брата Октябрьской революции не принял: по-видимому, здесь сказались особенности его характера.

Однако даже в час преждевременной кончины он с чистым сердцем мог сказать, что честно исполнял свой долг, как его понимал, и любил свою Родину, против которой отказался поднять оружие во времена второй Русской смуты и Гражданской войны.

В нелегкой судьбе Павла Игнатьева как в капле воды, отразилась великая драма миллионов наших соотечественников, против своей воли оказавшихся вдали от Родины в годы бурь и революций в России. Павел Игнатьев, тяжело раненный в Восточно-Прусской операции, понимал, что никогда больше не увидит своей Родины, которая лишила его общественного положения и личного состояния. Его сердце не выдержало, и он умер в эмиграции. Разведчику было всего 51 год от роду.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вместо предисловия

¹ История Северной войны. 1700-1721. М., 1987. С. 104.

Глава первая

Накануне решающей схватки

¹ *Гурко Д.И.* Переписка со шпионами увеличилась // Источник, 2002, № 1. С. 27.

² *Мильштейн М.* Дело полковника Редля // Воен.-ист. журн., 1961, № 1. С. 48

³ Там же.

⁴ *Ронге Макс.* Разведка и контрразведка. Киев, 1993. С. 30.

⁵ *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 237.

⁶ *Мильштейн М.* Дело полковника Редля // Воен.-ист. журн., 1961, № 1. С. 49.

⁷ *Ронге Макс.* Разведка и контрразведка. С. 31.

⁸ *Гурко Д.И.* Переписка со шпионами увеличилась // Источник, 2002, № 1. С. 27-28.

⁹ *Шаццлло К.* История одной фальшивки // Воен.-ист. журн., 1964, № 9. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹ Там же. С. 82.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Баиов А.К.* Истоки Великой мировой драмы и ее режиссеры. Таллин – 1927 – Ревель. Эстония. С. 110–111.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Часть I. 1929. С. 135.

Глава вторая

Братья Игнатьевы и их противники

¹ *Николаи В.* Тайные силы: интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. Киев, 2005. С. 50.

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) Ф. 5802. Оп. 1. Д. 454. Л. 5.

³ Там же. Л. 6.

⁴ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Т. 2. М., 1931. С. 88.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Сам полководец так описывает этот эпизод: «...на второй день пребывания в Одессе я был приглашен к ней (императрице. — *Авт.*) в ее вагон. Она встретила меня довольно холодно и спросила, готов ли я к переходу в наступление. Я ответил, что еще не вполне, но рассчитываю, что в этом году разобьем врага. На это она ничего не ответила, а спросила, когда думаю я перейти в наступление. Я доложил, что мне это пока неизвестно, что это зависит от обстановки, которая быстро меняется, и что такие сведения настолько секретны, что я их и сам не помню» // *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 160—161.

⁷ См.: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 288.

⁸ *Ронге Макс.* Разведка и контрразведка. Киев, 1993. С. 91.

⁹ *Анин Б.* Радиошпионаж. М., 1995. С.

¹⁰ *Лазарев В.* А завтра была война // *Новости разведки и контрразведки.* 2003, № 31.

¹¹ *Николаи В.* Тайные силы.

¹² Тайные силы. Откровения руководителя кайзеровской разведки, сделанные на Лубянке // *Родина,* 1993, № 8—9. С. 47.

¹³ *Игнатьев М.* Русский альбом. Семейная хроника Москва—Петербург, 1996. С. 132.

Глава третья

На Юго-Западном фронте

¹ Российский Государственный военно-исторический архив (далее ГАРФ) Ф. 409. Оп. 1. Д. 54420. Л. 7.

² *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. I. С. 71.

³ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 77.

Глава четвертая В борьбе за Румынию

¹ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Т. I. М., 1999. С. 85. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт. М., 1922. С. 5.

² *Лебедев В.* Дезинформаторы и контрпропагандисты // Новая газета – Независимое военное обозрение, 2002, № 6.

³ Российский Государственный военный архив (далее РГВА) Ф. 7К. Оп. 3. Д. 573. Л. 259–262. Перевод с французского.

Глава пятая Первая командировка в Париж

¹ РГВИА Ф. 2000. Оп. 1. Д. 165. Л. 16.; *Авдеев В.А.* «Секреты» Русско-японской войны // Воен.-ист. журн., 1993. № 9. С. 87.

² *Агафонов В.К.* Парижские тайны царской охраны. М., 2004. С. 49.

³ *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849 – 1911. М., 1991. С. 379, 552.

⁴ *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880 – 1917). М., 2000. С. 161.

⁵ *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Книга III. Часть первая. М., 2001. С. 190.

Глава шестая Павел Игнатьев в Париже

¹ *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Книга III. Часть первая. М., 2001. С. 221.

Глава седьмая Звезда 2-го бюро

¹ РГВА. Ф. 7К. Оп. 3. Д. 574. Л. 288. Перевод с французского.

² РГВА. Ф. 7К. Оп. 3. Д. 574. Л. 415. Перевод с французского.

³ РГВА. Ф. 7К. Оп. 3. Д. 574. Л. 447—452. Перевод с французского.

⁴ Там же. Л. 456—458. Перевод с французского.

⁵ Там же. Л. 460. Перевод с французского

⁶ РГВА. Ф. 7К. Оп. 3. Д. 574. Л. 288. Перевод с французского.

⁷ РГВА. Ф. 7К. Оп. 3. Д. 574. Л. 162—168 об. Перевод с французского.

Глава восьмая

Вторая поездка П. Игнатъева в Париж

¹ *Игнатъев П.* Николай II и сепаратный мир // Иллюстрированная Россия, 1928, № 16 (153). С. 1.

² Там же. С. 2.

³ *Noskoff A.A.* Nicolas II inconnu, Paris, 1920. P. 50—53.

⁴ *Игнатъев П.* Николай II и сепаратный мир // Иллюстрированная Россия, 1928, № 16 (153). С. 4.

⁵ РГВА. 7К. Оп. 1. Д. 1041. Л. 39.

Глава девятая

Сепаратные переговоры: слухи и реальность

¹ *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893 — 1922. М., 1959. С. 284.

² *Берти Ф.Л.* За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже. М. — Л., 1927. С. 114—115.

³ *Михневич Н.П.* Стратегия. Кн. I. СПб., 1911. С. 104.

⁴ *Берти Ф.Л.* За кулисами Антанты. С. 113.

⁵ Там же. С. 30, 62, 106, 81.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 560. Л. 3—3 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 560. Л. 18—18 об.

⁸ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 560. Л. 149 об.

⁹ *Платонов О.А.* Терновый венец России в секретной переписи. М., 1996. Т. 3. С. 336—337.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 560. Л. 189 об.

¹¹ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее ОР РГБ) Ф. 218. № 306. Д. 3. Л. 633.

¹² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 560. Л. 30 об.

¹³ *Герасимов А.В.* На лезвие с террористами. М., 1991. С. 191.

¹⁴ Там же. С. 192.

¹⁵ ОР РГБ Ф. 218. № 306. Д. 3. Л. 634.

¹⁶ РГВА Ф. 7К. Оп. 3. Д. 573. Л. 265—273.

¹⁷ *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 80.

Глава десятая

Разведывательные организации Павла Игнатъева в Европе

¹ *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Книга III. Часть первая. М., 2001. С. 280.

² Там же. С. 297.

³ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1041. Л. 73-74.

⁴ *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. Книга III. Часть первая. М., 2001. С. 327.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 294.

⁸ Там же. С. 287.

⁹ Там же. С. 288.

¹⁰ Там же. С. 292.

¹¹ Там же. С. 293.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 295.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 293.

¹⁶ Там же. С. 285.

¹⁷ Там же. С. 284.

¹⁸ Там же. С. 284.

¹⁹ Там же. С. 285.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 296.

²² Там же.

Глава одиннадцатая Военный пилот ЗОЗО

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ДОО 1904. 1012. Л. 1.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. ДП ДОО 8г. 44. 1906 г. Л. 2.

⁴ ГАРФ. Ф. ДП ДОО 8г. 44. 1907 г. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 30 об.

⁶ ГАРФ. Ф. ДП ОО 1909. 202. Л. 99.

⁷ ГАРФ. ДП. ОО 8 г. 44. Л. 56.

⁸ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 381. Перевод с французского.

⁹ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 777. Перевод с французского.

¹⁰ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 114. Перевод с французского.

¹¹ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 89. Перевод с французского.

¹² РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 781. Перевод с французского.

¹³ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 771—772. Перевод с французского.

¹⁴ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 769. Перевод с французского.

¹⁵ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 150—151. Перевод с французского.

¹⁶ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 742—743. Перевод с французского.

¹⁷ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 715—716. Перевод с французского.

¹⁸ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 36—38. Перевод с французского.

¹⁹ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 59—62. Перевод с французского.

²⁰ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 55—56. Перевод с французского.

²¹ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 50. Перевод с французского.

²² РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 31. Перевод с французского.

²³ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 30.

²⁴ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 647. Л. 29.

Глава двенадцатая

Берта Дуссе и другие агенты П. Игнатьева

¹ *Игнатьев П.А.* Моя миссия в Париже. М., 1999. С. 309—312.

² Там же. С. 313—314.

³ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1041.. Л. 268—268 об. Перевод с французского.

⁴ Там же.

Глава тринадцатая

Оценка Ставкой информации П. Игнатьева

¹ *Звонарев К.К.* Агентурная разведка. Т. 1. М., 1929. С. 173—174.

² ОР РГБ Ф. 218. № 306. Д. 3. Л. 724.

³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3073. Л. 1—1 об.

Глава четырнадцатая

Французские интервенты в России

¹ *Игнатьев П.А.* Моя миссия в Париже. С. 244.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 245.

⁴ *Алексеев М.* Военная разведка в России. С. 290.

⁵ «Известия», 1918, 3 сентября.

⁶ *Авдеев В.А., Карпов В.Н.* Заговор послов // *Новости разведки и контрразведки*, 1999, № 3-4. С. 13—14.

⁷ *О. Капчинский.* Жорж Делафар – агент с Лубянки. «Из жизни разведчиков», изд. «Гелеос», М., 1999.

Глава пятнадцатая

Ликвидация русской разведывательной миссии в Париже

¹ РГВА Ф. 7. Оп. 1. Д. 1041. Л. 365. Перевод с французского.

² *Игнатъев П.А.* Моя миссия в Париже. С. 199.

³ РГВА Ф. 7. Оп. 1. Д. 1041. Л. 372. Перевод с французского.

⁴ Там же. Л. 156. Перевод с французского.

⁵ Там же. Л. 150. Перевод с французского.

⁶ ГАРФ Ф. 1467. Оп. 1. Д. 578. Л. 62—63.

⁷ *Игнатъев П.А.* Моя миссия в Париже. С. 280.

⁸ РГВА Ф. 7К. Оп. 2. Д. 1041. Л. 605. Перевод с французского.

⁹ Там же. Л. 633. Перевод с французского.

¹⁰ *Игнатъев П.А.* Моя миссия в Париже. С. 222.

¹¹ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1041. Л. 416. Перевод с французского.

¹² Там же. Л. 264—264 об.

¹³ Там же. Л. 509—509 об.

¹⁴ Там же. Л. 98—99.

Глава шестнадцатая

В изгнании

¹ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1042. Л. 111.

² ГАРФ. Ф. 6396. Оп. 1. Д. 8. Л. 4—4 об.

³ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1042. Л. 106.

Глава семнадцатая

Враги и завистники Павла Игнатъева

¹ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1041. Л. 453—454.

² РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1042. Л. 454—454 об.

³ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1041. Л. 413.

⁴ Там же. Л. 161.

⁵ Там же. Л. 408—409.

⁶ Там же. Л. 285.

⁷ Там же. Л. 281.

⁸ РГВА Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1042. Л. 356—357. Перевод с французского.

⁹ Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. М., 2000. С. 23.

¹⁰ Локкарт Роберт Брюс. Ас шпионов. М.

¹¹ Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. С. 219.

¹² Пилсенсен В. Вальтер Николаи: Человек-невидимка // Служба безопасности, 1998, № 5—6. С. 33.

¹³ Локкарт Р.Г. Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С. 212.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 547. Л. 24.

¹⁵ Там же. Л. 90.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. Прага, 1926. С. 218.

¹⁹ Bonin G. Les Bolchéviques et l'argent allemand pendant la première guerre mondiale // Revue histoire, 1965. Т. CCCXX. Р. 101-126.

²⁰ Соболев Г.Л. «Немецкий ключ» к русской революции: политика, история, мифология // Россия в контексте мировой истории. Сб. статей. СПб., 2002. С. 347.

²¹ ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 1. Д. 1392. Л. 237-240.

²² РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1043. Л. 101-102.

²³ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1043. Л. 143-143 об. Перевод с французского.

Глава восемнадцатая

Французская контрразведка о связях П. Игнатьева

¹ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1043. Л. 119, 141, 142.

Заключение

¹ РГВА. Ф. 7К. Оп. 1. Д. 1043. Л. 158—160, 166.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
Секретные лабиринты истории тайной войны	9
Глава первая. НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕЙ СХВАТКИ.....	18
НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ	
ПОЛКОВНИКА РЕДЛЯ	22
РУССКАЯ РАЗВЕДКА ПЕРЕД ВОЙНОЙ.....	29
РУССКАЯ РАЗВЕДКА И «ПЛАН ШЛИФФЕНА»	31
ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА.....	35
РУССКАЯ РАЗВЕДКА В ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ	37
Глава вторая. БРАТЬЯ ИГНАТЬЕВЫ	
И ИХ ПРОТИВНИКИ	42
ВАЛЬТЕР НИКОЛАИ	42
МАКС РОНГЕ	57
АВСТРИЙСКАЯ РАЗВЕДКА В РОССИИ	
ПЕРЕД ВОЙНОЙ.....	59
РОДОСЛОВНАЯ ПАВЛА ИГНАТЬЕВА.....	65
Глава третья. На ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ.....	71
Глава четвертая. В БОРЬБЕ ЗА РУМЫНИЮ	86
КОНТРПРОПАГАНДА РУССКОЙ АРМИИ	
В ЕВРОПЕ	90
Глава пятая. ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА В ПАРИЖ.....	104
СОТРУДНИК ДЕПАРТАМЕНТА	
ПОЛИЦИИ ГАРТИНГ	116
Глава шестая. ПАВЕЛ ИГНАТЬЕВ В ПАРИЖЕ	121
ТАНЦОВЩИЦА ЖАННА	124
ФРАУ ДОКТОР.....	135
Глава седьмая. ЗВЕЗДА БЮРО	140

ЛЕГЕНДА ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗВЕДКИ ЖАВОРОНОК	144
Глава восьмая. ВТОРАЯ ПОЕЗДКА П. ИГНАТЬЕВА В ПАРИЖ	160
Глава девятая. СЕПАРАТНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ: СЛУХИ И РЕАЛЬНОСТЬ	176
Глава десятая. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАВЛА ИГНАТЬЕВА В ЕВРОПЕ.....	204
Глава одиннадцатая. ВОЕННЫЙ ПИЛОТ ЗОЗО	223
ЗОЗО ПОСЛЕ ВОЙНЫ.....	235
Глава двенадцатая. БЕРТА ДУССЕ И ДРУГИЕ АГЕНТЫ П. ИГНАТЬЕВА	255
РУССКИЙ ПЛЕЙБОЙ С. ВОНЛЯРЛЯРСКИЙ.....	262
ФАБРИКАНТ ЦИММЕРМАН.....	265
Глава тринадцатая. ОЦЕНКА СТАВКОЙ ИНФОРМАЦИИ П. ИГНАТЬЕВА	267
Глава четырнадцатая. ФРАНЦУЗСКИЕ ИНТЕРВЕНТЫ В РОССИИ	279
ЗАГОВОР ПОСЛОВ	284
МАРКИЗ ДЕЛАФАР — РАЗВЕДЧИК-НЕЛЕГАЛ	293
Глава пятнадцатая. ЛИКВИДАЦИЯ РУССКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ МИССИИ В ПАРИЖЕ.....	301
Глава шестнадцатая. В ИЗГНАНИИ.....	321
Глава семнадцатая. ВРАГИ И ЗАВИСТНИКИ.....	328
ДОКУМЕНТЫ СИССОНА.....	338
Глава восемнадцатая. ФРАНЦУЗСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА О СВЯЗЯХ П. ИГНАТЬЕВА	350
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	382
ПРИМЕЧАНИЯ	386

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Авдеев Валерий Александрович

Карпов Владимир Николаевич

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В ПАРИЖЕ

**Граф Игнатъев против немецкой разведки
в 1915—1917 гг.**

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Н.Ф. Алешина*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 03.12.2008. Формат 84 × 108 1/32.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 9419.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (499) 188-88-02, (499) 188-16-50.
Тел./факс: (499)188-89-59, (499) 188-00-73.
Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 188-66-03

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Оборона, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (831 2) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»

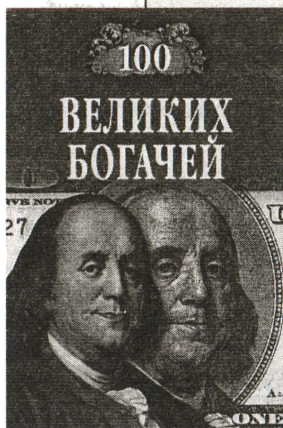
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

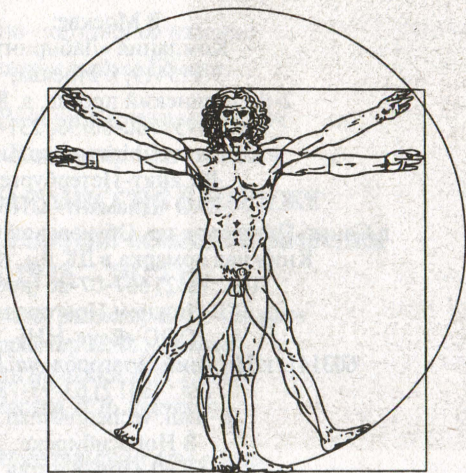

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном исполнении в серии

Золотая коллекция

«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

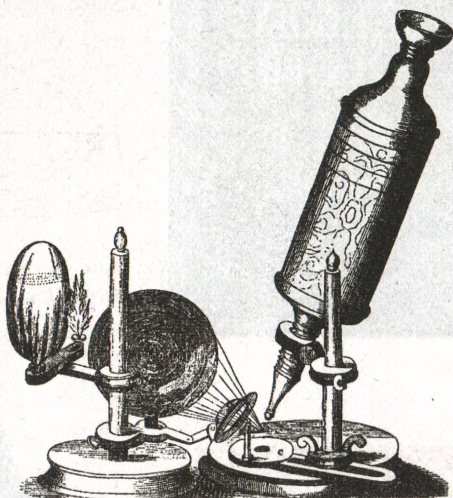
ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ...

СЕРИЯ КНИГ

ВЕЛИКИЕ

ТАЙНЫ

- Полные загадок судьбы известных исторических лиц
- Загадки древних цивилизаций и народов
- Оригинальное оформление
- Множество иллюстраций и рисунков
- Более 70 томов в серии

В КАЖДОМ ГОРОДЕ —
СВОЯ ЗАГАДКА

СЕРИЯ КНИГ

ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТЫХ ГОРОДОВ

- Легенды и реальные истории, предания и современные хроники Москвы, Петербурга, Рима, Каира, Лондона, Парижа, Берлина, Стамбула...
- Тайны древних городов и современных столиц.

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В ПАРИЖЕ

Основанная на многочисленных архивных материалах, книга рассказывает о необыкновенной судьбе выдающегося русского разведчика — полковника Генерального штаба графа Павла Алексеевича Игнатьева. В конце 1915 года он был направлен лично императором Николаем II в Париж на помощь к брату, российскому военному атташе, тогда полковнику, а затем генерал-майору Алексею Алексеевичу Игнатьеву. Перед ним стояла задача наладить обмен информацией с разведывательными службами других стран Антанты и создать агентурную сеть русской военной разведки в Германии и Австро-Венгрии. Павел Игнатьев блестяще справился с поставленной задачей — разведывательная сеть была создана, собрано много важной секретной информации, и главное, русская военная разведка выстояла в тяжелой борьбе с немецким и австрийским асами шпионажа Вальтером Николаи и Максимилианом Ронге.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-3567-6

9 785953 335676

